

NARTAMONGÆ

The Journal of Alano-Ossetic Studies:
Epic, Mythology, Language, History

Vol. XIX

2024

**ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
«ЦЕНТР СКИФО-АЛАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

INSTITUT NATIONAL DES LANGUES ET CIVILISATIONS ORIENTALES
CENTRE D'ÉTUDES RUSSES ET EURASIENNES

NARTAMONGÆ

Журнал

Алано-Осетинских Исследований:

Эпос, Мифология, Язык, История

Allon-Iron

Irtasænty Zurnal:

Epos, Mifologi, Ævzæg, Istori

2024

Vol. XIX

Dzæwdžyqæw/Vladikavkaz – Paris

VLADIKAVKAZ SCIENTIFIC CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

RESEARCH DEPARTMENT
«CENTER FOR SCYTHO-ALANIC STUDIES»

INSTITUT NATIONAL DES LANGUES ET CIVILISATIONS ORIENTALES
CENTRE D'ÉTUDES RUSSES ET EURASIENNES

NARTAMONGÆ

Revue
d'Études Alano-Ossétiques:
Epopée, Mythologie, Langage, Histoire

The Journal
of Alano-Ossetic Studies:
Epic, Mythology, Language, History

2024

Vol. XIX

Paris – Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw

Научно-исследовательский отдел «Центр скифо-аланских исследований» — академическое учреждение, занимающееся научным изучением культуры, истории и языков древних иранских кочевников Евразии. Научно-исследовательский отдел «Центр скифо-аланских исследований» — филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук.

Периодический журнал Научно-исследовательского отдела «Центр скифо-аланских исследований» NARTAMONGÆ издается один раз в год в сотрудничестве с Центром русских и европейских исследований Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO), Париж.

Страница в Интернете:

<https://vncran.ru/ru/scientific-activity/publication/nartamongae/>

Для получения дополнительной информации о приобретении номера журнала или по любым другим вопросам, обращайтесь: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, 363110, РСО-Алания, Пригородный район, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1, Научно-исследовательский отдел «Центр скифо-аланских исследований»
Email: chibiroff@mail.ru, nartamonga@gmail.com

Research Department "Center for Scytho-Alanic Studies" is an academic institution devoted to the scholarly study of Culture, History and Languages of the Ancient Iranian Nomads of Eurasia. Research Department "Center for Scytho-Alanic Studies" is a branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Research Department "Center for Scytho-Alanic Studies" Periodical NARTAMONGÆ is published once a year in collaboration with the Centre's d'études russes et eurasiennes of the Institut National des Langues et Civilisations Orientales (INALCO), Paris.

Web page:

<https://vncran.ru/ru/scientific-activity/publication/nartamongae/>

For further information on how to get a journal issue or for any other questions, please contact: RUSSIAN FEDERATION, 363110, North Ossetia-Alania, Prigorodny district, Mikhailovskoye village, Williams st., 1. Research Department "Center for Scytho-Alanic Studies".
Email: chibiroff@mail.ru, nartamonga@gmail.com

© Центр скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН, оформление, макет, 2024

На обложке: Художественное изображение серебряной чаши «Братины» с позолотой из скифского царского кургана «Гайманова могила» (IV в. до н. э.). Автор — Баллаева-Кодзаева М. Ф.

Cover: A depiction of the silver gilt cup "Bratiny" (grace cup) from the Scythian royal tumulus "Gaimanova Mogyla" (4th century BC). Drawn by M. F. Ballaeva-Kodzaeva

Couverture: Une image de la coupe en argent avec dorure "Bratiny" du tumulus scythien "Gaimanova Mogyla" (IVe siècle av. J.-C.). Peinte par M. F. Ballaeva-Kodzaeva

NARTAMONGÆ

The Journal of Alano-Ossetic Studies:
Epic, Mythology, Language, History

Главный редактор – Rédacteur en chef (General Editor):

Alexey CHIBIROV

(Vladikavkaz Scientific Center of RAS, Vladikavkaz, Russia)

Редакторы – Rédacteurs (Editors):

Agustí ALEMANY (Universitat Autònoma de Barcelona, Barcelona, Spain)

Yuri DZITSTSOITY (South Ossetian State University, Tskhinval,
Republic of South Ossetia; Center for Scytho-Alanic Studies,
Vladikavkaz, Russia)

*Международный научный совет –
Conseil Scientifique International (International Scientific Board)*

Joël GRISWARD (l'Université de Tours, Tours, France)

Rüdiger SCHMITT (University of Saarland, Saarbrücken, Germany)

Françoise BADER (École Pratique des Hautes Études, Paris, France)

Askold IVANTCHIK (Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Nikolas KAZANSKY (Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia)

Vladimir NAPOLSKIKH (Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia)

Jean KELLENS (Collège de France, Paris, France)

Alain CHRISTOL (Université Paris IV-Sorbonne, Paris, France)

Alexander LUBOTSKY (Leiden University, Leiden, the Netherlands)

Habib BORJIAN (Rutgers: The State University of New Jersey, USA)

Antonio PANAINO (Università degli studi di Bologna, Bologna, Italy)

Paolo OGNIBENE (Università degli studi di Bologna, Bologna, Italy)

Adriano ROSSI (ISMEO, Rome, Italy)

Tamerlan SALBIEV (Center for Scytho-Alanic Studies, Vladikavkaz, Russia)

Mousa ABDOLLAHI (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran)

Garnik ASATRIAN (Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia)

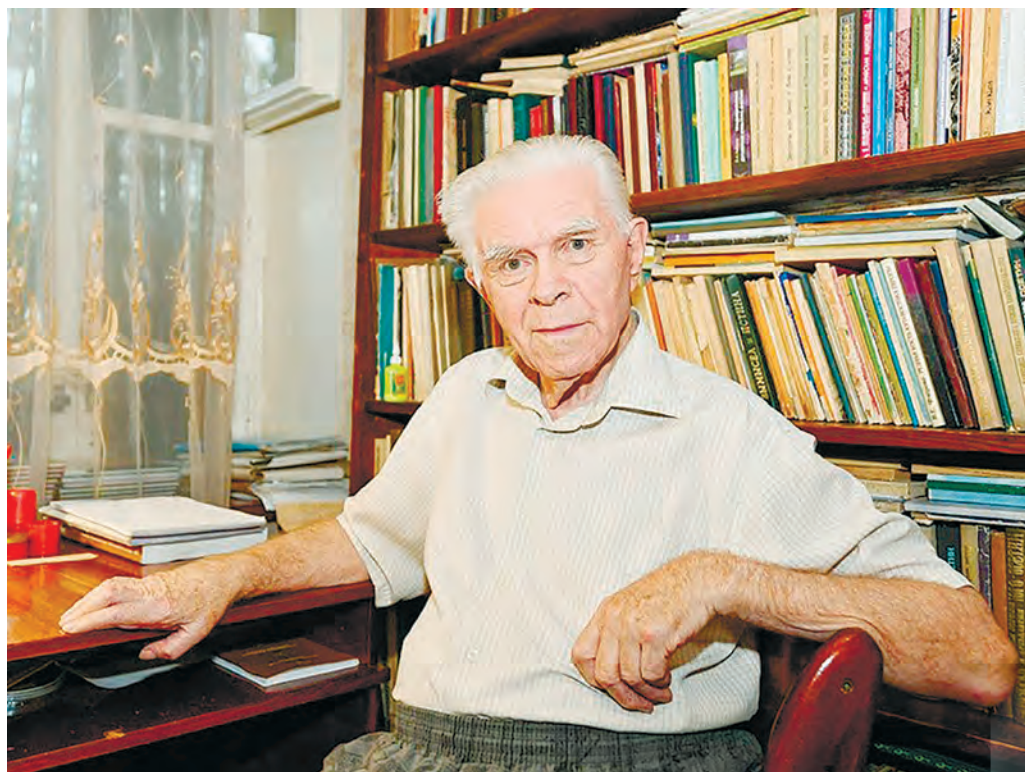
Alan TUALLAGOV (IHSS VSC RAS, Vladikavkaz, Russia)

Géza SZABÓ (Wosinsky Mór Museum, Szekszárd, Hungary)

Vladimir KUZNETSOV (Center for Scytho-Alanic Studies, Vladikavkaz, Russia)

Ответственный редактор – Rédacteur exécutif (Executive Editor)

Boris MYSYKKATY (Malaga, Spain)

Владимир Александрович Кузнецов
(1927–2024)

CONTENTS СОДЕРЖАНИЕ SOMMAIRE

<i>А. А. ЧИБИРОВ. Археолог.....</i>	<i>7</i>
<i>В. А. Кузнецов. Мои пути в науке. Авторский очерк.....</i>	<i>12</i>
<i>В. А. Кузнецов. Ретроспектива Донской Алании в свете сведений венецианца Иосафата Барбаро. Краткий исторический очерк.....</i>	<i>31</i>
<i>Приложение. Б. Мысыккаты. Сведения Иосафата Барбаро об Алании и аланах.....</i>	<i>56</i>
<i>А. А. ТУАЛЛАГОВ. Знамена алан.....</i>	<i>76</i>
<i>С. А. ЯЦЕНКО. Несколько осетинских объектов с тамгами.....</i>	<i>142</i>
<i>Б. МЫСЫККАТЫ. Хатиагский язык: криптолект воинов осетинской Нартиады.....</i>	<i>173</i>
<i>Habib BORJLAN. Distinctive features of the Tajik Dialect of Kulāb.....</i>	<i>193</i>
<i>Ю. А. ДЗИЦЦОЙТЫ. Топонимические заметки.....</i>	<i>213</i>
<i>Г. С. АСАТЯН, А. А. БЕТРОЗОВ. Арменизмы в осетинском.....</i>	<i>247</i>
<i>Т. К. САЛБИЕВ. Alano-Armenica: Мученичество Сукиасянцев.....</i>	<i>258</i>
<i>З. А. ДЖИОЕВА. Образ лабиринта в осетинской религиозно- мифологической традиции.....</i>	<i>271</i>

PROJECTS OF NARTAMONGÆ. ПРОЕКТЫ НАРТАМОНГÆ

<i>А. А. БЕТРОЗОВ, Я. Я. ХЕТАГУРОВ. Наш язык и наш эпос — это наша история.....</i>	<i>285</i>
---	------------

OBITUARY. НЕКРОЛОГ

<i>Т. К. САЛБИЕВ. Последнее рукопожатие: памяти Александра Юрьевича Скакова.....</i>	<i>290</i>
--	------------

DOI: 10.46698/VNC.2024.96.40.001

Алексей Людвигович Чибиров

кандидат исторических наук,
директор ВНЦ РАН (363110, РСО-Алания,
с. Михайловское, улица Вильямса, 1)
E-mail: chibiroff@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5821-8246>

АРХЕОЛОГ*(памяти В. А. Кузнецова)*

Аннотация. Статья является анонсом последней работы видного российского ученого-археолога В. А. Кузнецова, скончавшегося в 2024 г. Статья под названием «Ретроспектива Донской Алании в свете сведений венецианца Иосафата Барбаро. Краткий исторический очерк» была представлена им в редакцию журнала «Нартамонгæ» незадолго до его кончины. Уже в ходе работы над рукописью ответственный редактор журнала Борис Мысыккаты обработал ее, дополнив приложением, которое существенно обогатило текст В. А. Кузнецова. Помимо этого, в статье представлен автобиографический очерк ученого, написанный им незадолго до смерти, который также будет интересен всем исследователям научного наследия В. А. Кузнецова.

Ключевые слова: Кузнецов, Иосафат Барбаро, Алания, археология

Для цитирования: Чибиров А. Л. Археолог (памяти В. А. Кузнецова). NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. С. 7–75.

Рукопись поступила в редакцию 20.11.2024

Рукопись принята к печати 10.12.2024

Alexey Lyudvigovich Chibirov

PhD, Director of VSC RAS
(363110, Republic of North Ossetia-Alania,
village Mikhailovskoye, Williams Street, 1)
E-mail: chibiroff@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5821-8246>

THE ARCHAEOLOGIST*(in memory of V. A. Kuznetsov)*

Abstract. The article is an announcement of the last work of the prominent Russian scientist and archaeologist V.A. Kuznetsov, who died in 2024. The article entitled “A Retrospective

of Don Alania in Light of Information from the Venetian Josaphat Barbaro. A Brief Historical Essay” was submitted by him to the editorial board of the journal “Nartamongæ” shortly before his death. Already during the work on the manuscript, the editor-in-chief of the journal Boris Mysykkaty processed it, supplementing it with an appendix, which significantly enriched the text of V.A. Kuznetsov. In addition, the article presents an autobiographical essay of the scientist, written by him shortly before his death, which will also be of interest to all researchers of the scientific heritage of V.A. Kuznetsov.

Keywords: Kuznetsov, Josaphat Barbaro, Alania, archeology

For citation: Chibirov A. L. Archaeologist (in memory of V. A. Kuznetsov). NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX . P. 7–75

Received on 20.11.2024

Accepted on 10.12.2024

Согласно сложившейся традиции последних семи лет каждый выпуск журнала Нартамонгæ посвящается тому или иному ученому, внесшему вклад в исследование всех аспектов иранистики, начиная от истории, археологии, и заканчивая языкознанием и мифологией. Как правило, поводом для этого служит юбилейная дата. Но порой традиция начинается с печального повода. Так, первый том обновленного выпуска Нартамонгæ, изданного в 2017 г. мы посвятили памяти первого главного соредактора издания, известного французского слависта Франсуа Корнийо (1938–2011). Статья его коллеги, литературоведа, профессора Парижского университета г-на Рене Герра [Герра, 2017: 7–16], стала событием, существенно повлиявшим на дальнейшую деятельность Нартамонгæ — после долгого перерыва перспективы журнала, представленного в обновленном формате, вновь стали понятны и привлекательны для российских и зарубежных авторов. Два года назад, в 2022 г. мне пришлось писать мемориальную статью уже в память скончавшегося видного ученого-алановеда, члена Международного научного совета журнала Нартамонгæ, профессора Ю. С. Гаглойти [Чибиров, 2022: 7–9]. Здесь же была опубликована его последняя работа для журнала «Скифская Чаша Героев, нартская Уацамонгæ-Нартамонгæ и осетинский Нуазæн» [Гаглойти, 2022:10–24]. К сожалению, и на этот раз мы вынуждены вносить печальную корректировку в том...

5 мая 2024 г. на девяносто седьмом году жизни не стало нашего старшего товарища, коллеги, члена Международного научного совета журнала Нартамонгæ, доктора исторических наук Владимира Александровича Кузнецова (1927–2024), видного советского-российского ученого-археолога, посвятившего всю свою жизнь изучению средневековой истории Северного Кавказа, в частности истории аланов. Масштаб любой потери, как правило, невозможно осознать сразу. Осознание приходит позже, когда

В. А. Кузнецов

Мои пути в науке. Авторский очерк

Парадоксальность ситуации, обозначенной в заглавии этой статьи, состоит в необходимости анализировать и ясно, без амбициозного самолюбования и каких-то претензий, было выполнено мной самим. Наверное, это не так-то просто — признавать публично свои недостатки (а кого их нет?), но без подобного философского осмысления и самоанализа трудно достичь главной — реализации формирования утешно-гуманитария как активного соучастника формирования нового человека XXI и последующих веков, вооруженного иной идеологией и иной системой жизненных ценностей, то господствовали в мире тысячи лет. Профессиональный историк обязан быть гуманитарием и прежде всего задаться о человеке и его культуре не только материальной (экономика), но и духовной (социальная справедливость и толерантность экономически и социально гармоничное, процветающее общество может создать только человек новой формации). Историк — профессионал, зная о своем опыте и преимущественной мировой истории, изживших в ней факты непрерывных войн, насилия, алчности, безверия и существования до наших дней средневекового принципа "сила рождает право, а господином является меч" (совр. ракетно-ядерное оружие), историк в такой ситуации должен быть в рядах тех, кто способен влиять на общественные сознание, психологию цивилизационную и этносоциологию, психологию и культуру отдельного человека — кто формирует интеллектуальную элиту общества, ответственную за историческую судьбу своего народа и государства.

Запомню ли я, проживший около 100 лет и записавшийся именно профессиональный историк-археолог, это признание, несмотря на ошибки и заблуждения, верны ли мои представления, полезен ли мой труд и опыт и мониторинг отношений не только к державам но к небольшим этносам и их истории и культуре? Это для меня — главный итог жизни. Мой опыт может быть полезен.

возникает потребность в общении, совете, мудрости. Затем наступает этап принятия и смирения. Понимание того, что единственное, что нам остается — это сохранение памяти, подведение итогов совместного сотрудничества. Краткого, так как наиболее плодотворно мы общались с Владимиром Александровичем последние семь лет его жизни. Тогда, в 2017 г., я показал ему только вышедший том журнала, и пригласил его в научный совет Нартамонгæ. Он оценил, моментально откликнулся, и практически сразу же активно вписался в деятельность издания. Первый материал, который вышел за авторством В. А. Кузнецова в томе за 2019 г., назывался «Нижний Архыз в Нью Йорке» — полудетективная история о том, как удивительные артефакты Нижне-Архызского аланского городища (X–XII вв.) в девяностых годах прошлого столетия оказались в Нью-Йоркском музее Метрополитен. Артефакты представляли собой образцы текстиля и элементы одежды средневековых аланов — реликвии, ценность которых для науки за блеском древних золотых изделий удастся разглядеть не каждому [Кузнецов, 2019:117–134]. Затем были такие его работы, как «Заметки к истории христианства в Алании» [Кузнецов, 2020:266–290], «Нижний Архыз и Северный храм — кафедральный собор Аланской епархии» [Кузнецов, 2021:7–41] и «Волшебный клей «бурамаз» и миграция ранних алан на Центральное Предкавказье» [Кузнецов, 2022:290–296]. Каждая из его статей находила отклик у интересантов.

Научное наследие В. А. Кузнецова бесценно. Его статьи и монографии, написанные, в том числе в соавторстве с известным французским ученым Я. Лебединским, являются золотым фондом алановедения. При этом архив Владимира Александровича не описан и систематизирован: это работа, которая предстоит хранителям его наследия, его ученикам, последователям. В свою очередь я предложил внучке Владимира Александровича Дарье передать архив в СОИГСИ — одно из крупнейших хранилищ исторических документов на Северном Кавказе, где специалисты смогли бы провести соответствующую работу, на что получил положительный ответ. В любом случае решение остается за членами его семьи.

Почтить память мэтра на страницах Нартамонгæ мы решили следующим образом. Незадолго до кончины Владимира Александровича мы обсуждали с ним возможность публикации его статьи «Ретроспектива Донской Алании в свете сведений венецианца Иосафата Барбаро. Краткий исторический очерк». Черновик статьи, над которой В. А. Кузнецов хотел бы еще поработать, был у меня. Статья была не завершена — Владимир Александрович показал мне ее для согласования темы. Впоследствии состояние здоровья не позволило ему продолжить работу над материалом, и я предложил завершить ее нашему коллеге Б. Мысыккаты, после чего мы в

память об Археологе, посчитали необходимым опубликовать эту работу. Несомненной заслугой Б. Мысыккаты является то, что при работе над текстом он максимально сохранил стилистику автора, стараясь при этом не препарировать его радикально, так, чтобы почерк В. А. Кузнецова оставался узнаваемым. Более того, Б. Мысыккаты качественно дополнил ее, придав материалу завершённый вид. Приложение к статье В. А. Кузнецова за авторством Бориса «Сведения Иосафата Барбаро об Алании и аланах», несомненно, украсившее текст, также опубликовано в текущем томе.

Я намеренно не привожу здесь биографические данные В. А. Кузнецова, основные вехи его жизни, так как он это сделал сам, без моего участия. Так, небезынтересным для исследователей творческого пути В. А. Кузнецова, его становления как ученого-археолога, мне показался материал, представленный редакции журнала *Нартамонгæ* Дарьей, в котором Владимир Александрович рассказывает о себе. Вся жизнь ученого уместилась в двух десятках страниц «профессорского» почерка В. А. Кузнецова. В этом небольшом очерке Археолог раскрывается перед нами с обратной стороны, рассказывая о себе, представ при этом пред глазами в обстановке, которая сохранилась в памяти со времен нашей последней встречи: кабинет в небольшой квартире, книги которые не умещаются в шкафах на всю стену, маленький письменный стол, лампа, и Археолог в кресле, склонивший чуть набок голову, рассказывает о своей последней научной идее: истории армянского просветителя, историка и философа VII в. Анания Ширакаци, который по его гипотезе происходил из сираков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ренэ Герра. Франсуа Корнийо — знаковая фигура французской славистики / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2017. Vol. XII, № 1, 2. С. 7–16.
2. Чибиров А. Л. Недописанный абзац. Памяти Ю. С. Гаглойты / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2022. Vol. XVII, № 1, 2. С. 7–9.
3. Гаглойты Ю. С. Скифская Чаша героев, нартская Уацамонгæ — Нартамонгæ и осетинский нуазæн / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2022. Vol. XVII, № 1, 2. С. 10–24.
4. Кузнецов В. А. Нижний Архыз в Нью-Йорке / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2019. Vol. XIV, № 1, 2. С. 117–134.
5. Кузнецов В. А. Заметки к истории христианства в Алании / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2020. Vol. XV, № 1, 2. С. 266–290.
6. Кузнецов В. А. Нижний Архыз и Северный храм — кафедральный собор Аланской епархии / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2021. Vol. XVI, № 1, 2. С. 7–41.
7. Кузнецов В. А. Волшебный клей «бурамаз» и миграция ранних алан на Центральное Предкавказье / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2022. Vol. XVII, № 1, 2. С. 290–296.

МОИ ПУТИ В НАУКЕ. АВТОРСКИЙ ОЧЕРК

Парадоксальность ситуации, обозначенной в заглавии этой статьи, состоит в необходимости анализировать и честно, без амбициозного самолюбования и каких-то претензий, было выполнено мной самим. Наверное это не так просто — признавать публично свои недостатки (а у кого их нет?), но без подобного философского осмысления и самоанализа трудно достичь главного — реализации формирования учёного-гуманитария как активного соучастника формирования нового человека XXI и последующих веков, вооружённого иной идеологией, иной системой жизненных ценностей, что господствовали в мире тысячи лет. Профессиональный историк обязан быть гуманитарием и, прежде всего, заботиться о человеке и его культуре не только материальной (экономика), но и духовной (социальная справедливости толерантность).

Экономически и социально-гармоничное, процветающее общество может создать только человек новой формации, которую мы пока лишь ожидаем, но необходимость осознаём. Историк-профессионал, знакомый с огромным опытом предшествующей мировой истории, царивших в ней фактически непрерывных войн, насилия, алчности, безверия и существования до наших дней средневекового принципа «сила родит право, а господином является меч» (современное ракетно-ядерное оружие). Историк в такой ситуации должен быть в рядах тех, кто способен влиять на общественное сознание, психологию цивилизационную и этнопсихологию, психологию и культуру отдельно взятого человека. Кто формирует интеллектуальную элиту общества, ответственную за историческую судьбу своего народа, государства.

Заслуживаю ли я, проживший около 100 лет и занимавшийся именно профессией историка-археолога, этого признания, несмотря на ошибки и заблуждения? Верны ли мои представления? Полезен ли мой труд и опыт гуманитарного отношения не только к державам, но и к небольшим этносам и их истории и культуре? Это для меня главный итог жизни. Мой опыт может быть полезен.

Гены предков

Самосознание побуждает меня считать себя глубоко кавказским человеком на уровне наследственной генетики, хотя она скрыта и её влияние

спонтанно и неуволимо. К сожалению, я слишком плохо знаю свою генеалогию, возможны только отдельные факты, достаточно достоверные. Начну с главного (вероятно). В середине XIX века в одном из полков русской армии, вероятно стоявшей в Грузии, служил полковой священник Иван Иванович Незлобинский. От его брака с грузинкой, имени которой мы не знаем, в 1847 году родился сын Антон Иванович Незлобинский. Последний в 1874 году окончил горный институт в Петербурге со специализацией по гидрогеологии. По окончании института 18 лет работал в Пятигорске, работал на всех курортах КМВ и внёс большой вклад в освоение минеральных источников края. Титулярный советник, депутат городской думы Пятигорска имел печатные работы о минеральных источниках КМВ. Умер 24 мая 1899 года в городе Екатеринослав (Днепропетровск). Его сын, Николай Антонович Незлобинский, окончил военно-медицинскую академию в Петербурге и служил судовым врачом на одном из кораблей черноморского флота. В 1918 году из Севастополя ушёл в эмиграцию и жил в Македонии в городе Струг. Врач, почётный гражданин города Струг и основатель музея в этом городе. Умер там же в 1942 году.

А. И. Незлобинский приходится мне по материнской линии прадедом, а Николай Антонович Незлобинский — дядя. Я считаю именно этих моих предков, с их тяготением к исследовательской деятельности, носителями этой генетики, влияние которой так повезло мне испытать и которое мною часто и загадочно ощущалось. Мои предки по материнской линии были типичными для XIX века русскими разночинцами невысокого происхождения, но способными дать своим детям хорошее образование и выявить свои интересы и таланты. Я осознаю эти свои корни, но это сфера психологии недоступная автору этих строк.

Проблема выбора

В апреле 1947 года я был демобилизован и приехал в родные Минводы, где не был 3 года. Городишко не изменился. Везде грязно и неряшливо, следы войны, улицы заплёваны кожей семечек подсолнуха, которые минводские бабки, имевшие огороды, использовали для своего бизнеса. Но это неважно!

Я, двадцатилетний солдат победоносной армии, был полон сил и надежд. Поселился у матери в маленькой комнате на втором этаже. Она меня пристроила, как тогда говорили по блату, в военкомат (военком майор Тиунов был соседом и другом отца, пропавшего без вести осенью 1942 года). Я прошёл проверку КГБ, получил допуск к секретной и совершенно секретной документации и назначен заведующим секретной

частью военкомата. Там проработал 2 года с большой пользой для себя, о чём не жалею.

Польза этих лет (1947–1949) состояла для меня в том, что надо было решать важнейшую проблему — чего я хочу? Я понимал ответственность своих поисков и ограниченность возможностей, особенно материальных. Ещё младшим школьником я увлекался чтением о путешествиях, приключениях, научной фантастикой, историей, географией, популярной астрономией, но особенно историей, живописью и сам много рисовал. Искусство и музыка классических композиторов, итальянский вокал бельканто очаровывал меня, но в условиях КМВ такие специализации были нереальны, и я решил посвятить себя истории культуры в широком плане, а там будет видно. Это было возможно лишь в стенах пятигорского государственного пединститута, в нём был исторический факультет.

Это было мне доступно. Я сдал экстерном три экзамена за десятый класс и получил удостоверение, дающее право поступления в вузы. Это было обдуманное решение, единственно верное для меня в той ситуации, и я его осуществил. Я был принят и проучился на факультете 5 лет (1949–1954). Это были чудесные годы обретения самого себя и это поучительно.

Я студент

Я не смог стать художником, хотя желание было. Чувствовал, что мастером быть не тяну, а подмастерьем-ремесленником не хочу. Меня тянуло и увлекало овладение знаниями, и я набросился на учебную литературу и пособия. Сначала открытием стало происхождение человека и каменный век — палеолит. На летних каникулах 1953 года в ущелье реки Большой Зеленчук была объявлена студенческая археологическая экспедиция ПГПИ под руководством доцента П. Г. Акритаса.

Я был любознателен и записался в экспедицию, об археологии наслышан. Так я летом 1953 года очутился на Нижне-Архызском городище, сейчас очень известном.

Нижне-Архызское городище

В моей научной жизни — это ключевой памятник. Тянется по правому берегу реки на расстоянии до 3,5 км и представляет руины сплошь каменных построек: наиболее плотно, с обозначением трёх улиц, переулков, тупиков, застроена часть территории между посёлком обсерватории Букова и зданиями мужского монастыря конца XIX века. Через 800 м ниже по течению реки ещё один участок застройки, но небольшой. Хорошо видны

древние дороги, оборонительные стены. Но славу руинам городища принесли три христианских купольных храма, в литературе получивших название Зеленчукских.

Их наличие позволило академику В. Ф. Миллеру отождествить городище с центром Аланской епархии Константинопольской патриархии, что и общепризнано в наше время. Это X–XII век и явно греко-византийское влияние на архитектуру храмов, что и привлекло Акритаса (греч. пограничник).

На фоне живописной природы, чистого воздуха, воды, ласкового солнца вся эта тысячелетняя забытая старина производила сильное впечатление. Возникает множество вопросов — кто были эти люди? Куда они делись и почему город превратился в руины, а храмы стоят и т. д. Соприкосновение с реальной, живой древностью захватило и не отпустило. П. Г. Акритас сказал, что здесь жил народ аланы, союзники Византии и что они были разгромлены в XIII веке татаро-монголами. И никто толком об этом ничего не знает. Интересно! Яркий памятник увлёк меня. Оказалось, что средневековые аланы — это народ осетины и сейчас обитающие на севере Кавказа, а я ничего о них не знал. Нижний Архыз властно позвал к себе, и я без колебаний принял вызов, тем более что в соседнем ущелье Кыфара мы посетили ещё одно аланское городище со средневековыми дольменами на некрополе. Опять загадки, вопросы без ответов. А ведь речь идёт об источниках по истории народов Кавказа, братских народов.

Так в 1953 году я решил пробиваться в археологии Кавказа, точнее в культуру раннего средневековья. Стимул к этому я получил в Нижнем Архызе и оснований для сожалений у меня нет. Напротив, есть основания считать себя везучим — 20 лет разрабатывал один объект принципиальной важности. Это проблема урбанизации и она всегда и всегда одинакова. Надо было раскрыть её локальные особенности в условиях географического положения верхнекубанской группы алан, а это связи с византийской империей — вторым Римом и центром христианского мира и православия. Этот огромный материал необходимо знать, включая ближайшую соседнюю Абхазию.

Нижне-Архызское городище открыто не мной. Оно известно давно, со времён Струкова и Миллера. Но тогда возможности археологии как науки только зарождались. Не было археологов-профессионалов, организации и финансирования. Поэтому важный памятник не изучался. Сейчас, когда существуют материалы из моих раскопок, инструментальная и аэрофотосъёмка, архитектурные обмеры храмов, раскопанные захоронения, надписи и т. д., мы вправе делать первые выводы, обобщения и реконструкции, изложенные в многих статьях, докладах, газетных информациях, двух

крупных монографиях: «Нижний Архыз в XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа». Ставрополь, 1993 и «Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках». Пятигорск: Снег, 2017. Кроме того, в историко-архитектурном аспекте купольные храмы нижнего Архыза подробно рассмотрены в моей монографии «Зодчество феодальной Алании». Орджоникидзе: Ир, 1977. На все названные монографии опубликованы научные и газетные отзывы положительного характера. Выводы о восточно-византийском происхождении крестово-купольной архитектуры Нижне-Архызских храмов и влияние абхазской школы храмового зодчества, поддержаны специалистами (А. Ф. Гольдштейн, Л. А. Перфильева, А. Л. Якобсон, К. А. Афанасьев, Д. К. Чачхалиа).

Работа с храмами потребовала от меня дополнительных усилий. Они не сделали меня историком христианской архитектуры, но позволили грамотно ставить проблему, чтобы привлечь к ней внимание. Было трудно, да и сейчас непонятно, как аланские храмы нынешнего Карачая, древнейшие христианские церкви X века на всей территории РФ совершенно безразличны не только для местных властей, но и для Федерального Министерства культуры, с его законами об охране памятников истории и культуры, даже для Русской православной церкви. Напомню, что в Западной Европе и на Руси нет, пожалуй, ни одного древнего храма, не отремонтированного хотя бы однажды, а северный храм Нижнего Архыза был единственный девственный храм начала X века, не испорченный ремонтёрами. Это был уникальный и живой X век, но его уже нет. Северный храм - кафедрал аланской епархии - недавно был отремонтирован отделом культуры, коммунхозом станции Зеленчукская. Памятник испорчен. Сравните с недавним пожаром Нотр-Дам XII века в Париже. Наш президент предложил Франции помощь в восстановлении собора Парижской Богоматери. Вот почему я в своей монографии о Нижнем Архызе предложил долину эту назвать Святой, а в ней восстановить мужской монастырь, поручив ему вопросы охраны и сохранения христианских святынь от разграбления.

Проблема истории христианства на северном Кавказе

Естественно, что всё это обязывало меня к знанию истории христианства на севере Кавказа и, в частности, в стране алан. Эти события на основе анализа письменных источников в конце XIX века были прекрасно освещены в работе Ю. А. Кулаковского «Христианство у алан», что и облегчило мою работу. Соединение археологического материала с датированными документами византийского происхождения, особенно патриарха Николая Мистика в первой половине X в., сведения о месте аланской епархии рядом

с Русью указали на то значение, какое аланы имели в глазах византийской администрации. Нижний Архыз заставил меня сделать это. В результате появились монографии «Христианство на северном Кавказе до XV века». РПЦ отметила эту книгу золотой медалью Макарьевского фонда. Я, конечно, благодарен нашей церкви за такое внимание к труду советского историка, но огромные заслуги православной церкви в годы многочисленных войн, кризисов, неурожаев и эпидемий, духовная опора и вера народа - огромная сила цементирующего самосознания нас как нации. Для народов Северного Кавказа данные сюжеты малоизвестны, ибо они мусульмане. Только осетины в лице алан были приобщены к православию, но на уровне народной веры, скорее традиционной. Но и современные осетины не воцерковлены.

Так я, в конце концов, пришёл к современному народу Кавказа — осетинам. Работы прибавилось, но это меня не пугало. Было интересно.

Здесь я хочу коснуться социальной ответственности историка. Он, зная опыт прошлого, может быть учителем жизни, если он... У Пушкина в его замечательном «Пророке» есть такие строки: «И обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей». Мы не пророки, но знанием жизни духовной должны жечь сердца людей.

Выдающийся учёный гуманист Василий Абаев

После посещения Нижне-Архызского городища я решил навести справки о нём и узнал в библиотеке ПГПИ о книге Василия Ивановича Абаева «Осетинский язык и фольклор», 1949 г. Она была в библиотеке и мне дали её почитать. Книга очаровала меня как содержанием и глубиной авторской мысли, эрудицией, так и простотой, железной логикой, чёткостью и ясностью, чистым русским языком автора, хотя он происхождением осетин из горного аула Коби. Талантливость Абаева сказывалась в таком сокровенном свойстве его интеллекта, как историзм его восприятия и мышления, несмотря на то что он не историк, а языковед. Впоследствии я, зная В. И. Абаева уже много лет, не раз поражался обоснованности его интуитивных высказываний и оценок, складывавшиеся из общего понимания существующей ситуации и знания множества отдельных частных деталей, образующих в сознании учёного неожиданную яркую мозаику. Данные, очевидно относящиеся к психологии научного творчества и качества и именуемые по Г. Маслоу когнитивными и рецептивными способностями (дальние пределы человеческой психики), у В. И. Абаева были блестящими, и это приводило к открытиям. Примером такого открытия В. И. Абаева была его статья в «Советской археологии» в 1938 году об отражении сарма-

то-боспорских отношений в Нартских сказаниях осетин. В них неоднократно упоминается Чёрное море и владетель Керченского пролива. Отсюда ясно, что предки современных осетин могли быть только те сармато-аланы, которые плотно заселяли низовья рек Танаис (Дон) и Вардан (Кубань). А это сарматские племена сираков и аорсов, со II века нашей эры объединившихся под общим именем «аланы».

Выдающийся языковед-иранист и фольклорист Василий Иванович Абаев был не только для меня, но и для множества его учеников и друзей образцом, эталоном настоящего учёного-гуманитария, лишённого каких-либо материальных и карьерных амбиций, равно не склонный к созданию искусственно красивой и фальшивой, зато величавой истории своего народа или политического режима. В. И. Абаев мог в чем-то ошибаться, но это все равно была наука, научная дискуссия в рамках допустимых величин. В. И. Абаев — интеллектуальная вершина современного кавказоведения, иранистики, осетиноведения. Его версия двуприродного (субстрат + суперстрат = новый этнос) происхождения осетинского народа признана в академической отечественной и зарубежной науке, однако встречает молчаливое сопротивление в интеллигенции Осетии и на севере, и на юге. Дискуссий нет, есть простое умолчание. Думается это не достойно великого сына осетинского народа и даже парадоксально.

В. И. Абаев оказал на меня огромное влияние в выборе моего жизненного пути, как тесно связанного с обширной проблемой древнего иранства на юге России. От культуры боевых колесниц II тысячелетия до н. э. до этногенеза современного и своеобразного народа кавказских алано-осетин, что адекватно укладывается в версию В. И. Абаева о двуприродном характере гетерогенного формирования этого народа. Сказанное в наши дни подтверждается крупным палеогенетическим исследованием, осуществлённым генетиками России, Дании и Китая на массовом материале из раскопок сармато-аланских могильников. Современная этнология требует — один из этнодифференцирующих признаков (например, язык) в отдельности не является таковым, лишь их совокупность во главе с языком позволяет определить этнос. Это положение лишает научной основы формулу прямой гомогенной лестницы для этнической истории осетин «киммерийцы — скифы — савроматы — сарматы — аланы — асы — осетины». Это нечто иное. Осетины живые скифы, и это престижно и приятно, но дело гораздо сложнее, ибо химически чистых народов не бывает. (Абаев). Я твердо придерживаюсь концепции классика осетиноведения ибо эта концепция наиболее верна.

Вернусь к тому моменту, когда я осознал свою причастность к Нижне-Архызскому городищу с его храмами, как очень интересному

перспективному археологическому объекту. Ради него стоит рискнуть, и я решил это сделать. Получив свой диплом с отличием в июне 1954 года, я получил право на льготу — место работы выбрать по своему желанию. Я запросил себе направление быть учителем истории в детском доме № 3 им. Ленина в Нижнем Архызе, в зданиях бывшего мужского монастыря. Мне такое направление дали (а я последние 2 года был сталинским стипендиатом) в Зеленчукском районе Ставропольского края (карачаевцы ещё не вернулись из ссылки). Я прибыл в станицу Зеленчукскую, но в местной средней школе не было вакансии, и зав. РайОНО предложил мне место директора школы в селении Нижняя Ермоловка в 6 км севернее Нижнего Архыза. Я согласился. Здесь последует маленькое отклонение.

Школа в селении Нижняя Ермоловка

Село это было тогда небольшое, около 500 жителей кубанских казаков, оставшихся от бывлой Запорожской Сечи на Днепре, тем не менее имелся свой сельсовет, школы, сельмаг, клуб с кинофильмами, библиотека, весь советский культурный ассортимент при лидерстве обычной водки. Но мне было не до скуки, много работы, готовился поступать в аспирантуру по археологии и, признаться, началась личная жизнь. В мае 1955 года состоялась свадьба с юной красивой казачкой Марией Любченко, ставшей верной и умной моей спутницей жизни на 52 года. На мне была наука и бизнес, на ней — дети и быт. Жили мы дружно. После кончины Маши (в 72 года) я остался вдовцом. Как видите, даже подругу я нашёл в Архызе! Как теперь не верить в судьбу?

Е. И. Крупнов

В Москве я успешно сдал экзамены в аспирантуру Института археологии Академии наук СССР, чему я сам был удивлён: не взяли конкурсантов из МГУ, очевидно сработало то, что у меня уже были 2 опубликованные статьи.

Так я стал академическим учеником, а моим личным руководителем назначен ведущий археолог-кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов, специалист по раннему железу, железному веку и кубанской культуре. Он был зам. директора института, это, конечно, сыграло свою роль, ибо я сразу заявил свой интерес к алано-осетинской проблеме, а Евгений Игнатьевич был родом из Моздока. Ему были нужны помощники.

Я вселился в аспирантское общежитие в Новых Черёмушках в одну комнату с аспирантами из того же Института археологии — Владимиром

Марковиным из Махачкалы и Витасом Даугудисом из Вильнюса. По соседству с нами жил также Рауф Мунгасов (подобно Морковину и мне «крупновец»). Это были незабываемые годы настоящего дружеского и всеёлого интернационала, в общежитии было полно иностранцев из всех институтов Академии наук и, казалось, призыву к миру и дружбе между народами не пустой звук. Это реальность — общение и сотрудничество между научными школами, так необходимые человечеству для выживания, в наши дни увенчались шокирующим решением Правительства РФ о ликвидации, созданной в 1724 году структуры Академии наук Императором Петром I и замены её реформированной Российской Академией наук. Это вызвало протесты учёных, но ломать не строить, Академия наук СССР больше не существует. Приобщение к науке, интеллектуальный рост, обогащение знаниями буквально захватили моё сознание. Я оказался трудоголиком, работал по 12 часов в сутки. Учёный совет утвердил одобренную Е. И. Крупновым тему диссертации «О локальных вариантах аланской культуры Северного Кавказа». Её я и защитил 3 ноября 1961 года в Институте этнографии Академии наук СССР.

Основная идея работы вытекает из уже названной работы Василия Ивановича Абаева, содержащей концепцию о роли субстрата и суперстрата в ходе этногенеза народа. Утверждалось этноопределяющее значение катакомбного обряда погребения как аланского. Диссертация была издана как монография «Аланские племена Северного Кавказа» в серии «Археология СССР» в 1962 г.

С моим руководителем сложились очень хорошие отношения. Это был весьма знающий, доброжелательный и глубоко уважающий и почитающий народы Северного Кавказа человек. Особенно он благоволил к ингушам и чеченцам, постоянно напоминал, что именно вайнахи отстали в своём развитии больше других, поэтому он постоянно тяготел к Чечено-Ингушетии, и ежегодные экспедиции СКАЭ (Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР), как правило, он, как начальник, ориентировал в Чечено-Ингушетию. Но его итоговая монография «Древняя история Северного Кавказа», удостоенная в 1967 г. Ленинской премии, не удовлетворила многих, в том числе и меня: опубликованные рецензии были положительными, критики не было, поверхностность, теоретическая путаница. Книга посвящена знаменитой кобанской культуре раннего железного века, но не поставлены даже вопросы по бронзовой металлургии, об олове на Кавказе в кобанском прикладном искусстве и т. д. В этом умолчании можно увидеть влияние той партийной политики в идеологии дружбы народов СССР, о которой упоминалось выше, много молчаливых запретов, нежелания помешать хорошему человеку, а Евгений

Игнатьевич был честолобив. Я остаюсь верным самой доброй памяти, и это выразилось в организации мной мемориальных Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Я был 10 лет первым председателем постоянного оргкомитета Крупновских чтений, которые собирались в разных городах, а материалы издавались. Сейчас проведено 30 чтений, ставших популярными, и привлекающие даже иностранных учёных. Е. И. Крупнов хотел оставить меня на работе в Москве и по окончании срока аспирантуры в 1957 году, я был принят на работу в Институт археологии Академии наук СССР на должность младшего научного сотрудника сектора скифо-сарматской археологии (заведующий К. Ф. Смирнов), но вскоре был переведён в сектор славяно-русской археологии (заведующий Н. Н. Воронин, затем академик Б. А. Рыбаков).

Е. И. Крупнов скончался внезапно, хотя был сердечником со стажем. Инфаркт, нервы. Но, несмотря на недостатки и даже конъюнктурную зависимость его как учёного-представителя академической научной школы Евгений Игнатьевич остался в нашей памяти нашим учителем и старшим другом.

Институт археологии Академии Наук СССР

Я проработал ИА АН СССР 6 лет, ещё три года аспирантуры, всего 9 лет. Не могу не сказать хотя бы очень кратко о том коллективе, который там сложился и очень плодотворно трудился во благо Советской науки.

Коллектив небольшой, человек 150–200 на обслуживание громадной территории Советского Союза очень мало, но работали не случайные люди. Энтузиасты, делавшие своё дело родной старины без претензий и шума, воздвигая здание нашей науки без прикрас. Коллектив образованных, интеллигентных, благожелательных людей городской культуры. Было очень приятно находиться среди них учиться, учиться и учиться. С любовью вспоминаю не только В. И. Абаева, Е. И. Крупнова, Е. Г. Ковалевскую, М. П. Абрамову, М. Г. Мошкову, С. А. Плетневу, В. И. Марковина, Р. Мунгаева, А. К. Амброза, А. В. Гадло, А. Л. Якобсона, Г. К. Вагнера. Особо надо назвать директора института, академика, героя социалистического труда Б. А. Рыбакова типичного русского мужика, широкоплечего, мощного телосложения, увенчанного мясистым носом и басовитым голосом. Весь облик Бориса Александровича производил впечатление мощи, воли и глубокого ума и таланта. Это незаурядный человек — сразу видно. Я любил бывать на его докладах, было чему поучиться — настоящий академик и талант историка. Очень редкий человек. Среди милых моему сердцу сотрудников назову также этнографов Л. И. Лаврова, Н. Г. Волкова,

З. В. Доде, искусствовед Л. А. Перфильеву, историка А. Н. Малахова, «вождя сарматоведов» К. Ф. Смирнова, незабвенного профессора-экономиста Б.Б. Басаева и его друга этнографа, профессора Л. А. Чибирова. Всех не перечислить, их много. В 50–60 годы в ИА АН СССР работала группа историков, которых я называл «недобитыми дворянами»: А. Я. Брюсов (брат Валерия Брюсова), О. В. Милорадович, В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович и другие.

Можно без преувеличений утверждать, что в институте царила истинно академическая, творческая атмосфера открытого, честного созидания. И дискуссионность была регулятором качественного уровня нашей науки. При существовавшей тогда политизации и давлении коммунистической идеологии такое отношение к свободе мысли и научного суверенитета учёного археология была слишком далёкой, запутанной древностью, к тому же требовавшей знаний, а не трескучих компиляций.

Алано-осетинская проблема и Кавказ

Кавказ - как перешеек между морями Чёрным и Каспийским на стыке двух частей света, Европы и Азии и двух мировых конфессий — христианства и ислама, давно (со времён академика Н. П. Кондакова) рассматривается как громадная территория, входящая в историко-культурные понятия евразийства. Как считали отечественные евразийцы, специфика евразийства состояла в смешении европейских и азиатских культур и новаций, а благодаря А. Г. Маслоу мы знаем о возможностях когнитивных и перцептивных способностей человека, познающего мир. В этом психологическая природа той теории субстрата и суперстрата их миксации и смешения, о которой мы говорили в редакции В. И. Абаева. Понятие евразийства, разделяемое таким крупным русским археологом конца XIX в. — начала XX в., как академик М. И. Ростовцев, разделяется и мной в моих выступлениях по проблеме алано-осетинского этногенеза с его североиранским языком, впитавшем в себя язык субстрата. Отсюда абаевское понятие «двуприродность» (иранство — Кавказ), то есть, если иметь в виду этногенез осетин как наиболее яркий пример.

Так, уникальный пример небольшого кавказского народа в силу сложившихся благоприятных и неблагоприятных обстоятельств продемонстрировал нам ещё раз верность абаевской концепции сложного гетерогенного происхождения северокавказских народов. Естественно, таксономические показатели у них разные, однако есть среди равных этноопределяющая величина, которая указывает ведущую силу. Это, конечно, язык и самосознание в качестве суверенного объекта исторического процесса. Уникальность

же примера заключена в том, что звезда французского востоковедения Жорж Дюмезиль сказал, что устойчивость исторической памяти осетин поражает. Я думаю, что это так и есть. У меня свой удивительный пример: авары в осетинском нартском эпосе, это VI век! Моя статья об аварах напечатана в «Acta Orientalia» в Будапеште, но пока отклика не нашла. Ещё одна статья по материалам нартского эпоса написана мной после высказывания Г. Б. Романовой о волшебном клее «буримаз», которым нарты перед сражением обмазывали своих коней. Суть моей статьи в том, что клей «буримаз» (буквально «жёлтая мазь») это рыбий клей, употреблявшийся в производстве луков и столетиями бывший предметом экспорта для производств Боспорского царства и Хазарии в XIII–IX вв. Это абсолютно достоверный материал, либо сармато-аланско-боспорские, либо алано-хазарские отношения. Здесь каждый подобный факт ценен, ибо может говорить о том, что сармато-аланские предки осетин в древности жили на берегах Чёрного и Каспийского морей, поставлявших массу солёной и сушёной рыбы в Рим и Константинополь. А это международная торговля, экономика, культура античных обществ Рима и Византии, влиявших на варварские племена северного Кавказа. Об этом издана большая литература. Алано-осетины в ней занимают не последнее место. Крупнейшей группировкой была так называемая Донецкая группировка в нижнем и среднем течении реки Дон (аланы-тинаиты). Она в результате неудачной для сираков войны 49 г.н.э. отхлынула на менее заселённую плодородную предгорную равнину. Масса разноликого сарматского населения, заселившего всю территорию будущей Алании между долин рек большая Лаба, Фарс на западе и Сунжа на востоке. На этой очень большой территории, очевидно, политически и экономически доминировали ираноязычные ... субъязыковыми группами: дигорской в Западной Верхнекубанской Алании, иронской в Восточной, Верхнетерской Алании. Дуализм этноязыковой структуры, возможно, отражал дуализм политической структуры — на западе властвует военный вождь, на востоке правят архонты (князья). Прямые сведения об этом имеем у Константина Багрянородного в X в., в трудах современных исследователей Ф. Х. Гутнова, В. А. Кузнецова и Константина Цукермана (Париж, похоже компиляция, если не плагиат у Кузнецова). Проблема размещения алан-дигоров на западе и асов-осов на востоке Алании, как общего этнополитонима и открытие мной в 2017 г. архивных документов, найденных Н. Г. Волковой, с обозначением в Куртатинском ущелье селение Аллан или Алантыкау, близ большого села Даллакау, с указанием числа жителей и развалин двух башен приписываемых народной памятью первopоселенцам Куртатинского ущелья, братьям Куртату и Тага. Их селение лежало у подошвы скалы с башнями Курта и Тага вместе по имени

Уаласых. Оно давно заброшено. Название стёрлось. Но сам факт документален и даёт повод думать о не случайности народных преданий. А это материал по истории современных осетинских обществ по ущельям.

Время и условия расселения Алан в горах

Слабая археологическая изученность центральных районов Кавказа и ориентированность на описательность и уклон в вещеведение, господство письменных источников над всеми остальными и огромные пробелы в исследованиях полевых археологов — решительно преобладали раскопки древних погребений как более эффективные — всё это крайне негативно отражалась на исторических реконструкциях, а это основа для массового потребления любознательных читателей.

В осетиноведении давно утвердилось, что татаро-монгольское нашествие в тринадцатом веке разгромило алан, живших на плоскости, что было так и они укрылись от степняков в горных ущельях, что были недоступны. Так аланы и выжили, став гомогенным народом осетин. И это и есть их этногенез, что в зеркале археологии не так просто.

Данная концепция стала не только устаревшей, но и абсурдной в результате «внутреннего развития» скифского общества в I тыс. до н. э. и скифы, постепенно оседая в горах центрального Кавказа во время походов в Закавказье, трансформировались в осетин — это творческая схема историка из Цхинвала Ю. С. Гаглоиты. Ещё дальше пошёл другой учёный из Цхинвала, кобановед — доктор наук Б. В. Техов. Кобанская археологическая культура эпохи бронзы и раннего железа — блестящая культура аналогичная такой же высокой культуре Гальштата в европейских Альпах. На основании своих раскопок могильника кобанской культуры в высокогорном могильнике Б. В. Техов создал свою версию истории осетин. Оказалось, что, одним словом, этнический субстрат по Б. В. Техову также был ираноязычен. Сплошные осетины! Но откуда тогда взялись вайнахи?

Нам всем необходимо понять, что, во-первых, только языковая принадлежность ещё не даёт этноса. Это один из компонентов. Но есть второй компонент. По В. И. Абаеву — это кавказские аборигены из высокогорья, изоляты — это оторванные от внешнего мира как бы законсервированные и архаичные. Однако, если так, то ингуши и чеченцы — это, некогда единый и гомогенный древний народ, не распавшийся на две части и поэтому живой историко-этнографический музей под открытым небом. Это, возможно, была ранняя ферма такой потестарной общественной структуры, которая представляет собой уникальную ценность для мировой науки. Кем могли быть кобанцы по своему языку? Мы не знаем, но в одном из писем

ко мне на мой вопрос о двалах В. И. Абаев допустил, что протовайнахи могли быть нахоязычны и они есть двалы, занимающие высокогорье центрального Кавказа между дагестанским массивом на востоке и меото-адыгским массивом на западе северного Кавказа.

Глубоко архаичная топонимика нахских форм есть в ареале кобанской культуры наилучше представленной в Северной и Южной Осетии (Н. Г. Волкова, В. П. Кобычев, А. Дз. Цагаева). Но она не собрана и не интерпретирована, выводы преждевременны.

Таким образом, если наблюдение лингвистов и этнографов-кавказоведов будут на топонимическом материале подтверждены, к этому добавим и палеогенетическое исследование антропологического материала, начатое на международном уровне датских, российских (Г. Е. Афанасьев, Д. С. Коробов, В. Б. Ковалевская) и китайских лабораторий генетики человека. Получены первые результаты, свидетельствующие о роли этнического субстрата. Он может оказаться протонахским не противоречащим вайнахской версии. А это, будничным языком говоря, будет означать кровное родство алано-осетин с нахоязычным (и дагестаноязычным) этническим массивом. Будущее покажет. Напомню замечательные строки Николая Гумилёва:

*«Века всё смелют, дни пройдут,
Людская речь в один язык сольётся,
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнётся»*

Соединяющего в нас гораздо больше, чем разъединяющего. В этой истине наше общее благо. Вернёмся к проблеме расселения алано-осетин в горных ущельях центрального Кавказа. Эту часть территории осетин я назвал Уаллагир то есть Верхний Ир. Картографирование аланских катакомбных могильников I — начала II тысячелетия н. э. демонстрирует постоянное продвижение сармата-алан в горы. Предгорная равнина — географический её центр — «область Ардоз кавказских гор» «нового списка Армянской географии» VII в. этот сармато-аланский лимес, который был пространственной основой кавказской Алании. Равнина Ардоз была резервуаром для аланских мигрантов с севера-северо-востока с берегов Дона, Меотиды, из сарматизированного Боспорского царства и Пантикапея, нижней и средней Кубани. Причины этой миграции иранцев из Европейской Сарматии на Кавказ мы не знаем, лишь догадки, но плотность миграции такова что В. Б. Ковалевская писала даже о «демографическом взрыве» в кисловодской котловине с VI–VII вв. Высокая плотность аланского этноса во второй половине первого тысячелетия нашей эры в Предкавказье особых сомнений у нас не вызывает и, возможно, давление избыточного

населения на производительные силы было таким, что возникла необходимость расселения со сменой экономической модели и перестройкой основы хозяйства - от скотоводства в степях к земледелию и скотоводству в зоне предгорных равнин и к отгонному скотоводству в горах. А это вызвало движение наиболее активной части алан в ущелье с тяготением к перевальным путям на юг.

Есть иной вариант объяснения аланской миграции в горы. Он имеет в своей основе не экономические, а политические причины. Они уже изложены в моей книге «Древности Алагирского ущелья», 2016 г. Дело в том, что в период арабо-хазарских войн VIII–IX вв. перед правительством хазарского каганата возникла актуальнейшая проблема срочного укрепления южной границы Хазарии. В верховьях Кубани (Западная Алания) возводится в VII веке мощная Хумаринская крепость, а на Дону Саркел — Белая Вежа.

Арабские неоднократные вторжения VII века сделали своё дело — хазары вынуждены укреплять перевальные пути с севера (из восточной Алании) на юг, в нынешнюю южную Осетию. В верховьях р. Ардон сооружаются заградительные стены с башнями, при них находится алано-хазарская охрана — небольшие гарнизоны. Это были, конечно, не степняки-хазары, а их союзники аланы, хорошо знавшие горы. Путь в Грузию лежал по Алагирскому ущелью и основной поток мигрантов обозначается именно здесь. Он археологически представлен катакомбными могильниками алан с VI по VII–VIII вв. Их местонахождение на карте свидетельствует, что наиболее плотно они находятся в средней части Алагирского ущелья — район селений Нузал, Бурон, Садон, Дагом, Архон. А это, в свою очередь, приводит к умозаключению о том, что подобная топография не случайна. Концентрация катакомб (следовательно, аланских воинов-дружинников) говорит об усилении охраны Садонского серебро-цинкового месторождения, значит его раннесредневековых разработок. Это действительно так. На материале серебро-свинцового сырья Садона В. Б. Ковалевской разработана версия о массовом производстве стеклянных бус и бытования стеклоделательной мастерской с экспортом бус в Северное Причерноморье. Дагестанский источник в XII веке «Дербент-Наме» повествует о том, что доход от садонских бус поступал хазарскому хану, а также на жалование аланской охране.

Так изменяется картина аланской колонизации горных ущелий центрального Кавказа на 500–600 лет раньше, чем это представлялось прежде. Нашествие сармато-алан вглубь Картли-Грузии в III в. н. э. установлено грузинскими археологами на основании анализа имён в могильнике Мцхета. Думаю, это северокавказские наёмные дружинники. Это начало рассе-

ления алан на земли Картли, то есть появление алан, как отдельных вкраплений в этносферу Закавказья.

Относительно отношений алан Предкавказья с хазарами и союза их против арабов в VII веке ещё раз хотелось бы заметить, что аланы первыми принимали удар арабов на себя. Они, особенно восточные, безусловно несли тяжёлые потери и для Руси и других народов восточной Европы аланы Кавказа стали щитом, оградившим восточное славянство и народы северного Кавказа от поглощения мусульманским миром и его фанатизмом.. Я думаю, что в этом огромная заслуга древнего иранства перед Русью, что было очевидно 100 лет назад М. И. Ростовцеву, непризнанному эмигранту в советской историографии.

Змейский катакомбный могильник

Родившись как алановед в Нижнем Архызе, я не мог заниматься только им. В 1957 году Е. И. Крупнов назначил меня начальником отдельного отряда СКАЭ, которому поручились аварийные раскопки в станице Змейской Кировского района Северо-Осетинской АССР.

Левый берег Терека почти рядом с селением Эльхотово — это место прорыва Терека через широкую долину, рассекавшую так называемый Терско-Сунженских хребет на две части. Конечно, это не хребет, а возвышенность вдоль реки, безлесная и совершенно открытая всем ветрам. Она и широкая река прикрывают с севера плодородную равнину, как говорилось согласно новому списку «Армянской географии» Анания Широкаци в VII веке. Это область Алании Ардоз - для восточной Алании это её сердцевина во главе с земляной крепостью в Зилги возле Беслана. Долину же в Эльхотово называют Эльхотовские ворота. Здесь проходит железная дорога. Эльхотовские ворота насыщены археологией. Им посвящена одна из моих монографий. В центре этой «области Ардоз» лежит крупнейшая дорога на юг, т. н. Военно-Грузинская дорога через Дарьял и Крестовый перевал с выходом к Мцхета-Тифлису.

Катакомбный могильник на восточной окраине Змейской известен сначала XX в., когда на местном глинище заработал кирпичный завод, а в глине открылись катакомбы Т-образного типа со сводчатыми камерами для захоронений. Всего мной открыто 88 катакомб, содержащих 298 захоронений. Конечно, это часть огромного некрополя, тянущегося на запад. Он по насыщенности могилами аналогичен таким могильникам как Брут и Зилги, где по наблюдениям Т. А. Габуева, В. Ю. Малашева, И. Аржанцевой, Г. Е. Афанасьева, Д. С. Коробова находятся тысячи могил. Я уже не раз обращал внимание на данные факты. Это — тот этноязыковый суперстрат, который

будучи неоднороден и гетерогенен при превосходстве иранцев, и называем аланами.

Они безусловно доминировали и политически, в одноименной раннефеодальной государственности Алания. Я не буду касаться данного круга проблем, уже рассмотренных достаточно подробно обобщающей монографии Д. С. Коробова «Аланы Северного Кавказа. Этнос, археология, палеогенетика», 2019.

Если у меня можно найти какие-то заслуги в исследовании аланской культуры северного Кавказа, то они состоят прежде всего в том, что я всегда изначально считал катакомбу той формой древней могилы, которая была традиционно и устойчива присуща именно древним иранцам Ближнего Востока в связи с их господствующим культом солнца, огня и представлений о вредоносности трупа и необходимости сакральной чистоты могилы и матери земли. Камера катакомбы и угольные и песочные подстилки позволяют избежать контакта трупа с землёй, чистого и нечистого. Но это есть важнейшая черта религиозной системы древних иранцев - мощная религия зороастризм, основанная в VIII веке до нашей эры пророком Зороастром и ставшая общей религией древнеиранского мира.

Эти вопросы были мной поставлены, вопреки В. И. Абасову, в специальной монографии «Змейские аланы. Погребальный обряд и религия», 2019. Данный погребальный обряд, видимо, есть достаточно оснований считать на территориях Подонья, Поволжья, Боспорского царства и Крыма, Предкавказья и Центрального, Северо-Восточного Кавказа обрядом, характерным именно для алан группы северных иранцев. Ещё один аргумент в споре о дележе аланского наследия в пользу правоты осетин. Этот факт, если он в науке получит признание, приобретает такое же этнообразующее значение, как язык.

Мои раскопки Змейского катакомбного могильника указали нам дату раскопанного участка в пределах X–XII вв, о чём говорят найденные в могилах стеклянные цветные браслеты и перстни. Материал очень хрупкий и недолговечный. Долгое время мы связывали с X–XII вв. весь объект, но сейчас, после раскопок молодых археологов из СОГУ (Р. Фидаров и другие), ситуация с датированием ЗКМ изменилась: верхняя дата переместилась в XIV век. Это очевидно говорит о том, что змейская группа плоскостных Алан не вся ушла в горы после трагических событий XII века, но частично осталась на своих местах, подчинившись завоевателям и приняв ислам. Для такого населения Золотой Орды Ордынские власти при хане Узбеке (ум.в 1342 г.) организуют активное мусульманское строительство бывшей Алании, на городище Нижний Джулат на левом берегу Терека близ г. Майский (Кабарда), на городище золотоордынского времени Нижний

Джулат они воздвигают соборную мечеть из кирпича (раскопки Г. Ионе, И. М. Чеченова, исследования Э. Д. Зиливинской). На синхронном городище Верхний Джулат в Северной Осетии, близ бетонного моста через Терек, была построена кирпичная большая Джума-мечеть первой половины XIV века, раскопанная СКАЭ (О.В. Милорадович) и пристроенный к ней Татартупский минарет того времени разрушен реставраторами из Узбекистана.

Верхний Джулат

Привожу эти хорошо известные факты, чтобы напомнить тот историко-культурный контекст, в котором я работал в начале 60-х годов в составе СКАЭ на городище Верхний Джулат. Это крупный объект, очевидно связанный с ЗКМ. Это позволило мне обратить внимание на «область Джулат» персидских источников, а это было впервые подмечено и И. М. Чеченовым и Э.Д. Зиливинской. Я разделяю возможность такого выделения, но на этом всё остановилось никаких откликов в развитии не последовало.

Конкретно о Верхнем Джулате

Проблема золотоордынского города XIV в. Верхний Джулат поставлена, но не реализована. Это не может откладываться «на потом», ибо пойдут разрушительные процессы — судьба Татартупского минарета тому доказательство. Между тем, объект находится на государственной трассе, ведущей в Москву, и очень удобен для показа туристам.

В 2014 году мной издана монография «Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов северного Кавказа». Это иллюстрированный, комментированный отчёт о моих раскопках 1962–1977 гг. Первый раскоп на территории городища сделала О. В. Милорадович в 1957 г. и это оказались руины кирпичной церкви. 1. Объект показался настолько важным открытием, что его опубликовал сам Е.И. Крупнов. Результат: церковь золотоордынской быть не может, это древнерусский храм XII века, влияние Руси на алан. Евгений Игнатьевич даже такому датированному материалу как «Мамайский» (Ордынский) квадратный кирпич, не придал значения, как и стратиграфии. Слишком велик был соблазн конъюнктурного открытия. «Открытие» Е. И. Крупнова никто не поддержал.

Мной исследованы остатки ещё трёх христианских церквей. Все они из квадратного кирпича на растворе, черепичное покрытие с грузинскими буквами XIV в. — время активной строительной деятельности хана Узбека, о чём выше уже говорилось. Три христианские церкви, несмотря на небольшие размеры (т. н. «малые формы»), свидетельствует о немногочисленности

христиан на Верхнем Джулате и на городище в Змейской, где церкви пока нет, но пропаганда чуждой им религии монголами налицо.

Большая проблема состоит в статусе равнинных алан у власти завоевателей. Видимо, часть их оставалась на положении наёмных воинов-дружинников и данников. На это указывают некоторые письменные источники. Верхний Джулат-Змейская это подтверждают, но в новом для нас всех варианте. Неожиданность состоит в том, что наши церкви 1 и 2 имеют, при общем сходстве с «малыми формами» и очевидно конструктивно-типологическом родстве с аланской школой строительства храмов Западной Алании, они дают такую архитектурную деталь как подалтарные крипты. Это у алан не имеет предшествующей традиции и требует объяснения.

Сейчас я нахожу такое объяснение в той военно-политической ситуации, которая сложилась в XIV веке после возникновения двух государств чингизидов: Золотая Орда хана Джучи, государство Хулагу на юге. Борьба между ними после смерти Чингисхана (1227 г.) сопровождалась оживлением экономических связей Золотой Орды с Европой, в частности с итальянскими городами Венеция, Генуя. Уже в начале XV в. Ибн Батута посетил крупнейший город и рынок Маджар (современный Будённовск): купцы со всего света! Это сопровождается появлением в Золотой Орде погребального обряда, требующего захоронения выдающихся лиц в гробницы под алтарём церкви, близко к Богу. Такой гробницей были камеры крипты. В Италии крипты мне известны с VI в., крипта присуща прежде всего латино-католическому христианскому миру. Торговая экспансия Венеции на северный Кавказ в конце XIV–XV вв. известна и указана мною в монографии о Верхнем Джулате. В ходе этой экспансии участвовала и католическая церковь, о чём есть монография французского историка Жана Ришара. По Иоанну Шильтбергеру, в 1410 г., побывавшему на северном Кавказе в области Джулат он застал множество христиан и христианскую кафедру ордена кармелитов. В историографии Верхнего Джулата мои построения представляют новацию, на которую никто не откликнулся.

РЕТРОСПЕКТИВА ДОНСКОЙ АЛАНИИ В СВЕТЕ СВЕДЕНИЙ ВЕНЕЦИАНЦА ИОСАФАТА БАРБАРО

Краткий исторический очерк

Пятнадцатый век, наступает век великих географических открытий, изменивших лицо мира и заложивших основы современной цивилизации. Это эпоха позднего средневековья. Но в XV веке произошло еще одно грандиозное событие, также изменившее лицо мира, а его последствия чреватые. Имею в виду события глобального масштаба: 29 мая 1453 года турки-османы штурмом взяли Константинополь и положили конец тысячелетней православной Византийской империи. Пал щит, защищавший Европу от беспрепятственного продвижения Ислама на запад и его мусульманизации. А это меняет ход мировой истории...

Иосафат Барбаро жил в Донской Алании именно в этот период, а аланы XV в. в послеордынский период нам почти неизвестны, хотя предшествующая история и культура алан Кавказа изучалась давно.

В фундаментальной монографии М. И. Артамонова «История Хазар» (Артамонов, 1962, 361) аланская культура отнесена к числу наиболее изученных археологических культур СССР. С тех пор прошло 60 лет, аланская археология и количественно, и качественно изменилась и прогрессировала. Но выросли новые проблемы, даже общего характера научные концепции. Одной из них является проблема динамизма раннеаланского общества и его высокой подвижности и дисперсности его среды, в конце IV века описанной весьма ярко Аммианом Марцелином: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют как номады на громадном пространстве на далеком расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения, в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой» (Алемань, 2003, 71–72). На карте Европейской Сарматии Птолемея I в. (Кулаковский 2000, 189, карта), переизданной С. М. Переваловым (Кулаковский, 2000, 219–276), севернее Меотиды (Азовской море. — В. К.), помещены роксоланы, языги, аланы и Аланские горы (Донецкий кряж. — В. К.) в устье р. Танаис (Дон. — В. К.) находятся танаиты (аланы. — В.К.). Иначе говоря, на карте Птолемея видим только позднесарматское население.

Более того, вспоминается версия некоторых лингвистов-востоковедов о том, что прародиной древних индоиранских (арийских) племен II—I тыс. до н.э. долго считался хорезм — долина р. Сыр-Дарья, но в последнее время стали обсуждать в качестве варианта прародины иранцев и одновременно родины Зороастризма Airyanəm Vaējō — арийцев (иранцев) простор (распространение) — название полумифической области, лежавшей в северопричерноморских и предкавказских степях (Основы, 1979, 11). В. И. Абаев склонялся к этой версии, но она остается спорной.

Мир древних иранцев-ариев, ярко оцененный проф. Рюдигером Шмиттом в его предисловии к книге А. Алеманя (Алемань, 2003, 20), как «чарующий мир алановедения», вполне заслуживает такой комплимент. Мир иранцев интересен и он вдохновил такого глубокого ученого как М. И. Ростовцев, на его концепцию о роли синтеза двух великих цивилизаций древности — эллинской и иранской; Запад и Восток и их плод — Евразийская цивилизация Древней Руси. Мне кажется довольно верной характеристикой очень подвижной массы древне-иранских кочевников, двигавшихся на запад: «Интерес к аланам объясняется тем, что за исключением нескольких отдельных эпизодов они едва ли изменились за всю свою историю, а их культура, восходящая непосредственно к скифо-сарматам, может иллюстрировать различные аспекты жизни индо-иранского кочевого народа недавнего прошлого, и благодаря своей архаичности помочь в понимании более ранней стадии развития индоевропейского мира в целом, при изучении которой мы не можем основываться на свидетельствах письменных источников» (Алемань, 2003, 22).

В этой тяжеловатой фразе А. Алеманя кроется, на мой взгляд, объяснение чудесного факта потрясающей исторической памяти осетинских стариков-сказителей.

Это небольшое общее вступление в тему я должен закончить своим разъяснением по поводу одного пассажа в великолепной монографии А. Алеманя, которую я здесь широко использую. Он пишет: «Задача написания истории аланов на сегодняшний день выходит за пределы возможностей для любого ученого, который бы хотел объективно подойти к предмету исследования» (Алемань, 2003, 23).

На фоне комплиментарного выступления Рюдигера Шмитта прогноз А. Алеманя выглядит просто убийственно. Убийственно для продолжения шествия научной, многоаспектной и взвешенной методики на основе рационально-позитивных принципов научных реконструкций. Осторожность в разработке таких масштабных исследований необходима, но не абсолютна в комплексе со смежными науками. Любой ученый имеет право на научную гипотезу даже в контексте фактов, если они проверены и нужны. Се-

годня гипотезы, завтра истина. Это факт. Но я хочу напомнить, что процесс познания бесконечен, ибо положительное решение проблемы влечет за собой нежданное появление кардинальных вопросов, на что уже обратила внимание В. Б. Ковалевская (Ковалевская, 2005, 180).

Не буду касаться проблемы оседания иранцев и их тяготения к низовьям Волги, Дона и Кубани, к Меотидо-Боспорскому царству, ибо существует целая литература об этом.

Донская Алания. Я уже касался этого вопроса в последней монографии «Кто мы? Осетины-аланы Кавказа» (Кузнецов, 2020), но его необходимо обозначить еще раз. Прежде всего остановимся на наиболее крупных реках данного региона удачно показанных в знаменитом атласе античности Н. Киперта (Kiepert, 1861, 12). На карте Римской империи находим следующие гидронимы: Гипанис — Кубань, Алутас — Терек, Удан — Кума, Ра — Волга; племена: Прикаспийская низменность — уды; начиная от верховьев Кумы и далее на запад, вдоль Кавказского хребта по Кубани, помещены сираки, по манычу помещены яksamаты, а к северу от Кумы до Волги — Ра помещены аорсы доходящие до р. Яик. Аланы помещены севернее Танаида по нижнему Дону и Донцу. Представляется достаточно верным такое распределение племен в Евразийской Сарматии по письменным источникам, интерпетированными затем Ю. А. Кулаковским и С. М. Переваловым. Как видим, Н. Киперт местоположение алан-танаитов находил по нижнему Дону-Донцу, что соответствует не только нарративным источникам, но и представлениям современных исследователей (Даньшин, Афанасьев и др.). Процессы, происходившие в связи с миграциями сарматских племен на запад анализировались недавно А. С. Скрипкиным и я не буду повторяться и отмечу лишь два факта: схема этого ученого (Скрипкин, 1990; Скрипкин, 1996, с. 160–169), представляется мне приемлемой, а роль аланского компонента в ней выделена особо — справедливо. Хотел бы заметить важность вывода этого ученого: «Появившись сперва на Дону, аланы могли с такой же убедительностью заявить о себе и в Северо-Западном Причерноморье, как это они сделали в отношении Закавказья» (там же, с. 168). Правомерность же выделения географического понятия «Донская Алания», конечно косвенно-условно подтверждается открытием в 1984 г. во время раскопок у Мангупа¹ в Крыму фрагментом мраморной плиты с текстом декрета с впервые открытым названием страны Аорсия, т.е. страны аорсов. Выводы Ю. Г. Виноградова: декрет скорее всего ольвийского происхождения, Аорсия поблизости от Дуная и провинции Мезия, спор об этнической принадлежности царства Фарзоя решается в пользу сармато-аорской его принадлежности (Скрипкин, 1996, 161). Но если в надписи была Аорсия в

¹ Мангуп — средневековый город (с IV в.) в Крымских горах.

первых веках н.э., то почему она не могла переименовываться в Аланию после войны 49 г., когда аорсы победили сираков?

Одно из крупных сарматских племенных объединений в историографии получило название «Донская Алания». Это современное название той части Азиатской Сарматии I в. н. э. Птолемея, которая находилась между Волгой и Днестром. К ним прилегала степь, до IV в. входившая в границу Боспорского царства. Происходил процесс аккумуляции сарматского населения, «демографический взрыв», отмеченный рядом специалистов (Ростовцев, Ковалевская, Гайдукович, Скрипкин, Мошкова и т. д.) и очевидно, подтверждающий верность концепции М. И. Ростовцева о контаминации двух великих цивилизаций древности — эллинизма и иранства (Ростовцев, 1918).

Я не имею цели более подробно рассматривать аргументы в пользу сармато-аланской доминанции. Об этом уже шла речь в моей последней монографии «Кто мы? Осетины-аланы Кавказа» (Кузнецов, 2020). Авторы исследования о прославленном в европейской археологии ювелирно-полихромном стиле «клуазоне» (IV–VI вв. н. э.), констатируют наличие в V–VI вв. центра власти в Западной Алании, что считаю весьма убедительным (Античные государства Северного Причерноморья, 1984, 166; образцы на северном Кавказе см.: Kazanski, Mastokova, 1999, 523–573). Но на Нижнем Дону и в Поволжье ситуация сходная (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, 5–13) и было бы трудно понять, если было бы иначе. Сложную проблему распространения стиля «клуазоне» от Боспора до Туниса М. И. Ростовцев свел только к наследию Боспора и подвижности аланских переселенцев V в. (Rostovtzeff, 1923). У алан Поволжья и Кавказа такой технологии не было, однако, предметы роскоши были и поступали на рынки Алании.

Кочевой быт и подвижность позднесарматских-раннеаланских племен, ярко описанная в конце IV в. Аммианом Марцеллином, на наш взгляд свидетельствует об аланском обществе этого наиболее динамичного периода «Великого переселения народов», как обществе-конгломерате. Общая языковая принадлежность к языку-койне, при наличии незначительных диалектных различий, обеспечивала достаточно высокий уровень языковой коммуникации и миксизации — смешивания разных локальных сарматских племен и постепенному, раннему этапу формирования средневековой аланской народности. Для нее, очевидно, период последующей конгломерации с массовым смешением кочевых субстратных племен еще не наступил, поскольку не наступил период массовой седентаризации, т. е.

оседания кочевников. У кавказских алано-сарматов это период алано-кавказского синтеза, период вызревания образа жизни, «военная демократия» еще недавно, теперь «вождество». В этой подвижной неустойчивой среде союзы племен то объединялись, то распадались, но общая, генеральная тенденция развития состояла в консолидации и постоянном усилении более сильных в военно-политическом отношении групп. Кажется, подобная форма догосударственных социальных структур решительно преобладала. Примеры тому можно видеть на позднесарматском-аланском материале. Центром, так называемой Донской Алании, был античный город Танаис на правом берегу одноименной полноводной реки в устье р. Дон.

Город Танаис: античность

Предоставим слово «отцу географии» Страбону: «На реке и на озере лежит одноименный город Танаис, основанный греками, владевшими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон за неподчинение. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой стороны; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода. В 100 стадиях перед этим торговым центром лежит остров Алопекия — место жительства смешанных поселенцев. Поблизости на озере есть и другие островки. От входа в Меотиду Танаис находится в 2200 стадиях по прямому пути на север; немного больше расстояния, если плыть вдоль берега.

При плавании вдоль побережья, отправляясь из Танаиса, мы встречаем прежде всего на расстоянии 800 стадий реку под названием Большой Ромбит, где находятся самые большие места ловли рыбы, назначенной для засола. Затем еще в 800 стадиях расположены Меньший Ромбит и мыс где также есть, хотя меньше места рыбной ловли. У тех кто живет около Большого Ромбита, островки служат рыболовными стоянками, а на Малом Ромбите сами меоты занимаются этим промыслом. Ведь по всему этому побережью меоты; хотя они и занимаются земледелием, но не менее воинственны, чем кочевники. Они распадаются на несколько племен, причем живущие вблизи Танаиса отличаются большей дикостью, а те что граничат с Боспором более цивилизованны» (Страбон, 1964, с.408–469).

Достоверность сведений этих фрагментов из огромного труда Страбона не вызывает сомнений и поражает тщательностью и скрупулезностью даже мелких деталей, а общая эрудиция этого великана античной науки фантастична. Читая Страбона мы зримо видим «внутренним взором»

человека XXI века с его гигантскими достижениями в науке, технике, культуре, спорте и т.д. в сравнении с будничной, повседневной жизнью времен Страбона и Танаиса — мы остро сознаем, какой путь пройден человеком за две тысячи лет. *История, если она идеология гуманизма, обязана нас учить в союзе с культурой духовности.*

После этого невольного исторического пассажа вернемся в Танаис. Понятие «город» применительно к античности определялся не столько числом жителей, сколько экономическими (торговля, ремесла, культура) и социальными функциями (политическая и военная власть и т. д.). Примеров много.

В частности в XIV–XV вв. крупнейшие города Германии Любек и Нюрнберг обладали лишь 20-тысячным населением, немало городов с населением 2–3 тысячи человек (Ястребицкая, 1978, 57). Вряд ли население Танаиса когда-нибудь превышало эту цифру намного (имею в виду постоянных жителей), но тем не менее это, по Страбону «самое большое после Пантикапея торжище». Танаис стоял в самом устье реки фактически на берегу моря и это делало город легко доступным портом, посещаемым множеством кораблей из стран Средиземноморья и Ближнего Востока. Основные товары — вино, оливковое масло, специи, украшения; со стороны варваров-«скифов» (так часто называли алан «по привычке») высушенные шкуры животных, рабы из соседних племен, захватываемых во время набегов — «балцев». Центральную часть города с рынком окружает толстая, около 3 м, каменная стена. Еще одна стена, оборонительная городская, защищает город от набегов кочевников. Улицы в жилых кварталах узкие, тесные, дома из рваного ракушечника без отезки и раствора, насухо, изнутри обмазывались глиной и, конечно, были продувные и очень холодные в осень и зиму. В середине III в. н. э. Танаис был взят и сожжен германским племенем готов (Буданова, 1990). Автор этого новейшего исследования т.н. «готской проблемы Северного Причерноморья» В. П. Буданова под редакцией акад. Б. А. Рыбакова пишет: «Труднейшей проблемой для Северного Причерноморья является вопрос о пребывании здесь готов <...>, историческая судьба готов в Северном Причерноморье необычайно сложна» (там же, 121)².

Вернемся в Танаис. Последняя танаисская надпись датируется 244 г., следовательно, какое-то время после этого история в Танаисе отсутствовала, Остатки руин покрылись двухметровой толщей земли, заросли (Казако-

² Среди обсуждаемых вариантов присутствует такой вариант этимологии термина «роги» (Rogas), толкуемого Г. В. Вернадским как алано-славянское племя, а П. Ф. Сумом как роксоланы (Буданова, 1990, 126). Позиция Г. В. Вернадского не нашла поддержки в науке, а суждения П. Ф. Сума, кажется, не дискутировались.

ва, 1968, 46). Но для нас главное впереди. Оно связано с сокрушительным нашествием татаро-монголов в начале XIII в., образованием Золотой Орды в XIV в. и переходом к эпохе позднего средневековья.

Город Танаис: средневековье

«Свято место пусто не бывает» — гласит русская народная поговорка. Наверно, иначе не возникали бы многие города гомогенного-устойчивого и стабильного состояния и развития одних и тех же центров невзирая на всевозможные потрясения и катастрофы. Это общеизвестно и на современных исторических фактах — например, наш Сталинград, полностью разрушенный в ходе грандиозного сражения осенью 1942 г. и полностью восстановленный в короткий срок.

Танаис, в конце I в. до н.э. разрушенный боспорским царем Полемоном, был восстановлен, а в первой половине III в. н.э. взят и сожжен германцами-готами. Через столетие развалин он был вновь восстановлен, но ненадолго. В бурном V в. «Великого переселения народов» он вновь пал при неизвестных нам обстоятельствах. Планомерные археологические раскопки, начатые советскими археологами под руководством Д. Б. Шелова, дали возможность создания общей и достоверной картины исторической жизни этого памятника. Мы не можем рассматривать здесь эти результаты, и ограничимся краткой справкой об общем облике Танаиса.

В начале II в. н. э. город превращается в крепость, в плане почти квадратной формы со сторонами 225×240 м и рвом шириной 10–13 м, глубиной 7–8 м. Жилища танаисцев незатейливы, как мы уже отмечали, сухая кладка стен без штукатурки, полов, оконных проемов без остекления, отсутствие мебели, зато есть подвалы для хранения глиняных амфор с вином. В центре города обнаружено несколько больших помещений площадью до 50 м² видимо служебных. С рыбной ловлей связаны прямоугольные земляные ямы с множеством рыбьих костей — для засолки и хранения рыбопродуктов (Античные государства Северного Причерноморья, 1984, 94–95).

Переводчик записок И. Барбаро на русский и автор вводной статьи «История Таны (XIV–XV вв.)» Е. Ч. Скржинская пишет: «На пороге XV в., после потрясений, вызванных походами Тимура, Тана восстановилась как будто в последний раз: Площадь ее сократилась, местное население поредело» (Барбаро, 1972, 41) К вопросу о местном населении мы еще обратимся. Сейчас вопрос: кто такой Иосафат Барбаро и какое он имел отношение к аланам?

Иосафат Барбаро: справка

Все, что нам известно о Барбаро, обработано и изложено Е. Ч. Скржинской в специальной главе ее труда (Барбаро, 1973, 64–85), к чему и отсылаю. Даю сведения о Барбаро очень кратко.

Иосафат Барбаро происходил из венецианской торговой аристократии, его отец Антонио Барбаро имел торговые интересы в Приазовье — Меотиде. В 1434 г. Иосафат женился на девушке из венецианской семьи Дудо, также имевшей свои интересы в Приазовье и это, очевидно, решило его выбор — в 1436 г. в возрасте 27 лет в чине посла Венецианской республики он отплыл в город Тану, бывший Танаис. Здесь он прожил с 1436 по 1452 год, т. е. 16 лет. Все это время он был купцом. Вернувшись в Венецию, он через несколько лет вошел в число правителей республики и дипломатов. Умер в 1494 г. Иосафат Барбаро, после возвращения в Венецию написал и издал свой, мемуарного характера труд в двух частях: путешествие в Тану, путешествие в Персию — *Quivi comenciano le cose vedute et aldite per mi, Iosaphat Barbaro, citadin de Venetia, in do viazi, che io ho fatti — uno ala Tana et uno in Persia* (Барбаро, 1971, 5). Мы здесь рассмотрим только первую часть: путешествие в Тану — основной порт-эмпорий знаменитых итальянских «морских» торговых республик XV в. Венеции и Генуи, конкурировавших между собой. Нас, естественно, будет интересовать та информация, которую знал об аланах-танаитах Барбаро, как их живой сосед и образованный итальянский патриций. Свидетельства Барбаро, как увидим, исключительно ценны, но парадокс состоит в том, что в научной литературе они достойно не были оценены (в том числе и мной). Данную ошибку необходимо устранить. Учитывая то, что в нижнем и среднем Подонье продолжали находиться остатки (после вторжения Тимура и падения Золотой Орды) сармато-аланского населения, мы не можем не уделить внимание этим фактам.

Сведения Иосафата Барбаро о донских аланах

Автор исследования текста И. Барбаро Е. Ч. Скржинская замечает: «Для полной картины у Барбаро не хватает характеристики населения Таны». Это действительно так: за 16 лет жизни венецианца в Тане, в ежедневном общении с туземными варварами, не знавшими итальянского языка, кажется просто невероятным. Первыми Барбаро говорит о татаро-золотоордынцах XIV в., господствовавших в степи до 1393 г. — нашествие Тимура. Но Е. Ч. Скржинская тем не менее пишет, что «отчетливых сведений о конце Таны нет» (там же, 50)³.

³ Отметим также, что работоторговля проходила тайно из-за боязни кровной мести

Сведения Барбаро об аланах особо важны и информативны потому, что получены самим Барбаро в натуре и лично, они документальны. Подозритель их книжное происхождение нет никаких оснований, во второй половине XV, когда Барбаро пишет свой труд «Путешествие в Тану» (там же, 136–187), публикаций такого рода не существовало, а Ал Масуди и Ибн-Русте вряд ли могли влиять на работу Иосафата Барбаро. Итак, дадим слово этому незаурядному (об этом см. выше) представителю венецианской торговой буржуазии XV в. — времени, когда татаро-монгольские завоеватели по всем признакам должны были разгромить и сжечь всю Донскую Аланию. Но..., не тут-то было! Цитирую: «Название Алания (sig: В. К.) произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются «Ас». Они — христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах, там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест сделанный из другого, цельного камня. Эти курганы бесчисленны; в одном из них, как мы узнали, и был спрятан большой клад» (Барбаро, 1971, 137–138).

Еще раз обратимся к обязательному вопросу о достоверности приведенных сведений И. Барбаро. В чем мы видим здесь особо выдающийся источник по алано-осетинской проблеме — одной из самых тяжелых, путаных и острых проблем современного кавказоведения и более того — острейшей проблеме использования исторической науки и ее достижений в идеологических и даже в политических целях, что и бурно происходило на Северном Кавказе в 90-е года XX в., я имею в виду продолжавшуюся более 50 лет дискуссию об так называемом «аланском наследстве», оно интересно и богато, а мы знаем — такое наследство всегда конфликтно и бывает, сталкивает целые народы и государства. Это то зло, которое всем нам, и левым и правым, мешает жить.

Венецианский коммерсант не мог даже подозревать, что в XX–XXI вв. его личные мемуары могут стать важным свидетельским документом, значение коего безусловно. Подчеркну: цитированный выше текст И. Барбаро XV в., как научный факт, полностью соответствует научной академической парадигме, которая была четко обозначена в первой половине XX в. в трудах В. И. Абаева и названа им концепцией «двуприродного происхождения» осетинского народа: этнический субстрат, как основа нового этноса.

Оценивая И. Барбаро, как живой источник, необходимо учитывать обусловленный его профессией образ жизни купца на периферии варварского мира. Он был многоязычен и пестр, подвижен и требовал для работы переводчиков. Они были. Вспомним найденную в Таганроге плиту III в. с именем

аланского переводчика по имени Ирак. В степи с середины XIII в. господствовали татары. И. Барбаро изъездил их стойбища, знал их веру, традиции, владел языком татар, называвших его по-своему «Юсуф» (Барбаро, 1971, 46). Издатель труда И. Барбаро Е. Ч. Скржинская справедливо говорит, что он «не только вообще представлял себе окружающую татарскую Орду но и хорошо знал её» (там же, 47).

Барбаро не дает прямых указаний на присутствие алан в населении Таны в XV в., но они были наверняка. Об этом говорит нарастание количества иранских имен сармато-аланского происхождения в населении Таны (Даньшин, 1990). Любопытно, что Барбаро точно указывает этнонимы современных осетин — аланы на их языке называются ас и это не случайность, а традиция; Стефан Византийский (V–VI вв.) знает, гору Алан в Сарматии (также у Птолемея на его карте Европейской Сарматии) и «Асса (Ἀσσα) <...> есть и деревня в Скифии, жители называются Ассаионами (Ἀσσαῖοι)» (Латышев, 1893, 253, 255). Это мои косвенные рассуждения, исторический фон. Но Иосафат Барбаро щедро одарил нас информацией прямого действия, которую историки почему-то (в том числе и я) не использовали, кроме упоминания в новой монографии М. Э. Мамиева об аланском православии дается тот же текст И. Барбаро без какого-либо комментария и извлечения информации из источника (Мамиев, 2014, 94)⁴.

Иосафат Барбаро и археология Алании

Существовала ли вообще Алания, как раннефеодальная государственность образца X–XII вв., с ее взлетом в XIV в., в эпоху Золотой Орды, то есть в XIII–XIV вв.? Подъем Алании в XI в., вероятно после смерти объединителя аланских племен из Северного Кавказа, царя Дургулеля Великого, вскоре сменился политическим распадом слабой еще Алании, неизбежными феодальными распрями в борьбе за сепаратные княжения и землю и т. д. Это еще один наглядный урок нам потомкам: ***наш исторический опыт убеждает в наших условиях только наше существование сохраняет нашу политическую и культурную независимость и самобытность.***

⁴ На самом деле А. Алемань приводит данные Барбаро об этнонимах алан и ас, однако отмечает, что эти сведения были ему доступны лишь через работу Л. Згусты и все данные И. Барбаро об аланах не попали в полном объеме в его монографию (Алемань 2003, 35). Сведения И. Барбаро о аланах приводил еще в 1963 г. Б. А. Калоев в своей работе «В. Ф. Миллер — Кавказовед», правда по какой-то причине автор цитирует его под искаженным именем Иосиф Барбароса (Калоев 1963: 87) (Примеч. ред. — Б. М.).

Внутренняя социально-экономическая история Алании уже освещалась в историографии В. Б. Ковалевской, В. А. Кузнецовым, Т. А. Габуевым, Ф. Х. Гутновым в их крупных монографиях наиболее фундаментальное исследование додургулелевской эпохи (до XI в.) на обширном археологическом материале выполнены В. Б. Ковалевской (Ковалевская, 2005) и Д. С. Коробовым (Коробов, 2019). Следующий период в истории Алании X–XII вв. рассмотрен в трех монографиях В. А. Кузнецова (Кузнецов, 1971; Кузнецов В. А., 2017; Кузнецов, 2019). Пожалуй, хватит. Ознакомление с данными исследованиями, а это лишь часть изданных работ алановедов, покажет полную идентичность на уровне концепции. Удивительно, но факт.

Однако, это не всё. Сегодня талантливый Венецианский купец выступает как стихийный зачинатель археологии и раскопок в Европе. Вот факты.

Характерной чертой ландшафта вокруг Таны было множество могильных курганов, отмеченных Барбаро. Они не имеют отношения к итальянцам и оставлены местным варварским населением, постоянно растущим в ходе сарматизации (Шелов, 1975 136–137; Скрипкин 1996). Привлекшие к себе внимание находками при строительстве ирригационной системы в Астраханской области близ селений Кривая Лука и Косики были раскопаны курганы I в. до н. э. — I в. н. э. с богатыми погребениями сарматской знати (Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989). Особо выделяется могила сарматского вождя в Косике с массой золотых вещей. Косика, это территория сарматского племени аорсов, сыгравших основную роль в этногенезе иронской части осетинского народа (Кузнецов, 2016, 23–25). Авторы В. В. Дворниченко и Г. А. Фёдоров-Давыдов считают, что «такие украшения хранили в сокровищницах скифских царей или сарматских вождей» (Дворниченко, Фёдоров-Давыдова, 1989, 6). На золотых обкладках пояса, например, изображены две сцены, полагают — из нартовского эпоса (там же, 6), здесь не место обсуждать этот уникальный комплекс. Важен сам факт присутствия подобных, значимых в социальном аспекте, комплексов в ареале донских алан.

Курган Контебе

Из Каира в Тану прибыл Гульбедин (Барбаро 1971, 138), видимо, татарин и купец. Гульбедин (Gulbedin) в бытность свою в Каире слышал от какой-то женщины татарки что в одном из таких курганов по названию Контебе (Contebe) «аланы спрятали большое сокровище», сообщила приметы кургана и местности. Гульбедин нашел курган и стал его раскапывать. Он проделал несколько колодцев, то в одном месте то в другом. «Так он продолжил копать в течение двух лет после чего умер» (там же).

В 1437 году в Тане собрались семеро купцов в доме Бартоломео Россо, Франко Корнарио, Дзуан да Валле, Катарин Контарини, Дзуан Барбариго, Моизе Бон и сам Иосафат Барбаро, вместе со святой Екатериной. Купцы договорились между собой и сделали «запись», скрепленную клятвой (копия хранилась у Барбаро). Договорились, копать «на той горе», т.е. на кургане Контебе. Спустя 8 дней венецианские кладоискатели со 120 наемными рабочими выехали из Таны. Имущество экспедиции везли на санях, «двигаясь по льду, по реке» 60 миль от Таны.

Курган имел высоту 50 футов (15 м), сверху он плоский. «На плоскости находился другой курган, похожий на круглую шапку с полями вокруг». Этот второй курган был высотой в 12 футов (3,65 м). Нижний курган имел очертания круга, как будто его сделали по циркулю, диаметр его равен 80 футам (24,38 м). Далее следует описание раскопок на плоскости большого кургана с неплохим наблюдением за стратиграфией почвенных отложений. Характерно, что верхний слой так промерз, что невозможно было его копать. Поэтому экспедиция венецианских «археологов» возвратилась в Тану.

Работа была продолжена в конце марта и продолжилась 22 дня, имея в составе рабочей группы 150 человек. Барбаро не говорит о своей роли в этом грандиозном походе венецианских кладоискателей, начальником и инициатором которой он и был⁵. Касательно самих работ Барбаро уточняет, что они сделали вход длиной примерно в 60 футов (18,28 м), шириной 8 и высотой 10 футов (2,43–3,0 м).

«Теперь услышите о вещах удивительных и так сказать невероятных. <...> Удивительное заключалась в том, что верхний слой черен от травы, затем по всей поверхности лежал уголь <...> Ниже лежала зола на глубину одной пяди <...> Ниже, на глубину еще одной пяди, лежала шелуха от проса. По поводу этого можно сказать, что здесь, когда ели просяную кашу, то сохраняли шелуху, чтобы положить ее на это место: однако я хотел бы знать, сколько надо было иметь проса, чтобы заполнить шелухой, да еще на глубину целый пяди, всю поверхность этого кургана? Еще ниже лежала рыба чешуя, а именно — чешуя морского окуня и других рыб, и также на глубину одной пяди. Конечно, нужно было бы сказать, что в этой реке ловилось множество окуней и другой рыбы и их чешуи могло бы хватить, чтобы покрыть весь Курган: однако я предоставляю сообразить самим читателям, насколько это возможно и правдоподобно. Сам смогу только удостоверить, что это сушая истина. В связи со сказанным я полагаю, что че-

⁵ В одном месте Барбаро все же указывает на род деятельности, которым он занимался в свободное от организаторских забот время: «в надежде отыскать сокровище, мы пустились таскать носилки усерднее, чем те люди, которым мы платили, и как раз я стал мастером по носилкам» (Барбаро 1971, 139) (*Примеч. ред.* — Б. М.).

ловец приказавший устроить такую могилу, — его имя было Индиабу, — и желавший исполнить все многочисленные церемонии, которые соблюдались в те времена, должен был заранее подумать о том, чтобы собрать и сложить на место все эти вещи. Прodelав раскоп и не найдя сокровища, мы решили проверить еще два рва вглубь большого кургана шириной и высотой в 4 фута; прокопав их, мы нашли белый и настолько плотный грунт, что сделали в нем ступеньки, по которым и таскали носилки. Углубившись почти на 5 футов, мы нашли на этой глубине несколько сосудов, в некоторых была зола, в других уголь; некоторые были пусты, другие наполнены костями осетровых рыб. Нашли также 5–6 бусин величиной с померанец и они были из обожженной глины, глазурованные, похожие на те, что изготавливаются в Марке и привешиваются к неводам. Еще нашли мы половину маленькой ручки от серебряного котелка; сверху на ней была змеиная головка».

Барбаро отмечает, что после его раскопок это место стало именоваться «Франкской ямой», потому что «прodelанные нами работы были настолько велики, что казалось — здесь за это короткое время действовало «не менее тысячи человек» (Барбаро, 1971, 138–140).

Я привел как источник, фактически полный отчет Иосафата Барбаро о его раскопках кургана Контебе. В комментариях Е. Ч. Скржинской, разъяснение этого названия, как тюркское Кумтепе — Песчаный холм, считая, что он совпадает с Кобяковым городищем (там же, 160, комм. 26), но это маловероятно по причине хронологического несоответствия (Кобяково — эпоха поздней бронзы).

Но название кургана тюркское и следовательно, позднее, оно очевидно половецкое. Когда и кто мог оставить этот огромный курган?

Начнем с того, что этот археологический объект весьма информативен, а Е. Ч. Скржинская с его анализом и оценкой не справилась — археологом она не была, а археологи не интересовались «исследованиями» И. Барбаро, разумеется, он был только купцом и политиком, послом и не имеет никакого отношения к науке (в 1437 году археология как наука о древностях еще не существовала). И тем не менее этот образованный, наблюдательный и умный человек совершил свой жизненный подвиг. Сам того не подозревая, движимый жаждой легкой наживы и будучи коллекционером драгоценных камней, он поверил в устную информацию некоего Гульбедина, татарина и вероятного купца (а по комментариям Е. Ч. Скржинской Барбаро дружил с татарами и вел с ними дела), а Гульбедина, в свою очередь, в Каире получил сведения от некой женщины татарки (*una femena tartara*), вероятно рабыни, которые я уже привел выше о том, что курган Контебе хранил в своих недрах сокровища аланского царя. Цитирую: «Причиной

его сокрытия было следующее обстоятельство: когда предводитель аланов, уже упоминавшийся Индиабу услышал, что татарский хан (*l'imperator di Tartari*) идет на него войной, он решил захоронить сокровища, но так, чтобы никто этого не заметил, поэтому он сделал вид, что готовится для себя могилу по местному обычаю и приказал потайно положить сначала то, что он считал нужным, а потом насыпать этот курган» (Барбаро 1971, 140), иных сведений нет.

Но и это немало, немало потому, что во-первых, археологу ясно, что Контебе был не курганом, а городищем: с выраженными культурными слоями. «Этим объясняется искренне недоумение Барбаро, когда в ходе раскопок вместо золотых украшений и прочих уникамов пошла масса чисто бытовых отходов — по всей поверхности уголь, ниже слой золы на одну пядь, ещё ниже лежала шелуха от проса во всю ширину кургана на глубину целой пяди (18 см). Ещё на одну пядь глубже лежала рыба чешуя морского окуня и других рыб. «Сам я могу лишь удостовериться, что это сушая истина» (там же, 139).

Оценивая раскопки итальянских кладоискателей и их значение для нас в целом и для казалось бы весьма отдаленного осетиноведения, мы должны признать заслугу Иосафата Барбаро в двух аспектах:

1) становление археологии, как исторической науки о древности с применением специфических правил и методик, в комплексном изучении материальной культуры Евразии;

2) конкретный и ранее не учитывающийся вклад Иосафата Барбаро в востоковедение и, особо, в кавказоведение и осетиноведение.

Кратко об этих оценочных выводах автора.

Общее. Уже отмеченная выше честь И. Барбаро состоит в том, что он осуществил первую в Европе экспедицию, хотя и не научно-исследовательскую по современным меркам, тогда иначе быть и не могло, однако мы не вправе обвинить И. Барбаро в дилетантизме. Экспедиция на курган Контебе и ее организация сходна во многом с организацией наших археологических экспедиций в пределах СССР и РФ, но не таких многолюдных (120–150 рабочих).

Барбаро вел полевые записи (у нас дневник раскопок), объект тщательно описывался и измерялся (у нас не обязательно), в ходе раскопок делались визуальные определения необходимого растительного и костного материала (у нас определения специалистов), в начале раскопок применялись «ямы» и «канавы» или «рвы» (известные нам как разведочные шурфы или траншеи), наконец, Барбаро применял раскопы и зачистку широкими площадями. Но особенно интересно то, что он первый, насколько я знаю, обратил внимание на вертикальное чередование природных и антропоген-

ных слоёв в культурном слое городища, без чего в наше время просто невозможно работать на современном уровне. *Для первого шага это великолепно* и мы, кажется, имеем право поздравить Иосафата Барбаро и видеть в нем не мародера и грабителя могил, а весьма серьезного, вдумчивого человека, закончившего свое исследование изданием специального труда.

А. Л. Монгайт по поводу возникновения археологии пишет: «Коллекционирование древности и связанные с этим раскопки до XVIII века еще нельзя назвать началом археологии (Монгайт, 1973, 11). Я их, раскопки Барбаро, признаю, аргументы изложены и если они будут признаны, приоритет Барбаро станет реальностью.

Алания глазами Иосафато Барбаро

История и культура алан современными учеными делится на три диахронных периода: раннеаланский период I–IV в.; среднеаланский период V–IX вв. и позднеаланский период X–XV вв. Подчеркну позднеаланский период относительно неплохо изучен вплоть до татаро-монгольского нашествия и завоевания XIII в., период завоевания и трагической катастрофы Алании, как раннефеодальной государственности, единственной в центральной части Большого Кавказа. В плане этнической истории самого народа, он не пресекся, аланы были побеждены, но не покорены и выстояли, несмотря ни на что. Барбаро застал осколки аланского мира в Нижнем Подонье, вокруг Меотиды в первой половине XV в., не только выжившими, но и сохраняющими свои позиции в торговле (иначе откуда взялся «клад в кургане Контебе») и какую-то самостоятельность (правитель алан Индиабу). Не исключено, что проживший 16 лет в Тане И. Барбаро, овладел как турецким (там же, с. 68), так и аланским языками.

Перейдем к небольшому тексту из труда Барбаро, где он излагает свои сведения, вероятно личные впечатления от его путешествий по Северо-западному и Центральному Кавказу.

«Название Алания произошло от племен, именуемых аланами (*Alani*), которые на их собственном языке называются «Ас» (*As*). Они - христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, побережьях, на равнинах; там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделаны из другого, цельного камня. Эти курганы бесчисленны; в одном-то из них, как мы узнали, и был спрятан большой клад» (там же, 38).

Вторично приведенный рассказ Барбаро ставит ряд вопросов. Первый из них относится к первой фразе источника об аланах и асах. Комментарий

здесь не нужен, вопрос о соотношении этнонимов «аланы» и «асы» имеет свою историю и литературу. Суть ее решения состоит в том, что оба этнонима полиморфны, и одно название может покрывать разные явления и объекты. Так, в понятие «аланы» с их территорией, где они, естественно, доминируют, могли входить и асы, постепенно интегрируясь в этнос алан.

Итак, «Курган Контебе» с его аланскими сокровищами оказался пустым блефом. Но история Иосафата Барбаро в его бытность в Танае содержит ценную информацию не только о присутствии алан в Нижнем Подонье, Крыму, в Приазовье, на Босфоре и этот народ, подчиненный Золотой Орде, как говорилось, отсутствует в списках невольничьих рынков⁶. Разумеется, Монгольская Орда в XIII веке разметала аланское и кипчакское население, оно разбежалось от завоевателей по укромным уголкам Дешт-и-Кипчак. Е. Ч. Скржинская отмечает, что аланы составляли «немалую часть населения Степного Крыма» (Барбаро, 1971, 160, 24) и что аланы-асы сохраняются до нашего времени в осетинах на Кавказе (там же). О рассеянном, не концентрированном расселении алан Причерноморья повествует не менее достоверный источник, нежели Барбаро — аланский епископ Феодор в первой половине XIII века. «Племя — это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Иверин (Грузии. — В. К.), древний предел их родины: они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматия» (Кулаковский, 2000, 202). Если так было в XIII в., то в XIV в. в Золотой Орде было еще хуже, но по-разному, в разных частях Орды. Для нас важно положение в округе Таны, но почти нет источников.

Завершая текст, курган Контебе с сокровищами некоего аланского царя, хочу подчеркнуть, что нет особых сомнений в том, что эти предания на территории Донской Алании бытовали не по вольной прихоти фантазеров-сказителей. Выше мы уже говорили о богатых могилах не только скифов, ну и их сородичей сарматов и алан, и их вождей. Донская Алания ими популярна. Упоминавшееся погребение в Косики, а также в Кривой Луке I век до н. э. — I века н. э. дают массу золотых художественных вещей, более 200 (Косика). Неудивительно — Донская Алания или Азиатская Сарматия Подонья лежала на стыке Востока и Запада древнеиранской ойкумены, на пересечении дорог и в тесном общении с античным Боспорским царством. Не удивительно и то, что народная молва указала кладоискателям курган Контебе на возвышенном бугре. Видимо, он был цитаделью

⁶ В действительности ряд аланских рабов фиксируется в генуэзских списках, причем большинство из них приходится именно на Танау. См. приложение к статье (*Примеч. ред.* — Б. М.).

городища и его могли использовать для особо значимой могилы. Археологи давно заметили эту особенность местного погребального обряда: население, которое кочевало в этих местах, в качестве замены курганам в погребальных целях использовало естественные бугры Бэра, на вершинах которых и производили захоронения (Дворниченко, Федоров, 1980, 6). Очевидно, шанс у Иосафата Барбаро был, но он не сумел его использовать.

Более точную интерпретацию памятника Контебе по описанию И. Барбаро и его датировку сейчас дать не считаю возможным.

Контебе и аланские проблемы

Тем не менее мнимый «Курган Контебе» нам полезен, ибо он дает нам знать то, что в XV в. если Донская Алания и распалась и вошла во владение Джушидов (а она была не государственной структурой, а территориальным понятием), аланы продолжали существовать на своей территории и после разгрома Золотой Орды Тимуром. Барбаро беспрепятственно прожил в Тане 16 лет и успешно вел свои дела. Но совершенно ясно сохранение аланского самоуправления выступает на фоне присутствия в Тане местного царя алан по имени Индиабу.

Существовала ли Донская Алания как некое, еще неясное даже в основных чертах, военно-политическое объединение позднесарматских-раннеаланских племен Юго-Восточной Европы, примерно 1500 лет, до XV–XVI вв. (но заметим, что хронологические границы здесь размыты, а вопрос не разработан). Монографий по проблеме вообще достаточно, прочная историографическая база, но сравнительное исследование Кавказской и Донской Алании, между прочим как закат былого могущества «древнего мира иранства», мне неизвестно. Донские аланы-танайты физически продолжали существовать и в XV в. сохраняя своего вождя Индиабу, спрятавшего свои богатства так, что сам он не сумел их найти.

Мы ничего не знали об акте константинопольской патриархии XIV от 1347 года, в котором митрополит Алании жалуется на то, что архиерей Сотиропольский отошел от Алании. Но о какой Алании могла идти речь в середине XIV в., когда Аланская епархия на Большом Зеленчуке лежала в руинах? Ответ на этот вопрос дает акт CLXII от 1356 г., который низложил аланского архиерея «обижавшего священников Танаиса Михаила, Николая и Феодора (древние акты, 1867, 448, 449, 452). Эти документы были изучены в классической работе Ю. А. Кулаковского «Христианство у Алан» (Ю. А. Кулаковский, 2000 186, 187). Священники из города Таны (Tavaitai, Танайты) протопоп Михаил, пресвитеры Николай и Феодор пожаловались

патриарху Филофею. Аланский митрополит Симеон был наказан за коррупцию (там же). В деле участвовали свидетели-горожане Таны, очевидно, тоже аланы. В этом был уверен Ю. А. Кулаковский (там же, 188).

Таким образом в XIII–XIV вв. в Тане была не только диаспора алан во главе с «предводителем» и алдаром Индиабу, но и Аланская церковь, входившая в структуру Аланской епархии, а протопоп Михаил, суффраган Таны в организационной структуре Аланской епархии.

Бросается в глаза отсутствие у Иосафата Барбаро каких-либо упоминаний о христианской общине Таны. Возможно, около XV века она уже распалась. Нет ни слова о священниках Таны, была ли церковь в городе (см.: Зверев, 1896, 332 выступление Ю. А. Кулаковского).

Замечание Ю. А. Кулаковского по докладу священника С. Е. Зверева в 1886 году несмотря на почтенный возраст, полна смысла. Возможно ли была такая постановка вопроса применительно к нижнему Дону XV в.? Вероятно, что Ю. А. Кулаковский при его профессиональных историко-ведческих возможностях мог иметь в своем распоряжении материалы, неизвестные нам в веке XX? *Где архив этого выдающегося ученого?*

В контексте этих поисковых рассуждений хочу добавить важный факт документального значения. Барбаро, судя по его собственным признаниям, изъездил всю страну и не только Донскую, но и Кавказскую Аланию. Для него это одна монолитная страна, а не та динамично-дисперсная экономическая общность, о коей мы уже говорили. Мне представляется, что степь между Доном и Кубанью была зоной стыка между донской и кубанской агломерациями аланских археологических памятников-городищ, с мощными культурными слоями и громадными катакомбными могильниками (например Змейский могильник).

На этой территории господствовали с середины XI в. так называемые «донские половцы». По С. А. Плетневой, на востоке их кочевья доходили до Волги, их сосредоточение на Дону и его притоках, еще две группировки половцев находились в Предкавказье и в Крыму. В местах зимовок возникли «небольшие городки» среди алан и болгар, ранее входивших в Хазарский каганат.

«Городки» русская летопись первой половины XII в. «Повесть временных лет» (под 1116 г.) связывает с городками донских алан Сугров, Шарукан и Балин (Повесть временных лет, 201). «В се же лето посла Володимер сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяша три грады: Сугров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк приведе собе жену красну велми, Ясыского князя дщерь полонив» (там же). Как видим, аланы населяли «городки» и очевидно, достаточно плотно, если там сидел их князь, а не половецкий. Это второй сармато-аланский вождь, первый уже известный нам аланский алдар Индиабу в Тане.

По Великому шелковому пути через Западную Аланию двигались различные товары, оседавшие в местных могильниках. Пример-знаменитый скальный могильник VIII–IX вв. «Мощевая балка» в ущелье р. Большая Лаба (Иерусалимская, 2012). В ущелье есть могильник, но нет рынка, а поселение выполняло функции последней станции перед преодолением перевала Санчаро и выходом купеческих караванов в Абхазию. Я полагаю, зная материал о Нижне-Архызском городище X–XII вв., что в этом городище находилась Аланская епархия Константинопольской патриархии (Кузнецов 2002 45–63; Малахов, 2015, 68–72), следовательно город был средоточием трех конфессий — христианства, мусульманства, язычества. Пути в Нижний Архыз удобные и безопасные, вдоль них во многих местах стояло множество придорожных крестов, что считалось в Европе следствием византийского влияния (Сперанский, 1895, 393–413). Часть этих каменных крестов стояла на плитах-основах с отверстием. Именно такой плитой, одним концом вставленной в плиту-основу, была знаменитая Зеленчукская плита XI–XII вв. из Верхнего Архыза. Историографический компендиум с множеством рисунков недавно опубликован А. А. Туаллаговым (Туаллагов, 2015). Еще одним фактом и тоже известным, является пятигорский Дука-Бек, хотя это не плита, а объемное изваяние со спорной датой XVI в. (Кузнецов, 1999). Не буду приводить все артефакты, они есть. Для Алании самая восточная известная мне находка, это прекрасный, явно позднесредневековый, Морахский крест в Южной Осетии (Кударгом). Фотография опубликована на обложке монографии М. Э. Мамиева (Мамиев, 2014). Действительно можно сказать, что Алания, особенно Западная, может быть названа страной крестов.

Заключение

В начале этой статьи была приведена цитата одной из глав труда М. И. Артамонова «История хазар», 1962 г. о хазаро-аланских отношениях. По авторитетному мнению М. И. Артамонова, аланская археологическая культура относится к числу наилучше изученных культур СССР (Артамонов, 1962, 361). Безусловно, это была высокая оценка достижений Отечественной науки.

В 2003 году, не менее авторитетный каталонский учёный Агусти Алемань высказывается о том, что потенциальные возможности научного алановедения столь обширны, что написание истории алан «на сегодняшний день выходит за пределы возможностей для любого ученого», если он будет стремиться к объективности (Алемань, 2003, 28).

Наконец, исследователь из США, Бернард С. Бахрах в 1973 году издал свой труд «История алан на западе» (Bachrach, 1973), вызвавшую среди

специалистов неоднозначные оценки. Я их здесь не касаюсь, но замечу, что Бахрах счел важным отметить новаторские идеи двух выдающихся русских историков-иммигрантов — М. И. Ростовцева и Г. В. Вернадского, обративших внимание русской, советской науки на глубокое значение концепции этих ученых об историческом синтезе двух древних цивилизаций: греческой и иранской, и их влияние на Русь и Кавказ.

Не углубляясь в детали, подчеркну вывод Бернарда С. Бахраха: «как уникальный феномен в истории Западной Европы, аланы давно заслужили, чтобы их история была исследована» (Кузнецов 1992, 30–31).

Так кому верить: М. Артамонову или А. Алеманю с их радикализмом? Думается, ближе к истине Б. Бахрах, продолжающий традицию М. И. Ростовцева и Г. В. Вернадского (Черчесова, 1992, 87).

Как часто бывает, истина лежит посередине.

В таком случае допустимо предположить, что И. Барбаро мог посетить крупнейший в Алании в X–XII вв. христианский центр в ущелье Большого Зеленчука, Нижне-Архызское городище X–XII вв (Кузнецов, 2017), кстати здесь и могли проходить местные ярмарки.

В пользу этих предположений говорит еще один факт подтверждающий достоверность рассказа И. Барбаро. Характеризуя Аланию, венецианец свидетельствует, что «там есть множество курганов <...> каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого, цельного камня».

Это действительно так, и характерно больше для Западной, Верхнекубанской Алании. Именно это крепление имеет знаменитая Зеленчукская плита с надписью XI в. на дигорском диалекте осетинского языка (Миллер, 1893; подробный исторический анализ А. А. Туаллагов, 2015). Плита имела в нижнем конце штырь для постановки плиты в каменную базу, но ее на рисунке Д. М. Струкова нет. Известный памятник в виде воина «Дука-Бек» под Пятигорском также поставлена на каменную четырехугольную основу (Известия, 1876, табл. 9); на восточном притоке Верхней Кубани, р. Индыш, есть городище построенное из тесаных плит песчаника, здесь же лежала плита с круглым отверстием, очевидно для установки какого-то предмета (Федоров 1969, 115).

Заканчивая свои рассуждения о Донской Алании я должен отметить, что остались нерешенными и не обсужденными весьма существенные вопросы относительно вероятного взаимодействия отдельных аланских этнообразований, находившихся на различном территориальном удалении друг от друга. На первый план здесь выходят внутренние связи между:

а) Донская Алания и Кавказская Алания, как вероятная метрополия;

б) Донская Алания и аланская группа носителей салтово–маяцкой археологической культуры (СМК) VIII-IX вв., территориально очень близкая к Донской Алании, но вероятно суверенная, ибо в начале X века аланы СМК вернулись в Кавказскую Аланию, Кисловодскую котловину, факты реальны, но письменные источники молчат.

Есть схожие ситуации и с христианизацией Донской Алании, данные о проникновении в нее и в Кавказскую Аланию католических миссионеров из ордена кармелитов в XIII-XIV вв., а также следы их миссионерства в археологических фактах.

Что касается фигуры, Иосафата Барбаро, то он нуждается в дополнительном изучении, но уже сейчас очевидно, что дальнейшее умалчивание его заслуг в становлении европейской археологии недопустимо.

Рассмотрение вопроса о Донской Алании и судьбе алан танаитов в XIV-XV вв. неизбежно приводит к изучению деятельности итальянских купцов из «Морских республик» — Венеции и Генуи, и в первую очередь, колоритной фигуры Иосафат Барбаро.

Наше обращение к труду Барбаро «Путешествие в Тану» показало, что он игнорировался историками незаслуженно. Трудно понять почему? Почему такой достоверный источник по аланской проблеме не работает; ведь именно этот период — XV в. очень слабо разработан. Нам, кавказоведам, важно то, что этот образованный, наблюдательный европеец за 16 лет пребывания в Тане хорошо узнал страну пребывания, ее население, язык, фольклор, веру и культуру.

Целью моей работы была еще одна страница в истории, теперь уже поздних алан, в золотоордынский и последующий период XV в. на территории Донской Алании, которая не была сокрушена вторжением Тамерлана в 1395 г. и продолжала существовать в состоянии разрухи и депопуляции, но с сохранением власти местного царя или вождя (алдара?). По преданиям, им в курган Контепе был зарыт клад, для ограбления которого **Барбаро организовал первую в Европе археологическую экспедицию в 1438 г.**, а родиной этой новации в исторической науке стала земля Донской Алании.

ЛИТЕРАТУРА

Алемань, А. (2003). *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. Москва: Менеджер.

Кошеленко, Г. А., Кругликова, И. Т., Долгоруков, В. С. (1984). *Античные государства Северного Причерноморья*. Москва: Наука.

Артамонов, М.И. (1962). *История хазар*. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

Афанасьев, Г. Е. (1993) *Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона*. Москва: Наука.

Скржинская, Е. Ч. (1971) *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Ленинград: Наука.

Бахрах, С. Бернард. (1993) *Аланы на Западе (от первого их упоминания до раннего средневековья)*. Москва, Ард.

Буданова, В. И. (1990) *Готы в эпоху великого переселения народов*. Москва: Наука.

Даньшин, Д. И. (1990) Танаиты и танайцы в I-III вв. н.э. КС ИА АН СССР, вып. 197.

Дворниченко, В. В., Федоров-Давыдов, Г. А. (1989) *Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука.

Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю. ЗООИД, т. VI. Одесса, 1867.

Зверев, С. Е. (1896) *Следы христианства на Дону в домонгольский период*. Археологические известия и заметки, издаваемые императорским археологическим обществом, т. IV, № 9–10.

Иерусалимская, А. А. (2012) *Мощевая балка. Необычный археологический памятник на северокавказском пути*. СПб.

Известия Императорского Русского археологического общества (1876), том VIII, вып. 1. СПб.

Казакова, Л. М. (1968) *Танаис — Ростов н/Д*: Ростовское книжное издательство.

Калоев, Б. А. (1963) *В. Ф. Миллер — Кавказовед, исследование и материалы*. Орджоникидзе: СОКИ.

Ковалевская, В. Б. (2005) *Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.* Москва.

Коробов, Д. С. (2019) *Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика*. М.–СПб: Нестор-История.

Кузнецов, В. А. (1971) *Алания в X-XIII вв.* Орджоникидзе, «Ир».

Кузнецов, В. А. (1992) *Очерки истории алан*. Владикавказ: Ир, 1992.

Кузнецов, В. А. (1999) *Изваяние «Дука-Бек» (историко-археологические проблемы) // Историко-археологический альманах*. Армавир. М.: Армавирский краеведческий музей. Вып. 5.

Кузнецов, В. А. (2002) *Христианство на Северном Кавказе до XV в.* Владикавказ: Ир.

Кузнецов В. А. (2016) *Древности Алагирского ущелья*. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016.

Кузнецов, В. А. (2017) *Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X-XII веках*. Пятигорск: Снег.

Кузнецов, В. А. (2019) *Змейские аланы, погребальный обряд и религия*. Владикавказ: Изд. Гассиева

Кузнецов, В. А. (2020) *Кто мы? Осетины — аланы Кавказа. Мин-во РСО-А по вопр. нац. отношений ; ФГБУН ФНЦ «Владик. научн. центр РАН» ; [науч. ред. А. А. Цуциев]* — Владикавказ : Ир.

- Кулаковский, Ю. А. (2000) *Избранные труды по истории аланов и Сарматии. Составление, вступительная статья, комментарии и карта С. А. Перевалова*. СПб.: Алетейя
- Латышев, В. В. (1893) *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 1, вып. 1*. СПб.
- Малахов, С. Н. (2015) *Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей*. М., 2015.
- Мамиев, М. Э. (2014) *Аланское православие: история и традиции*. М.: СЕМ, 2014.
- Миллер, В. Ф. (1893) *Древнеосетинский памятник из Кубанской области*. МАК, вып. III, М.
- Монгайт, А. Л. (1974) *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М., «Наука».
- Расторгуева, В. С. (1979) *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. Отв.ред. // М.
- Повесть временных лет (1950) ч. 1. М.-Л.
- Ростовцев, М. И. (1918). *Эллинизм и иранство на юге России. Общий очерк*. Пг.: «Огни».
- Скрипкин, А. С. (1990) *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов.
- Скрипкин, А. С. (1996) *К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры*. ВДИ. № 1.
- Сперанский, М. Н. (1895) *Придорожные кресты в Чехии и Моравии и византийское влияние на Западе // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. № 12*.
- Страбон (1964) *География в 17 книгах*. Перев. Г. А. Стратановского. Л., «Наука».
- Туаллагов, А. А. (2015) *Зеленчукская надпись*. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А.
- Федоров, Я. А. (1969) *Аланское городище и могильник Джашырын-кала в верховьях Кубани // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии: в 3-х т. Орджоникидзе: СОНИИ. Т. II*.
- Черчесова, М. Д. (1992) *Бернард С. Бахрах и его «История алан на Западе» Аланы. Западная Европа и Византия. (Alanica — I)*. Владикавказ: 1992.
- Шелов, Д. Б. (1972) *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Ястребицкая, А. Л. (1978) *Западная Европа XI—XIII веков*. М., Искусство.
- Bachrach, B. S. (1973) *A History of the Alans in the West: from their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages (Minnesota Monographs in the Humanities, 7)*. Minneapolis: University of Minnesota Press (London: O.U.P.).
- Kazanski M., Mastikova A., 1999. *Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua, Âd. 5*.
- Kiepert H. (1861) *Atlas Antiquus*. Berlin.
- Rostovtzeff, M. J. (1922) *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

REFERENCES

- Aleman', A. (2003). Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh. Moskva: Menedzher.
- Koshelenko, G. A., Kruglikova, I. T., Dolgorukov, V. S. (1984). Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia. Moskva: Nauka.
- Artamonov, M. I. (1962). Istoriia khazar. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Afanas'ev, G. E. (1993) Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniia basseina Srednego Dona. Moskva: Nauka.
- Skrzhinskaia, E. CH. (1971) Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. Leningrad: Nauka.
- Bakhrakh, S. Bernard. (1993) Alany na Zapade (ot pervogo ikh upominaniia do rannego srednevekov'ia). Moskva, Ard.
- Budanova, V. I. (1990) Goty v epokhu velikogo pereseleniia narodov. Moskva: Nauka.
- Dan'shin, D. I. (1990) Tanaity i tanaity v I–III vv. n.e. KS IA AN SSSR, vyp. 197.
- Dvornichenko, V. V., Fedorov-Davydov, G. A. (1989) Pamiatniki sarmatskoi aristokratii v Nizhnem Povolzh'e. Sokrovishcha sarmatskikh vozhdai i drevnie goroda Povolzh'ia. Moskva: Nauka.
- Drevnie akty Konstantinopol'skogo patriarkhata, otnosiashchiesia k Novorossiiskomu kraiu. ZOOID, t. VI. Odessa, 1867.
- Zverev, S.E. (1896) Sledy khristianstva na Donu v domongol'skii period. Arkheologicheskie izvestiia i zametki, izdavaemye imperatorskim arkheologicheskim obshchestvom, t. IV, no 9–10.
- Ierusalimskaia, A. A. (2012) Moshchevaia balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na severokavkazskom puti. SPb.
- Izvestiia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (1876), tom VIII, vyp. 1. SPb.
- Kazakova, L. M. (1968) Tanais — Rostov n/D: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kaloev, B. A. (1963) V. F. Miller — Kavkazoved, issledovanie i materialy. Ordzhonikidze: SOKI.
- Kovalevskaia, V. B. (2005) Kavkaz — skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. - I tys. n. e. Moskva.
- Korobov, D.S. (2019) Alany Severnogo Kavkaza: etnos, arkheologiya, paleogenetika. M.–SPb: Nestor-Istoriia.
- Kuznetsov, V. A. (1971) Alaniia v X–XIII vv. Ordzhonikidze, «Ir».
- Kuznetsov, V. A. (1992) Ocherki istorii alan. Vladikavkaz: Ir, 1992.
- Kuznetsov, V. A. (1999) Izvaianie «Duka-Bek» (istoriko-arkheologicheskie problemy) // Istoriiko-arkheologicheskii al'manakh. Armavir. Moskva: Armavirskii kraevedcheskii muzei. Vyp. 5.
- Kuznetsov, V. A. (2002) Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV v. Vladikavkaz: Ir.

- Kuznetsov V. A. (2016) *Drevnosti Alagirskogo ushchel'ia*. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2016.
- Kuznetsov, V. A. (2017) *Nizhnii Arkhyz i rannee pravoslavie. Alanskaia eparkhiia v X–XII vekakh*. Piatigorsk: Sneg.
- Kuznetsov, V. A. (2019) *Zmeiskie alany, pogrebal'nyi obriad i religiia*. Vladikavkaz: Izd. Gassieva
- Kuznetsov, V. A. (2020) *Kto my? Osetiny — alany Kavkaza*. Min-vo RNO-A po vopr. nats. otnoshenii; VSC «Vladik. nauchn. tsentr RAN»; [nauch. red. A. A. TSutsiev] — Vladikavkaz : Ir. Kulakovskii, IU.A. (2000) *Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii*. Sostavlenie, vstupitel'naia stat'ia, kommentarii i karta S. A. Ilerevalova. Sankt-Peterburg : Aleteiia
- Latyshev, V. V. (1893) *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze*, t. 1, vyp. 1. Spb.
- Malakhov, S. N. (2015) *Alaniia i Vizantiia. Istochnikovedcheskie aspekty politicheskikh i tserkovnykh sviazei*. M., 2015.
- Mamiev, M. E. (2014) *Alanskoe pravoslavie: istoriia i traditsii*. Moskva: SEM, 2014.
- Miller, V. F. (1893) *Drevneosetinskii pamiatnik iz Kubanskoï oblasti*. MAK, vyp. III, M.
- Mongait, A. L. (1974) *Arkheologiia Zapadnoi Evropy. Bronzovyi i zheleznyi veka*. M., «Nauka».
- Rastorgueva, V. S. (1979) *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskie iazyki*. Otv. red. // M.
- Povest' vremennykh let* (1950) ch. 1. M.-L.
- Rostovtsev, M. I. (1918). *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii. Obshchii ocherk*. Pg.: «Ogni».
- Skripkin, A. S. (1990) *Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt*. Saratov.
- Skripkin, A. S. (1996) *K voprosu etnicheskoi istorii sarmatov pervykh vekov nashei ery*. VDI. no 1.
- Speranskii, M. N. (1895) *Pridorozhnye kresty v Chekhii i Moravii i vizantiiskoe vliianie na Zapade // Arkheologicheskie izvestiia i zametki, izdavaemye Imperatorskim Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom*. no 12.
- Strabon (1964) *Geografiia v 17 knigakh*. Perev. G. A. Stratanovskogo. L., «Nauka».
- Tuallagov, A. A. (2015) *Zelenchukskaia nadpis'*. Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN i RSO-A.
- Fedorov, IA. A. (1969) *Alanskoe gorodishche i mogil'nik Dzhashyryn-kala v verkhov'iakh Kubani // Materialy po arkheologii i drevnei istorii Severnoi Osetii: v 3-kh t. Ordzhonikidze: SONII*. T. II.
- Cherchesova, M. D. (1992) *Bernard S. Bakhrakh i ego «Istoriia alan na Zapade» Alany. Zapadnaia Evropa i Vizantiia. (Alanica — I)*. Vladikavkaz: 1992.
- SHelov, D. B. (1972) *Tanais i Nizhnii Don v pervye veka nashei ery*. M.
- Yastrebitskaia, A. L. (1978) *Zapadnaia Evropa XI—XIII vekov*. M., Iskusstvo.

Борис Мысыккаты

независимый исследователь,

Малага, Испания

E-mail: boris.mysykkaty@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9011-4658>

СВЕДЕНИЯ ИОСАФАТА БАРБАРО ОБ АЛАНИИ И АЛАНАХ

Кроме подробно рассмотренных В. А. Кузнецовым сведений о Донской Алании, содержащихся в главах 7-ой по 12-ую, в труде И. Барбаро содержатся также другие весьма ценные данные об аланах, которые, пользуясь случаем, считаю необходимым привести и прокомментировать в этом небольшом приложении, сопоставляя их, там где это возможно с другими историческими сведениями его современников, а также синхронным картографическим материалом, в первую очередь «Картой мира» Фра Мауро.

Дополнительные сведения И. Барбаро о Донской Алании

В самом начале повествования в 5-ой главе труда И. Барбаро есть географический пассаж с описанием «Равнины Татарии» (*La pianura de Tartaria*), с востока она граничит с р. Волга (*e fiume de Ledil*), с запада и северо-запада с Польшей (*la Polonia*), с севера с Россией (*la Rossia*), границами южного рубежа, «там где земли обращены к Черному Морю (*el mar Mazor*)», выступают Алания (*la Alania*), Кумания (*Cumania*) и Газария (*Gazaria*). Последние страны все граничат с Азовским морем, т.е. под наименованием Алании речь не может идти сугубо об общеизвестной средневековой северокавказской Алании. Газарией (Хазарией) итальянцы именовали восточную часть Крыма, надо полагать здесь речь идет о юго-западном приазовском побережье. Под Куманией, «население которой получило свое имя от племени Куманов», подразумевается степная область, прилегающая к северным побережьям Азовского моря. В таком случае Алания теоретически могла прилегать к Азовскому морю как с восточного, так и с северо-восточного побережья, совпадающего с устьем Дона и местонахождением самого города Тана. Именно в этом направлении на расстоянии 60 миль по руслу реки, двигаясь от Таны, находился пресловутый

курган Контебе аланского князя Индиabu [Барбаро 1971: 114, 137–138, 154, 178]. О подобном расположении алан приазовья сообщает и более поздний источник, Франческо Тьеполо, в 1560 г., находившийся в Москве послом Венецианской республики. Он пишет, что от города Таны до устьев реки Волги живут чиркассы и аланы [Аннинский 1940: 328]. И действительно, на всемирно известной карте мира Фра Мауро, в Приазовье, к югу от Таны (*la tana*) и р. Дон, фиксируется провинция Ассов (*p. Asse*).

Фрагмент 1. Кубано-Приазовская низменность: к югу от р. Дон изображен г. Тана. Южнее между р. Ея и Кубанью помещена провинция ассов. Западнее от нее, на восточном побережье фиксируется укрепленный пункт Пессо

О титулатуре Индиabu

Барбаро именует Индиabu «синьором этих алан» (*Indiabu, signor de questi Alani*). Для средневекового итальянца данный термин вполне соотносим с титулом князя, феодального правителя, поскольку средневековый *signore* «владыка, господин, феодал» — это не просто местный элитарий, а лицо в руках которого сосредоточивается вся гражданская и военная власть итальянских городов-государств эпохи Возрождения. Впрочем, как И. Барбаро,

так и А. Контарини именуют тем же термином различных высокопоставленных персон: правителя Дербента; принца чингизида, восставшего против великого хана; правителя приазовских адыгских племен; князя Мингрелии; татарских правителей Крыма (*signor della campagna dell'insula de Capha*), отличая их при этом от великого хана (*el gran can*); Ширваншаха (*signore Sivansa, signore della Media*); московского великого князя (*signor duca di Moscovia; signor della Gran Rossia Bianca*), даже Иисуса Христа (*signor Iesu Christo*) и Бога (*signor Dio*) [Барбаро 1971: 114, 115, 117, 118, 128, 130, 193, 197, 202]. Принимая во внимание эти данные и приведенные в конце издания трактовки слов *signor* и *signorotto* как «владыка, правитель», а *segnorezare* и *signorezare* «править, владеть (народом, страной)», то титул алана Индиabu вполне очевиден, по всей видимости он был именно «правителем алан», населяющих территориальную единицу, именуемую Аланией, входившую в состав уже распадающейся Золотой орды. Аналогичную трактовку дает издание трудов И. Барбаро 1836 г., в котором В. И. Сименов именует Индиabu «Аланским Государем». И все же, какой именно титул мог носить в действительности этот государь и его государство? Данную деталь уточняет не кто иной, как его собственный внук, крымский хан Менгли Гирей (1445–1515), который в письме к Ивану III Васильевичу пишет, что его мать, супруга хана Хаджи Гирея, была княжеской дочерью: «моей матери царицинь отецъ Индіаву князь» [Зайцев 2014, 143–144]⁷. Из чего явствует, что небольшое по меркам Золотой орды государство Донская Алания, было ничем иным, как «Аланским княжеством», аналогичным синхронному ему готаланскому Княжеству Феодоро в Крыму). Напротив, бывшая метрополия аланского государства на Кавказе утратив свою государственность после монгольских завоеваний и разорительных походом Тамерлана, управлялась местными мелкими князьками (*signorotti*) [Криштоп 1970: 116–117]⁸.

Сведения И. Барбаро о Западной Алании на Кавказе

Прикубанскую Западную Аланию на Северном Кавказе упоминает И. Барбаро в 42-ой главе в отдельном пассаже, посвященном описанию че-

⁷ Любезно сообщено К. Ю. Рахно, также указавшим автору ряд других ценных источников.

⁸ Именами этих князей XV в. владычествующих на территории исторической Кавказской Алании мы не располагаем. Последними крупными фигурами являются, противостоящие Тамерлану в конце XIV в. аланские лидеры Буриберди и Буракан, братья Таус и Кулу, Пулад, Гаюрхан [Кузнецов 1992: 348].

редующихся народов, населяющих восточные побережья Азовского и Черного морей, а также степи и предгорья западной половины Северного Кавказа (область Кремук, Кипке, Татаркосия, Собаи, Кевертеи). Заключает данный список, перечисляющий народы, встречающиеся на пути в южном направлении от устья Дона (Таны) в сторону Мингрелии, этноним «Асы или Аланы, о которых мы говорили выше» (*As zoe Alani, di quali habbiamo parlato di sopra*). При этом по комментарию самого Барбаро, все эти страны не сильно удалены друг от друга, но говорят в них на различных языках (*paesi de diverse lengue*). В 45-ой же главе, описывая свое возвращение из Мингрелии в Тану, Барбаро упоминает важную деталь: «я перехожу реку, где раньше была Алания (*passo el fiume, dove era la Alanìa*), как я сказал об этом выше, и двигаюсь направо вдоль берега Забакского моря»⁹. Этой рекой, о которой он на самом деле больше нигде не упоминает, может быть лишь Кубань, которую необходимо преодолеть, чтобы прибыть по восточному побережью Азовского моря к устью Дона, где находилась Тана [Барбаро 1971: 128, 153].

Издание 1836 г. трактует приведенные племена следующим образом: Кремук — Темрюк, Кипке — шапсуги, Татаркосия — темиргойцы и бисленейцы, Собаи — абазы, Кевертеи — кабардинцы, Асы — «нынешние Осетинцы». Тем не менее, данный список отождествлений кажется несостоятельным, если его контрастировать с данными «Карты мира» (*Mappamondo*) венецианского монаха Фра Мауро, составленной картографом Андреа Бьянко в 1459 г., который знал данный край не понаслышке, поскольку он был капитаном судна, плававшим в Тану в 1437 г.¹⁰

К примеру, описанные Барбаро владения Кремук не следует отождествлять с ойконимом Темрюк, на карте Фра Мауро эта провинция (*p. Chremuch*) помещена в предгорной зоне Западного Кавказа и вероятнее всего являлась одним из черкесских княжеств, а точнее Темиргоевским феодалным владением на р. Белая и соответствует Белореченской археологической культуре XIV–XVI вв.

Кипке (*Chipche*) соответствует народу кебиков (*p. chebich*), расположенного западнее Кермука, на западном берегу Кубани (*fl. Copra*), их этническая принадлежность неизвестна, очевидно это было одно из западно-адыгских племен.

⁹ *Mar delle Zabache*, так средневековые итальянские географы именовали Азовское море, происходящее от татар. Чабак-денгеси, так его называли крымские татары.

¹⁰ Выражаю благодарность К. К. Кочиеву за обращение моего внимания на карту Фра Мауро, а также за ценные наблюдения и советы во время написания данного приложения.

Кевертеи вполне созвучны кабардинцам, восточным адыгам (черкесам), и отражены на карте Фра Мауро к западу от алан, как *cercasi*, изображены близ отдельного горного массива, который несомненно является Пятигорьем, и вполне соответствуя «пятигорским черкассам» русских документов XVII–XVIII вв. Получается, что уже в XV в. восточные адыги переселились и заняли опустошенные монголами аланские земли в районе нынешней предгорной зоны Кабардино-Балкарии. Город, лежащий к северу от алан и к востоку от пятигорских кабардинцев вряд ли может быть чем-то иным, как Верхним Джулатом, бывшей столицей Восточной Алании, известной позже под именем Татартуп и Ирак-и-Дадианом у Э. Челеби, тот самый «славный град Яський Деяков» русских летописей XIII в., находящийся «за рекою за Теркою, под великими горами под Ясскими». Таковую трактовку полностью подтверждают данные из труда Иоганна Шильтбергера (1381–1440), в 36-ой главе «Путешествий по Европе, Азии и Африке» перечисляя страны подвластные Татарии он упоминает «весьма гористую» страну Бештамак, «с главным городом Джулад (*Zulat*)»¹¹. Топоним Бештамак имеет прозрачную тюркскую этимологию и означает буквально «Пятигорловина» т.е. место соединения пяти рек, В. А. Кузнецов помещает урочище Бештамак в районе слияния пяти рек (Терек, Черек, Чегем, Баксан, Малка) в излучине Терека, там где он поворачивает на восток [Кузнецов 1992: 348]¹². Татаркосия (*Tatarcosia*) надо полагать является искаженным вариантом топонима Таркосия, под которым известна Большая Черкесия в трудах Иоанна де Галонифонтибуса (1404 г.), а на карте ей соответствует крупная область Черкассия (*Cercassia*).

¹¹ В 25-ой главе тот же автор снова говорит о Джулате, но уже в качестве наименования самой страны. На пути из Дербента в Великую Татарию путь проходил мимо гористой страны Джулад (*setzulat*) «населенную большим числом христиан, которые там имеют епископство. Священники их принадлежат к ордену кармелитов (*beyerfussen-Ordens*), которые не знают по-латыни, но молятся и поют по-татарски для того, чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Притом многие язычники принимают святое крещение, так как они понимают то, что священники читают и поют».

¹² Правда, следует принять во внимание практическую синонимичность Бештамака и Джулата, поскольку И. Шильтбергер называет гористой страной как Джулат, так и Бештамак, с главным городом Джулат. В таком случае под понятие «Пятигорловина» вполне подходит и само расположение Джулата у Эльхотовских ворот, откуда вытекает из узкой горловины Терек. Дур-Дур, Урсдон, Ардон, собственно Терек и Камбилеевка, сливаются в единый поток перед входом в теснину Аерджынараг, которая и могла вполне именоваться Бештамаком. Тем более, что речь идет о стратегически важном анклав и политическом центре Восточной Алании

Фрагмент 2. Западное Предкавказье: 1. Кавказ (*Chaucaxo*); 2. Кебик (*p. chebich*); 3. Кубань (*fl. cora*); 4. ... (...); 5. Кремук (*p. chremuch*); 6. Черкесия-Таркосия (*Cercassia*); 7. Ассы (*p. asse*); 8. Река Тагаса, Уруп или Лаба (*fl. Tagasa*); 9. Типичное пояснение о Кавказе: «На этой горе говорят бытуют тридцать языков, много религиозных вер и еще больше обычаев»

Что же касается асов или алан (*As zoe Alani*) то на карте Фра Мауро народ ассы (*p. Asse*) помещен не на Кавказе, а занимает северную часть Кубано-Приазовской низменности (см. фрагмент 1), к востоку от побережья Азовского моря, между течением рек отождествляемых без сомнений с Кубанью на юге и р. Ея на севере, севернее ее изображен г. Тана в устье р. Дон¹³. Маловероятно, что данный этноним является чем-то иным, нежели вариантом написания одного из самоназваний алан. Кроме И. Барбаро об этом сообщали многие авторы, к примеру Вильгельм де Рубрук, который пребывая в Крыму в середине XIII в. общался с аланами, «которые именуются там аас» (*Alani qui ibi dicuntur Aas*; варианты: *Aaas, Acias*), проезжая же вдоль Кавказа в восточном направлении он пишет, что в величайших горах (*montes maximos*) Кавказа живут «аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар» (*Alani sive Aas qui sunt christiani et adhuc pugnant contra Tartaros*). Иоанн III из Султанийе (Иоанн де Галонифонтибус) (XIV–XV вв.), перечисляя народы

¹³ Вероятнее всего именно эти аланы-асы, населявшие плодородную Кубано-Приазовскую низменность, являлись теми аланами, оказавшими гуманитарную помощь венецианцам во второй половине XIII в. Мартино да Канале сообщает, что в 1268 г. в Италии наступил великий голод. «Государь Лоренцо Тьеполо, дож Венеции, отправил свой корабль морем за 1500 миль от Венеции и повелел закупить хлеб в изобилии и раздать его по всему своему государству». «Что вам расскажу я? Татары, Аланы, Зихи, Руссы, Турки, Армяне и Греки дали в ту пору хлеб венецианцам» [Martin da Canal 1845: 650, 654].

Татарии упоминает, правда по отдельности, ассов (*Assi*) и алан (*Alani*), их же он помещает также у северных горных границ Грузии. Фра К. де Бридиа в его труде 1247 г., перечисляя народы, покоренные татарами, он упоминает и алан, которые называют себя аззами» (*Alani qui dicunt se Azzos*). Аналогичный список представлен в «Истории монголов» Иоанна де Плано Карпини, побывавшего у монголов в середине XIV в., он пишет об «аланах или ассах» (*Alani sive Assi*) и об остатке части алан (*quedam pars Alanorum*), еще не покорившихся монголам, очевидно речь идет об аланах группировавшихся вокруг Дарьяльского прохода и Алагирского ущелья [Алемань 2003: 33–36, 207, 209–210, 212, 216–217, 222]. Все эти данные позволяют видеть в ассах (*asse*) карты Фра Мауро тех самых алан, о которых писал в том числе И. Барбаро¹⁴.

Сведения И. Барбаро о Восточной Алании на Кавказе

Весьма интригующе полное молчание И. Барбаро о притерской Восточной Алании на Северном Кавказе и о Дарьяльском проходе. Описание центральной и восточной частей Северного Кавказа ограничивается сообщением в 52-ой главе о семидневном пути из Тамани (*Tumen*) в Астрахань (*Githercan*), к устью Волги (*Ledil*). Никаких описаний предгорных областей к югу от этого пути не следует. Аналогичное положение имеем с описанием центральной части Южного Кавказа, о которой в главе 62-ой говорится лишь то, что в Грузии (*Zorzania*), кроме Тбилиси (*Zifilis*), есть еще «замок, называемый Гори» (*uno castello, nominato Gori*) [Барбаро 1971: 132, 135–136].

Надо полагать, что данная территория к югу от упомянутой дороги, пересекающей Предкавказье являлась крайне беспокойной и опасной для путешественников и купцов. Это подтверждается небольшим комментарием из другой, не изданной Е. Ч. Скржинской части труда И. Барбаро. Так в описании своего путешествия в Персию автор уточняет, что весь этот участок между Большим и Бакинским морями «полон гор и долин, прекрасно обжитых в некоторых местах несколькими мелкими владетелями (*signorotti*) — нет никого, кто осмелился бы войти в их территории из страха быть ограбленным¹⁵, но в большей части они необитаемы» [Криштоп 1970: 116–117].

¹⁴ В главе 56-ой и 61-ой, Шильтбергер говорит о яссах (*Yassen / Jassen*), которых турки (язычники) называют ас (*Afs / Affs*). Вероятнее всего правильное прочтение этнонима у этого автора все же *Ass*. Аналогичным образом, в арабских источниках аланы часто проходят под этнонимами *al-Ās* и *al-'Allān*, к примеру Ал-Бируни в XI в. говорит о племени аланов и асов (*ġins al-Lān wa'l Ās*) [Алемань 2003: 33, 328, 333].

¹⁵ Побывавший в кавказской Алании венгерский монах Юлиан, оставил красочное достаточно детальное описание ее политической и социальной ситуации. «И наконец по-

Очевидно, речь идет в том числе и о той части алан (*quedam pars Alanorum*), не покорившихся монголам и о которых Рубрук пишет, что в 1254 г.: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине» [Алемань 2003: 212, 219].

Аналогичным образом косвенные данные, сообщенные современником И. Барбаро, позволяют предположить, что Дарьяльский проход в данный период не функционировал и выпал из основных торговых маршрутов того времени. Так А. Контарини утверждает, что «войти из Татарии в Медию и в Персию невозможно иначе, как через...» Дербент [Барбаро 1971, 216].

Фрагмент 3. Восточное Предкавказье: 1. Каспийские горы (*chaspio*);

2. Железные ворота, Дербент (*porte de ferro*); 3. Гиркания (*hircania*); 4. Тарку (*tarcho*);

5. Река Койсу (?), Сунжа (fl. *coisu*); 6. Пятигорские черкасы, кабардинцы (*cercasi*);

7. Аланы (*alani*); 8. Минеральные воды (*bans*); 9. «Здесь победил Тамерлан татарского императора в битве» (место Битвы на Тереке)

На карте Фра Мауро Кавказ разделен как бы на две половины: западную *Chausaxo* «Кавказские горы» и восточную *Chaspio* «Каспийские горы». Водоразделом изображенной неразрывной горной цепи должна была выступать река Терек, вырывающаяся из Дарьяльского ущелья на Осетинскую равнину. Однако, на карте Терек изображен восточнее и вытекает из «Каспийских гор», впадая в Каспийское море. Одно малое русло, несомненно отождествляемое с р. Сунжа (fl. **coiro*), огибает в восточном на-

пали в страну, что называется Аланией, где христиане и язычники живут вместе. Сколько там селений, столько и князей, и ни один из них не находится в подчинении у другого. Там постоянно продолжается война князя против князя и селения против селения» [Книга странствий 2006: 42].

правлении область Гиркания (*hircania*), соотносимая с Грозненской равниной, и впадает в Каспийское море близ города Тарку, о котором упоминают историки эмира Тимура при описании его похода против золотоордынского хана Тохтамыша, что собственно и присутствует на карте в качестве легенды и локализации (не совсем точной) «Битвы на Тереке» 15-го апреля 1395 г.

Другим основным руслом Терек уходит на север мимо города, отождествляемого с Верхним Джулатом (бывшим Дедяковым/ Татартупом), затем, соединившись в единый поток с р. Кума, вытекающей из Кисловодской котловины и протекающей вдоль Минеральных вод (*bans*) и далее мимо города отождествляемого с историческим Маджаром, затем Терек (*fl. Tercho*) поворачивает на восток и впадает в Каспийское море (*Mare Chaspiu*). Справа от выхода Терека из гор помещена предгорная местность, обитаемая аланами (*alani*). Все эти данные вполне соотносятся с более ранними сведениями армянского географического трактата «Ашхарацуйц» (букв. Карта мира):

«За дигорами находятся аланы в стране Ардоз Кавказских гор, откуда вытекает река Армн, которая, направляясь на север через бесконечные равнины, соединяется с Атлем» [Алемань 2003: 369].

Что же до упомянутых И. Барбаро необитаемых горных ущелий, то на карте Фра Мауро единственным крупным ущельем с выходом оттуда реки на равнину, не занятую каким-либо народом, является, как ни странно, самая лучшая из всех долин: у входа в Кисловодскую котловину этноним отсутствует. Единственным достойным упоминания объектом в этом районе картограф посчитал лечебные источники, соотносимые с Кавказскими Минеральными Водами (*Bans*). Кроме того, на карте обозначено множество входов в горы без обозначения рек, рядом с которыми также не упомянуты никакие племена. Такое положение дел прослеживается буквально от Терека до правобережья Кубани, на западном берегу которой уже помещается первое адыгское племя Кипке.

Вероятно, именно аланы, населявшие эту область, «были изгнаны и разорены татарами» (*furon scazati e destrutti per Tartari*). Куда они были изгнаны? Вполне допустимо, что часть их, вместе с тюркоязычными кунами, ушла в Венгрию и здравствует там по сегодняшний день в лице венгерских ясов (венг. *jasz*). Другая их часть была рекрутирована монголами и ушла в Китай, где под этническим именем асутов (монг. *asud*) своими заслугами они достигли высшие эшелоны военной иерархии при дворе юаньских императоров. Еще одна часть переселилась на южный склон Кавказа, где по сей день именуется грузинами осами (груз. *osi / ovsi*). Несомненно, была какая-то их часть переселившаяся и в близлежащую степную Донскую Аланию, именно она и отразилась на карте Фра Мауро как провинция ассов (*p. asse*) в Кубано-Приазовской низменности.

О рабах и работорговцах аланского происхождения

В. А. Кузнецов в статье пишет, что аланский «народ, подчиненный Золотой Орде, как говорилось, отсутствует в списках невольничьих рынков». Однако, некоторые данные об этом все же есть. Согласно сведениям об аланах, содержащихся в геноуэзских работорговческих документах XIV в. приведенных А. Алеманем в главе «4.38. Приложение II: аланские рабы (XIII–XIV вв.)», именно на Тану приходится наибольшее количество зарегистрированных аланских рабов и работорговцев, 8 из 14. При этом, 7 из них зарегистрированы в узких временных рамках с 1359 по 1360 гг. и только один в 1363 г., остальные же 6 нотариальных актов являются разнобойными, как по датам, так и по месту. Автор поясняет, что работорговля в Тане процветала «на протяжении всего XIV века она поддерживалась потребностью в рабочей силе, вызванной эпидемией «Черной смерти» на Западе, и спросом на молодежь для пополнения армий и гаремов мамлюкских султанов Египта» [Алемань 2003, 226–228]. Выявленные данные, быть может, указывают на некие драматические события, происходящие в Донской Алании на рубеже 1359–1360 гг. и совпадающие по времени с началом «Великой Замятни» в Золотой Орде, смуты продолжавшейся с 1359 по 1380 г.

К этимологии оронима Контебе

Пользуюсь словом ороним в силу данных самого И. Барбаро, называющего этот курган или городище словом *monte* «гора» и *monticello* «холм» [Барбаро 1971: 115]. Во втором элементе названия Контебе (*Contebé*) несомненно скрывается тюрк. -тепе «холм, бугор, вершина» (представленный в большом спектре фонетических вариантов: тепе, депе, тюбе, тёбе, тобе (ср. Курган-Тюбе, город в Таджикистане; Геок-Тепе село в Туркмении и пр.)

Этимология первого форманта: предполагаемое тюрк. кум-«песчаный»¹⁶, противоречит данным самого Барбаро, детально описавшего состав верхних слоев раскапываемого объекта [Барбаро 1971: 166]. Автор упоминает всевозможные чередующиеся слои (трава, уголь, пепел, просяная шелуха, рыба чешуя), но упоминаний о наличии песка в труде нет, сам же холм содержал «белый и настолько плотный грунт, что сделали в нем ступеньки, по которым и таскали носилки» [Барбаро 1971: 139–140].

¹⁶ Данный тюркский формант легко читается в наименовании реки Кумы, по которой уже в домонгольское время продвигались тюркские племена печенегов, осваивая плодородную Кисловодскую котловину и вклиниваясь в аланский массив, разделяя де-факто Аланию на западную «кубанскую» и восточную «терскую».

Учитывая, что речь шла о вероятной возвышенной цитаделе городища и о памятнике, имеющем неоспоримую привязку к имени местного аланского государя, быть может первый формант восходит к тюрк. хан «князь», титул феодального правителя, первоначально племенного вождя. В таком случае Хан-тапе могло обозначать как «княжеский курган» (осет. **ældary obaw*), так и «княжескую цитадель» городища, которую как правило занимал сам феодал (ср. осет. *ældary qæw* «княжеское селение» у Коста Хетагурова).

Сведения И. Барбаро о Крымской Алании

В своей статье В. А. Кузнецов по какой-то причине не упомянул крымских алан, также входивших в сложную систему внутренних связей между Донской Аланией и ее кавказской метрополией¹⁷. Между тем, этой Крымской Алании уделено достаточно внимания в труде И. Барбаро, при чем содержат они крайне интересные сведения. Географическое описание Крымской Алании автор дает в 51-ой главе: «Далее за Кафой, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней — Алания (*e poi la Alania*), которая тянется по «острову» в направлении к Монкастро» [Барбаро 1971: 157]¹⁸.

Описанные здесь границы Готии вполне совпадают с расположением функционировавшего в ту эпоху православного осколка византийских владений в Крыму, Княжества Феодоро, также именуемого Готфией, территория которого действительно простиралась к западу от Каффы (совр. Феодосия), занимая практически всю южную часть полуострова, за исключением ряда прибрежных территорий, контролирующихся Генуэзской республикой. Что же касается Крымской Алании, то согласно Барбаро ее территория находилась «за Готией» и простиралась в сторону северо-запада полуострова, в направлении к Монкастро (совр. Белгород-Днестровский). Данное описание несомненно следует понимать не буквально, будто Крымская Алания распространялась вплоть до Днестровского лимана, а расценивать в качестве ориентира. Следовательно, речь идет о центральной части и юго-западном побережье Крыма, которое действительно на-

¹⁷ В 7-ой главе своей работе «Очерки истории алан» В. А. Кузнецов рассмотрел практически весь имеющийся на тот момент материал по аланам в Крыму, сведения И. Барбаро включительно, вероятно по этой причине в данной работе он этот вопрос даже не озвучил [Кузнецов 1992: 127-141].

¹⁸ В 6-ой главе «Повести монаха Бенедикта» перечисляется население Крыма: «по правую руку земли саксов, которых мы считаем готами, и они христиане; затем аланов и они христиане, затем газаров — и они христиане». И так, западнее (и южнее) всего находятся готы, следующими упомянуты аланы, видимо севернее первых, за ними идут хазары, надо полагать занимающие восточную часть полуострова [Книга странствий 2006: 75].

правлено по диагональной линии к северо-западу, в сторону устья Днестра. Впрочем, эта территория частично относится к степному ландшафту полуострова, что противоречит данным самого И. Барбаро, уточняющего, что степной Крым был татарской подконтрольной территорией. Так в 46-ой главе автор пишет, что «Степь на «острове Каффы» подвластна татарам. Их правителем является Улуби сын Азихарея. Татар очень много, и при надобности они могли бы поставить от трех до четырех тысяч конников. У них есть два поселения, обнесенные стенами, но не представляющие собой крепостей. Одно — это Солхат, который они называют Инкремин, что значит «крепость», другое Керкиарде, что на их наречии означает «сорок селений»». Если Солхат (совр. Старый-Крым) находится в восточной части полуострова к западу от Каффы, то Керкиарде соотносится с укрепленным городищем Кырк-Ер, позже известным как Чуфут-Кале, находившимся на возвышенном горном плато близ Бахчисарая. Получается, одно из основных татарских поселений оказывается прямо на территории отводимой самим же Барбаро готам и аланам¹⁹. Как это объяснить? Все просто, крепость Кырк-Ер издавна была населена аланами и являлась их основным оплотом, на что указывают как археологические факты, так и письменные источники. В 1299 г. она была взята штурмом монголами и разорена, а затем стала заселяться татарами, став в конечном итоге одним из основных центров Крымского ханства. Правда, еще в первой половине XIII в. арабский географ Абу'л-Фида упоминает народ асов среди населения проживающего в неприступной крепости К-р-к-р. На то же указывает более поздний турецкий историк Зенбилли Али-эфенди, который, описывая Крым, вспоминает, что «Кырк-Эр есть крепость из городов ассских на севере от Сары-Кермана». Впрочем, это уже не было независимое княжество: Марино Санудо Старший докладывал французскому королю Филиппу IV в 1334 г., что среди зависящих от татар народов есть и крымские готы с небольшим числом алан [Кузнецов 1992: 136]²⁰. Правда в начале XV в., во время децентрализации власти в Золотой Орде, крымские аланы все же пытаются вновь обрести независимость, о чем сообщает турецкий историк

¹⁹ Второе также имело аланское население, о чем упоминает Ибн Абдеззахыр во второй половине XIII в. [Кузнецов 1992: 127–139].

²⁰ Эти три источника отсутствуют в труде А. Алеманя [Алемань 2003]. В ходе работы над этим приложением, автору данных строк стала очевидна необходимость в историко-лингвистическом компилятивном труде, в котором бы были собраны и прокомментированы, аналогично труду А. Алеманя, все источники по аланам относящиеся к XIV–XVI вв., поскольку это крайне значимый период для осетиноведения, ведь именно в этот период происходит окончательный этногенез и формирование традиционной культуры осетин Центрального Кавказа

XVIII в. Сейид-Мухаммед Риза ал-Кырыми, который располагал более ранними письменными источниками. В прошлом в крепости «Кырк-Ера проживали аланы (асы) — гяуры, оказавшие неповиновение татарам. Один из потомков Чингиз-Хана Шейбек-Хан (правил с 1400 по 1408 гг.) после долгой осады захватил крепость». Результатом стало изгнание алан из крепости, ставшей в середине XV в. столицей Крымского ханства [Сланов 2016: 67].

Фрагмент 4. Крымский полуостров и Боспорский пролив: К северу от г. Херсонес Таврический (*cresona*) фиксируется провинция готов (*p. Goti*), а к северу от нее аланы (*alani*)

На карте Фра Мауро, практически синхронной сведениям И. Барбаро, обозначена провинция Готов (*p. Goti*), а за ней помещены аланы (*alani*) на юго-востоке полуострова (на изображении Керченский пролив слева, Перекопский перешеек внизу). Не совсем понятно обозначены ли эти народы смешанно или по отдельности, поскольку Аланию на Северном Кавказе картограф также пишет не как *Goti* с большой буквы, а с маленькой *alani* (см. выше фрагмент карты) и аналогичным образом без обозначения ее как отдельной провинции (*P.*). Не исключено, что на карте обозначен уже смешавшийся этнос готаланы, тогда на карте следует читать *p. Gotialani* (см. ниже).

В своих сведениях И. Барбаро упоминает четыре владения, на которые делится Крымский полуостров. Татары, несмотря на то что владели всем полуостровом, в основном занимали степную его северную половину. Восточная часть именовалась Газарией. Там на берегу Феодосийского залива находился важный торговый город Каффа, генуэзцы, с согласия татар,

контролировали его и целую цепочку крепостей на юго-восточном побережье²¹. Юго-западную часть Крыма, за исключением части побережья, занимала Готия (Γοθία) или Княжество Феодоро (Θεοδόρο), со столицей в городе Дорос (совр. Мангуп) и управляемая собственным князем. Что же до алан, то они по всей видимости занимали территорию севернее Готии и основным их центром, до завоевания татарами, был укрепленный город Кырк-Ер (Чуфут-Кале)²². Не исключено и их присутствие вдоль западного крымского побережья, на что указывают как сведения И. Барбаро, так и карта Фра Мауро.

Соответствуют ли данные и локализация Крымской Алании в юго-западной части Тавриды действительности? Приведу небольшой пересказ, хорошо известных данных о крымских аланах, собранных и изложенных В. А. Кузнецовым еще в 1984 г., которые полностью подтверждают предложенную выше трактовку как карты, так и сведений И. Барбаро.

Продвижение алан в Крым шло по двум направлениям, через Босфорский пролив, оседая преимущественно в юго-восточной его части, и с севера через Перекопский перешеек, оседая в юго-западной части полуострова. В этих районах с первых веков н.э. появляются прибрежные города с иранской этимологией их названий: в восточной части это Ардава «Семибожная» (совр. Феодосия) и Сугдак «Чистый» (совр. Судак), в западной это Дандака «Зуб, клык» (Усть-альминское городище к северу от Херсонеса) [Кузнецов 1992: 127–129].

Именно в юго-западной части Таврики происходит накопление ираноязычного этнического населения, как позднескифского, так и сармато-аланского, которое становится основным оседло-земледельческим массивом в этой наиболее благодатной и плодородной части Крыма [Кузнецов 1992: 130–131]. До прихода готов в III в., аланы властвуют практически над всем Крымом.

²¹ Венецианская и генуэзская республики утвердили свое присутствие в восточно-европейском регионе через свои торговые колонии вдоль восточного побережья Крыма, в первую очередь Каффу, а также Тану в устье Дона. Эти города, по сути, стали западной оконечностью северного караванного пути из Китая через Волгу, в обход прежнего маршрута через перевалы Кавказа в Абхазию, безопасное функционирование которого обеспечивали цари Алании на протяжении нескольких веков. После же разорения Алании монголами, и особенно Тамерланом, северокавказский отрезок Великого шелкового пути через верховья Кубани, как, впрочем, и Дарьяльский проход, очевидно выпали из международных торговых маршрутов.

²² В 36-ой главе Шильтбергер замечает, что город Киркьер находится «в хорошей области, именуемой Готфией, но которую язычники называют Тат. Она заселена греческими христианами, и в ней производят хорошее вино».

После оттока гуннов из Паннонии в V в, часть их вторглась в Крым, что повлекло уход готского и скифо-сармато-аланского населения с равнин в горные районы в достаточно изолированные от степи районы юго-западной части полуострова и юго-восточного надгорья от Керчи до Судака [Кузнецов 1992: 132]. Видимо из-за смешения этих этнических групп данное варварское население юго-западного нагорья, с центром в Доросе-Мангупе, в источниках VI–IX вв. именуется не иначе, как готы. С VII в. Крым входит в сферу влияния Хазарского Каганата, но изменений в данном регионе полуострова не происходит, за исключением притока населения из более восточных районов Крыма. Одним из основных центров с аланским населением выступает нагорный «пещерный город» Кырк-Ер (крепость Чуфут-кале), где известны сармато-аланские погребения. В хазарское время здесь-же фиксируются два эпиграфических памятника VII–VIII вв. с древнееврейскими надгробными надписями содержащими имена «Моисея Алани, сына Иосифа Алани» и «Гошла Алани» [Кузнецов 1992: 136]. В этом стратегическом опорном пункте видят центр зарождающегося феодального княжества в юго-западном Крыму. Его основную зону интересов составлял прибрежный византийский г. Херсонес Таврический, защиту которого обеспечивала именно эта аланская группировка, в XIII в. епископ Феодор сообщает об «аланском селении неподалеку от Херсона» следующее: «Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонесцев, словно некое ограждение и охрана города», этих алан он называет «малыми аланами», явно по сравнению с более мощным аланским массивом на Кавказе [Кузнецов 1992: 135].

Восточная часть Крымской Алании обеспечивала идентичную защиту густо населенной долины Алушта, от проникновения неприятеля через Ангарский перевал, видимо именно она упомянута в византийском церковном акте 419 от 1390 г. под наименованием «Алания» [Кузнецов 1992: 139].

К XVI в. последние остатки крымских алан были ассимилированы крымско-татарским населением, память о них сохранилась лишь в названии существовавшего в XIX в. крымско-татарского Асского джемата (общины), а также названиях селения Ас и урочищ Биюк-Асс, Кучук-Асс, Тенеш-Асс, Тереклы-Асс и Табулды-Асс, несомненно связанных с этнонимом алан-асов [Кузнецов 1992: 141].

И. Барбаро и гипотеза гото-аланского происхождения испанской Каталонии

Приведенными выше сведениями о крымских аланах И. Барбаро не ограничивается. В той же 51-ой главе, после лингвистического наблюдения

о языке готов, который является германским (*todesco*), автор продолжает свой рассказ о готах и аланах. «Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы (*Gothalani*). Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также как и черкесы» [Барбаро 1971: 131–132, 157].

Е. Ч. Скржинская обращает внимание на важную деталь из этого текста. «Слово «готаланы» дает основание предполагать, что в XV в. было в употреблении такое этническое название, причем исходившее, вероятно, от самих его носителей: ведь Барбаро пишет, что они сами себя так называют *«chiamose Gothalani»*» [Барбаро 1971: 181].

И действительно, еще один синхронный источник также указывает на смежное проживание готов и аланов в Крыму. Бургундский путешественник Бертрандон де ла Брокьер (1400–1459), перечисляя народы, живущие близ побережья Черного моря, кроме черкесов, зигов, аваров и мингрелов, упоминает также неких готланов (*Gothlans*), несомненно соответствующих готаланам Барбаро. Автор уточняет, что все они христиане и живут вокруг Большого моря, т.е. Черного моря (*habitans autour de la mer Maiour*), что также согласуется с данными И. Барбаро [Broquière 1892: 153]. Не исключая, что аналогичных источников может быть больше.

Имея в виду данные Барбаро о смежном проживании и даже едином этнониме, под которым было известно это население, состоявшее из готов и алан, можно предположить, что после монгольских завоеваний полуострова, более северное аланское население было вытеснено в горные части южного Крыма, где проживали готы, запустив процесс формирования нового этноса, готаланов, аналогично тому, как на Кавказе именно вытеснение предкавказских народов во внутренние горные территории в эпоху монгольской гегемонии в степях, в первую очередь алан и половцев, запустил начальный процесс формирования такого народа, как балкарцы и карачаевцы²³. Об этой ситуации в Крыму прямо говорит Ибн-ал-Асир: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы...», аналогичная картина имела место быть и в других частях Крыма [Кузнецов 1992: 138].

²³ Весьма возможно, что если бы венгерские яссы и куманы, уходя от монгольских завоевателей, переселились бы в замкнутый анклав, а не в просторный степной ландшафт венгерского Альфёльда в двух независимых областях Ясшаг и Куншаг, то был бы запущен идентичный процесс формирования нового двухкомпонентного этноса *Jasz-kunok*.

Существует современная точка зрения, связывающая наименование испанской провинции Каталония с аланами. Первоначальная форма *Гот-Алания «Страна готов и алан», считается слиянием двух этнонимов. Данная гипотеза была высказана достаточно давно и встречается во многих испанских и каталонских книгах XVI–XIX вв., но восходит она по всей видимости к труду венецианского историка Флавия Бьонда (1388–1463), писавшего в конце седьмой книги «*De Roma triumphante*», что от имен готов и алан (*Gothi & Halani*) в северо-восточной Испании остался испорченный термин Готалани (*corrupto uocabulo Gothalani*) [Blondus 1559: 100]²⁴.

Идентичная ситуация действительно фиксируется, мы это уже видели выше в аутентичных исторических источниках, правда спустя тысячу лет и на другом полуострове. Как сообщение Иосафата Барбаро (1413–1494), так и Берtrandона де ла Брокьер (1400–1459) упоминают неких готаланов, потомков готов (*Gothi*) и алан (*Alani*), проживающих в Крыму, которые слившись в единый народ, «*ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами*» (*Gothalani*).

Но ведь сам Барбаро в своем труде имеет в виду именно крымских готаланов, не перенося данный этноним на каталонцев Испании, которых он упоминает в своем сочинении (*Cathelani*) в качестве пиратов, тем самым различая оба народа [Барбаро 1971: 127]. Каким образом он мог стать первоисточником подобной средневековой историко-этимологической гипотезы?

Все дело в том, что оба автора были не только венецианцами, но и современниками, по этой причине вполне возможно, что Флавий Бьондо был знаком с письмами, отчетами, либо с самой рукописью труда Иосафата Барбаро «Путешествие в Тану»²⁵, которые и могли натолкнуть историка на идею об аналогичном этногенетическом процессе смешения готов и аланов в позднеантичной Испании. Это допущение частично подкрепляется идентичной терминологией для обозначения данного этноса, оба автора употребляют этноним *Gothalani*: Барбаро в отношении крымского народа, Бьондо в отношении испанского.

С другой стороны, все же нельзя полностью исключать и саму возможность данной гипотезы, в силу наличия значительного аланского элемента в составе вестготского народа. Скорее всего, именно аланская груп-

²⁴ В другом труде тот же пассаж содержит термин Кателаны (*corrupto uocabulo cathelani*) [Blondus 1484: 126].

²⁵ Тем более это возможно, поскольку в начале книги И. Барбаро был представлен уникальный доклад по раскопкам кургана Контепе, что имея в виду большой интерес Ф. Бьондо к древностям должно было привлечь его внимание к данной книге, ведь именно Бьондо считают одним из первых современных археологов.

пировка, занимающая степи Северного Причерноморья, особенно та, которая находилась в Днестровско-Дунайском междуречье в догуннский период (до IV в.), имела наиболее тесные связи с вестготами, появившимися в Северном Причерноморье в III в. Именно эти аланы и могли уйти с вестготами на запад при давлении на них со стороны восточных соседей с началом гуннского времени [Кузнецов 1992: 123–127]. Ведь именно с вестготами аланы предпринимали свои первые совместные военные предприятия на территории поздней Римской Империи. Такой союзнический симбиоз несомненно повлек смежные браки и запустил процессы частичной ассимиляции алан в среде более многочисленных готов. Наиболее известными примерами подобного происхождения являются римский император Максимиан I Фракийец и хронист готской истории Иордан, оба готы по отцу и аланы по матери.

Как сообщают Григорий Турский, продолжение хроники Проспера Аквитанского и тот же Иордан, в 453 г., спустя два года после битвы при Каталаунских полях (*in campis Catalaunicis*)²⁶, готы под предводительством их нового короля Торисмуда нанесли военное поражение и подчинили себе один из крупных аланских контингентов Галлии [Алемань 2003: 175, 182, 191, 193, 564]. Сам А. Алемань полагает, что речь идет о контингенте аланов короля Сангибана, расположенного в Орлеане (*Alanorum partem, trans flumen Ligeris considentem*) и участвовавшего в ожесточенной битве на Каталаунских полях [Алемань 2003: 176].

Аналогичная ситуация, надо полагать, имела место и в Испании после поражения лузитанских алан короля Аддака, одна их часть в 418 г., вероятно та, которая заселяла земли северной Лузитании, попала под власть королей вандалов-асдингов Галеции, которые сохранили этническое название алан в двуэтническом королевском титуле, *Rex vandalarum et alanorum* [см. Алемань 2003: 418]²⁷. Другая часть алан несомненно попала в зависимость от вестготов и скорее всего была выведена из южной Лузитании и Карфагеники в подконтрольные Риму или готам территории, к примеру, в ту же Тарраконскую, в историческую территорию которой входит Каталония. Факт наличия пленных алан после испанской кампании Валии отражен на аллегорических изображениях консульского триптиха Констанция III, основного зачинщика разгрома алан и вандалов Испании.

²⁶ Иногда, для решения проблемы этимологии названия Каталонии привлекается созвучный топоним «Каталаунские поля», на которых коалиция римлян, готов и алан одержала решающую победу над гуннами Атиллы в 451 г. Тем не менее, его следует связывать с термином *catalauni*, этнонимом одного из кельтских племен Галлии, населяющего ту территорию задолго до Великого переселения народов.

²⁷ Двухкомпонентного этнонима, *вандаланы, в отличие от готского варианта готаланы, источники не упоминают.

Что же касается топонимического материала, то как к северу, так и к юго-западу от Каталонии встречаются некоторые предположительно аланские топонимы, *Alenya* близ Перпиньян, оронимы, содержащие элемент *Alano* близ Уэски, а также ряд аналогичных названий в Пиренеях.

Стало быть вполне допустимо, что на территории Каталонии рубежа V–IV вв. действительно могло проживать смежное гото-аланское население, позже давшее название этому региону. Не секрет, что ряд современных названий целых областей и даже стран отражают этнонимию осевших либо проживающих там длительное время позднеантичных «варварских» народов, примеров достаточно: Силезия от имени вандалов силингов, Бургундия от бургундов, Ломбардия от лонгобардов, Франция от франков, Англия от англов, Саксония от саксов, Алемания (название Германии по-испански) от Аламанов, Андалусия от вандалов и т. д. То же самое можно сказать о двухкомпонентных этнонимах, примеров которых более чем достаточно: аланорсы, утидорсы, тавроскифы, кельтиберы и пр. Вполне допустимо, учитывая все вышеприведенные данные, в первую очередь крымские аналогии, что Каталония действительно отражает этнонимы готов и алан, правда в какой период данный топоним возник, это уже совершенно другой вопрос.

Совершенно точно лишь одно: проблема более чем тысячелетних взаимоотношений готов и алан заслуживает специального, обстоятельного и разностороннего научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Алемань Агусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., «Менеджер», 2003.

Аннинский С. А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо. Исторический архив. — Москва-Ленинград: издательство АН СССР, 1940. — Т. III. — С. 305–388.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступит. статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л., «Наука», 1971.

Книга странствий. Пер с лат. и ст.-фр., сост., статьи и ком. Н. Горелова. — СПб.: Азбука-классика, 2006.

Криштоп А. Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений, Вып. I. Дагестанский ГУ им. В. И. Ленина. 1970.

Кузнецов В. А., Очерки истории алан, 2-е изд. допол. Владикавказ, Ир, 1992.

Зайцев И. В. Образование Крымского ханства. // История татар с древнейших времен в семи томах, т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв., Казань, 2014.

Сланов А. А. Аланы в Крыму // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. № 2, 2016.

Flavius Blondus, *Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades*. Venetiis: Octavianus Scotus, 1483

Flavius Blondus, *De Roma triumphante* Basilea: Frobenius & Episcopus, 1559.

Broquière 1892 — *Le voyage d'outremer de Bertrandon de La Broquière, premier écuyer tranchant et conseiller de Philippe le Bon, duc de Bourgogne* / publ. et annot. par Ch. Schefer. Ed. E. Leroux. Paris. 1892.

Martin da Canal 1845 — *La "Cronique des Veniciens" de Maistre Martin da Canal*.

A cura di Filippo Luigi Polidori // *Archivio Storico Italiano*. — Tomo VIII. — Firenze, 1845.

REFERENCES

Aleman' Agusti. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh*. M., «Menedzher», 2003.

Anninskii S. A. *Rassuzhdenie o delakh Moskovii Franchesko T'epolo*. *Istoricheskii arkhiv*. Moskva-Leningrad: izdatel'stvo AN SSSR, 1940. T.III. pp. 305–388.

Barbaro i Kontarini o Rossii. *K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. Vstupit. stat'ia, podgotovka teksta, perevod i kommentarii* E. CH. Skrzhinskoi. L., «Nauka», 1971.

Kniga stranstvii. *Per s lat. i st.-fr., sost., stat'i i kom.* N. Gorelova. — Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2006.

Krishtop A. E. *Svedeniia zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov XV veka o Dagestane // Voprosy istorii i etnografii Dagestana. Sbornik nauchnykh soobshchenii*, Vyp. I. Dagestanskii GU im. V. I. Lenina. 1970.

Kuznetsov V. A., *Ocherki istorii alan*, 2-e izd. dopol. Vladikavkaz, Ir, 1992.

Zaitsev I. V. *Obrazovanie Krymskogo khanstva. // Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh*, t. IV. *Tatarskie gosudarstva XV-XVIII vv.*, Kazan', 2014.

DOI: 10.46698/VNC.2024.18.45.001

Алан Ахсарович Туаллагов

доктор исторических наук, заведующий
отделом археологии, СОИГСИ ВНЦ РАН
(362040, РСО-Алания, Владикавказ,
пр-кт Мира, д. 10.)
E-mail: soigsi@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>

ЗНАМЕНА АЛАН

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена изучению визуальных символов алан и их культурно-исторической преемственности, исследуемых в рамках проблематики геральдики и вексиллологии. Подводятся и общие итоги с включением предшествующих работ автора в данном направлении. Целью исследования является выделение и анализ типов аланских знамен и связываемых с ним геральдических символов. Новизна исследования заключается в анализе конкретных данных источников, который дополняется их рассмотрением в культурно-историческом контексте эпохи средневековья, в систематизации накопленного опыта по реконструкции истории формирования и распространения соответствующих знамен. Исследование основывается на выявляемых оригинальных данных письменных источников и археологических памятников. В его ходе использовались методы текстуального исследования источников, визуального анализа изобразительных памятников, индуктивного и логического анализа на основе принципа историзма и системности изложения.

Среди представленных зооморфных символов определяются образы кошки, кунцы, собаки, льва, крылатой львицы, дракона и оленя. Историческая достоверность большей части из них на современном этапе вызывает объективные сомнения. В число таких символов, бесспорно, входят и те, которые явно представляют собой авторские интерпретации. Исключением являются драконообразные знамена алан. Наиболее обоснованным представляется решение о первоначальном формировании таких знамен в древнем Китае, где сам образ дракона обрел тесную символическую связь с идеей верховной власти. Из Китая знамена были заимствованы в контактной зоне их северными соседями, у которых символом власти и покровителем воинских союзов выступал пес-волк. В резуль-

тате знамена были преобразованы на основе контаминации заимствованного и оригинального образов, что сформировало собственные драконообразные знамена с головой волка и телом змея. Такие знамена хуннов получили свое дальнейшее распространение и послужили прототипами для волчьих знамен тюркских народов. Другая линия развития была связана с ираноязычным сармато-аланским миром. Через него знамена распространялись не только в родственной этнокультурной среде, включая образцы как с головами, так и без голов, но и достигли вместе со своими носителями Западной Европы. Здесь они оказались включены в число римских воинских знамен и императорских инсигний, но со временем утратили символическую связь с образом пса-волка, преобразовавшись в исключительно драконообразные знамена. Дериватами этих знамен могут служить некоторые образцы, представленные в традиционной культуре осетин. Данное положение представлено и в отношении знамен с двумя окончаниями и со скошенным или ступенчатым основанием.

Ключевые слова: вексиллология, геральдика, письменные и археологические источники, символизм, аланы.

Для цитирования: Туаллагов А.А. Знамена алан // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. С. 76–141.

Рукопись поступила в редакцию 07.09.2024

Рукопись принята к печати 01.11.2024

Alan Akhsarovich Tuallagov

Dr., Head of the Department of Archeology,
V.I. Abaev North Ossetian Institute of
Humanitarian and Social Studies, Vladikavkaz
Scientific Center of RAS (362040, RNO-Alania,
Vladikavkaz, Mira Avenue, 10.)

E-mail: soigsi @mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>

BANNERS OF THE ALANS

Abstract. The proposed article is devoted to the study of visual symbols of the Alans and their cultural and historical continuity, studied within the framework of the problems of heraldry and vexillology. General results are also summarized, including the author's previous work in this area. The purpose of the study is to identify and analyze the types of Alanian banners and heraldic symbols associated with them. The novelty of the study lies in the analysis of specific source data, which is supplemented by their consideration in the cultural and historical context of the Middle Ages, in the systematization of the accumulated experience

in reconstructing the history of the formation and distribution of the corresponding banners. The study is based on the identified original data of written sources and archaeological sites. In its course, the methods of textual study of sources, visual analysis of pictorial monuments, inductive and logical analysis based on the principle of historicism and systematic presentation were used.

Among the presented zoomorphic symbols are the images of a cat, a marten, a dog, a lion, a winged lioness, a dragon and a deer. The historical authenticity of most of them at the present stage raises objective doubts. Among such symbols, undoubtedly, are those that clearly represent the author's interpretations. The exception is the dragon-shaped banners of the Alans. The most reasonable solution seems to be the decision on the initial formation of such banners in ancient China, where the image of the dragon itself acquired a close symbolic connection with the idea of the supreme power. From China, the banners were borrowed in the contact zone by their northern neighbors, for whom the wolf-dog acted as a symbol of power and patron of military unions. As a result, the banners were transformed on the basis of contamination of the borrowed and original images, which formed their own dragon-shaped banners with the head of a wolf and the body of a snake. Such banners of the Huns received their further distribution and served as prototypes for the wolf banners of the Turkic peoples. Another line of development was connected with the Iranian-speaking Sarmatian-Alanian world. Through it, the banners were spread not only in the related ethnocultural environment, including examples with and without heads, but also reached Western Europe along with their carriers. Here they were included among the Roman military banners and imperial insignia, but over time they lost the symbolic connection with the image of the wolf-dog, transforming into exclusively dragon-shaped banners. Some examples presented in the traditional culture of the Ossetians can serve as derivatives of these banners. This position is also presented in relation to banners with two ends and with a beveled or stepped base.

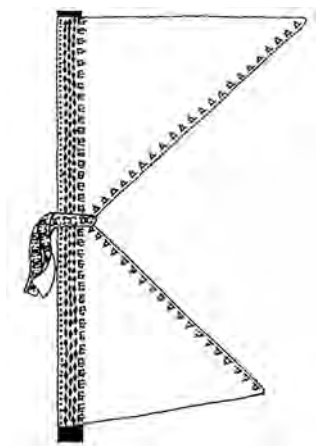
Keywords: vexillology, heraldry, written and archaeological sources, symbolism, Alans.

For citation: Tuallagov A.A. Banners of the alans // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX, P. 76–141.

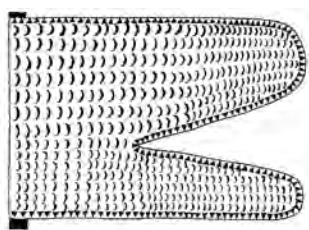
Received on 7 September 2024

Accepted on 1 November 2024

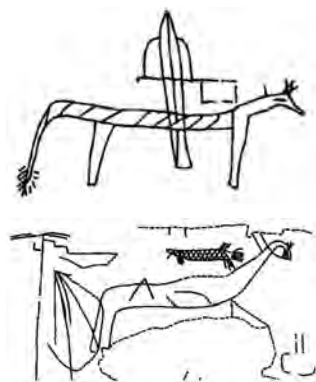
В истории алан известны различные типы знамен. Согласно одной из гипотез, два наиболее ранних из них обнаружены в тайнике насыпи кургана «Дачи» (Нижний Дон), рубежа I–II вв. Согласно реконструкции, они представляли собой кожаные полотнища с двумя окончаниями, обшитыми золотыми бляшками различных геометрических форм. Первое было очень узким, с острыми окончаниями и двумя лентами завязками у древка (илл. 1). У второго знамени окончания были округлыми, а верхнее было несколько длиннее нижнего (илл. 2).

Илл. 1

Илл. 2

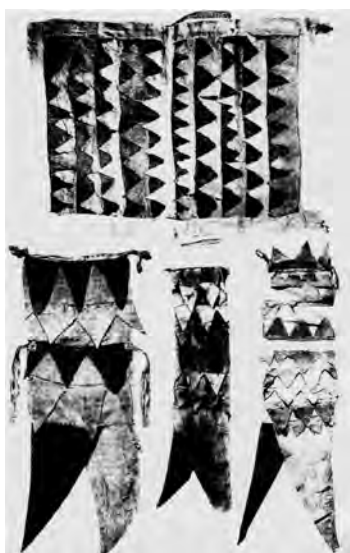

Илл. 3

Для декора знамен и креплений завязками указаны параллели в материалах кургана № 6 хуннского могильника Ноин-Ула (Монголия) начала I в. н. э. Сопоставление полагается допустимым с учетом версии о миграции «протоалан» из Центральной Азии и фиксации разнообразных хуннских элементов в Сарматии после прихода алан в I–II вв. Находки сопоставляются с изображениями двух знамен на стенах Кяфарской гробницы (Карачаево-Черкесия), которую предложено считать захоронением Дорголела, правившего в Алании в XI в. Им, в свою очередь, находят прямые параллели в свадебных и траурных знаменах осетин и иных образцах [Уарзиати 1987: 114–115, 128; Яценко 1993: 66; 2001: 367–369; Воронятов, Мачинский 2010: 70; Воронятов 2012: 7]. Подобные траурные знамена, но прямоугольной формы усматривают в процарапанных рисунках (граффити) рубежа нашей эры в храме Байты III (Казахстан) (илл. 3), которые связывают с комплексом сармато-аланских представлений [Яценко 2017: 273–274].

Вынужденно отвлекаясь от нашей темы, следует заметить. Высказывавшиеся утверждения о признании осетинами себя преемниками культурного и символического, включая геральдического, наследия тюрков [Саламзаде, Абдуллаева 2017: 72–73], не имеет никакого основания. Приведение при таком утверждении мнения о существовании «флагов аланских каганов VIII–XIV вв.» некоего цвета с геометрическим изображением и тюркоязычными надписями апеллирует к квазинаучным утверждениям [Салпагаров 2002], т. е. ни к чему.

Возвращаясь к нашей теме, укажем, что сопоставление с ноинулинскими материалами (илл. 4) относится к плоскому «четырёхугольному шёлковому... флагу с треугольными фестонами» и цилиндрическим двухконечным «шёлковым флагам-джалсанам с треугольными фестонами» на деревянном обруче, найденными в кургане № 6 [Руденко 1962: 91, 118, таб. LII, 2–4].

Илл. 4

Илл. 5

Илл. 6

Вместе с тем, высказывалось мнение, что цилиндрические образцы могут относиться к деталям костюма [Полосьмак 2011: 122]. Были высказаны и возражения к реконструкции материалов из кургана «Дачи» и предложена их иная реконструкция, связанная с конским снаряжением [Лукьяшко, Филимонова 2001: 339–345; Филимонова 2008: 72], которые, в свою очередь, были пунктуально отвергнуты [Яценко 2003: 312–315].

Исследователям известна тесная связь знамени с копьем, включая использование в качестве знамени копья со специальным знаком. В Андреевском кургане (Мордовия) I–II вв., содержащем сарматские материалы, найдена насадка на копье с двумя петлями для крепления небольшого знамени (илл. 5). Ее сопоставляют с втулкой копья (илл. 6), украшенной золотой обкладкой, разноцветными камнями и тамгообразным знаком, из подкурганного погребения возле Аджимушкайских каменоломен (Крым) IV в. н. э. Такое копье с втулкой могло служить для подвешивания знамени по типу римского vexillum, как изображено, например, в росписи Стасовского склепа (Крым) II в. н. э. [Воронятов 2012: 4–7].

Тамгообразный знак на втулке включают в число знаков царей Боспорского царства, имевших сармато-аланское происхождение. В их верхней части в форме тамгообразного знака могло представляться схематичное изображение дракона [Туаллагов 1994: 61–62; 2000: 160–161; 2002: 103–104; 2004: 283]. Исследо-

ватели полагают, что тамгообразные знаки могли наноситься непосредственно и на полотнища знамен.

В данном контексте обращается внимание на появление на германских наконечниках копий II–III вв. (Западная Украина, Польша, Германия, Норвегия), кроме германских магических знаков и рун, тамгообразных знаков, что свидетельствовало о германо-сарматских контактах. Одни исследователи считали, что они означали заключение военного союза на уровне

воинов-дружинников [Щукин 1994: 230], но оставляли вопрос, в целом, открытым [Щукин 2005: 72–73, 84; 2011: 174]. Другие полагали, что изначально они связаны с военными союзами и ограниченными браками верхушки сарматов и готов. После того как дружественные сарматские кланы сошли с исторической арены, германские воины могли «по праву» использовать их знаки, параллели чему усматривают в этнографии народов Северного Кавказа [Яценко, Добжаньска 2012: 276–280; Яценко 2020: 410–413].

Считали, что знаки, как и руны, наделяли оружие сверхъестественными свойствами, сакральной силой. После нанесения поражения сарматам готы нанесли их на свои копья как «трофеи», чья сила и удача должны были теперь служить им. Сами знаки они могли ранее видеть в татуировках на телах сарматов или в виде тавра на их конях, на их знаменах или штандартах [Воронятов, Мачинский 2010: 66, 69–71; Щукин, Мачинский, Воронятов 2011: 259–260]. Перенесение их на свои копья рассматривали как прообразом ситуации завладения святыней противника — его знаменем [Воронятов 2012: 9; 2012а: 420–423; 2014: 60–64].

Видимо, в последний раз аланские знамена (*senyeres*), но без их какого-либо описания, упоминались Рамоном Мунтанером в событиях 1306 г. Считают, что на них могли быть помещены тамгообразные знаки [Алемань 2003: 398, 400–401], что, однако, как и в выше указанном случае, не имеет себе никакого фактического подтверждения. В целом, следует признать, что прямых доказательств наличия упоминавшихся форм знамен у алан в письменных источниках или археологических материалах не представлено.

Но наиболее известными для алан стали боевые знамена, которые сопоставлялись с разобранными хуннскими знаменами — металлическая голова и туловище из ткани — могильника Ноин-Ула [Яценко 1993: 66; 2001: 371]. Речь идет о предлагавшейся реконструкции, связавшей в ноинулинских материалах находку навершия в форме бронзовой головы волка, солнечных розеток и двухконечных «шёлковых флагов-джалсанов с треугольными фестонами», в которых усматривали задние ноги существа. В собранном виде и получалось соответствующее тотемическое изображение,

Илл. 7

которое включали в круг прототипов соответствующих волчьих знамен тюркских народов [Esin 1972: 15, 22, 24, pl. II, a, b, c].

Бронзовое навершие в виде головы волка с длинным рогом, моделированной в высоком рельефе (илл. 7), происходит из кургана

№ 1 (Мокрый). Оно сопоставляется с изображениями волчьих голов в искусстве племён Горного Алтая скифского времени, в частности, с вырезанной из дерева волчьей головой из Большого Катандинского кургана [Руденко 1962: 76, таб. XXXII, 2].

Другие навершия — розетки (35 шт.) на насадках-втулках с шипом из кургана № 25. Определяется их китайское производство и использование как наверший флагов на высоких шестах, к которым они крепились гвоздями через два отверстия на втулке [Руденко 1962: 84, таб. XXXIII, 1, 2]. Как отмечалось выше, двухконечные «шёлковые флаги-джалсаны с треугольными фестонами» представлены в кургане № 6. Полагали, что именно они подвешивались на шипах насадок-втулок [Руденко 1962: 91].

Единая «сборка» вызывает некоторые сомнения не только в условиях разбросанности материалов по разным курганам и условности трактовки матерчатой части реконструкции. Розетки-навершия сами венчали древка, что не оставляет места для навершия в форме головы волка. Но, в целом, безотносительно допустимости конкретной реконструкции, центральноазиатские истоки происхождения аланских драконообразных знамен [Яценко 1992а: 48–49; 1993: 65] не вызывают особых возражений. Интересно также замечание в отношении изображений крылатых волков в Жалтыракташе (Таласский Ала-Тоо), связываемыми с Кангюйской державой. Один из таких волков наделяется дополнительными растительными и зооморфными чертами — рога оленя, когти птицы, хвост в виде дерева. Крылья же оформлены в виде «двузубого знамени», напоминающего о ноин-улинских образцах [Рогожинский, Сулайманова, Яценко 2022: 310, рис. 2, 3, 311–312].

По заключению ученых, мифологический образ дракона сформировался в Юго-Восточной Азии, откуда был заимствован древними китайцами. У них образ дракона со временем оказался тесно связан с идеей верховной власти, с образом императора. Сформировавшиеся в Китае драконообразные знамена впоследствии были заимствованы «северными варварами». Примеров такого заимствования считают [Дэвлет 2008: 108–111] изображение (илл. 8) на «оленном камне» № 2 местности Хэрэсүрийн дэнж (Монголия) [Волков 2002: 52–53, 151, таб. 36, 2].

Как справедливо отмечали исследователи [Яценко 1993: 65–66], точная копия аланских знамен известна еще в раннем средневековье в Синьцзяне (Китай) [Grünwedel 1912: 189, fig. 432; Esin 1972: pl. II, d] — «святой воин» (Нагараджа) в Кирише (илл. 9). Там же фиксируются и иные изображения (илл. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17), в

Илл. 8

Илл. 9

Илл. 10

Илл. 11

Илл. 12

Илл. 13

Илл. 14

Илл. 15

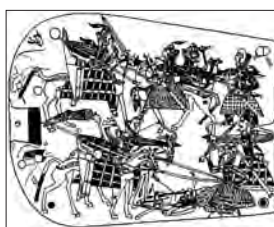
Илл. 16

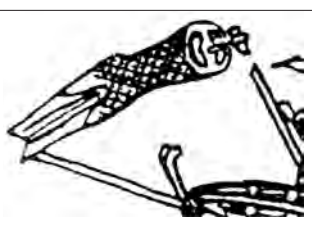
Илл. 17

Илл. 18

Илл. 19

которых представлены знамена, как с головами драконов, так и без голов [Grünwedel 1912: 24, fig. 46, 47; 46, fig. 90; 58, fig. 117; 123, fig. 274; 131, fig. 287; 304, fig. 617]. Изображения предложено датировать VII в. н. э. [Marciniak 2010: 86]. Следует отметить, что находки относятся к районам, ранее связанными и с историей юэчжей-тохаров, чья миграция на запад положила начало многим перемещениям древнего ираноязычного населения, одним из результатов которых стал выход на историческую арену алан. Но на период их создания они находились под контролем тюрков, хотя прослеживается и влияние Ирана. С изображением из «Пещеры с голубями» в окрестностях Кызыла (илл. 14) сопоставляли изображение из Карачара (Карашар) (илл. 18) [Борисенко, Худяков 2017: 126, рис. 1, 127].

Илл. 20

Илл. 21

Исследователям хорошо известны оригинальные костяные пластины из погребения кургана № 2 Орлата (Узбекистан) с изображениями охоты и боя пеших и конных воинов (илл. 19). За спиной одного из всадников изображено закрепленное знамя, но без головы дракона. Некоторые исследователи указывали на наличие головы ушастого зверя при нечеткости деталей [Пугаченкова 1987: 61], что нельзя подтвердить.

Исследователи не исключают, что подобные знамена изображены на монетах индо-скифских правителей (илл. 20), таких, например, как Азес I (57–35 гг. до н. э.) и Азес II (35–12 гг. до н. э.) [Marciniak 2010: 21, 203, ill. 12, 13; Mysykkaty 2019: 329]. Данное сопоставление представляется вполне допустимым, если только мы не имеем дела с элементом одежды, как полагали другие исследователи, приводя образец рисунка на ковре мужских персонажей в сакских костюмах из кургана № 20 могильника Ноин-Ула [Полосьмак 2011: 122], и что более очевидно (илл. 21) для монеты Гондофара [Gazerani 2016], правившего в 19/20–46 гг. н. э. [Gazerani 2016: 22–23].

Драконообразное знамя представлено в руке пешего воина (илл. 22) в росписи «Синего зала» Пянджикента (Таджикистан), которую связывают с сюжетами из биографии эпического Рустама. Отмечалось, что в средневековой лексике народов Средней Азии наверхие знамена обозначалось словом «аджар», имевшим значение «дракон», что могло фиксировать реальную практику изображать в качестве наверхий именно драконов [Дмитриев 2001]. Дракон, согласно «Шахнамэ», был изображен на знамени Рустама, чьим историческим прототипом был правитель Сакастана второй половины I в. н. э. из рода Аршакидов [Shahbazi 1993: 160], хотя история его появления связывается с драконоборческой темой [Gazerani 2016: 36–37, 55–57, 73–76]. Но здесь следует помнить об объединении и уподоблении образов дракона и драконоборца [Пропп 1986: 197–278], которое выражается и в известных представлениях о том, что дракона может победить только дру-

Илл. 22

Илл. 23

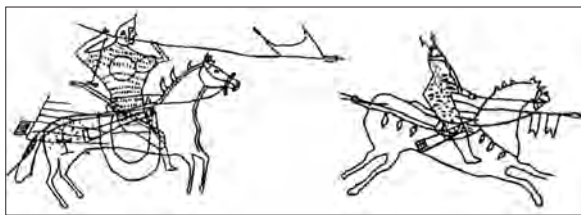
гой дракон. В XI в. султан Махмуд Газнави в качестве своего флага выбрал флаг Рустама с изображением дракона [Халимова 2019: 161].

В той же росписи Пянджикента представлены и другие знамена (илл. 23). Некоторые авторы называют держащего его воина тюрком (относят к прототюркам скифов и сарматов, что научно беспомощно — А. Т.) и считают знамя изображением волчьей головы [Умаров 2015]. Речь идет о тканевом полотнище, в котором голова волка должна передаваться в профиль. Видимо, данная трактовка восходит к мнению других исследователей [Маргулан 1997: 11].

Подобные знамена усматривают [Ауанасова, Аяган, Нурпеисов 2019] в петроглифах Ой-Джайляу (Казахстан) (илл. 24) [Советова, Мухарева 2005: 93, рис. I, II, 12]. Они напоминают отмеченную форму знамени с укороченным основанием на Кяфарской гробнице, имеющие параллели в осетинской этнографии. Но усматривать в нем форму волчьей головы нет видимых оснований. Собственно, и полагаемые тюркские трактовки не столь однозначны. К ним, например, отнесены изображения кыргызских знамен сулекской писаницы с Енисея [Маргулан 2003: 18]. Но другие исследователи более нейтрально обозначают их [Советова, Мухарева 2005: 95, рис. II, 8, 9] как «знамя с двумя хвостами» [Окладников 1951: 149], «прямоугольные, с косицами» [Самашев 1992: 174], что представляется вполне объективным (илл. 25).

Илл. 24

Илл. 25

Илл. 26

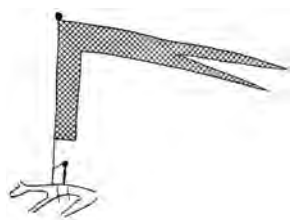

Илл. 27

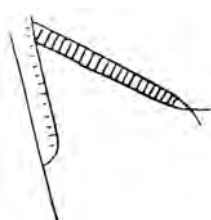
Здесь следует вернуться к образцам упоминавшихся знамен, представленных на Кяфарской гробнице. Их форма может быть определена как знамя с двумя косицами (с треугольным вырезом) и основанием (илл. 26, 27).

Отмечалось, что такая форма могла быть широко распространена на Северном Кавказе в раннем средневековье. В данной связи указывалось на одно из позднесредневековых изображений (илл. 28) на скалах у с. Капчагай (Дагестан) [Марковин 1958: 152, рис. 6, а], которое, в свою очередь, сопоставлялось с изображением (илл. 29) на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта того же региона. В нем представлены фигуры оленей, несущие черты скифского влияния и имеющие аналогии в VI–V вв. до н. э. [Марковин 1958: 152, рис. 6, а, 158–159, рис. 10]. Также указывалось на известность таких знамен в этнографии народов Дагестана [Кузнецов 1961: 110; 1984: 230–231, 248, прим. 54; 1992: 258].

Отметим, что отрицание сопоставления с изображением у с. Капчагай за счет различных пропорций [Охонько 2021: 116] представляется излишне категоричным. Капчагайское изображение явно непропорционально само по себе, что видно при его сравнении с изображением всадника и коня. Сложно принять и сопоставление с поздними дагестанскими образцами за счет указания [Кузнецов 1961: 110, сн. 11] на знамя Хаджи-Мурата (илл. 30) [Ясулов 1927: 41] или на знамя с рельефа раннесредневековой церкви у с. Ольгинское в Абхазии (илл. 31).

Илл. 28

Илл. 29

Илл. 30

Илл. 31

Более отдаленные аналогии видят в изображениях знамен, приведенных на карте Вахушти Багратиони, что трактуется как свидетельство об их более древних корнях и о популярности на Кавказе [Охонько 2021: 116–117, 118, илл. 19, а]. Интересно, что среди таких знамен с карты Вахушти Багратиони 1735 г. приводится [Охонько 2021: 119, илл. 19, в] и знак «Лекиса Дагистаниса» («Лекиса Дагъистаниса»), который, по заключению специалистов [Тахнаева 2016: 186–196], был выдуман самим Вахушти Багратиони. Данное положение указывает на то, что флаги подобной формы, действительно, были широко распространены у различных народов кавказского региона, позволив Вахушти Багратиони создать и такую фальшивку.

Собственно, кавказские материалы — знамена с треугольным вырезом (с двумя косицами) и без основания — имеют многочисленные параллели в самых различных регионах мира, что свидетельствует об общем типологическом сходстве знамен, не имеющим никакой генетической связи. То же касается отмечавшегося сопоставления кяфарских знамен с образцами из могильника Ноин-Ула (Монголия) и из тайника насыпи аланского кургана «Дачи» [Яценко 2001: 367]. В целом, данные образцы (илл. 1, 2) представляют собой те же знамена с двумя косицами и без основания.

Что касается формы знамени с двумя косицами и основанием, то упомянутое изображение на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта мо-

Илл. 32

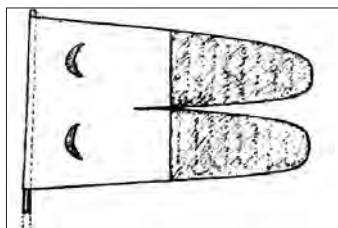
Илл. 33

жет подразумевать большую древность подобных знамен. В раннем средневековье такие изображения также вполне узнаваемы и неоднократно приводились в публикациях исследователей, в том числе, в контексте кяфарских изображений [Кузнецов 2019: 49; Охонько 2022: 47]. Они, например, представлены в упоминавшихся сулекской писанице (Енисей), в росписи Пяджикента (Таджикистан), в петроглифах Ой-Джайляу (Казахстан), на сосуде из кладя у с. Надь-Сент-Миклош (Румыния) (илл. 32), на костяных пластинах из погребения № 2, кургана № 1 Шиловского могильника (Волга) [Сташенков 2019: 196, рис. 1, 4, 6] (илл. 33), и т. д. В целом, ученые изначально объективно отмечали [Кузнецов В. А. 1977. С. 102], что знамена, подобные изображенным на Кяфарской гробнице, в раннем средневековье были широко распространены от Сибири до Дуная и Кавказа.

Кяфарские образцы определяли как боевые знамена [Уарзиати 1987: 114–115], одновременно предположительно сопоставляя их с осетинскими траурными знаменами со скошенным или ступенчатым основанием [Уарзиати 1987: 128]. Одни исследователи изначально не могли объяснить значения опущенного знамени [Кузнецов 1977: 102], а другие впоследствии усматривали в его положении траурный мотив [Охонько 1992: 21]. Недавно было высказано замечание, что опущенное знамя символизирует смирение и покорность [Кузнецов 2019: 48], что сложно воспринимается в виду абстрактности полагаемого при этом мотива, в отличие от его приложения тем же автором к символу опущенной секиры.

Напомним, что сопоставление с осетинскими этнографическими материалами получило свое развитие в отношении отмеченных находок из Ноин-Улы и «Дач». Причем, при сопоставлении с осетинскими траурными знаменами одного из образцов из «Дач» указывалось на такие признаки, как округленные концы выступов, полумесяцы в поле, лента у древка [Яценко 1993: 66]. Следует заметить, что округленные концы выступов и полумесяцы в поле отмечаются для знамени (илл. 34), являвшемся у осетин свадебным [Уарзиати 1987: 121, рис. 2]. В то же время на картине 1946 г., изображающей скачки в честь умершего, такого известного знатока осетинской этнографии как М. С. Туганов, представлено черное траурное знамя с двумя острыми косицами (илл. 35). Надо полагать, что подобные знамена, но, видимо, разных цветов, представлены на рисунке М. С. Туганова, дающего панораму уже осетинского праздника (илл. 36).

Тем не менее, знамя из «Дач» (верхнее) с двумя острыми концами косиц (илл. 1) продолжало сопоставляться с осетинским свадебным знаменем, которое имеет округленные концы косиц, а другое (нижнее) с округленными концами косиц (илл. 2) — с осетинскими траурными знаменами, не имеющими косиц вообще. Причем, для обоих знамен одним из прототипов называются знамена хунну из Ноин-Ула [Яценко 2022: 213]. Заметим также, в частности, что лента у древка представлена на указываемом траурном осетинском флаге [Уарзиати 1987: 127, рис. 4]. Однако привязывание ленты имеет иной характер, чем на реконструкции образца из «Дач».

Илл. 34

Илл. 35

Илл. 36

Форма скошенного или ступенчатого основания осетинских траурных знамен не привлекалась к рассмотрению, видимо, исходя из его отсутствия в реконструкции образцов из «Дач». Но затем осетинские траурные знамена были сопоставлены с изображением приспущенного знамени на Кяфарской гробнице и реконструируемым остроконечным (верхним) знаменем из «Дач» [Яценко 2001: 367]. Сопоставление кяфарских изображений с образцами из «Дач» вне осетинских материалов приводилось и другим автором [Охонько 2022: 46–47].

Им также определялось опущенное кяфарское знамя в руках пешего персонажа (илл. 26) как траурное [Охонько 2021: 40, 130–131; 2022: 44, 46, 50–51]. В другой раз знамя в руке спешившегося всадника (илл. 27) называют личной инсигнией правителя [Охонько 2021: 111]. Подразумевается изображение одного и того же знамени правителя, но представленного в разных по содержанию сценах — траурной и победной [Охонько 2021: 115–117, 129], чему приводятся соответствующие исторические параллели [Охонько 2022: 45].

Надо полагать, что данная интерпретация уже принята и другими исследователями [Бабенко, Колесникова 2022: 353]. Видимо, она лежит и в основе кратких замечаний об изображенных флагах при попытке интерпретации сюжетов на стенах гробницы за счет материалов балкаро-карачевского нартовского эпоса [Эдиев 2023: 14, 15]. Наконец, исходя из версии о принадлежности гробницы аланскому правителю Дорголею, предполагается изображение царской инсигнии XI в. лабарума — государственного знамени Алании и одной из инсигний царской власти, личным знаменем Дорголея [Кузнецов 2019: 49–50], что нашло положительное восприятие [Охонько 2022: 9].

В целом, трактовки кажутся вполне приемлемыми, особенно для опущенного знамени, как используемого в траурной композиции, несмотря на отсутствие фрагмента перед изображением. В данном случае оставляем в стороне трактовку о государственной, царской инсигнии в виду отсутствия тому каких-либо фактических подтверждений. Общая грубая схематичность изображений знамен не позволяет строго судить об их конкретных деталях и формах, из чего исходят при приведенной интерпретации [Охонько 2021: 117]. Можно допустить, что у опущенного знамени основание полотнища несколько скошено, что ближе к траурным осетинским образцам, тогда как знамя в руках спешившегося всадника, вроде, не имеет никакого скоса. Однако строго настаивать на таком различии затруднительно.

Но, в общем, представляется сложным принять прямое сопоставление изображений знамен, представленных на Кяфарской гробнице, с образцами из кургана «Дачи», которые не имеют укороченного основания.

Нет возможности согласиться с трактовкой кяфарских знамен как передающих изображение головы животного с раскрытой пастью и шеей, что служит предлогом для сопоставления с драконообразными знаменами [Кузнецов 2019: 49]. Кстати, такая трактовка сопоставима с отмечавшейся выше давней трактовкой таких знамен как изображений волчьей головы с позиции тюркской истории. Известные изображения и элементы драконообразных знамен имели конструкцию штандарта в форме головы, исполненного из твердого материала, и туловища из ткани, способного развиваться на ветру. Известны и образцы только с тканевым элементом. Кяфарские изображения не имеют к ним отношения, и нет видимых оснований искать для них драконообразные прототипы.

Кроме того, видимо, следует привлечь дополнительное внимание к некоторым деталям изображений. Прежде всего, речь идет об изображении спешившегося всадника (илл. 27). Все антропоморфные фигуры на стенах гробницы даны во фронтальном развороте, лицом к зрителю, что подтверждается изображением на передней стене мавзолея. Тогда получается, что спешившийся всадник держит знамя в левой руке, а конская уздечка наброшена ему на правую руку, указывая на то, что он спешился с правой стороны коня. Такое положение напоминает прежнее правило для вестника о скончавшемся человеке у осетин, когда тот менял обычное положение всадника на прямо противоположное, почему его сразу узнавали. Он держал ногойку в левой руке, а спешивался и садился на лошадь с правой стороны [Чибиров 2008: 250], т. е. и повод держал в правой руке.

Заметим, что правильная прижизненная посадка представлена на аланских амулетах, на что при этом обращается внимание, — на шее коня левая рука [Охонько 2021: 115–117]. Такая же посадка представлена и у всадника за спиной спешившегося всадника на гробнице (илл. 27), явно участвующего в ином сюжете. Но опять же окончательно настаивать на такой интерпретации для кяфарского изображения, которому приписывают прямо противоположное значение — духовная победа правителя Алании над дьявольскими силами [Охонько 2022: 45, 46, 108], сложно.

Строго говоря, не наблюдается оснований для утверждения, что при изображении кяфарских знамен оригинальная форма их полотнища была достигнута за счет преднамеренного его изменения — обрезаны острые углы косиц, нижняя косица меньших размеров, чем верхняя, добавлено основание [Охонько 2021: 117]. Во-первых, знамя не может служить объектом манипуляций, некоего «творческого вдохновения» художника. Во-вторых, образец из кургана «Дачи» показывает наличие знамен с укороченными окончаниями косиц и разными размерами косиц (илл. 2). Более интересно могло бы быть сопоставление с европейским средневековым ритуалом повышения статуса

рыцаря в баннереты — рыцаря, получавшего за личные боевые заслуги или долгое участие в войнах право вести свой отряд в бой под собственным знаменем, когда король обреза́л косицы его флага [Охонько 2022: 47]. Но такое сопоставление не только отрицает рассмотрение кяфарских знамен как царской инсигнии. Кроме того, косицы обрезались полностью, что превращало знамя в прямоугольное полотнище [Арсеньева 1911: 15].

В целом, следует согласиться с замечанием, что у нас нет надежных оснований принимать гипотезу о принадлежности Кяфарской гробницы именно Дорголею [Малахов 2023: 504], что, видимо, осознавалось и самим ее автором [Кузнецов 2019: 34, сн. 4]. Данное замечание следует учитывать в отношении предложения усматривать в изображении знамени личную инсигнию Дорголея. Само замечание следует, как представляется, распространить на общую трактовку гробницы как царского погребения, служащую предлогом к объявлению изображенных знамен государственным знаменем Алании и одной из инсигний царской власти.

Илл. 37

Осторожно приведем еще одно наблюдение в отношении параллели между кяфарским опущенным знаменем в руках пешего персонажа и одним из упоминавшихся выше вариантов осетинских траурных знамен [Уарзиати 1987: 127, рис. 4]. Такое знамя имело криво обрезанный нижний край прямоугольного полотнища, а на древко повязывалась лента, два конца которой свешивались вниз (илл. 37). Но при движении или ветре концы должны были получать

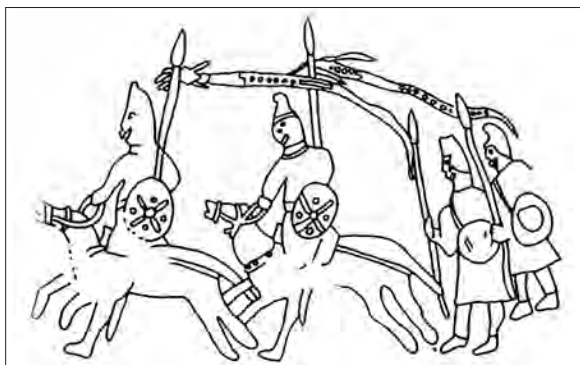
горизонтальное положение, развиваясь над полотнищем, что по схеме напоминает знамена с двумя косицами и основанием.

Заметим, что данное траурное знамя было черного цвета, по осетинской традиции, изготавливаясь в честь умершего молодого человека [Уарзиати 1987: 126]. По другим данным, такое знамя делали для умершего молодого человека, привезенного откуда-то [Дарчиева 2013: 136–138, 143], т. е. умершего вне родины. На упоминавшейся картине М. С. Туганова черное знамя имеет две острые косицы (илл. 35). Другие исследователи отмечали постановки на могилах флагов красного, белого и черного цветов, не исключая их связь с поминальными знаменами [Дарчиева 2013: 134–135]. К сожалению, кяфарские изображения лишают нас возможности определить с цветовым решением для знамен.

Продолжая тему драконообразных знамен, укажем на обращение внимания исследователей и на находку в районе г. Остяко-Вогульска (совр. Ханты-Мансийск) серебряной позолоченной головы, длиной 30 см, с глазами,

Илл. 38

Илл. 39

инкрустированными изначально цветной пастой (илл. 38). Она, как полагали отдельные ученые, служила навершием сасанидского драконообразного знамени.

Указывалось на сходство этой головы с изображением головы мифической собаки-птицы — Сэнмурва, служившей знаком царского достоинства первого Сасанида и украшавшей, согласно «Шахнаме», знамя Сасанидов. Причем, такие детали головы как завитки шерсти на подбородке сравнивались с образцами китайского искусства танского времени. Полагают, что штандарт из северо-восточных областей сасанидского Ирана VI–VII вв. попал на север в качестве военного трофея [Тревер 1940: 17–19]. Но следует помнить, что другие специалисты, исходя из конструктивных особенностей находки, высказали сомнение в ее использовании как навершия штандарта, предполагая и возможность рассмотрения как части зооморфного трона VIII в. [Иванов, Луконин, Смесова 1984: 25–26; Маршак 2017: 95, сн. 110].

Исследователи также полагали, что в сасанидском драконе можно усматривать царскую эмблему [Sarre, Herzfeld 1910: 209–210; Окладников 1950: 164–166]. Заключение напоминает нам о тамгообразных знаках боспорских царей сармато-аланского происхождения. Возможно, сасанидские всадники с драконообразными знаменами (илл. 39) изображены на коптских настенных росписях IV–V вв. из оазиса Харга (Египет) [Vermaat 1999].

Ученые считают [Массон, Пугаченкова 1954: 164, № 25, 168; Никоноров 1987: 162], что такой дракон еще периода правления Аршакидов как сигнум начальника тысячного отряда был изображен на оттиске печати (илл. 40) из Старой Нисы. Близкие изображения дракона отмечают в рельефах парфянского дворца в Хатре II в.

Илл. 40

Илл. 41

и на реверсе монеты (илл. 41) Вологеза IV (191–209 гг.) [Les Monnaies des Rois Parthes 1877: № 23].

Наиболее полное представление о драконообразных знаменах [Altheim 1939: 77, 156, 182–183; Окладников 1950: 164–166; Wheeler 1978: 359–360; Хазанов 2008: 182–183; Никоноров 1987: 162; Nickel 1991: 139–142; Маслов 1999: 223; Колобов 2001: 41; Туаллагов 2000: 159–162; 2004: 283–284; Brzezinski, Mielczarek 2002: 38–39; Симоненко 2002: 121; Нефёдкин 2004: 137–141; 2011: 185–192; Худяков 2005: 355–356; Советова, Мухарева 2005; Борисенко, Худяков 2005: 57, 62; 2017: 127, 129–130; Банников, Морозов 2013: 145–147; Nicolini 2021: 1–9 и др.] среди европейских источников представлено в описании упражнений римской конницы в «Тактическом искусстве» Флавия Арриана, составленном в 136 г.:

«Выступают же они под различными значками, не только римскими, но и скифскими, благодаря чему весь строй всадников становится и пестрее, и вместе с тем более грозным. Скифские же значки представляют собой драконов, поднятых на соразмерную высоту на шестах. А сшиваются они из раскрашенных лоскутов, и своими головами и всем телом вплоть до хвостов уподобляются змеям, так, чтобы как можно страшнее их изобразить. Хитрость же состоит в том, что, когда кони неподвижны, можешь увидеть не более чем разукрашенные лоскуты, свешивающиеся вниз, а когда кони скачут, значки вздуваются и весьма напоминают этих животных, да еще и свистят от быстрого движения под воздействием проходящего через них воздуха. И эти значки не только приятны для глаза и поражают воображение, но и весьма полезны для разделения отрядов при атаке, для того чтобы они не смешивались друг с другом. Поэтому несущие их всадники, наиболее опытные в контрмаршах и разворотах, избираются для тех или иных действий по кругу и тех или иных выездов по прямой, и остальной массе не остается никаких других забот, кроме как каждому следовать за своим значком. И таким образом получается, что при различных поворотах, многообразных обратных контрмаршах, при тех или иных видах атак отряды остаются несмешанными. А соединишь значок со значком <или> наткнись конь на коня, весь отряд расстроился бы, и это повредило бы не только красоте, но и пользе дела» [Арриан 2010: 55, 185–186].

Близкое ему описание дает византийский словарь Суды X в.:

«Скифские значки, которые носят на войне, имеют пестрые по цвету ткани, которые особенно похожи по виду на змей и висят на соразмерных шестах. Хитрость же такая: когда несущие их бегут или выступают на

конях, они вздуваются так, что кажутся более всего похожими на этих животных [змей], в особенности из-за того, что они неким образом звучат из-за проходящего с силой внутри них дуновения против движения» [Арриан 2010: 133, комм. 169].

Не исключают, что у Суды знамена-драконы «индийцев» IV в. связаны с подразделениями в 1 000 воинов ираноязычных народов Азии, возможно, «скифо-сарматского» происхождения [Marciniak 2010: 138–140]. В данном случае справедливо вспоминают о драконах-знаменах парфян, предположительно для подразделения в 1 000 воинов, о которых сообщал Лукиан Самосатский, описывая римско-парфянскую войну 162–165 гг. [Marciniak 2010: 105–107; Банников 2011: 98].

Несомненно, драконообразные знамена служили заметными знаками для координации боевых действий. Кроме того, их свист мог служить ориентированию воинов по звуку, а положение тела — ориентиром по ветру для лучников и метателей дротиков. Как отмечают исследователи, описание Флавия Арриана полагает, что заимствование знамен римлянами было все еще недавним событием. Другие авторы не рассматривают сообщение как указание на уже произошедшее заимствование [Арриан. 2010: 133; Marciniak 2010: 105–106]. Полагают, что такое описание появляется только в конце III в. у Марка Аврелия Олимпия Немезиана, подтверждаясь для 304 г. произведением Аврелия Пруденция [Marciniak 2010: 107–108, 123–124].

В речи XVIII (Περὶ τῆς τοῦ βασιλέως φιληκοΐας) Фемиствия, произнесенной 11 сентября 384 г., драконы из тонких материй [Themistii Orationes... MDCCCXXXII: 267, 627; Латышев 1948: 262], возможно, представлены среди императорских инсигний еще со времен Нерона [Туаллагов 2004: 284], что сложно сегодня признать достоверным. Следует указать на сообщение Валерия Флакка в его поэтическом произведении «Аргонавтика», в котором упоминается легион фракийского племени бисалтов под водительством Колакса, имя которого является именем легендарного правителя скифов Колаксия. В давнем переводе на русский язык представлен образ «воздушных драконов» [Известия древних писателей... 1904: 207, 208], что комментируется указанием на значки и эмблемы скифов в описании Флавия Арриана и словаря Суды и на их последующее распространение под скифским влиянием у персов, парфян и римлян [Латышев 1949: 345, сн. 6]. Опуская указание на допустимые в поэтическом произведении вольности и скифо-фракийскую контаминацию в нем, укажем, что сам перевод «auratos ... dracones» некорректен, а следует переводить — «золотых... драконов». Причем, по мнению специалистов, есть основания полагать, что речь шла о шейном украшении Колакса [Valerius Flaccus... 2000: 41, n. 57]. Собственно, драко-

Илл. 42

Илл. 43

ны служат символом матери Хоры (Hoeae), которая является легендарной змееной богиней — прародительницей скифов [Valerius Flaccus... 2000: 38–39, п. 51, 41, п. 58], что, на наш взгляд, препятствует установлению связи образа драконов поэмы с драконообразными знаменами.

Наиболее раннее изображение драконообразных знамен в римской армии представлено на саркофагах Портоначчи (илл. 42) и Людовизи (илл. 43) конца II–начала III вв. Внедрение таких знамен связывают с широкомасштабными столкновениями римлян с представителями ираноязычного мира начала II в. н. э.

После Дакийской и Парфянской кампаний в римскую армию были введены вспомогательные контингенты тяжеловооруженной конницы сарматов и даков, которые несли и соответствующие знамена. Происходило и реформирование конницы на сарматский манер. Бронзовая голова дракона (илл. 44) как часть штандарта III в. обнаружена в римском военном поселении в Нидербибере (Северный Рейнланд-Пфальц, Германия).

Полагают, что с ней сопоставимо изображение драконообразного знамени на арке Константина Великого 315 г. (илл. 45), в сцене въезда в Рим после победы в битве у Миленского моста 28 октября 312 г. [Marciniak 2010: 66–67].

Илл. 44

Илл. 45

Считают, что во второй половине II в. драконообразное знамя становится основным у римской кавалерии, а в III — начале IV вв. — общевоинским штандартом. В то же время в описании Аммиана Марцеллина драконы с пурпурными нашивками на вершинах копий предстают в качестве императорских знамен [Негин 2010: 20–21, 40, илл. 17, 41, 176–180; Арриан 2010: 133–136; Bishop, Coulston 2009: 187–189; Банников 2011: 98–99; Delia 2020: 203–205].

В XVI в. н. э. в Карпатском бассейне была обнаружена гравированная золотая пластина (ныне утеряна), весом 1,75 кг, изображавшая змея или дракона и служившая навершием знамени, которое считают царским штандартом правителя даков Децебала [Makkaу 1998: 20–21]. На арке Траяна изображено вторжение Децебала 101–102 гг. в Мезию. На ней у даков (илл. 46) и среди трофеев (илл. 47) представлены драконообразные знамена, но здесь же изображены и всадники роксолан. Всего знамена отмечаются 27 раз. Некоторые исследователи не исключают, что знамя появилось у даков под влиянием сармат, а через даков попало к римлянам [Арриан 2010: 133–134]. Но на самой арке Траяна такое знамя не проявляет никакой связи с сарматскими всадниками.

Илл. 46

Илл. 47

При Антонии Пие (138–161 гг. н. э.) на римских монетах Дакия изображалась [Абрамзон 1995: 153] с короной в правой руке и с подобным знаменем в левой руке [Mattingly 1940: 189, pl. 26, 12]. Возможно, несколько иная композиция известна по другим более поздним сериям монет (илл. 48).

Драконообразное знамя в качестве трофея (илл. 49) представлено на рельефе храма Адриана (138–145 гг.) на Марсовом поле в Риме.

Сарматы-языги и аланы принимали участие в I Маркоманнской войне (167–175 гг.) против Рима. Примечательно, что император Марк Аврелий (161–180 гг.) в приписываемом ему письме Сенату отмечал, что враг выставил 74 дракона на пути продвижения римских отрядов [Маккау 1998: 14]. Соответствующие трофеи изображены на колонне Марка Аврелия (илл. 50), хотя некоторые исследователи сомневаются в такой идентификации [Marciniak 2010: 44–46].

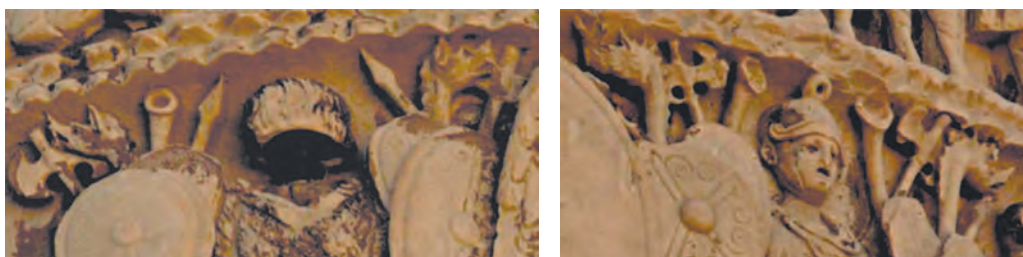
Внимания привлекают к себе некоторые данные нумизматики [Mattingly 1940: CXXVI, CXXVII, CXXVIII, n. 4, CXL]. Такие знамена как

Илл. 48

Илл. 49

Илл. 50

трофеи (илл. 51) были изображены на монетах Марка Аврелия [Mattingly 1940: pl. 88, 6], выбитых в честь победы над языгами, и среди трофеев на его колонне [Нефёдкин 2004: 48; Marciniak 2010: 46].

Предполагают, что сарматы, выступившие на стороне Рима, с такими знаменами изображены на арке Галерия в событиях войны 290-х гг. против персов (илл. 52).

На монетах [Mattingly 1940: pl. 87, 6, 88, 7; 1960: pl. XLIV, 2] представлены и знамена прямоугольной формы, подвешенные на древко, типа римского vexillum (илл. 53). Один из них прикреплен к наконечнику копья и украшен диагонально перекрещивающимися линиями. Позднее о vexillum сарматов-лимигентов писал Аммиан Марцеллин, что сопоставлялось и с упомянутыми находками в Андреевском кургане и в погребении у Аджимушкайских каменоломен [Нефёдкин 2011: 188, 194; Воронятов 2012: 7].

Однако в отношении изображения vexillum было справедливо отмечено, что такие же трофеи представлены на монетах Марка Аврелия в честь победы над германцами. Поэтому нельзя исключать условного характера такого изображения [Нефёдкин 2004: 140]. В данном случае следует отметить, что изображения драконообразных знамен на монетах Марка Аврелия в честь победы над языгами имеют параллель на монетах Коммода в честь победы над германцами (илл. 54).

Илл. 51

После своего поражения языги обязались поставить Риму 8 000 всадников. 5 500 из них были направлены в Британию на охрану Адрианова Вала (другие на подавление мятежа Авидия Кассия в

Илл. 52

Илл. 53

Илл. 54

Илл. 55

Сирии). В начале XVII в. возле современного г. Рибчестер в Ланкашире были найдены два надгробия, которые, к сожалению, утеряны к настоящему времени. Первое было поставлено жене Юлия Максима, *singularis consularis alae Sarmatorum*. На втором, где изображался пронзающий врага длинным копьём всадник, упоминался декурион сарматской алы. Поскольку алы обычно состояли из 500 воинов, то, следовательно, языги были разделены на 11 отрядов. Две другие надписи из Рибчестера, посвященные Аполлону Манопу и восстановлению храма и датированные 238–244 гг. и 225–235 гг., упоминают *numerus equitum Sarmatorum Bremetennacensium Gordianorum*.

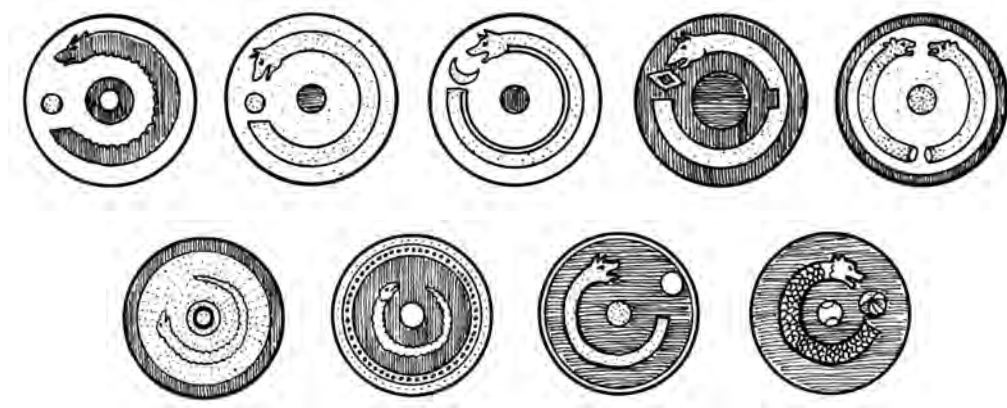
Еще на одном рельефе из Честера (илл. 55), найденном в 1890 г. и датированном концом II или III вв. н. э., изображен всадник в защитном вооружении, держащий над головой драконообразное знамя [Richmond 1945: 15–29; Трейстер 1994: 52–53]. К сожалению, верхняя часть изображения знамени повреждена, что препятствует его четкому определению. Некоторые исследователи [Яценко 1992: 77–78; 1993а: 81] предлагали трактовать изображенное на надгробии знамя как плеть, в которой усматривали атрибут громового бога осетинского Нартовского эпоса, что следует отклонить. Другие исследователи только допускали сарматскую атрибуцию памятника [Marciniak 2010: 53; Kramer 2014: 57–59] или предлагали признать в честерском надгробии изображение дакийского воина [Mihailescu-Bîrliba 2009: 146–174]. Полагают, что история сарматов Британии, находившихся на службе Рима, стала источником и для образов драконообразных знамен в легендах о короле Артуре и даже для современного флага Уэльса.

Попытка усмотреть на честерском памятнике изображение дакийского воина справедливо, как представляется, была отвергнута [Nicolini

2021: 1–9]. В то же время не все приводимые аргументы в пользу сарматского происхождения знамен можно принять. Так, давние попытки связать название савроматов с названием и образом ящерицы [Nicolini 2021: 4] давно и объективно отвергнуты, являя пример ложноэтимологического осмысления названия на основе созвучия с греческой лексемой [Туаллагов 2018: 266–267]. Надо полагать, что драконообразные знамена достаточно быстро распространились не только среди алан, но и среди родственных им в этнокультурном плане различных сарматских объединений. В данном контексте следует отметить и известные дальние азиатские параллели в материалах определенных археологических памятников, связываемых с сарматами. Видимо, остается только отметить, что чештерский всадник держит драконообразное знамя в левой руке, что напоминает о наблюдениях в отношении изображения спешившегося всадника на Кяфарской гробнице.

Некоторые исследователи также полагали, что тесное взаимодействие сарматов с германскими и кельтскими племенами, например, тайфалами и менапиями, привело к заимствованию последними определенных конных традиций сарматов, что отразилось, в том числе, в изображениях драконов на их инсигниях, зафиксированных в *Notitia Dignitatum* (илл. 56) [Nickel 1991: 139–140]. Отмечается и совместная служба сарматов и тайфалов, например, в Галлии [*Notitia Dignitatum*., MDCCCLXXVI: 219. № XLII, 65; *Notitia Dignitatum*... 1839–1853: 122, 983, 1082, 1084]. Включение в такое решение и некоторых восточных представлений о драконе другие авторы считают возможным для части изображений [Marciniak 2010: 70–72].

Изображения знамен различных типов представлены в граффити на западной стене склепа кургана на Госпитальной улице в Керчи (Крым)

Илл. 56

Илл. 57

(илл. 57). Одно из них сопоставляют с образцами из «Дачи» и Ноин-Улы, другое имеет форму узкого и длинного полотнища с навершием на древке в виде головы дракона. Предварительно изображения широко датировались со II в. по V в. [Рукавишникова, Бейлин, Федосеев, Воронков 2018: 164, 165]. Вопрос об их происхождении остается открытым [Рукавишникова, Бейлин, Меньшиков 2019: 207–210].

Что касается наличия подобных знамен у алан Северного Кавказа, то, к сожалению, письменные источники не донесли до нас соответствующей информации. Правда, некоторые исследователи полагали, что именно аланские знамена с драконами представлены в труде Мовсеса Хоренаци в описании походов алан в Закавказье [Уарзиати 1995: 223; 2017: 279; Хатуев 1999: 64; Чибиров 2013: 492; Мысыккаты 2021: 52, сн. 41]. Другие более нейтрально отнесли их к описанию походов северокавказских воинов в Закавказье [Ковалевская 1984: 158–159; 2005: 171–172]. Но у Мовсеса Хоренаци, описывающего столкновение между Ираном и Арменией, данные знамена, представлявшие собой изображения драконов на шелковых полотнах, отнесены к знаменам пехоты из гарнизонов городов [История Армении... 1858: 193–194], которые не имеют никакого отношения ни к аланам, ни к Северному Кавказу.

Исследователи, исходя из образцов скульптурных памятников, полагают, что зооморфные изображения голов штандартов напоминают собачьи. Известно, что пес-волк выступал покровителем воинских сообществ [Васильков 2009: 47–60; 2012: 57–62], будучи, например, связан со скифскими воинскими культами. Такое положение сохранялось и в сарматский период. Среди материалов, использовавшихся исследователями, объективно привлекались и данные фольклорно-этнографического наследия осетин [Иванчик 1988: 38–47; 1993: 41–52; 2005: 169–189; Ivančik 1993: 305–329; Ustinova 2002: 104–119; Гуцалов 2005: 437–446; Нефёдкина 2004: 140; Арриан. 2010: 134; Негин 2010: 176–177; Вдовченков 2013: 188, 195–197; Бондаренко 2014: 153–160].

Возможно, с таких позиций следует дополнительно обратить внимание на одно сказание осетинского Нартовского эпоса, хотя позднее время его записи вызывает к себе настороженное отношение. В данном сказании Wærxæg, обычно предстающий в роли родоначальника нартов, отправляется ими на охрану яблони. Причем, нарты угрожают ему тем, что, в случае плохого исполнения охраны, сдерут с него кожу и сделают из нее подушку для сидения старшего на пухас'е [Нарты кадджытæ 2012: 22, 23]. Исследователи единогласно возводят само имя Wærxæg к *wærh — «волк». Его название было табуировано, но сохранилось в охотничьем языке осетин для обозначения волка, и, возможно, в wærgæftyd, wærgæftyd — «внезапное нападение» [Абаев 1989: 93]. В свою очередь, культ волка считают одним из характерных признаков мужских союзов, которые могли существовать у скифов и сарматов [Гуцалов 2005]. Таким образом, приведенный сюжет можно толковать как отголосок помещения шкуры волка на месте старшего на пухас'е как символа воинского мужского союза.

Исследователи, непосредственно изучавшие проблему воинских союзов «скифского мира», также обращали внимания на драконообразные знамена [Гуцалов 2005: 441]. Полагают вытеснение со временем образа кошачьего хищника образом волка как символом власти, воинской доблести, воинского отряда в скифской культуре, что некоторыми исследователями объясняется воздействием со стороны сарматов [Бондаренко 2014: 155–157].

Если принимать такое решение, то, возможно, следует дополнительно обратить внимание на скипетры из воинских сармато-аланских погребений. Они представляли собой вырезанные на дереве композиции, покрытые золотой фольгой, прямоугольной вытянутой формы, что указывает на их оригинальное изготовление. На них изображались хищники или фантастические существа, в том числе в сценах терзания. Такие скипетры служили символом власти военного предводителя. Причем, материалы погребений проявляют явные связи с центральноазиатским регионом, что может рассматриваться в контексте истории прихода на запад алан.

В то же время, например, для изображения на скипетре из погребения № 19, кург. № 1 ОПХ «Рассвет» учеными полагается проявление кельтского влияния. Навершия от подобных скипетров, увенчанные головками «драконов», известны по готским материалам. Но их изображения отличаются стилистически. Такие скипетры у сармато-алан служили символом власти военного предводителя [Туаллагов 2007: 199–209; 2011: 62]. Особое внимание может привлечь обкладка скипетра из погребения № 2, кургана № 1 могильника Октябрьский V (илл. 58), на которой изображены волкообразные хищники.

Илл. 58

По мнению исследователей, образы дракона и волка могли быть связаны с тотемической мифологией, как символы верховной власти, символа происхождения правителя, силы обладания и победы. С ними и было связано появление драконовых знамен в Китае, а волчьих — в кочевой империи хуннов. Именно на границе этих миров (предлагался и более конкретный ареал [Яценко 1993: 61; Савинов 2017: 131–132; 2020: 145]) произошла контаминация образов, выразившаяся в создании синкретического образа с головой волка и телом змея. Отсюда такие драконообразные знамена распространились на запад по Великому шелковому пути, условно во II–V вв., и предположительно в среде родственных племен путем передачи этого символа воинской власти в элитной субкультуре сарматов/алан. Если на Востоке волчьи знамена сохраняются, то на Западе они с конца III в. теряют «волчьи» черты, превращаясь в чисто драконовые [Савинов 2017: 128–132; 2020: 140–147]. Были приведены и другие интересные наблюдения в отношении таких знамен [Mysykkaty 2019: 289–371], которые, видимо, не стоит воспринимать как категоричное противопоставление образов дракона и волка.

Соответствующее развитие событий, особенно в части связи с идеей верховной власти и аланами, представляется наиболее вероятной. Следует напомнить и о кангюйских образах крылатых волков Жалтыракташа, один из которых имеет подобные знамени крылья. Что касается происходивших изменений в образе драконообразных знамен на Западе, то логично полагать, что они могли бы быть обусловлены представлениями в аланской среде по китайскому первоисточнику и/или уже контаминацией с некими европейскими представлениями.

Илл. 59

С драконообразными знаменами алан сопоставляли [Кузнецов 1984: 230; 1992: 258], называли продуктом тесных культурных контактов или прямым заимствованием [Уарзиати 1987: 130–131; 2018: 222; 2018a: 388; Гаглойти 2010: 339; Дзаттиаты 2012: 121–124; Хатуев 1999: 64; Кочиев 2020: 45; Мысыккаты 2021: 52–55] знамя (илл. 59) Верхней Сванетии или общего знамени Тushетии, Сванетии и Пшавии — лем [Уварова

1904: 289; Михаил Николаевич Вадбольский... 2014: 38, 127, 128, рис. 4, 146, рис. 30].

Вместе с тем, исследователи справедливо указывали, что, по верованиям и преданиям сванов, знамя изображало волка, а называлось львом — «лем», поскольку волк силен и победоносен как лев. Верования сванов позволяли связать знамя с тотемным животным, за чем стояли и представления о связи животного с божествами и многими культово-мифическими изображениями волка/собаки и особых фантастических животных на кавказских древностях, отражавшими особый культ «воинства». В конечном итоге, прототипом такого знамени у самих сванов был ритуальный шест с укрепленной на его вершине волчьей шкурой, что уводит в местные тотемические верования и практики [Бардавелидзе 2006: 48–58; Иванов 2009: 113; Самашев 1992: 207, сн. 19; Техов 1977: 154–155; Карпов 1996: 153–163]. Для названия «лем» возможна и контаминация с известным у многих народов определением знамени через заимствование арабского, арабо-персидского *'alam* (*'lm*) — «знак, знамя» [Уарзиати 1987: 126].

При этом, об истоках появления знамени у сванов фиксировались противоречивые представления о том, что оно было впервые изготовлено богиней Ламариа, изготовлено царицей Тамар, было отнято у напавших на сванов «татар». Исходя из приведенных данных, следует полагать, что знамя имело свои оригинальные истоки в виде шеста с волчьей шкурой, в пользу древности которого может говорить упоминание образа Ламариа. Но его преобразование в тканое знамя, надувавшееся при ветре и обретавшее форму чудовища, могло свидетельствовать о контаминации с образцами знамен других народов. В условиях Кавказа такая контаминация не обязательно могла быть связана с аланами, а под «татарами» вполне могли скрываться представители тюркоязычного мира, у которых, как и у алан, представлены волчьеголовые знамена.

Было также замечено, что в средние века одним из эпитетов знатной армянской фамилии Мамиконянов было *alanadrawšk^c*. Его давно предлагали переводить как «аланское знамя несущий» [Marquart 1905: 82; Harmatta 1970: 82]. Однако данное решение встретило возражение с указанием на иное значение — «владеющие знаменем сражения, боевым знаменем» [Периханян 1965: 113, сн. 12], что, кстати, опровергает привлечение и данных сведений к натянутым, в целом, попыткам [Аликберов, Мудрак 2022: 193] возводить этноним «алан» к кавказским истокам.

Осетинская этнография не зафиксировала использования драконообразного знамени. Но, по заключению исследователей, его дериватом могут служить фарны хьил — «шест фарна», украшавшийся разноцветными лентами, а также гьолон ләдзәг — «пестрая палка». Исследователи отме-

чали и «пестрые», «разноцветные» образы правителей у осетин и казахов, объединивших свои народы в единое целое и выступавших под «пестрыми» знаменами и персонифицирующими единение всех социальных слоев общества [Туаллагов 2000: 161–162; 2011: 27–29, 47–51, 59–60]. Полагают, что традиция разных народов подвешивания разноцветных лент в святых местах, на деревьях восходит к традиции подвешивания шкур животных. Такие ленты считают прообразом современного флага, в том числе, государственного символа социального единения и интегрирующей идеи [Сыртыпова 2009: 75–76].

Ученые отмечают, что одной из древних форм штандартов были образцы без полотнищ, но с наверхшиями в форме животных (зооморфные) [Окладников 1951: 148]. Другим видом были полотнища, сделанные из шкур животных. Впоследствии на полотнищах стали изображаться сами эти животные. Данные зооморфные образы служили символами единства народа, их тотемами. В них видели воплощения божеств, которые покровительствовали этим народам. С таких позиций следует обратить внимание и на некоторые другие материалы.

В XVI в. в Западной Европе наблюдается резкий подъем внимания эрудитов к проблемам геральдики. К тому времени были утеряны и забыты истинные причины появления тех или иных гербов, что порождало своеобразное мифотворчество. Тогда появляются и утверждения различных авторов, о том, что во время вторжения в Испанию в 409 г. (или без указания на данные события) аланы, бургунды и свевы избрали своим военным символом кошку [Germaniae exegeseos... M. D. XVIII: CXVII; Historia de gentibus septentrionalibus... M. D. LXII: 26]. Данные утверждения перешли во многие работы и словари по геральдике [Scriptores Rerum Lusaticarum... 1719: 172; Theodori Hoepingi... M. DC. XLII: 164, 880; D. Philippi Jacobi... MDCC XVII: 253; Nouvelle méthode raisonnée... M. DCC. LXXX: 2; A New Dictionary of Heraldry... M DCC XXV: 70]. В изданиях труда Клода Парадина [Devises Heroïques... M. D. LVII: 62] были даже приведены такие изображения кошки (илл. 60), явно созданные не по оригиналу, а придуманные для иллюстрации самих изданий. Насколько можно судить, сведения, в

Илл. 60

конечном итоге, восходят к единственному источнику — труду некоего Мефодия. Сам труд и личность его автора до сих пор не идентифицированы.

В целом, приведенные заявления не имеют фактического подтверждения и вызывают к себе крайне скептическое отношение [Туаллагов 2021]. Они же, надо полагать, служили своеобразным основанием и для некоторых других трактовок. Марко де ла Фрата и Монтальбано называл символом алан, вторгнувшихся в Испанию, куницу (*marta*) [*Discorsi de principii della nobilta...* M D LI: 33]. Юниус Адриан (Адриан де Йонги) в своем посмертном труде 1588 г., со ссылкой на Юлия Скалигера (1484–1558 гг.), отмечал, что аланы на скифском языке означает «собаки», почему на их знаменах и инсигниях изображалась собака [Hadriani Iunii... СЮ Ю LXXXVIII: 385].

Сообщение сопоставимо с более поздним утверждением Якоба Рейтенфельса в его труде, опубликованном в 1680 г. Без указания на источник информации автор сообщал, что в период появления гуннов в Восточной Европе царь готов Винитарий прозывался скифами Алан, т. е. собакой [Якоб Рейтенфельс 1905: 37]. Кроме того, автор отмечает: «Аланы, т. е. бродячие» [Якоб Рейтенфельс 1905: 21].

Автор явно сам себе противоречит. Определение алан как «бродячих» производилось и другими исследователями [Миллер 1773: 15] за счет «греческого глагола, значащего странствовать или кочевать» (ἀλαίνω — А. Т.), что, конечно, не имело никакого реального основания. В таком случае значение «собака» теряет возможность к своему обоснованию. Ничем не мотивированным предстает и прозвание Винитария Аланом. Причем, остается только гадать, кем мог бы быть Винитарий — Амал Винитарий у Иордана или Витимир у Аммиана Марцеллина? Никаких прозвищ данные исторические личности, насколько известно, не имели.

В целом, сведения не имеют своего лингвистического подтверждения, чем уже опровергают сами себя. Надо полагать, что мы имеем дело с авторскими трактовками за счет известных значений латинского *feles*(*felis*)/*faeles* — «кошка, куница, хорек», что нередко ассоциировалось с *felix* — «счастливый», связанное с плодородием (вспомним образ Элурус — А. Т.). Заменяемость в хозяйстве древней Греции кошки на ласку (семейство кунных — А. Т.) приводило и к переносу на ласку названия кошки — αἴλουρος [Синица 2021: 79].

Для значения «собака» можно бы было отметить латинские *catta*, *cattus* — кошка, кот, которое появилось позднее в Римской империи, видимо, из Африки, и легло в основание названия животного у многих европейских народов, *catula* — собачка, *catulus* — котенок, щенок. Но во втором случае, скорее, мы имеем дело с ложноэтимологическим осмыслением на-

звания породы собак, впервые фиксируемым для 1247 г., через гипотетическую связь с названием алан, которые уже много веков назад сошли с исторической арены Западной Европы.

За это время никаких «аланских собак» там не фиксировали, как не фиксировался и факт привода какой-либо особой породы или вообще собаки аланами, что также препятствует принятию «сведений» источника. Современное утверждение, что аланские собаки связаны с аланскими поселениями в Испании V в. [Ковалевская 1992: 72; Сланов 2007: 173; Нефёдкин 2011: 216; Кузнецов 2019: 36–37], восходит через посредника [Bachrach 1973: 118–119] к давним слабо аргументированным и некритично воспринимаемым утверждениям [Jesse 1866: 80–84, 116–118]. Показательно, что дальнейшие самостоятельные исследования этого вопроса [Сланов 2007: 172–177; Нефёдкин 2011: 217–220] не дают никаких положительных результатов.

Как полагают другие специалисты, известное название восходит к среднегреческому *ἄλανι* — «хищный», которое и лежит в основе определения «свиная собака», например, испанское *alano* [Moutsos 1995: 24–32]. Здесь показательно, что этимологическое «решение», несколько не связанное с реальной историей, прямо ведет к «однозначным» утверждениям о помещении аланами изображений собак на своих знаменах и инсигниях. Впрочем, и до сегодняшнего дня некоторые исследователи и авторы говорят об «аланской» породе собак.

Отмечались и этимологические предложения на основании гот. *alan* — «расти» или англо-сак. *alan* — «расти», причастия настоящего времени французского глагола *aller* — «идти». Было замечено, что с чисто лингвистической точки зрения аланская интерпретация представляется более убедительной, но задача осложняется поздним появлением термина в источниках, отсутствием верификации проблемы самой породы, степени ее близости к современной породе под таким обозначением, самой истории породы [Лебединский 2016: 169–170].

О том, как ложноэтимологическое осмысление названия собак через его привязку с названием исторических алан может вести даже к созданию собственной иллюстрации, свидетельствует, например, карта 1587 г. итальянского географа и картографа Урбано Монте. На ней на крайнем севере Западной Сибири представлены некие *Alani Tartari* и изображена собака *cani alani* (илл. 61).

Их соседство указывает и на авторское признание прямой связи между ними. Вполне понятно, что никаких алан во времена Урбано Монте там не было. Вообще, аланы никогда и не жили на тех северных территориях. Но картограф Урбано Монте обязан был быть хорошо знаком с древними

Илл. 61

трудами своих предшественников. Например, крайняя северная локализация, у самого полярного круга, алан-скифов и аланорсов (Ἀλανοὶ Σκύθαι, Ἀλανορσοί) в Азии представлена у такого авторитетного для средневековья автора как Птолемей [Алемань 2003: 150–151], что находит параллели и в других источниках [Туаллагов 2014: 103–109]. Обращение именно к давним сведениям Птолемея прослеживается в названии уходящей на восток горной гряды, изображенной непосредственно под изображением собаки, — *scifia dentro del monte smao*, т. е. *Scythia intra Imaum Montem* («Скифия внутри горы Имаон») Птолемея, к северу от которой и помещались им аланы-скифы и аланорсы.

Нетрудно заметить, что Ἀλανοὶ Σκύθαι являются источником для *Alani Tartari*. Отсюда авторское изображение *cani alani*, что не удивляет и на фоне изображений кошки как символа алан. Интересно, что у того же Птолемея в Европе представлены Ἀλαῦνοι Σκύθαι и Ἀλαῦνον ὄρος [Алемань 2003: 149–150], искаженная форма которых, видимо, появилась за счет влияния формы названия кельтских Ἀλαῦνοι. Забавно, но она «подходит» для другого названия «аланских собак» — *alaunt*, которую порой соответствующе и интерпретируют. Возвращаясь к позднему утверждению Якоба Рейтенфельса, мы можем предполагать, что возникшая ассоциативная связь названия европейской породы собак с названием алан породила выдумку о «скифском» слове «алан» в значении «собака», а само утверждение автора

было продиктовано знакомством с прошлыми заявлениями других европейских интеллектуалов. Возможно, в работе Я. Рейтенфельса были просто механически использованы различные греческие этимологии для алан как «бродячие» (сравни полагаемое возведение к причастию настоящего времени от фран. *aller* — «идти» [Meyer-Lübke 1911: 20–21] — А. Т.) и «собака».

В трудах христианских авторов падение Рима рассматривалось через призму библейских сведений об Апокалипсисе, в которых представлены сатанинские зооморфные образы. Их авторы ассоциировали с варварскими народами, разрушившими Рим. В таком ключе Диего де Сааверда Фахардо назвал символом правителя алан крылатую львицу [Corona Gothica... M. D. CC. VIII: 249].

С указанными сведениями перекликается и заявление Бернарду де Бриту [Segunda parte, da Monarchia Lusytana 1609: 149], что на гербе португальского г. Коимбра, якобы построенного по приказу Аддака, возглавлявшего вторжение алан в Испанию и получившего в 411 г. в свое управление Лузитанию, был изображен его символ — лев [Туаллагов 2021]. Несколько отвлекаясь от темы, заметим, что «аланские мотивы» для Португалии весьма примечательны. Уже давно португальские историки, что порой воспроизводится и сегодня, выводили, например, название португальского города Alenquer из Alankerkana, якобы означавшего «церковь алан» [Потанин 1883: 902]. Безосновательность такой этимологии очевидна.

Исследователи полагают, что сведения Бернарду де Бриту не могут восходить к сведениям Мефодия, поскольку, в отличие от них, правителю свевов приписывается символ в виде дракона, а герб Коимбры со львом уже был известен и ранее. Показательно, что отрицается возможность выдумки со стороны Бернарду де Бриту [Мысыккаты 2021: 63–64]. Сразу укажем, что нами уже отмечалось, что первое, т. е. самое раннее, изображение герба Коимбры вообще не содержало зооморфных образов, а следующий за ним вариант содержит только изображение змеи [Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra]. Изображение льва появляется не ранее конца XIV в. (рис. 62).

Илл. 62

Само объяснение семантики явно поздно появившихся образов льва и дракона герба не ограничивалось изложением Бернарду де Бриту, имея и несколько альтернативных вариантов, в которых нет места аланскому началу [Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra; Туаллагов 2021: 92–93; 2024: 86–89], что указывает на отсутствие какой-либо связи с историей алан, ни в живой памяти местной традиции, ни в официальных церковных или государственных кругах, способных опираться на письменную традицию. Они же указывают на то, что проблема интерпретации городской символики была тогда актуальна, что совпадает и со временем возросшего общего интереса западноевропейских эрудитов к вопросам геральдики. Такое положение требовало реакции Бернарду де Бриту, создававшего свой патристический труд. Ко времени Бернарду де Бриту сведения Мефодия уже были озвучены в трудах других интеллектуалов, а наличие на гербе двух зооморфных символов требовало их отнесения к разным источникам.

Что касается источника сведений Бернарду де Бриту, то не все в данной проблеме так просто. Несомненно, в его труде Атак — правитель алан Аддак, в пользу чего говорят и постоянные указания источника на труды Гидация и Исидора. Само появление алан в Лузитании связано с их вторжением вместе с вандалами и свевами в Испанию в 409 г. Но ни один из ближайших к событиям источников не называет того аланского правителя, который возглавлял бы вторжение своих соотечественников, но называют предводителя свевов Герменериха, который и фигурирует у Бернарду де Бриту. Причем, он утверждает, что царь алан Атак принял царскую власть после смерти Респандиана, т. е. исторического Респендиала, якобы первым воцарившимся в Лузитании, что не имеет поддержки в других известных источниках. Респендиал упоминался только в «Истории франков» епископа Григория Турского (~540–594 гг.), сохранившего сведения из утраченного труда Рената Профутура Фригерида (V в.). В источнике Респендиал действует совместно с вандалами при вторжении в 406 г. через Рейн.

Однако соответствующие «сведения» отмечены, например, в «Истории Испании», к созданию которой приступили в 1270 г. по приказу правителя Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252–1284 гг.). В ней представлена и общая картина аланской истории в Испании [Альфонсо X Мудрый... 2021: 93–100, 105, 149]. Сведения о двух аланских правителях в Испании Бернарду де Бриту явно следуют за «Историей Испании», напоминая далее о поздней компиляции XII в. (мадридская рукопись F 86), так называемой Цезаравгустанской хроники (Цезаравгуста — совр. Сарагоса), сообщавшей о двух царях из алан в Испании. В целом, рассказ в начале и идет в русле «Истории Испании».

Но далее появляются неизвестные ранее новшества. Атаку приписывается исповедание арианства, плохое отношение к католикам, когда сами аланы предстают идолопоклонниками и лишь частью арианами. Атак разрушил г. Конимбрика, захватив его у свевов, которым затем нанес тяжелое поражение. Рядом он построил г. Коимбра (совр. Португалия). Заключив мир со свевами, он женился на Синдасунде, дочери их правителя Гермерика, в знак чего вывесил флаг с изображением льва и дракона, символизирующих его самого и отца невесты. При этом Бернарду де Бриту приводит некие письма, хранившиеся в монастыре Алкобаса, в которых упоминается царь алан Атак. Среди них, например, письмо «епископа Арисберта» как очевидца событий [Segunda parte, da Monarchia Lusytana. 1609: 145–151], что, видимо, по задумке автора, должно придать его повествованию оригинальное свидетельство.

Другой позднесредневековый португальский автор Бернарду де Брага (1604–1662 гг.), перечисляя источники, сообщавшие о вторжении алан на Пиренеи, также указывал, что Респендиал (у него — Рапантиан, Респламдиан), был аланом и отобрал у римлян Лузитанию, став здесь первым царем, что автор сопоставлял с данными «Истории Испании». Впоследствии он был убит своим же народом, а ему наследовал в царствовании Атак. Бернарду де Брага также пересказывает соответствующую историю о происхождении флага (герба) с изображениями красного льва и зеленого дракона, которые ранее были на флагах Атака и Гермерика. При этом автор сносится на рукопись некоего епископа Альдебера из монастырей Алкобаса и Каркере на р. Дэуро. Эту рукопись, дескать, передал сам Бернарду де Бриту, уже издавший свою историю Лузитании, в которой описал историю Атака. Причем, дополнительно указывается, что епископ Альдебер брал информацию из другого источника, а еще из древней книги, в которой есть гербы всех царей и князей мира, хранящейся в том же монастыре Алкобаса [Tratado Sobre... 1843: 9–14]. Итак, источник указан.

У Бернарду де Бриту и Бернарду де Брага речь идет об аббатстве Санта-Мария-де-Алкобаса, основанном в 1152 г. и находившимся под покровительством королевского двора и служившим центром ответвления бенедиктинского ордена — цистерцианского монашеского ордена, возникшего в начале XII в. Постепенно аббатство стало культурным центром страны, где собирались древние рукописи, преимущественно греческие, первых веков христианства, и где и трудился Бернарду де Бриту. Таким образом, источник оказывается определен некой рукописью «епископа Альдебера», которая имела «источником»... самого Бернарду де Бриту и сегодня ничем не подтверждается.

Как справедливо отмечали исследователи, «Бернарду де Бриту не только широко использовал в своем труде легенды, но зачастую ссылаясь

на вымышленные им самим средневековые хроники». В условиях потери Португалией своей независимости в условиях испано-португальской унии, отмеченной экономическим кризисом, «... обращение к прошлому и его героизация оказались вполне закономерными». Бернарду де Бриту представлял то патриотическое направление, которое старалось «... в первую очередь прославлять всеми возможными способами происхождение своей нации и государства» [Ковалев 2015: 44]. Патриотический порыв Бернарду де Бриту, лежащий в основе создания его труда, отличали сознательная выдумка источников, фальсификация документов [Сарайва 2007: 202–203].

Поэтому допустимо полагать, особенно в условиях отсутствия указываемых Бернарду де Брига документов, что источником португальского патриота Бернарду де Бриту в интересующем нас вопросе являлся сам Бернарду де Бриту, создавший легендарное повествование, используя некоторые действительные исторические факты, которые преобразовывались и дополнялись им за счет выдуманных источников, приспосабливаясь к португальской составляющей, в которой и кошку можно было сделать львом. Сведения носят явно легендарный характер и не могут безоговорочно служить основой исторического исследования. Сами гербы появляются гораздо позже жизни Аддака, а соответствующие рукописи монастыря остаются неизвестными. Упоминание книги с гербами также указывает на поздний характер сведений, который наряду с хронологией создания аббатства определяет и поздний характер «рукописи епископа Альдебера», чье существование еще и ничем не подтверждается. Кстати, к тому времени вышел и соответствующий труд Клода Парадина с авторским рисунком герба алан в виде кошки.

Видимо, период потери Португалией независимости во время создания указанных трудов привел к особому старанию патриотических сил представить древность государственности и царской власти в регионе, включая гербовые символы, учитывая, что Коимбра некогда была столицей Португалии. К тому времени в Западной Европе эрудиты стали уделять особое внимание геральдике, когда истинные причины появления тех или иных гербов были утеряны и забыты, что само по себе порождало своеобразное мифотворчество.

Необходимо уточниться и с утверждением, что источники ничего не знали о символе алан, вторгнувшихся на Пиренеи. Источники говорят о вторжении алан в Испанию, что является единым историческим действием и для появления алан в тогдашней Лузитании, соответственно, в районе Коимбры (совр. Португалия). Поэтому утверждения источников о символе алан кошке связаны с их вторжением. Следует уточниться и с утверждением о незнакомстве Бернарду де Бриту с данной информацией от некоего Мефодия.

Например, Бернарду де Бриту нередко отсылает к труду Иоанна Магнуса Гота (1488–1544 гг.), включая и страницы, затрагивающие появление алан вместе с вандалами, свевами и бургундами в Галлии, их происхождения с далекой северной Скандинавии [Segunda parte, da Monarchia Lusytana 1609: 135, 140]. Знает он и об Олафе Магнусе (Олаус Стуре) Готе, который был родным братом Иоанна Магнуса Гота [Segunda parte, da Monarchia Lusytana 1609: 141] и издателем его труда. Собственно, само название труда Иоанна Магнуса Гота на то и указывает. Через восемь лет Олаф Магнус Гот издаст и собственный труд, в котором свое место займет и соответствующая линия северного происхождения готских народов, включая относимых к ним алан. О таком происхождении готов, с отсылкой к работе Олафа Магнуса Гота, анонсировалось в труде его брата — Иоанна Магнуса Гота [Historia Ioannis Magni Gothi... M. D. LIII: 10–11].

Явно, в том числе, по мотивам исследований своего брата, Иоанн Магнус Гот включал готов в число скифских народов, используя библейский образ Магога, но в отношении происхождения алан он еще сомневался. Одновременно он допускал возможность их прежнего обитания далеко на северных островах, между Скандией и Финляндией, приводя примеры причисления алан Прокопием Кесарийским к готам, а Иосифом Флавием — к скифам [Historia Ioannis Magni Gothi... M. D. LIII: 22, 498–499].

Отмеченное Бернарду де Бриту происхождение алан в связи с историей северных народов, выходцев из Скандинавии, является именно известной трактовкой происхождения германских народов, в том числе, за счет переноса на дальний север библейских сведений о Гоге и Магоге. Эта концепция была представлена в рамках так называемого готицизма (нордизма), распространившись в европейской историографии к концу XVI в. Она же представлена у Франциска Иреникуса [Germaniae exegeseos... M. D. XVIII: XVIII, XIX], повествовавшего о кошке, как военном символе народов, вторгнувшихся в Испанию, чье сообщение использовал вне контекста Испании Олаф Магнус Гот. Приведенные наблюдения вызывают большие сомнения, что такой пытливый источниковед и историограф как Бернарду де Бриту не ознакомился хотя бы с трудом Олафа Магнуса Гота, на которого он прямо указывает в своих построениях вместе с его братом Иоанном, отводя столь важное значение аланам и свевам в истории самого формирования царской власти в Лузитании. Умолчание же об этом может оказаться весьма красноречивым в сравнении с другими, в том числе, приведенными выше данными. Прямое же упоминание Олафа Магнуса Гота говорит в пользу знакомства Бернарду де Бриту с его трудом, где представлен зооморфный символ алан.

Единственно известным символом для алан в Западной Европе остается инсигния начала V в. Comites Alani (отряд конницы при ставке

Илл. 63

Илл. 64

императора) в Италии. Но она (илл. 63), в отличие от некоторых подобных у других национальных подразделений, включая германские с изображением льва, не содержит зооморфного образа [Notitia Dignitatum... MDCCCLXXVI: 128. № VI, 8; Notitia Dignitatum... 1839–1853: 29. № I, g], будучи сопоставима с символом *Equites constantes Valentinianenses seniores*.

На карте 1735 г. грузинского царевича Вахушти Багратиони среди различных владельческих символов представлена и «Овсэ-тиса» — «(Знамя-герб/-знак) Осетии». На полотнище розового цвета на фоне гор изображен кошачий хищник, обычно идентифи-

цируемый с переднеазиатским леопардом (илл. 64).

Реальность существования когда-либо такого знамени и символа [Уарзиати 1987: 115], напоминающего тип римского *vexillum*, о чем говорилось выше, ничем более не подтверждается, а образ кошачьего хищника в контексте алано-осетинской традиции сложно безоговорочно признать подходящим для государственного символа средневекового государства [Туаллагов 2021].

Следует заметить, что, например, в фальшивом «письме» от 22 апреля 1459 г. Давида II Великого Комнина, правителя Трапезунда (1458–1461 гг.), к Филиппу III Доброму, правителю Бургундии (1419–1467 гг.), составленному Лудовико да Болонья, непосредственно посещавшего Картли, отмечалось, что под знаменами «царя Персии», т. е. правителя Картли и Имеретии Георгия VIII (1446–1466 гг.), готовы выступить народы гитов и аранов/аронов — *natio Githorum et Aranorum* (*Cæsaris ... M DCCC LXXX: 201*), *natio Githorum & Aronorum* (*Epistolarum Turcicarum... M. D. XCVIII: 191–192*), во вторых из которых предлагалось усматривать алан. В тексте письма указаны *vexillum*, что полагает практику использования подобного типа знамен в закавказском царстве. Поэ-

тому сам vexillum «Овсэтиса» представляется собственно картлийским, а не аланским образцом.

Вполне вероятно, что выдумка «Овсэтиса» Вахушти Багратиони была подсказана идеей династического родства средневековых Армении, Картли и Алании, для последней из которых она носила фиктивный характер. К самому образу царевич мог прийти через знание о символах Армении в западноевропейской геральдике, которая давала соответствующий пример и для Картли [Туаллагов 2022]. Мы можем иметь дело и с курьезным совпадением неких патриотических выдумок, приведших к объяснению семантики герба Коимбры в лице Бернарду де Бриту и созданию «Овсэтиса» Вахушти Багратиони, имевших разные источники, но теперь создавших соблазнительное, но фиктивное единство «кошка-лев-леопард».

Нам известны и гербы арагвских и ксанских эриставов, которые считались осетинами по происхождению. Они также содержат зооморфные изображения [Туаллагов 2021: 108–109]. Однако у нас нет надежных оснований и доказательств, что они являются дериватами геральдических символов прежней аланской аристократии. Известны, например, варианты символа египетского мамлюка аланского происхождения Saif ad-dīn ben Abdallāh Bahādur Āṣ, действовавшего в правление султана ал-Мансура Калауна. Он был эмиром Дамаска, в 1311/1312 гг. — правителем провинции Сафад в Сирии. В 1315 г. возглавлял правое крыло сирийской армии. Умер 12 декабря 1329 г. [Mayer MCMXXXIII: 6, 13, п. 4, 25, 93–94]. Символы не содержат зооморфных изображений и являются продуктом местной культуры. То же наблюдение, видимо, следует отнести к символу некоего Āllān al-Mu'izzi [Mayer MCMXXXIII: 59].

Наконец, в славянских источниках XII–XIII вв. — «Части языком» и «Разумник-указ» — утверждается, что символом алан-ясов был олень [Шафарик 1848: прил., 111–113, № XXVI; Памятники отреченной... 1863: 441; Тъпкова-Заимова, Милтенова 1999: 103, 293, 303, 305; Tărkova-Zaimova, Miltenova 2011: 129, 526, 530, 540, 543]. Поэтому полагали, что подобные зооморфные символы могли служить символами богов на знаменах [Шафарик 1848: прил., 113], своего рода национальной эмблемой (герб) народа [Vernadsky 1944: 82]. В одной из копий символом ясов названа веверица [Tărkova-Zaimova, Miltenova 2011: 538] — пушной зверек (ласка, горноста́й, белка), которая, в действительности, символизирует зихов — представителей древнего адыгского мира, с которыми в копии ошибочно и меняются местами ясы. Данная путаница перешла в древнерусский сборник поучительных статей XVI в. «Измарагд» [Памятники отреченной... 1863: 448]. В некоторых копиях ясы поставлены на место германских алеманов,

что также сказывается на путанице зооморфных образов — зубр, или на место славянских чехов — белка.

Штандарт с изображением лани с золотыми рогами в поэме Валерия Флакка «Аргонавтика» приписывается акесинам [Valerius Flaccus... 2000: 44], что рассматривается с позиции сведений о сарматских значках [Нефёдкин 2004: 140]. Река Акесин, т. е. Танаис (Дон), действительно, позволяет помещать одноименный ей народ у Азовского моря [Пьянков 1997: 32, 56, 187–188, 236, 254, 265], но оставляет открытым вопрос о действительном существовании такого народа. Само название реки считалось еще скифским, что трудно соотнести с собственно сарматами, чего нет и в самой поэме. Сообщение о лани вписано в контекст греческих легенд [Valerius Flaccus... 2000: 46–47, п. 69–73], что вызывает дополнительные сложности в вопросе отражения в поэме реального факта.

Однако в рукописях известного знатока и собирателя осетинского фольклорно-этнографического материала М. К. Гарданти, хранящихся в Научном архиве СОИГСИ, указывается, что боевое знамя осетинских нартов представляло собой трехконечное (на авторском схематичном рисунке окончания острые — А. Т.) разноцветное полотнище с изображением оленя, между лопатками которого помещена пятиконечная звезда. Данное знамя обозначено им как гъолон гъæдæ — «пестрое дерево» [Гарданти 1959: 3, 9, 10].

Но М. К. Гарданти, как уже приходилось отмечать [Туаллагов 2023: 146], вел речь о сказаниях, в которых Сатана шьет «штаны» с тремя штанинами, чтобы спровоцировать Сырдона посчитать войско. Современные исследователи также пытались трактовать «штаны» как знамя, якобы олицетворяющее трифункциональное единство, объявляя его общевойсковым знаменем военачальника, якобы представленном в фольклоре и преданиях осетин. Однако трактовка осталась без приведения конкретных данных, а осетинская этнография не знает таких форм знамен. Умозрительна и попытка связать штаны — «xælaf» с арабским источником.

Нами указывалось на прямую параллель осетинскому эпическому материалу в «Истории Ирхана». В источнике рассказывается о хитрости с подобными штанами в Хадаре (современное с. Кадар в Буйнакском районе Дагестана), чтобы выведать от местной женщины, знавшейся с джинами, количество домов в Ирхане (современное аварское с. Ирганай Унцукульского района Дагестана). Также отмечалось, что образ подобных штанов встречается и в других осетинских фольклорных материалах, например, в сказаниях о Даредзанах. Поэтому следует полагать, что штаны с тремя штанинами в осетинском фольклоре являются... штанами. Совсем недавно на дагестанский источник вне осетинских эпических материалов было обращено внимание в связи с известными археологическими находками антропоморфных

Илл. 65

Илл. 66

Илл. 67

амулетов с подчеркнутыми фаллическими чертами V–VIII вв. Их связали... с торговцами-иудеями, исполнявшими и функции врачей [Ильюков 2024: 142–158].

В Нартовском эпосе упоминаются боевые знамена в сказании о войне Ахсартаггата и Бората [Нарты кадджытæ 2003: 233], но, к сожалению, без их конкретного описания [Яценко 2001: 369; Иванеско 2003: 39; Охонько 2021: 115–116]. Единственным дополнением можно считать указание на белый цвет одного из таких знамен [Нарты кадджытæ 2010: 576, 720]. Указание на еще один нартровский эпизод [Охонько 2021: 131] следует признать недоразумением.

Выше мы касались вопроса изображений *vexillum* на монетах римских императоров среди трофеев побежденных сарматов и упоминания *vexillum* у сарматов-лимигидов Аммиана Марцеллина. В также упоминавшейся поэме «Аргонавтика» Валерия Флакка отмечаются следующие за своими знаками (*sua signa secuti*) экзоматы, торины и сатархеи [Valerius Flaccus... 2000: 71, 72, п. 143]. Мы могли бы допустить, что среди них подразумевались и народы «сарматского круга», выступающие под своими штандартами, но без возможности какой-либо конкретизации. Однако справедливо и замечание [Нефёдкин 2004: 137], что *sua signa secuti* могло являться результатом использования римского термина применительно к военному делу варваров.

Завершая исследование, следует, видимо, указать на известную реконструкцию облика аланского воина монгольского периода. В его руке представлено копье со знаменем (илл. 65). Общая реконструкция облика воина основывается на археологических материалах [Горелик 2008: 136–140], в число которых знамя не входит. Его образ, надо полагать, взят из общих данных о монгольских знаменах, изображавшихся на иранских миниатюрах [Горелик 2002: 82] того периода. Таким образом, само изображение не может рассматриваться как один из видов оригинальных аланских знамен. То же касается и реконструкции облика аланского всадника (илл. 66) домонгольского периода и «венгерского алана» из Национального музея РСО-Алания (илл. 67).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1–2.** Реконструкция знамен из кургана «Дачи» (Яценко 2001).
- Илл. 3.** Граффити в храме Байты III (Яценко 2017).
- Илл. 4.** Флаги из могильника Ноин-Улла (Руденко 1962).
- Илл. 5.** Насадка из Андреевского кургана (Воронятов 2012).
- Илл. 6.** Втулка копья из погребения у Аджимушкайских катакомб (Воронятов 2012).
- Илл. 7.** Навершие из кургана № 1 (Руденко 1962).
- Илл. 8.** Изображение на «оленном камне» из Хэрэксурин дэнж (Волков 2002).
- Илл. 9.** Изображение «святого воина» (Нагараджа) в Кирише (Esin 1972).
- Илл. 10–17.** Изображения в Синьцзяне (Grünwedel 1912).
- Илл. 18.** Изображение из Карачара (Борисенко, Худяков 2017).
- Илл. 19.** Изображение на костяных пластинах из Орлата (Пугаченкова Г. А. 1987).
- Илл. 20.** Монеты Азеза I и Азес II (Marciniak 2010).
- Илл. 21.** Монета Гондофара (Gazerani 2016).
- Илл. 22.** Изображение из Пянджикента (фото из открытых источников).
- Илл. 23.** Изображение из Пянджикента (фото из открытых источников).
- Илл. 24.** Петроглифы Ой-Джайляу (Советова, Мухарева 2005).
- Илл. 25.** «Сулекская писаница» (Советова, Мухарева 2005).
- Илл. 26–27.** Рельефы Кыфарской гробницы (Охонько 2021).
- Илл. 28.** Изображение на скалах у с. Капчагай (Марковин 1958).
- Илл. 29.** Изображение на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта (Марковин 1958).
- Илл. 30.** Знамя Хаджи-Мурата (Ясулов 1927).
- Илл. 31.** Рельеф раннесредневековой церкви у с. Ольгинское (Охонько 2021).
- Илл. 32.** Изображение на сосуде из Надь-Сент-Миклоша (фото из открытых источников).
- Илл. 33.** Изображения на костяных пластинах из 1 Шиловского могильника (Сташенков 2019).
- Илл. 34.** Свадебный осетинский флаг (Уарзиати 1987).
- Илл. 35–36.** Траурные осетинские флаги с картин М. С. Туганова.
- Илл. 37.** Траурный осетинский флаг (Уарзиати 1987).
- Илл. 38.** Находка в районе г. Остяко-Вогульска (фото из открытых источников).
- Илл. 39.** Росписи из оазиса Харга (Vermaat 1999).
- Илл. 40.** Оттиск печати из Старой Нисы (Массон, Пугаченкова 1954).
- Илл. 41.** Монета Вологеза IV (Les Monnaies des Rois Parthes 1877).
- Илл. 42.** Рельеф саркофага Портоначчи (Marciniak 2010).
- Илл. 43.** Рельеф саркофага Людовизи (Marciniak 2010).
- Илл. 44.** Бронзовая голова дракона из Нидербибера (Marciniak 2010).
- Илл. 45.** Рельеф арки Константина Великого (Marciniak 2010).

- Илл. 46–47.** Рельефы арки Траяна (фото из открытых источников).
- Илл. 48.** Римская монета (фото из открытых источников).
- Илл. 49.** Рельеф храма Адриана (фото из открытых источников).
- Илл. 50.** Рельефы колонны Марка Аврелия (Marciniak 2010).
- Илл. 51.** Монета Марка Аврелия (Mattingly 1940).
- Илл. 52.** Рельефы арки Галерия (фото из открытых источников).
- Илл. 53.** Монеты Марка Аврелия (Mattingly 1940; 1960; Marciniak 2010).
- Илл. 54.** Монета Коммода (фото из открытых источников).
- Илл. 55.** Рельеф из Честера (фото из открытых источников).
- Илл. 56.** Инсигнии в Notitia Dignitatum (Notitia Dignitatum... 1839–1853).
- Илл. 57.** Граффити склепа из Керчи (Рукавишников, Бейлин, Меньшиков 2019).
- Илл. 58.** Обложка скипетра из могильника Октябрьский V (фото из открытых источников).
- Илл. 59.** Сванский лем (Мысыккаты 2021).
- Илл. 60.** Изображения из изданий труда Клода Парадина.
- Илл. 61.** Фрагмент карты Урбано Монте (фото из открытых источников).
- Илл. 62.** Варианты гербов г. Коимбра (Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra).
- Илл. 63.** Инсигния Comites Alani (Notitia Dignitatum... MDCCCLXXVI; 1839–1853).
- Илл. 64.** «Овсэтиса» (фото из открытых источников).
- Илл. 65.** Реконструкция облика аланского воина монгольского периода (Горелик 2008).
- Илл. 66.** Реконструкция облика аланского воина монгольского периода (<https://аланиянацмузей.рф/category/kollekcziya-alany/>).
- Илл. 67.** Реконструкция облика «венгерского алана» (<https://аланиянацмузей.рф/category/kollekcziya-alany/>).

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1989. Т. IV. 325 с.
- Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: ИА РАН, 1995. 656 с.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
- Аликберов А. К., Мудрак О. А. Царские эпитеты в исторической ономастике Кавказа. Восток (Oriens). М., 2022. № 6. С. 191–200.
- Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дона Фернандо и королевы доньи Беатрис. Под общей редакцией О. В. Аутова (составитель, ответственный редактор), И. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. СПб.: Наука, 2021. Т. 2. 710 с.

Арриан. Тактическое искусство. Перевод, комментарии, вступительные статьи А. К. Нефёдкина. Серия «*Fontes scripti antiqui*». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 286 с.

Арсеньева Ю. В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах Древней России. СПб.: Сенатская типография, 1911. 41 с.

Ауанасова А. М., Аяган Б. Г., Нурпеисов Е. К. Основания и правовой статус государственных символов Казахстана: историко-правовой дискурс. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 1 (75) [сайт] URL: <http://history.jes.su/s207987840002558-2-1-ru>.

Бабенко В. А., Колесникова М. Е. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века: символы и смыслы изображений [Рец. на кн.: Охонько Н. А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации: монография. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224 с.] Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 351–354.

Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). Серия «*Historia Militaris*». СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 264 с.

Банников А. В., Морозов М. А. Византийская армия (IV–XII вв.). СПб.: Евразия, 2013. 688 с.

Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: The Centre for Cultural Relations of Georgia «Cacasian House», 2006. 234 с.+XXXII таб.

Бондаренко А. А. Культ воина-зверя у правящих сословий древних киммерийцев, скифов, сарматов. *Colloquium Neptaplomeris*. Научный альманах. Нижний Новгород, 2014. Вып. I. Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст. С. 153–162.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображения панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. фон Ле Кока). Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сборник научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 56–69.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображения оружия и знамен тохарских воинов на фресках Карашара, Кызыла и Шорчука (по материалам Альберта фон Ле Кока). Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2017. Т. 16. № 7: Археология и этнография. С. 125–132.

Васильков Я. В. Между собакой и волком: По следам института воинских братств в индийских традициях. Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб., 2009. С. 47–62.

Васильков Я. В. «Мужи-тигры», «человекольвы» и «люди-вепри» в индийском эпосе, культуре и истории. Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб., 2012. С. 57–71.

Вдовченков Е. В. Проблема существования мужских союзов у сарматов. Ранние формы потестарных систем. СПб., 2013. С. 182–201.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Воронятов С. В. Аджимушайскоу копье — боспорское знамя?. Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина». Заседание 18 января 2012 года в 15.00 в Зале Совета Государственного Эрмитажа. СПб., 2012. С. 3–11.

Воронятов С. В. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в Южной Моравии. Золото, конь и человек: сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012а. С. 417–431.

Воронятов С. В. О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана. Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 57–72.

Воронятов С. В., Мачинский Д. А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях. *Germania-Sarmatia II*: сборник научных статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М. Б. Щукина. Калининград–Курск, 2010. С. 57–77.

Гаглойти Ю. С. О национальных символах осетинского народа. Гаглойти Ю. С. Избранные труды. Цхинвал, 2010. Т. I. С. 336–341.

Гарданты М. К. Разные исторические справки на основе преданий старины глубокой. 1959. Научный архив СОИГСИ. Ф. Черджиева Х. С. Оп. 1. Д. 27. Т. V. 21 с.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.

Горелик М. В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21–25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008. С. 136–140.

Гуцалов С. Ю. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала). Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сборник статей. М., 2005. С. 437–447.

Дарчиева М. В. Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. 319 с.

Дзаттиаты Р. Г. Национальный флаг: благость, мужество, фарн. III Всероссийские Миллеровские чтения (Материалы научной конференции 4–5 октября 2012 г.): Сборник статей. Владикавказ, 2012. С. 121–128.

Дмитриев С. В. Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии (некоторые вопросы терминологии и морфологии). Военно-исторический журнал «Para Bellum». 2001. № 14.

Дэвлет М. А. Щиты и их изображения на оленных камнях. Проблемы современной археологии: сборник памяти Владимира Александровича Баширова. Материалы и исследования по археологии России. М., 2008. № 10. С. 96–125.

Иванеско А. Е. Реалии воинского быта в осетинских нартовских сказаниях и проблемы датировки ядра Нартиады. Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2003. № 2. С. 34–40.

Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. 216 с.

Иванов Вяч. В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в Древней Малой Азии и на Балканах. Иванов Вяч. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2009. Т. 5: Мифология и фольклор. С. 108–115.

Иванчик А. И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию. СЭ. М., 1988. № 5. С. 38–47.

Иванчик А. И. К истолкованию сообщения Полиэна о киммерийцах (Polyaen, VII, 2, 1). Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ. 1993. С. 41–52.

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Pontus Septentrionalis III. М., Берлин: «Палеограф», 2005. 313 с.

Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1904. Т. II. Латинские писатели. Вып. 1. 271 с.

История Армении Моисея Хоренского. Перевел с армянского и объяснил Н. Эмин. М.: В типографии Каткова и Ко, 1858. 384+VIII с.

Ильюков Л. С. Бронзовые амулеты из Нижнего Подонья. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Материалы и исследования по истории и археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по истории народов Северного Кавказа, доктора исторических наук Татьяны Александровны Невской. Ставрополь, 2024. Вып. 17. С. 142–158.

Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 311 с.

Ковалев К. В. «Лузитанская монархия» Бернарду де Бриту: новаторство или архаизм?. Национальная ассоциация ученых. 2015. № IX (14). С. 43–45.

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. 192 с.

Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе (соответствие данных истории, археологии, лингвистики и антропологии, IV–V вв.). Аланы: Западная Европа и Византия. ALANICA–I. Владикавказ, 1992. С. 34–85.

Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. Пушчино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 398 с.

Колобов А. В. Штандарты римской армии эпохи принципата. Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск, 2001. Вып. X. С. 38–44.

Кочиев К. К. Древняя аланская инсигния в европейской литературе XVI–XVIII вв.. Аланское православие: история и культура: сборник материалов VIII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2020. С. 41–60.

Кузнецов В. А. Средневековые дольменообразные склепы Верховий Кубани. КСИА. М., 1961. Вып. 85. С. 106–117.

Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977. 167 с.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. 303 с.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.

Кузнецов В. А. Кавказская Алания. Запад–Восток. Историко-археологические очерки. Пятигорск: СНЕГ, 2019. 208 с.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (Продолжение). ВДИ. М., 1948. № 3 (25). С. 217–330.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть вторая. Латинские писатели (Продолжение). ВДИ. М., 1949. № 2 (28). С. 271–356.

Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв.: история и наследие. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 256 с.

Лукьяшко С. И., Филимонова М. Е. К интерпретации комплекса находок из кургана «Дачи» у г. Азова. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Азов, 2001. Вып. 17. С. 338–346.

Малахов С. Н. Кяфарский мавзолей и христианство. Рецензия на книгу: Охонько Н. А. Новые смыслы Кяфарского мавзолея. — Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. — 138 с.; ил.. Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа, кандидата исторических наук Александра Пинкусовича Мошинского. Ставрополь–М., 2023. Вып. 16. С. 501–505.

Маргулан А. Х. Петроглифы с тотемом волка. Тотем племени шапырашты. Маргулан А. Х. Мир казаха. Алматы, 1997. С. 5–14.

Маргулан А. Х. Сочинения: В 14 т. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3. Петроглифы Сарыарыка. Гравюры с изображением волчьего тотема. 20 с.+382 илл.

Марковин В. И. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА. М., 1958. № 1. С. 147–162.

Маршак Б. И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

Маслов В. Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 219–236.

Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ. М., 1954. № 4 (50). С. 159–169.

Миллер Г. Ф. О народах издревле в России обитавших. С Немецкого на Российский язык переведено Иваном Долинским. В Санкт-Петербурге, 1773. [IV]+132 с.

Михаил Николаевич Вадбольский и грузинская геральдика. М.: ООО «Старая Басманная», 2014. 154 с.

Мысыккаты Б. По следам «аланского барса». Историко-филологический архив. 10. Владикавказ, 2021. С. 37–73.

Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2003. Ч. 1. 592 ф.

Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2010. Ч. 5. 766 ф.

Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2012. Ч. 7. 617 ф.

Негин А. Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 232 с.

Нефёдкин А. К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э.–V в. н. э.. Серия «*Militaria Antiqua*», V. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Филоматис, 2004. 192 с.

Нефёдкин А. К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). Серия «*Historia militaris*». СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 304 с.

Никоноров В. П. Вооружение и военное дело парфян. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1987. 274 с.

Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. СА. М.–Л., 1950. Т. XIII. С. 139–172.

Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах. Тюркологический сборник. М.–Л., 1951. Т. I. С. 143–154.

Охонько Н. А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища. Аланская гробница XI в. Ставрополь, 1994. С. 3–34.

Охонько Н. А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. 246 с.

Охонько Н. А. Новые смыслы Кяфарского мавзолея. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. 138 с.

Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым (Приложение к сочинению: «Отреченные книги древней России»). М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1863. Т. II. IV+457 с.

Периханян А. Г. Армянская надпись из Зангезура (Некоторые вопросы среднеиранской диалектологии). Историко-филологический журнал. Ереван, 1965. № 4 (31). С. 107–128.

Полосьмак Н. В. История, вышитая шерстью. Наука из первых рук. Новосибирск, 2011. № 2 (38). С. 112–133.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического обще-

ства. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1883. Вып. IV. Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. [XV]+1026 с.+XXVI таб.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 365 с.

Пугаченкова Г. А. Образ кангюйца в согдийском искусстве. (Из открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции). Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 56–65.

Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 343 с.

Рогожинский А. Е., Сулайманова А. Т., Яценко С. А. О некоторых мифо-эпических сюжетах на позднеантичных петроглифах Тянь-Шаня. Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта Новосибирск, 2022. С. 309–313.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1962. 206 с.

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Курган «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение). Древности Боспора. М., 2018. Т. 23. С. 151–170.

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Меньшиков М. Ю. Рисунки из кургана Госпитальный. К вопросу о датировании и интерпретации. (Две точки зрения). Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э.–IV в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь, 2019. С. 205–213.

Савинов Д. Г. Волчьи знамена на Великом шелковом пути. Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: сборник научных статей : в 3 т. Барнаул, 2017. Т. II. С. 128–133.

Савинов Д. Г. Волчьи/драконовы знамена на Западе и на Востоке. Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения Владимира Васильевича Боброва. Кемерово, 2020. Вып. 28. С. 140–148.

Саламзаде Э. А., Абдуллаева Р. Г. Народы Кавказа в поисках идентичности: национально-государственные символы и геральдика. Наследие веков. 2017. № 4 (12). С. 70–77 [сайт] URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Salamzade_Abdullaeva.pdf.

Салпагаров А. История карачаймалкарского (аланского) флага. 2002 [сайт] URL: <http://salpagarov.narod.ru/kultura/flag/history1.htm>.

Сарайва Ж. Э. История Португалии. М.: Весь мир, 2007. XI+368 с.

Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Аты: Гылым, 1992. 288 с.

Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения. ВДИ. М., 2002. № 1 (240). С. 107–122.

- Синица М. М. Коты и кошки в античном мире. Классическая и византийская традиции. 2021: сборник материалов XV международной научной конференции. Белгород, 2021. С. 73–92.
- Сланов А. А. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ: СОИГСИ им. В. И. Абасова, 2007. 400 с.
- Советова О. С., Мухарева А. Н. Об использовании знамён в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам). Сборник к 60-летию В. В. Боброва. Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 92–105.
- Сташенков Д. А. Еще раз о назначении костяных пластин из Шиловского курганного могильника. Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2019. Вып. 7. С. 194–200.
- Сыртыпова С.-Х. Д. Память монгольских знамен и тайги. К вопросу антологии современных атрибутов власти. Азия и Африка сегодня. М., 2009. № 10 (627). С. 74–77.
- Тахнаева П. И. Из истории дагестанской вексиллологии: к вопросу о знамени Аварского ханства. Гербоведение. М., 2016. Т. V. С. 186–196.
- Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 238 с.
- Тревер К. В. Серебряное навершие сасанидского штандарта. Сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. II. С. 17–19.
- Трейстер М. Ю. Малоизвестный эпизод истории сарматов: сарматы в Британии. Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 октября 1994 года. Волгоград, 1994. С. 52–53.
- Туаллагов А. А. О знаках боспорских царей. Международная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994. С. 61–62.
- Туаллагов А. А. Аланские знамена-драконы. Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 159–162.
- Туаллагов А. А. Тамгообразные знаки боспорских царей. Археологія. Київ, 2002. № 1. С. 98–109.
- Туаллагов А. А. Катафрактарии и Боспор. Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2004. Ч. 2. С. 276–285.
- Туаллагов А. А. К вопросу о сарматских «жезлах» и скипетрах. NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2007. Т. IV. № 1, 2. С. 194–211.
- Туаллагов А. А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: СОИГСИ, 2011. 271 с.
- Туаллагов А. А. Ранние аланы. Владикавказ: Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, 2014. 462 с.
- Туаллагов А. А. О семантике названий и изображений. Всероссийские Миллеровские чтения. Владикавказ, 2018. Вып. VI. С. 265–272.
- Туаллагов А. А. Образ леопарда в истории Осетии и современность. NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2021. Т. XVI. № 1, 2. С. 60–125.

Туаллагов А. А. Образ леопарда в истории Осетии и современность (II). NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2022. Т. XVII. № 1, 2. С. 311–342.

Туаллагов А. А. Зооморфный символ ясов. NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2023. Vol. XVIII. № 1, 2. С. 126–161.

Туаллагов А. А. К вопросу об аланской геральдике. KAVKAZ-FORUM. Владикавказ, 2024. Вып. 18 (25). С. 78–94.

Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1996. 360 с.

Уарзиати В. С. Флаг в семейной обрядности осетин. Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 114–133.

Уарзиати В. С. К истории этнокультурной символики алан-осетин. Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации: Материалы международной конференции г. Алматы, 5–7 июня 1995 г. Алматы, 1995. С. 222–239.

Уарзиати В. С. Аланский триколор. Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2017. Т. I. С. 276–300.

Умаров А. К вопросу об исторических знаменах казаков и их предков. 2015 [сайт] URL <https://e-history.kz/upload/iblock/6f2/6f272e770adb12692aed525bf5586e64.pdf>

Филимонова М. Е. Сокровища сарматских курганов из коллекции Азовского музея-заповедника. Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения академика Бориса Борисовича Пиотровского. СПб.–Азов, 2008. С. 65–75.

Хазанов А. М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2008. 294 с.

Хатуев Р. Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: власть и общество. Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). М., 1999. С. 5–198.

Халимова С. Ш. Слово «дурафш / durafş» в «Шахнамэ» Абулькасима Фирдоуси. Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2019. Вып. 2 (818). С. 155–163.

Худяков Ю. С. Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья. Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 350–365.

Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.

Чибиров Л. А. Тырыса. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013. С. 492–493.

Шафарик П. И. Славянские древности. М.: В Университетской Типографии, 1848. Т. II. Кн. III. 276+151 с.

Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э.–I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.

Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

Щукин М. Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения). *Stratum plus. Культурная антропология и археология*. СПб.–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2011. № 4 Европейская Сарматия и Херсонес. С. 167–178.

Щукин М. Б., Мачинский Д. А., Воронятов С. В. «Готский путь», плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка. Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. По материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 26–27 декабря 2009 г. СПб., 2011. С. 246–291.

Эдиев Д. М. Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмекка карачаево-балкарского нартского эпоса — аланского царя Оросмика. Тюркологические исследования. Казань, 2023. Т. 6. № 2. С. 7–28.

Якоб Рейтенфельс. Сказания Светлейшему Герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуа, 1680. С латинского перевел Алексей Станкевич. М.: Типография Общества распространения полезных книг, арендуемая В. И. Вороновым, 1905. X+228 с.

Ясулов Г. Хаджи-Мурат. Дагестанский Сборник. Махач-Кала, 1927. Т. III. С. 7–49.

Яценко С. А. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых алан. Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2. С. 64–80.

Яценко С. А. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н. э.. Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы VI научной конференции. Ростов-на-Дону, 1992а. С. 48–49.

Яценко С. А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э.. Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 3. С. 60–72.

Яценко С. А. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии. Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск. 1993а. Ч. II. С. 75–83.

Яценко С. А. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I–II вв. н. э.). Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Азов, 2001. Вып. 17. С. 363–373.

Яценко С. А. Заметки по истории и культуре сармато-аланов. Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 304–317.

Яценко С. А. Искусство у порога иного мира. Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2017. № 10 (31). Ч. 2. С. 269–279.

Яценко С. А. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I–IV вв. н. э.. Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. Номер

журнала, посвященный 70-летию юбилею профессора Александра Павловича Медведева. Воронеж, 2020. № 1 (3). С. 409–420.

Яценко С. А. О сарматской орнаментике. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь–М., 2022. Вып. 15. С. 211–226.

Яценко С. А., Добжаньска Г. Германские парадные копья II–III вв. н. э. с сарматскими знаками. Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. М., 2012. Вып. 191. С. 275–282.

Altheim F. *Die Soldatenkaiser. Deutsches Ahnenerbe*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1939. Bd. 1. 304 s.

Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra. Texto de Carlos Santarém Andrade [сайт] URL: <https://www.cm-coimbra.pt/areas/viver/a-cidade/heraldica>

Bachrach B. S. *A History of the Alans in the West. From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages*. Minnesota Monographs in the Humanities. Minnesota: University of Minnesota Press, 1973. Vol. 7. XV+161 p.

Bishop M. S., Coulston J. C. N. *Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome*. Oxford: Oxbow Books, 2009. XIV+321 p.

Brzezinski R., Mielczarek M. *The Sarmatians 600 BC–AD 450. Men-at-Arms*. Oxford: Osprey Publishing, 2002. № 373. 48 p.

Cæsar S. R. E. Card. Baronii Od Raynaldi et Jac. Laderchii Congregationis Oratorii presbyterorum Annales ecclesiastici denuo et accurate excusæ. Barri-Ducis; Parisiis; Friburgi Helv.: ex typis Consociationis Sancti Pauli, M DCCC LXXX. T. XXIX. 1454–1480. 619 p.

Corona Gothica, Castellana, y Austriaca, politicamente ilustrada, en quatro partes dividida, con los Retratos de los reyes Godos. Por don Diego de Saavedra Faxardo. Amberes: en casa de Juan Bautista Verdussen, Impressor y Mercader de Libros, M. D. CC. VIII. 251 p.

Delia G. Wolf vs. Dragon. What if Medieval Dragons Were Wolf-Headed Snakes from Antiquity?. *New Frontiers in Archaeology. Proceedings of the Cambridge Annual Student Archaeology Conference 2019*. Oxford, 2020. P. 195–213.

Discorsi de principii della nobilita: Et del gouerno che ha da tenere il nobile, et principe nel reggere se medesimo, la famiglia, & la repubblica: Partiti in sei Dialoghi, composti per M. Marco de la Frata, et Mont'albano. Venetia: Nella bottega d'Erasmus di Vincenzo Valgrisi, M D LI. 236 p.

Epistolarum Turcicarum variorum et diuersorum authorum. Libri V. In quibus epistolæ de rebus turcicis summorum pontificum, imperatorum, regum, principum, aliorumque mundi procerum, iam inde à primordio regni Saracenici et Turcici usque ad hæc nostra tempora leguntur. Ex recensione Nicolai Reusneri. Francoforti ad Moenum: Excudebat Iohannes Collitius, impensis Pauli Brachfeldij, M. D. XCVIII. [VI]+303 p.

Esin E. Tös and Moncuk. Notes on Turkish Plag-Pole Finials. *Central Asiatic Journal. International Periodical for the Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia*. Wiesbaden, 1972. Vol. XVI. № 1. P. 14–36 + IX pl.

Gazerani S. *The Sistani Cycle of Epics and Iran's National History: on the Margins of Historiography*. Studies in Persian Cultural History. Leiden, Boston: Brill, 2016. Vol. 7. XIII+224 p.

Germaniae exegeseos volumina duodecim a Francisco Irenico Ettelingiacensi exarata. Eiusdem oratio protreptica, in amorem Germaniae, cum praesentis operis excusatione, ad Illustris. Principis Palatini Electoris Cancellarium Florentium de Pheningen, utriusque censure Doctorem. Urbis Norinbergae descriptio, Conrado Celte enarratore. Hagenoæ: typis Thomæ Anshelmi, M. D. XVIII. [1096] p.

Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über archäologische arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Mit 1 tafel und 678 figuren. Berlin: Druk und Verlag von Georg Reimer, 1912. 370 s.

Hadriani Iunii hormani, medici, Batauia. Ex officinal Plantiniana: Apud Franciscum Raphelengium, CIO IO LXXXVIII. 411 p.

Harmatta J. Studies on History and Language of the Sarmatians. Acta Antiqua et Archaeologica. Szeged, 1970. T. 13. 131 p.

Historia de gentibus septentrionalibus, Autore Olao Magno, Gotho, Archiepiscopo Upsalensi, Suetiæ & Gothiæ Primate. Antverpiæ: Apud Ioannem Bellerum, sub insigni Falconis, M. D. LXII. [366] p.

Historia Ioannis Magni Gothi sedis apostolicae legati Primatis ac archiepiscopi Upsalensis. De omnibus Gothorum Sueonumque regibus qui unquam ab initio nationis exitere, eorūque memorabilibus bellis late varieque per orbem gestis, opera Olai Magni Gothi fratris eiusdem autoris ac etiam archiepiscopi Upsalensis in lucem edita. Romæ, M. D. LIIII. 787 p.

Ivančik A. Les Guerriers-Chiens. Loups-garous et invasions scythes en Asie Mineure. Revue de l'histoire des religions. 1993. T. 210. № 3. P. 305–330.

Jesse J. R. Researches into the History of the British Dog. London: Robert Hardwicke, 192, Piccadilly, 1866. Vol. II. XVII+424 p.

Kramer J. C. The Roman Riders: Ethnicity and iconography on Roman Cavalrymen Tombstones. A thesis submitted to the faculty of Brigham Young University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Theses and Dissertations. Department of Anthropology. Brigham Young University, December 2014. VIII+228 p.

Makkay J. Iranians elements in early Mediaeval heroic poetry. The Arthurian cycle and the Waltharius. Tractata Minuscula 12. Budapest, 1998. 64 p.

Marciniak M. Draco — historia smoczego sztandaru. Draco — the history of the dragon standard. Praca magisterska na kierunku archeologia w zakresie Antropologia ogólna. Warszawa, czerwiec 2010. 241 p. [сайт] URL: https://www.academia.edu/6906546/Draco_History_of_the_Dragon_standard.

Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. H. 2. Philologus Zeitschrift für das Classische Altertum. Leipzig: Dieterichsche Verlagsbuchhandlung, 1905. Supplementband X. Heft. 1. 258 s.

Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. With an introduction and III plates. London: The British Museum. Printed by order of the trustees, 1940. Vol. IV. Antonius Pius to Commodus. CC+964 p.+111 pl.

Mattingly H. Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. London: Methuen & Co LTD, 1960. XIII+303 p.+LXIV pl.

Mayer L. A. *Saracenic Heraldry*. Oxford: at the Clarendon Press, MCMXXXIII. VII+302 p.+LXXI pl.

Meyer-Lübke W. *Romanisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1911. XXII+1092 s.

Mihailescu-Bîrliaba L. A Funerary Sculptured Monument of Chester and its Representation. *Studia Antiqua et Archaeologica*. Iași, 2009. XV. International Workshop Economy, society and integration in the provinces of the Roman Empire, Tulcea, 7–9 September 2008. P. 146–173.

Les Monnaies des Rois Parthes: Supplément à l'ouvrage de M. le comte Prokesch-Osten par Alexis de Markoff. Paris: a la Librairie numismatique de C. van Peteghem 1877. Fasc. I. 15 p.

Moutsos D. G. *Spanish alano and Greek ἀλάνοι*. Byzantion. Bruxelles, 1995. T. LXV. Fasc. 1. P. 24–32.

Mysykaty B. Wæjyg. NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2019. Т. XIV. № 1, 2. С. 289–378.

A New Dictionary of Heraldry, Explaining the Terms us'd in that Science, with their Etymology, and different Versions into Latin. Revis'd and Corrected, with a Letter to the Publisher, By Mr. James Coats. London: Printed for Jer. Batley at the Dove in Pater-noster-Row, M DCC XXV. 352 p.

Nickel H. The Dragon and the Pearl. *Metropolitan Museum Journal*. 1991. Vol. 26. P. 139–146.

Nicolini G. The cavalryman of Chester, a Dacio or Sarmato Warrior? April, 2021. P. 1–9 [сайт] URL: www.academia.edu/46018076/The_Cavalryman_of_Chester_a_Dacian_or_Sarmatian_Warrior.

Notitia Dignitatum et Administrationum Omnium tam Civilium quam Militarium in Partibus Orientis et Occidentis. Bonnae: Impensis Adolphi Marci, ab a. 1839 usque ad a. 1853. T. II. Notitia Dignitatum in Partibus Occidentis. 1209 p.

Notitia Dignitatum accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae et Laterculi Prouinciarum edidit Otto Seeck. Berolini: apud Weidmannos, MDCCCLXXVI. XXX+339 p.

Nouvelle méthode raisonnée du blason ou de l'art l'héraldique du P. Menestrier, Mise dans un meilleur ordre, et augm. de toutes les Connoissances relatives a cette Science. Lyon: Chez Pierre Bruyset Ponthus, M. DCC. LXXX. 620 p.

D. Philippi Jacobi Operis Heraldici Pars Generalis & Specialis. Francofurti ad Moenum: ex Officina Zunneriana, apud Johannem Adamum Jungium. Giessæ: Typis Johannis Mulleri, MDCC XVII. 368 p.

Richmond I. A. The Sarmatae, Bremetennacum Veteranorum and the Regio Bremetennacensis. *The Journal of the Roman Studies*. 1945. Vol. XXXV. P. I & II. P. 15–29.

Sarre F., Herzfeld E. *Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus Alt- und Mittelpersischer Zeit*. Berlin: Verlegt bei Ernst Wasmuth A.-G., 1910. 277 s.+LI tafl.

Scriptores Rerum Lusaticarum Antiqui & recentiores Seu Opus, In quo Lusaticæ Gentis Origines, Res gestæ, Temporum vices, & alia ad Slavicarum Lusaticarum & vicinarum Gentium Antiquitates & Historiam pertinentia Monumenta recensentur, quidam nunc primum ex

Manuscriptis eruti, intre quos Christophori Manlii Rerum Lusaticarum Commentarii diu disederati deprehenduntur, nonnulli vero ex Libellis fugientibus, ob raritatem in Corpus conjecti, ex Bibliotheca Senatus Zittaviensis editi. Præfacionem et in Scriptores Introductionem præmisit Christ. Godofred. Hoffmannus. Lipsiæ et Buæissæ: Sumpt. Davidis Richteri, bibliopolæ, 1719. 160 p.

Segunda parte, da Monarchia Lusytana. E composta por seu mandado, pello Doutor Frey Bernardo de Brito Chronista geral, & monge religioso da Ordem de São Bernardo. Impressa em Lisboa no Mosteiro de São Bernardo, com licença & Priui legio Real. Por Pedro Crasbeek, 1609. 3+4+393+32 p.

Shahbazi A. Ch. The Parthian Origins of the House of Rustam. Bulletin of the Asia Institute. Iranian Studies in Honor of A. D. H. Bivar. New Series. 1993. Vol. 7. P. 155–163.

Tăpkova-Zaimova V., Miltenova A. Historical-Apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria. Sofia: Изток-Запад, 2011. 605 p.

Themistii Orationes ex codice Mediolanensi emendatae a Guilielmo Dindorfio. Lipsiae: C. Cnobloch, MDCCCXXXII. XVI+756 p.

Theodori Hoepingi de Iure Insignium Tractatus. Noribergæ: Types et Sumptibus Wolfgangi Endteri, M. DC. XLII. 1123 p.

Tratado Sobre a Precedencia do Reino de Portugal ao Reino de Napoles. Composto por Frei Bernardo de Braga, Monge de S. Bento. Copiado de um Ms. authentico existente na Torre do Tombo. Por Albano Antero da Silveira Pinto Paleographo. Porto: Typographia da Revista, 1843. 54 p.

Ustinova Yu. Licanthropy in Sarmatian Warrior Societies: the Kobyakovo Torque. Ancient West & East. Leiden–Boston–Köln, 2002. Vol. 1. № 1. P. 102–123.

Valerius Flaccus Argonautica, book VI. A commentary by Henry J. W. Wijsman. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2000. Suppl. 204. XII+310 p.

Vermaat R. The Draco, the Late Roman Military Standard. 1999 [сайт] URL: www.fectio.org.uk/articles/draco.htm.

Vernadsky G. Sur l'origine des Alains. Byzantion. International journal of byzantine studies (American Series, II). Boston, 1944. Vol. XVI. Fasc. 1, 1942–1943. P. 81–86.

Wheeler E. L. The Occasion of Arrian's *Tactica*. Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19. № 4. P. 351–365.

REFERENCES

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. L.: Izdatel'stvo «Nauka». Leningradskoe otделение, 1989. T. IV. 325 s.

Abramzon M. G. Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noi politiki Rimskoi imperii. M.: IA RAN, 1995. 656 s.

Aleman' A. Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh. M.: Menedzher, 2003. 608 s.

Alikberov A. K., Mudrak O. A. Tsarskie epitety v istoricheskoi onomastike Kavkaza. Vostok (Oriens). M., 2022. № 6. S. 191–200.

Al'fonso X Mudryi n sotrudniki. Istoriia Ispanii, kotoruyu sostavil blagorodneishii korol' don Al'fonso, syn blagorodnoyu korolya dona Fernando i korolevy don'i Beatris. Pod obshchei redaktsiei O. V. Aurova (sostavitel', otvetstvennyi redaktor), I. V. Ershovoi, N. A. Pastushkovoi. SPb.: Nauka, 2021. T. 2. 710 s.

Arrian. Takticheskoe iskusstvo. Perevod, kommentarii, vstupil'nye stat'i A. K. Nefedkina. Seriya «Fontes scripti antiqui». SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2010. 286 s.

Arsen'eva Yu. V. O ernal'dicheskikh znamenakh v svyazi s voprosom o gosudarstvennykh tsvetakh Drevnei Rossii. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1911. 41 s.

Auanasova A. M., Ayagan B. G., Nurpeisov E. K. Osnovaniya i pravovoi status gosudarstvennykh simvolov Kazakhstana: istoriko-pravovoi diskurs. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». 2019. T. 10. Vyp. 1 (75) [sait] URL: <http://history.jes.su/s207987840002558-2-1-ru>.

Babenko V. A., Kolesnikova M. E. Kyafarskii mavzolei alanskogo pravatelya XI veka: simvoly i smysly izobrazhenii [Rets. na kn.: Okhon'ko N. A. Kyafarskii mavzolei alanskogo pravatelya XI veka i voprosy ego interpretatsii: monografiya. Stavropol': Dizain-studiya B, 2020. 224 s.]. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2022. T. 9 (2). S. 351–354.

Bannikov A. V. Rimskaya armiya v IV stoletii (ot Konstantina do Feodosiya). Seriya «Historia Militaris». SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya, 2011. 264 s.

Bannikov A. V., Morozov M. A. Vizantiiskaya armiya (IV–XII vv.). SPb.: Evraziya, 2013. 688 s.

Bardavelidze V. V. Drevneishie religioznye verovaniya i obryadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskikh plemen. Tbilisi: The Centre for Cultural Relations of Georgia «Cacasian House», 2006. 234 s.+XXXII tab.

Bondarenko A. A. Kul't voina-zverya u pravyashchikh soslovii drevnikh kimmeriitsev, skifov, sarmatov. Colloquium Heptaplomeris. Nauchnyi al'manakh. Nizhnii Novgorod, 2014. Vyp. I. Yazychestvo v XX–XXI vekakh: rossiiskii i evropeiskii kontekst. S. 153–162.

Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Izobrazheniya pantsirnykh voinov na freskakh Kyzyla iz Vostochnogo Turkestana (po materialam issledovaniia A. fon Le Koka). Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v syan'biiskuyu epokhu: sbornik nauchnykh trudov. Novosibirsk, 2005. S. 56–69.

Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Izobrazheniya oruzhiya i znamen tokharskikh voinov na freskakh Karashara, Kyzyla i Shorchuka (po materialam Al'berta fon Le Koka). Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. Novosibirsk, 2017. T. 16. № 7: Arkheologiya i etnografiya. S. 125–132.

Vasil'kov Ya. V. Mezhdubakoi i volkom: Po sledam instituta voinskikh bratstv v indiiskikh traditsiyakh. Aziatskii bestiarii. Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoi, Yugo-Zapadnoi i Tsentral'noi Azii. SPb., 2009. S. 47–62.

Vasil'kov Ya. V. «Muzhi-tigry», «chelovekol'vy» i «lyudi-vepri» v indiiskom epose, kul'ture i istorii. Bestiarii II. Zoomorfizmy Azii: dvizhenie vo vremeni. SPb., 2012. S. 57–71.

Vdovchenkov E. V. Problema sushchestvovaniya muzhskikh soyuzov u sarmatov. Rannie formy potestarnykh sistem. SPb., 2013. S. 182–201.

Volkov V. V. Olennye kamni Mongolii. M.: Nauchnyi mir, 2002. 248 s.

Voronyatov S. V. Adzhimushkaiskou kop'e — bosporskoe znamya?. Seminar «Geraldika — vspomogatel'naya istoricheskaya distsiplina». Zasedanie 18 yanvarya 2012 goda v 15.00 v Zale Soveta Gosudarstvennogo Ermitazha. SPb., 2012. S. 3–11.

Voronyatov S. V. Alano-sarmatskie motivy v inventare «korolevskogo» pogrebeniya pozdnerimskogo vremeni okolo Mushova v Yuzhnoi Moravii. Zoloto, kon' i chelovek: sbornik statei k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko. Kiev, 2012a. S. 417–431.

Voronyatov S. V. O territorii srazheniya gotov so spalami v «Getica» Iordana. Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati A. I. Melyukovoi (s. Kagal'nik, 26–29 aprelya 2014 g.). Rostov-na-Donu, 2014. S. 57–72.

Voronyatov S. V., Machinskii D. A. O vremeni, obstoyatel'stvakh i smysle poyavleniya sarmatskikh tamg na germanskikh kop'yakh. Germania–Sarmatia II: sbornik nauchnykh statei po arkheologii narodov Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy, posvyashchennyi pamyati M. B. Shchukina. Kalinigrad–Kursk, 2010. S. 57–77.

Gagloiti Yu. S. O natsional'nykh simvolakh osetinskogo naroda. Gagloiti Yu. S. Izbrannye trudy. Tskhinval, 2010. T. I. S. 336–341.

Gardanti M. K. Raznye istoricheskie spravki na osnove predanii stariny glubokoi. 1959. Nauchnyi arkhiv SOIGSI. F. Cherdzhieva Kh. S. Op. 1. D. 27. T. V. 21 s.

Gorelik M. V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, oruzhie, snaryazhenie. M.: OOO «Vostochnyi gorizont», 2002. 84 s.

Gorelik M. V. Alanskii voinskii kompleks zolotoordynskogo vremeni. Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territorii. Yubileinye XV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vladikavkaz. 21–25 aprelya 2008 goda. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Vladikavkaz, 2008. C. 136–140.

Gutsalov S. Yu. Volch'e plemya (k semantike obraza volka v iskusstve drevnikh kochevnikov Yuzhnogo Urala). Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati Valeriya Sergeevicha Ol'khovskogo. Sbornik statei. M., 2005. S. 437–447.

Darchieva M. V. Verbal'nyi kod osetinskogo obryadovogo teksta (na materiale nekotorykh traditsionnykh obryadov). Vladikavkaz: IPTs SOIGSI, 2013. 319 s.

Dzattiatiy R. G. Natsional'nyi flag: blagost', muzhestvo, farn. III Vserossiiskie Millerovskie chteniya (Materialy nauchnoi konferentsii 4–5 oktyabrya 2012 g.): Sbornik statei. Vladikavkaz, 2012. S. 121–128.

Dmitriev S. V. Znamennyy kompleks v voenno-politicheskoi kul'ture srednevekovykh kochevnikov Tsentral'noi Azii (nekotorye voprosy terminologii i morfologii). Voenn-

istoricheskii zhurnal «Para Bellum». 2001. № 14 [sait] URL: parabellum.vzmakh.ru Военно-исторический журнал «Para Bellum».

Devlet M. A. Shchity i ikh izobrazheniya na olennykh kamnyakh. Problemy sovremennoi arkheologii: sbornik pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashirova. Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii. M., 2008. № 10. S. 96–125.

Ivanenko A. E. Realii voinskogo byta v osetinskikh nartovskikh skazaniyakh i problemy datirovki yadra Nartiady. Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. Rostov-na-Donu, 2003. № 2. S. 34–40.

Ivanov A. A., Lukonin V. G., Smesova L. S. Yuvelirnye izdeliya Vostoka. Drevnii, srednevekovyi periody. Kolleksiya Osoboi kladovoi otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha. M.: Iskusstvo, 1984. 216 s.

Ivanov Vyach. V. Skhodnye cherty v kul'te volka na Kavkaze, v Drevnei Maloi Azii i na Balkana. Ivanov Vyach. V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. M., 2009. T. 5: Mifologiya i fol'klor. S. 108–115.

Ivanchik A. I. Voyny-psy. Muzhskie soyuzы i skifskie vtorzheniya v Perednyuyu Aziyu. SE. M., 1988. № 5. S. 38–47.

Ivanchik A. I. K istolkovaniyu soobshcheniya Poliena o kimmeriitsakh (Polyaen, VII, 2, 1). Kavkaz i tsivilizatsii Vostoka v drevnosti i srednevekov'e. Vladikavkaz. 1993. S. 41–52.

Ivanchik A. I. Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. e. v antichnoi literaturnoi traditsii: fol'klor, literatura i istoriya. Pontus Septentrionalis III. M., Berlin: «Paleograf», 2005. 313 s.

Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Sobral i izdal s russkim perevodom V. V. Latyshev. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1904. T. II. Latinskie pisateli. Vyp. 1. 271 s.

Istoriya Armenii Moiseya Khorenskogo. Perevel s armyanskogo i ob'yasnil N. Emin. M.: V tipografii Katkova i Ko, 1858. 384+VIII s.

Il'yukov L. S. Bronzovye amulety iz Nizhnego Podon'ya. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Materialy i issledovaniya po istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territorii. Nauchnyi al'manakh, posvyashchennyi pamyati izvestnogo spetsialista po istorii narodov Severnogo Kavkaza, doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Aleksandrovny Nevskoi. Stavropol', 2024. Vyp. 17. S. 142–158.

Karpov Yu. Yu. Dzhigit i volk. Muzhskie soyuzы v sotsiokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza. SPb.: MAE RAN, 1996. 311 s.

Kovalev K. V. «Luzitanskaya monarkhiya» Bernardu de Britu: novatorstvo ili arkhaizm?. Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh. 2015. № IX (14). S. 43–45.

Kovalevskaya V. B. Kavkaz i alany. Veka i narody. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1984. 192 s.

Kovalevskaya V. B. Alany v Zapadnoi Evrope (sootvetstvie dannykh istorii, arkheologii, lingvistiki i antropologii, IV–V vv.). Alany: Zapadnaya Evropa i Vizantiya. ALANICA–I. Vladikavkaz, 1992. S. 34–85.

Kovalevskaya V. B. Kavkaz — skify, sarmaty, alany I tys. do n. e.–I tys. n. e. Pushchino: ONTI PNTs RAN, 2005. 398 s.

Kolobov A. V. Shtandarty rimskoi armii epokhi printsipata. Problemy istorii, filologii, kul'tury. M.–Magnitogorsk, 2001. Vyp. X. S. 38–44.

Kochiev K. K. Drevnyaya alanskaya insigniya v evropeiskoi literature XVI–XVIII vv.. Alanskoe pravoslavie: istoriya i kul'tura: sbornik materialov VIII Svyato-Georgievskikh chtenii «Pravoslavie. Etnos. Kul'tura». Vladikavkaz, 2020. S. 41–60.

Kuznetsov V. A. Srednevekove dol'menoobraznye sklepy Verkhovii Kubani. KSIA. M., 1961. Vyp. 85. S. 106–117.

Kuznetsov V. A. V verkhov'yakh Bol'shogo Zelenchuka. M.: Iskusstvo, 1977. 167 s.

Kuznetsov V. A. Ocherki istorii alan. Ordzhonikidze: Ir, 1984. 303 s.

Kuznetsov V. A. Ocherki istorii alan. Vladikavkaz: Ir, 1992. 392 s.

Kuznetsov V. A. Kavkazskaya Alaniya. Zapad–Vostok. Istoriko-arkheologicheskie ocherki. Pyatigorsk: CNEG, 2019. 208 s.

Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Chast' pervaya. Grecheskie pisateli (Prodolzhenie). VDI. M., 1948. № 3 (25). S. 217–330.

Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Chast' vtoraya. Latinskie pisateli (Prodolzhenie). VDI. M., 1949. № 2 (28). S. 271–356.

Lebedinskii Ya. Sarmaty i alany v Gallii IV–V vv.: istoriya i nasledie. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2016. 256 s.

Luk'yashko S. I., Filimonova M. E. K interpretatsii kompleksa nakhodok iz kurgana «Dachi» u g. Azova. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1999–2000 gg. Azov, 2001. Vyp. 17. S. 338–346.

Malakhov S. N. Kyafarskii mavzolei i khristianstvo. Retseziya na knigu: Okhon'ko N.A. Novye smysly Kyafarskogo mavzoleya. — Stavropol': Dizain-studiya B, 2022. — 138 s.; il.. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnykh statei. Nauchnyi al'manakh, posvyashchenniy pamyati izvestnogo spetsialista po arkheologii Severnogo Kavkaza, kandidata istoricheskikh nauk Aleksandra Pinkusovicha Moshinskogo. Stavropol'–M., 2023. Vyp. 16. S. 501–505.

Margulan A. Kh. Petroglify s totemom volka. Totem plemeni shapyrashty. Margulan A. Kh. Mir kazakha. Almaty, 1997. S. 5–14.

Margulan A. Kh. Sochineniya: V 14 t. Almaty: Daik-Press, 2003. T. 3. Petroglify Saryarka. Gravyury s izobrazheniem volch'ego totema. 20 s.+382 ill.

Markovin V. I. Naskal'nye izobrazheniya v predgor'yakh Severo-Vostochnogo Dagestana. SA. M., 1958. № 1. S. 147–162.

Marshak B. I. Istoriya vostochnoi torevtiki III–XIII vv. i problemy kul'turnoi preemstvennosti. SPb.: Akademiya issledovaniya kul'tury, 2017. 736 s.

Maslov V. E. O datirovke izobrazhenii na poynasnykh plastinakh iz Orlatskogo mogil'nika. Evraziiskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i. M., 1999. S. 219–236.

Masson M. E., Pugachenkova G. A. Ottiski parfyanskikh pechatei iz Nisy. VDI. M., 1954. № 4 (50). S. 159–169.

Miller G. F. O narodakh izdrevle v Rossii obitavshikh. S Nemetskogo na Rossiiskii yazyk perevedeno Ivanom Dolinskim. V Sankt-Peterburge, 1773. [IV]+132 c.

Mikhail Nikolaevich Vadbol'skii i gruzinskaya geraldika. M.: OOO «Staraya Basmanaya», 2014. 154 s.

Mysykaty B. Po sledam «alanskogo barsa». Istoriko-filologicheskii arkhiv. 10. Vladikavkaz, 2021. S. 37–73.

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos. Dzæudzhykh"æu: Gassity Viktory nomyl rauag" dadon-poligrafion kuystuat, 2003. Ch. 1. 592 f.

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos. Dzæudzhykh"æu: IPO SOIGSI, 2010. Ch. 5. 766 f.

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos. Dzæudzhykh"æu: IPTs SOIGSI, 2012. Ch. 7. 617 f.

Negin A. E. Rimskoe tseremonial'noe i turnirnoe vooruzhenie. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2010. 232 s.

Nefedkin A. K. Pod znamenem drakona: Voennoe delo sarmatov vo II v. do n. e.–V v. n. e.. Seriya «Militaria Antiqua», V. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie; M.: Filomatis, 2004. 192 s.

Nefedkin A. K. Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannym antichnykh istochnikov). Seriya «Historia militaris». SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya, 2011. 304 s.

Nikonorov V. P. Vooruzhenie i voennoe delo parfyan. Diss. ... kand. ist. nauk. 07.00.06. L., 1987. 274 s.

Okladnikov A. P. Bronzovoe zerkalo s izobrazheniem kentavra, naidennoe na ostrove Faddeya. SA. M.–L., 1950. T. XIII. S. 139–172.

Okladnikov A. P. Kon' i znamya na Lenskikh pisanitsakh. Tyurkologicheskii sbornik. M.–L., 1951. T. I. S. 143–154.

Okhon'ko N. A. Semantika izobrazhenii alanskoi grobnitsy XI v. Kyafarskogo gorodishcha. Alanskaya grobnitsa XI v. Stavropol', 1994. S. 3–34.

Okhon'ko N. A. Kyafarskii mavzolei alanskogo pravitelya XI veka i voprosy ego interpretatsii. Stavropol': Dizain-studiya B, 2021. 246 s.

Okhon'ko N. A. Novye smysly Kyafarskogo mavzoleya. Stavropol': Dizain-studiya B, 2022. 138 s.

Pamyatniki otrechennoi russkoi literatury. Sobrany i izdany Nikolaem Tikhonravovym (Prilozhenie k sochineniyu: «Otrechennye knigi drevnei Rossii»). M.: V Universitetskoi tipografii (Katkov i K°), 1863. T. II. IV+457 s.

Perikhanyan A. G. Armyanskaya nadpis' iz Zangezura (Nekotorye voprosy sredneiranskoi dialektologii). Istoriko-filologicheskii zhurnal. Erevan, 1965. № 4 (31). S. 107–128.

Polos'mak N. V. Istoriya, vyshitaya sherst'yu. Nauka iz pervykh ruk. Novosibirsk, 2011. № 2 (38). S. 112–133.

Potanin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1883. Vyp. IV. Materialy etnograficheskie, s 26-yu tablitsami risunkov. [XV]+1026 s.+XXVI tab.

Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986. 365 s.

Pugachenkova G. A. Obraz kangyuitsa v sogdiiskom iskusstve. (Iz otkrytii Uzbekistanskoi iskusstvovedcheskoi ekspeditsii). Iz khudozhestvennoi sokrovishchnitsy Srednego Vostoka. Tashkent, 1987. C. 56–65.

P'yankov I. V. Srednyaya Aziya v antichnoi geograficheskoi traditsii: Istochnikovedcheskii analiz. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1997. 343 s.

Rogozhinskii A. E., Sulaimanova A. T., Yatsenko S. A. O nekotorykh mifo-epicheskikh syuzhetakh na pozdneantichnykh petroglifakh Tyan'-Shanya. Izuchenie drevnei istorii Severnoi i Tsentral'noi Azii: ot istokov k sovremennosti: tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu ekspeditsii D. G. Messershmida Novosibirsk, 2022. S. 309–313.

Rudenko S. I. Kul'tura khunnov i Noinulinskie kurgany. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie, 1962. 206 s.

Rukavishnikova I. V., Beilin D. V., Fedoseev N. F., Voronkov I. A. Kurgan «Gospital'nyi» v Kerchi (predvaritel'noe soobshchenie). Drevnosti Bospora. M., 2018. T. 23. S. 151–170.

Rukavishnikova I. V., Beilin D. V., Men'shikov M. Yu. Risunki iz kurgana Gospital'nyi. K voprosu o datirovanii i interpretatsii. (Dve tochki zreniya). Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e.–IV v. n. e.). V. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii». Simferopol', 2019. S. 205–213.

Savinov D. G. Volch'i i znamenata na Velikom shelkovom puti. Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe: sbornik nauchnykh statei : v 3 t. Barnaul, 2017. T. II. S. 128–133.

Savinov D. G. Volch'i/draconovy znamenata na Zapade i na Vostoke. Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Vasil'evicha Bobrova. Kemerovo, 2020. Vyp. 28. S. 140–148.

Salamzade E. A., Abdullaeva R. G. Narody Kavkaza v poiskakh identichnosti: natsional'no-gosudarstvennye simvoly i geraldika. Nasledie vekov. 2017. № 4 (12). S. 70–77 [sait] URL: [http:// heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Salamzade_Abdullaeva.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Salamzade_Abdullaeva.pdf).

Salpagarov A. Istoriya karachaimalkarskogo (alanskogo) flaga. 2002 [sait] URL: <http://salpagarov.narod.ru/kultura/flag/history1.htm>.

Saraiva Zh. E. Istoriya Portugalii. M.: Ves' mir, 2007. XI+368 s.

Samashev Z. S. Naskal'nye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya. Alma-Aty: Gylm, 1992. 288 s.

Simonenko A. V. Nekotorye diskussionnye voprosy sovremennogo sarmatovedeniya. VDI. M., 2002. № 1 (240). S. 107–122.

Sinita M. M. Koty i koshki v antichnom mire. Klassicheskaya i vizantiiskaya traditsiya. 2021: sbornik materialov XV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Belgorod, 2021. S. 73–92.

Slanov A. A. Voennoe delo alan I–XV vv. Vladikavkaz: SOIGSI im. V. I. Abaeva, 2007. 400 s.

Sovetova O. S., Mukhareva A. N. Ob ispol'zovanii znamen v voennom dele sredne-vekovykh kochevnikov (po izobrazitel'nym istochnikam). Sbornik k 60-letiyu V. V. Bobrova. Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. Kemerovo, 2005. Vyp. 23. S. 92–105.

Stashenkov D. A. Eshche raz o naznachenii kostyanykh plastin iz Shilovskogo kurgannogo mogil'nika. Voprosy arkheologii Povolzh'ya. Samara, 2019. Vyp. 7. S. 194–200.

Syrtyanova S.-Kh. D. Pamyat' mongol'skikh znamen i taigi. K voprosu antologii sovremennykh atributov vlasti. Aziya i Afrika segodnya. M., 2009. № 10 (627). S. 74–77.

Takhnaeva P. I. Iz istorii dagestanskoi veksillologii: k voprosu o znameni Avarskogo khanstva. Gerbovedenie. M., 2016. T. V. S. 186–196.

Tekhov B. V. Tsentral'nyi Kavkaz v XVI–X vv. do n. e. M.: Nauka, 1977. 238 s.

Treuer K. V. Serebryanoe navershie sasanidskogo shtandarta. Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. L., 1940. Vyp. II. S. 17–19.

Treister M. Yu. Maloizvestnyi epizod istorii sarmatov: sarmaty v Britanii. Problemy istorii i kul'tury sarmatov: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii, 13–16 oktyabrya 1994 goda. Volgograd, 1994. S. 52–53.

Tuallagov A. A. O znakakh bosporskikh tsarei. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Problemy istorii i kul'tury sarmatov». TD. Volgograd, 1994. S. 61–62.

Tuallagov A. A. Alanskie znamena-drakony. Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. Volgograd, 2000. Vyp. 3. S. 159–162.

Tuallagov A. A. Tamgoobraznye znaki bosporskikh tsarei. Arkheologiya. Kiiv, 2002. № 1. S. 98–109.

Tuallagov A. A. Katafraktarii i Bospor. Bosporskii fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. SPb., 2004. Ch. 2. S. 276–285.

Tuallagov A. A. K voprosu o sarmatskikh «zhezlakh» i skipetrakh. NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovaniy: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vladikavkaz–Parizh, 2007. T. IV. № 1, 2. S. 194–211.

Tuallagov A. A. Mech i fandyr (Arturiana i Nartovskii epos osetin). Vladikavkaz: SOIGSI, 2011. 271 s.

Tuallagov A. A. Rannie alany. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr SOIGSI VNTs RAN i Pravitel'stva RSO-A, 2014. 462 s.

Tuallagov A. A. O semantike nazvaniy i izobrazhenii. Vserossiiskie Millerovskie chteniya. Vladikavkaz, 2018. Vyp. VI. S. 265–272.

Tuallagov A. A. Obraz leoparda v istorii Osetii i sovremennost'. NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovaniy: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vladikavkaz–Parizh, 2021. T. XVI. № 1, 2. S. 60–125.

Tuallagov A. A. Obraz leoparda v istorii Osetii i sovremennost' (II). NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovaniy: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vladikavkaz–Parizh, 2022. T. XVII. № 1, 2. S. 311–342.

Tuallagov A. A. Zoomorfnyi simvol yasov. NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-Osetinskih Issledovani: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vladikavkaz–Parizh, 2023. Vol. XVIII. № 1, 2. S. 126–161.

Tuallagov A. A. K voprosu ob alanskoi geral'dike. KAVKAZ-FORUM. Vladikavkaz, 2024. Vyp. 18 (25). S. 78–94.

T'pkova-Zaimova V., Miltenova A. Istoriko-apokaliptichnata knizhnina v"v Vizantiya i v srednovekovna B"lgariya. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Okhridski», 1996. 360 s.

Uarziati V. S. Flag v semeinoy obryadnosti osetin. Problemy istoricheskoy etnografii osetin. Ordzhonikidze, 1987. S. 114–133.

Uarziati V. S. K istorii etnokul'turnoy simboliki alan-osetin. Kul'tura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX–XX, XX–XXI vv.): problemy genezisa i transformatsii: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii g. Almaty, 5–7 iyunya 1995 g. Almaty, 1995. S. 222–239.

Uarziati V. S. Alanskii trikolor. Uarziati V. S. Izbrannye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika. Vladikavkaz, 2017. T. I. S. 276–300.

Umarov A. K voprosu ob istoricheskikh znamenakh kazakov i ikh predkov. 2015 [sait] URL <https://e-history.kz/upload/iblock/6f2/6f272e770adb12692aed525bf5586e64.pdf>

Filimonova M. E. Sokrovishcha sarmatskikh kurganov iz kollektsii Azovskogo muzeya-zapovednika. Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Borisa Borisovicha Piotrovskogo. SPb.–Azov, 2008. S. 65–75.

Khazanov A. M. Izbrannye nauchnye trudy: Ocherki voennogo dela sarmatov. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Izdatel'stvo SPbGU, 2008. 294 s.

Khatuev R. T. Karachai i Balkariya do vtoroy poloviny XIX v.: vlast' i obshchestvo. Karachaytsy i balkartsy (etnografiya, istoriya, arkheologiya). M., 1999. S. 5–198.

Khalimova S. Sh. Slovo «durafsh / durafş» v «Shakhsname» Abul'kasima Firdousi. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. M., 2019. Vyp. 2 (818). S. 155–163.

Khudyakov Yu. S. Znamena drevnikh tyurkov i kyrgyzov v Tsentral'noi Azii v epokhu rannego Srednevekov'ya. Tyurkologicheskii sbornik. 2003–2004: Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e. M., 2005. S. 350–365.

Chibirov L. A. Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin. Vladikavkaz: Ir, 2008. 599 s.

Chibirov L. A. Tyrysa. Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya. Vladikavkaz, 2013. S. 492–493.

Shafarik P. I. Slavyanskoe drevnost. M.: V Universitetskoj Tipografii, 1848. T. II. Kn. III. 276+151 s.

Shchukin M. B. Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n. e.–I v. n. e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope. SPb.: Farn, 1994. 324 s.

Shchukin M. B. Gotskii put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura). SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005. 576 s.

Shchukin M. B. O voennykh kontaktakh mezhdru sarmatami i germantsami v rimskoe vremya (po materialam vooruzheniya). Stratum plus. Kul'turnaya antropologiya i

arkheologiya. SPb.–Kishinev–Odessa–Bukharest, 2011. № 4 Evropeiskaya Sarmatiya i Khersones. S. 167–178.

Shchukin M. B., Machinskii D. A., Voronyatov S. V. «Gotskii put'», plodorodneishie zemli Oium i vel'barksko-chernyakhovskoe poselenie Lepesovka. Evropeiskaya Sarmatiya: Sbornik, posvyashchennyi Marku Borisovichu Shchukinu. Po materialam konferentsii, provedennoi v ramkakh XIV chtenii pamyati Anny Machinskoi. Staraya Ladoga, 26–27 dekabrya 2009 g. SPb., 2011. S. 246–291.

Ediev D. M. Grafika Kyafarskogo mavzoleya kak otrazhenie voskhozhdeniya vo vlast' knyazya Eryuzmeka karachaevo-balkarskogo nartskogo eposa — alanskogo tsarya Orosnika. Tyurkologicheskie issledovaniya. Kazan', 2023. T. 6. № 2. S. 7–28.

Yakob Reitenfel's. Skazaniya Svetleishemu Gertsogu Toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii. Paduya, 1680. S latinskogo perevel Aleksei Stankevich. M.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, arenduemaya V. I. Voronovym, 1905. X+228 c.

Yasulov G. Khadzhi-Murat. Dagestanskii Sbornik. Makhach-Kala, 1927. T. III. S. 7–49.

Yatsenko S. A. O preemstvennosti mifologicheskikh obrazov rannikh i srednevekovykh alan. Problemy etnografii osetin. Vladikavkaz, 1992. Vyp. 2. S. 64–80.

Yatsenko S. A. Alany i Rim v Severnom Prichernomor'e v nachale II v. n. e.. Mezhdunarodnye otnosheniya v basseine Chernogo morya v drevnosti i srednie veka: Tezisy VI nauchnoi konferentsii. Rostov-na-Donu, 1992a. S. 48–49.

Yatsenko S. A. Alanskaya problema i tsentral'noaziatskie elementy v kul'ture kochevnikov Sarmatii rubezha I–II vv. n. e.. Peterburgskii arkheologicheskii vestnik. SPb., 1993. № 3. S. 60–72.

Yatsenko S. A. Tsentral'noaziatskie i sredneaziatskie traditsii v iskusstve Sarmatii. Antichnaya tsivilizatsiya i varvarkii mir (Materialy III-go arkheologicheskogo seminar). Novocherkassk. 1993a. Ch. II. S. 75–83.

Yatsenko S. A. Kompleks s alanskimi znamenami iz mogil'nika Dachi u Azova (rubezh I–II vv. n. e.). Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1999–2000 gg. Azov, 2001. Vyp. 17. S. 363–373.

Yatsenko S. A. Zametki po istorii i kul'ture sarmato-alanov. Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. Volgograd, 2003. Vyp. 6. S. 304–317.

Yatsenko S. A. Iskustvo u poroga inogo mira. Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». M., 2017. № 10 (31). Ch. 2. S. 269–279.

Yatsenko S. A. Ispol'zovanie sarmatskikh tamg zapadnymi i severnymi sosedyami sarmatov v I–IV vv. n. e.. Arkheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty. Nomer zhurnala, posvyashchennyi 70-letnemu yubileyu professora Aleksandra Pavlovicha Medvedeva. Voronezh, 2020. № 1 (3). S. 409–420.

Yatsenko S. A. O sarmatskoi ornamentike. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Stavropol'–M., 2022. Vyp. 15. S. 211–226.

Yatsenko S. A., Dobzhan'ska G. Germanskie paradnye kop'ya II–III vv. n. e. s sarmatskimi znakami. Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoi. Trudy GIM. M., 2012. Vyp. 191. S. 275–282.

Сергей Александрович Яценко

доктор исторических наук, профессор кафедры
истории и теории культуры РГГУ (125047,

Москва, Миусская площадь, 6)

E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

НЕСКОЛЬКО ОСЕТИНСКИХ ОБЪЕКТОВ С ТАМГАМИ

Аннотация. Анализируются 5 осетинских объектов XVI–XIX вв. из разных горных регионов (рис. 13) с граффити, включающими знаки-тамги (нысан). У древнего изображения лабиринта в Махческе (рис. 1–6) представлены следы одноразовой акции с 6 тамгами местной и балкарской знати. На башне в с. Баджин / Багини в ранний период изображены три тамги всех живших там кланов (рис. 8–10). Интересны укрепленные дома (ганах) с одиночной тамгой в Окрокане и Едысе / Эдиси (рис. 11). Клеймо для скота, посвященное в общеосетинское святилище Реком (рис. 12) принадлежало князьям Дударовым, имевшим разнообразные связи у осетин и соседних народов. В каждом изучаемом объекте есть знаки, имеющие древние истоки от кочевых сарматов – предков осетин, и иногда (рис. 1, 2; 11, 2) — от связанного с сарматами Кангюя в Южном Казахстане. Изученные комплексы вновь демонстрируют старые контакты осетинской элиты с соседними кабардинцами, балкарцами и ингушами.

Ключевые слова: Осетины, тамги (нысæн), XVI–XIX вв., знать, преемственность форм от сарматов, связи с соседними народами

Для цитирования: Яценко С. А. Несколько осетинских объектов с тамгами. NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 142–172.

Рукопись поступила в редакцию 9.09.2024

Рукопись принята к печати 30.09.2024

Sergey Aleksandrovich Yatsenko

Dr. Hab., Department of the History and
Theory of Culture Russian State University
for the Humanities (125047, Moscow,
Miuskaya sq., 6)

E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

SEVERAL OSSETIAN OBJECTS WITH TAMGAS

Abstract. 5 Ossetian objects of the 16th–19th cc. from the different mountainous regions are analyzed (Fig. 13) with graffiti including the tamga signs (nysan). The ancient image of the labyrinth in Makhchesk Village (Figs. 1–6) shows the traces of a one-time action with 6 tamgas of local and Balkar nobility. The tower in the village of Bajin / Bagini in the early period depicts three tamgas of all the clans who lived there (Figs. 8–10). The fortified houses (ganakh) with a single tamga in Okrokana and Edys / Edisi are also interesting (Fig. 11). The stamp for cattle dedicated to the all-Ossetian Rekom Sanctuary (Fig. 12) belonged to the Dudarov princes, who had various connections among the Ossetians and neighboring peoples. In each studied object there are the emblems of ancient origins from the nomadic Sarmatians, the ancestors of the Ossetians, and sometimes (Figs. 1, 2; 11, 2) — Kangju state in Southern Kazakhstan associated with the Sarmatians. The studied complexes once again demonstrate the old contacts of Ossetian elite with neighboring Kabarda peoples, Balkars and Ingush.

Key words: Ossetians, Tamgas (Nysæn), 16th–19th cc., nobles, succession of forms from Sarmatians, communications with neighboring ethnic groups

For citation: Yatsenko S.A. Several Ossetian objects with tamgas. NARTAMONGÆ 2024. Vol. XIX, P. 142–172.

Received on 9 September 2024

Accepted on 30 September 2024

Здесь рассмотрены пять комплексов с осетинскими тамгами, которые до сих пор либо не публиковались вовсе, либо публиковались лишь с белым упоминанием и фрагментарными неточными прорисовками граффити с тамгами (плита у с. Махческ). Как известно, экономическая и политическая ситуация XVI — середины XIX вв. в районах проживания осетин не способствовала активному использованию ими фамильных (клановых), патронимических эмблем или эмблем отдельной семьи (ирон. *нысæн*); к тому же, этих знаков было не так уж много, поскольку они, за редкими исключениями, использовались лишь знатными семьями [Яценко 2023: 436–437]. В

отличие от, например, многих регионов Европы и от Японии, где существовало многочисленное рыцарство, от некогда могущественной кабардинской знати, осетины не только не привыкли гордиться своими фамильными эмблемами, но и пока очень мало их знают. Иными словами, этот источник информации по генеалогии и межрегиональным коммуникациям слабо документирован, мало изучен современной наукой, и является сюжетом, почти не привлекающим внимание осетинской общественности. Однако у предков осетин — сарматов и средневековых аланов — картина была иной: нысæн / перс. nishan, несомненно, широко пользовались, ими гордились, и они были важной частью этнокультурной идентичности. Одна из целей моих работ по этой знаковой системе — вызвать интерес в обществе к некогда важной и незаслуженно забытой части культурного сармато-аланского наследия. Членам тех фамилий, знаки которых надежно документированы, стоит знать и использовать свои старинные эмблемы. Пять изучаемых здесь объектов (в четырех случаях это граффити на разных каменных сооружениях) весьма разнообразны по назначению и размерам¹.

1. Плита с лабиринтом у с. Махческ.

Знаменитый памятник (один из символов Осетии) — это отшлифованная когда-то горной речкой Айгамуга уплощенная плита из красноватого гранита длиной до 1,35 м, толщиной до 30 см и весом около 500 кг (рис. 3; 6). Плита до 1938 г. лежала в Уллагкомском ущелье, в бывшем Тапан-Дигорском обществе горной Дигории, в 0,5 км к ССЗ от селения Махческ, на безлесном склоне горы Далугагаты Кубус, у старой и нечасто используемой дороги, в небольшой низине (полянка Къубусы Зæронд) между окончанием склепового могильника селения и подъемом к находящемуся отдельно на скале замку-галуану Астановых² (позже перешедшему к Абисаловым) (рис. 1). 1 декабря 1938 г., перед перевозкой в республиканской музей в г. Орджоникидзе (Владикавказ)³, объект был сфотографирован в разных ракурсах *in situ* — на своем «изначальном» месте (рис. 2). Плита лежала так, что изображение 7-витового лабиринта (с более редким для

¹ Статья была бы невозможна без помощи ряда коллег и друзей, предоставивших мне ценную информацию и / или фотоматериалы. Это А. А. Сланов, А. А. Цуциев, А. Л. Чибиров и М. А. Цагараев (Владикавказ), Г. С. Карсанов (Цхинвал), А. Е. Афанасьев (Актау), А. Г. Донец (Шымкент) и С. Б. Лукина.

² Эта фамилия происходила именно из Махческа.

³ Во Владикавказе плиту дважды перемещали в разные здания музея (ныне Национальный музей РСО-Алания). В нынешний музейный комплекс она попала с 1969 г.; ее там долго держали во дворе, и, наконец, она оказалась в экспозиции.

таких лабиринтов входом справа, против часовой стрелки) было более-менее точно обращено к тропинке, ведущей от некрополя. В народе это место связывалось со входом в подземный дом эпического трикстера Сырдона, а сам лабиринт считался схематичным изображением этого дома. После удаления плиты вокруг нее сразу был заложен Е. Г. Пчелиной разведочный раскоп, не давший практически никаких находок (то есть приношений из неорганических материалов выявлено не было) [Блажко, Онощенко 2022: 127–133]. Однако здесь, конечно, могли быть когда-то и приношения из органики (полоски тканей и т. п.), которые не сохранились. На камне и на собственном изображении лабиринта в его центре совершались различные обряды, которые в 1920-е — 1930-е годы были уже почти забыты, и информация о них дошла в народном сознании с явными искажениями. Отчасти интересны легендарные сведения о том, что перед вхождением в лес на другом склоне горы проходим полагалось делать поклон камню и касаться его зубами [Миллер 1927: 45–46], а также о том, что вдоль ходов лабиринта в ряде ситуаций водили палочкой, пока не находили выход [Кокиев 1935: 226–227]. Легенды, касающиеся разных вариантов смертельных наказаний людей, оказавшихся в определенных обстоятельствах у лабиринта [Блажко, Онощенко 2022: 126], явно отражают не столько реальные практики, сколько мифологические представления, связанные с древним назначением таких конструкций.

Судя по аналогиям, лабиринт может относиться как к эпохе бронзы (так думали обычно ранние исследователи), так и к античности, а окружающие его тамги (выполненные в иной технике и весьма небрежно, грубо) — следы более поздних акций. Очень близкий тип лабиринта бытовал (и даже бытует) от бронзового века Британских островов и испанской Галисии, от раннеантичной Италии и классической Греции до прибалтийской Скандинавии [см., например, Краузе 2012: рис. 1; 29–30] и современных индуистских святынь Индии, демонстрируя древнюю традицию. Однако известные нам лабиринты ираноязычных предшественников осетин в одних случаях сопровождаются зоо- и антропоморфными фигурами, а ходы внутри проложены по часовой стрелке со входом слева (при этом у сарматского лабиринта у входа в Байте III имеется тамга) [Яценко 2022: 452–454] (рис. 5, 1–2)⁴. В других случаях они иные по облику, как у средневековых

⁴ Классические лабиринты со входом против часовой стрелки, справа, и по конструкции максимально близкие махчскому, в бронзовом веке известны в Галисии (Мейсе), в ранней античности встречены в Северной Италии (этрusco-ский кувшин из Тральятеллы, петроглиф в Валькамоники). Известны они также на острове Готланд (у Висбю) и соседнем островке Южный Виргин и т.п. У входа в сооружение в Мейсе тоже изображен знак типа тамги. См. также: <https://dzen.ru/a/YMTJO-cvkzL311Zl>.

аланов (квадратные и с совсем иной схемой ходов, как на Кяфарском городище)⁵ [Аржанцева, Албегова 1999: рис. 3; 7] (рис. 5, 3).

Для корректной прорисовки мне требовалась серия качественных фото плиты вертикально сверху, а также в ряде — других ракурсов при хорошем и равномерном освещении. Это в основном удалось сделать только в октябре 2024 г. благодаря помощи директора Музея А. А. Цуциева (см., например, рис. 3–4). Что же до строго вертикального снимка, то своеобразная ирония заключается в том, что он был сделан при загадочных обстоятельствах анонимом для Интернет-публикации со вполне фантастическими выводами [Тайны 2018]. В результате совмещения разных подобранных фото мною сделана корректная прорисовка изображений на плите. Она включает 6 тамг, размещенных полукругом вокруг лабиринта, а также, видимо, пару неудачных заготовок знаков (?) (рис. 6). Самые крупные тамги №№ 1–4 нанесены так, как это было удобно подходившим к камню от проходящей рядом дороги. *Рассмотрим теперь эти эмблемы.* Половина знаков (в том числе — две самых крупных тамги №№ 1–2) нанесена весьма небрежно (№№ 1, 2, 4), остальные близки к «печатной», парадной форме. Помимо двух крупных знаков, здесь представлены еще две пары тамг, хозяева которых были явно родственниками: те, в основе которых лежит фигура «Λ» (№№ 3–4), и те, что имеют в основе полукруг (№№ 5–6). Показательно, что с позиции подходящих к плите с дороги первые находятся слева, а вторые справа, то есть обе пары таких тамг, похоже, сознательно сгруппированы. Все 6 тамг могли быть нанесены полукольцом вокруг старинного лабиринта *одновременно*, в ходе некой акции.

Прямо у входа в лабиринт размещена крупная *тамга № 1*. С идентификацией этого знака нет проблем. Как уже отмечалось, она принадлежала влиятельным местным бадията Тапан-Дигорского общества (Бзаров 2020: 63–80) *Каражаевым* (среди прочего, первыми переселившимся на Равнину, в тогдашнюю Малую Кабарду) [Яхтанигов 1993: 178: № 9; Марзоев 2014: табл. 4, № 6]. Не удивительно, что эта тамга представлена и в других скоплениях осетинских тамг Дигорского ущелья и его боковых ответвлений в связи с посещением домов уважаемыми гостями. Так, в соседнем Галиатском обществе в ущелье Уаллагком, в с. Галиат, эмблема Каражаевых есть и на таких известных объектах, как плита в стене укрепленного дома в центральном квартале Мидгъау и дверь кунацкой в замке Битуевых [Яценко 2023: 441, 446, рис. 2, № 24; 6, № 2] (рис 7, 1–2). Вместе с тем, она отмечена на одной из башен в с. Бейни, в контактной ингушско-осетинской зоне в Джейрахском ущелье (рис. 7, 3). Форма этой осетинской аристокра-

⁵ В позднесредневековой Западной Европе известны игральные доски в виде лабиринта формы, подобной кяфарским.

тической тамги — очень древняя, и идентичная эмблема бытовала у сарматов еще в I в. н. э. (кувшин с серией тамг из слоя пожара 46 г. н. э. в боспорской крепости Артезиан в Восточном Крыму [Винокуров, Яценко, Чореф 2024: рис. 1, № 3]⁶). Этот знак гравирован в серии сарматских в гроте 37 Каменной Могилы в Северном Приазовье и на одной из плит со скоплением тамг в Танаисе [Яценко 2001: рис. 13, Шв; 23, в] (рис. 7, 4). Показательно использование этой тамги, в сериях других сарматских, у народов, соприкасавшихся с сарматами на севере и на западе. Например, те римские легионеры, которые незадолго воевали с сарматами на Дунае во II в. н. э., привлекали этот знак (и некоторые другие сарматские) для декора своего оружия и конской упряжи (Волюбилис в Марокко) [Яценко, Рогожинский 2021: рис. 18]. Эта сарматская тамга в I–II вв. н.э. бытовала и у сарматов на востоке Дакии, а после середины II в. попала, вместе с другими сарматскими, на ритуальные копья германских союзников-готов (Подлѣдув на юге Польши). Благодаря «политическим» бракам со знатью северных лесных позднелужицкой и мощинской культур, она оказалась на местном изделии под Калугой (подвеска из Мощинского клада), как и другие тамги сарматских типов в округе [Яценко 2020: рис. 2; 4; 5, № 2]. Итак, «тамга Каражаевых» известна в сармато-алано-осетинской среде 2000 лет, с рубежа н. э. Тесные связи Каражаевых с западными соседями – балкарцами проявлялись еще в начале XVIII в., когда последние приглашали их решать земельные споры. Не удивительно, что одна из балкарских фамилий (Келеметовы) имела идентичную тамгу [Яхтанигов 1993: 48, 173].

Со знаком № 2 дело обстоит намного проще. Он остался не документированным для осетинских фамилий, нет его и у других народов Центрального Предкавказья. Не известен он пока также у средневековых аланов и более ранних сарматов. Однако ближайшая аналогия его форме известна в древней «кочевой империи» Кангюй на юге Казахстана, тесно связанной этнически и политически с сарматскими группировками. Это тамга на парадной фляге в слое пожара небольшой крепости Бака-тобе, погибшей в середине IV в. от нашествия «гуннов» [Яценко и др. 2020: 163; рис. 6–8, 6–9] (рис. 7, 5).

Остальные знаки имеют простые формы, причем №№ 4 и 6 бытовали у сарматов уже в I в. н. э. на Западной Украине и в предгорьях Крыма [Яценко 2001: рис. 5, №№ 16, 81]. В позднее время *тамга № 4* известна (и именно в таком развороте знака) у соседних с Дигорией балкарцев (Туменовы) [Яхтанигов 1993: 174: № 37–38]. Вероятно, человек из этой фамилии был приглашен для участия в некоей акции (заключение союза?) у древнего изображения лабиринта.

⁶ Поддержка претензий Митридата III на боспорский трон к этому времени исходила от кубанских сарматов-сираков [см., например: Яценко, Чореф 2022: 144].

2. Граффити на башне Битаровых в с. Баджин.

Эта эффектная 4-этажная башня (датируется, увы, приблизительно — XVI–XVIII вв.) со входами на двух этажах, с машукулями и т. п., прекрасной для осетинских селений сохранности на высоте около 2200 м (рис. 8) уже давно привлекала внимание специалистов по архитектуре [Закарая 1969: 129–130; рис. 43], чего никак не скажешь о многочисленных разновременных граффити на ее внешних стенах. Башня принадлежала Битаровым – выходцам из с. Садон в Алагирском ущелье. Кроме них, в этом самом верхнем и суровом по условиям селении Чысандона (Ксанского ущелья) *общества Дзимыр* проживали также Дзедисовы и Бедоевы. Все три фамилии происходили из совершенно разных северных ущелий Осетии. На зиму из-за постоянной угрозы снежных лавин люди уходили отсюда жить на другой берег реки, в два селения, расположенные ниже и принадлежавшие тем же Битаровым [Сланов 2017: 151–152, 188]. Мною публиковалась тамга при главном входе (на втором этаже) в башню [Яценко, Сланов, Хутинаев 2023: рис. 14, 10], но прорисовка базировалась на нечетком фото Ю. М. Бетеева и оказалась не вполне точной. Реально эту башню в покинутом с 1945 г. Баджине (груз. Багини) удалось посетить лишь в августе 2024 г., вскоре после прокладки обновленной дороги в верховья ущелья.

Основная часть граффити концентрируется здесь на двух стенах — юго-восточной и юго-западной, и они совсем отсутствуют на северо-западной стене, обращенной в сторону от человеческого жилья, вглубь знаменитого Кельского вулканического плато, к Кельскому озеру (Кельцад, уровень 2925 м) (рис. 10, 8). Старые граффити выбиты достаточно глубоко инструментом с широким лезвием, дающим неровные края; более поздние процарапаны острым и тонким лезвием ножа. Значительную часть гравировок, как и на других осетинских памятниках, составляют *кресты* – как «вертикальные» (4 экз.), так и «косые» (7 экз.) на названных смежных стенах. Косые кресты на юго-восточной стене, а вертикальные – на юго-западной подчас образуют явные пары. Обычно отдельные фигуры на них видим на высоте до уровня глаз человека, размером чаще всего в пределах 10–20 см; однако, встречаются и высоко расположенные изображения, сделать полноценные фото которых можно лишь большого расстояния хорошим объективом. Формат статьи не позволяет привести здесь *все* многочисленные гравировки (в том числе – небрежные и как бы неоконченные геометрические фигуры, три позднейших грузинских и осетинских надписи посетителей и т.п.). Наиболее важные плиты с граффити приведены в цвете (рис. 9). Сюжетных изображений среди них немного, и все они единичны, не образуя композиций. К ним относятся *два изображения ладони*:

обычной пятипалой правой у главного входа на втором этаже (рис. 9, 1; 10, 1) и четырехпалой и левой у южного угла на юго-восточной стене (рис. 9, 3; 10, 5). Левая и четырехпалая рука во многих архаических традициях ассоциировалась с женским началом [см., например: Иванов 1972: 127–129]. Если первая ладонь вырезана аккуратно и неглубоко при входе рядом с тамгой № 1 хозяев башни (см. ниже), то вторая дана отдельно, гравирована грубо, объемно и гораздо более глубоко. Другие изображения нанесены тонким лезвием и выглядят более поздними; они представлены на юго-восточной стене, обращенной в сторону расположенного ниже, соседнего селения Дзибигата. Во-первых, это крайне схематичное и незавершенное изображение копытного, как бы вписанное в край более ранней, крупной и глубоко гравированной тамги № 2 (рис. 9, 5; 10, 2, 6). Думается, это, как и на других отчасти сходных граффити горной Осетии, *лошадь* (ср., например: Яценко, Сланов, Хутинаев 2023: 562, 569; рис. 5, 8). Кроме этого, здесь видим в двух разных вариантах изображения прямоугольных, расчерченных внутри на секции «игральных досок» (см. один из них, менее обычный: рис. 10, 7)⁷. Известна также *змееобразная фигура*, которая ниже сопровождается двумя упомянутыми разновеликими косыми крестами (рис. 9, 4; 10, 8). Наконец, неподалеку от них на той же стене изображена группа композиций, состоящих из пересекающихся под разными углами *неправильных треугольников* и довольно длинных «уголков».

Обратимся теперь к *тамгам* на этой башне. Прежде всего, эта самая крупная, глубоко и аккуратно вырезанная *эмблема № 1* рядом с правой ладонью слева от главного входа в башню (рис. 9, 1; 10, 1). Несомненно, она принадлежит Битаровым. Точных аналогов ей у сарматов и средневековых аланов нет, как нет и у других народов Центрального Предкавказья (отдаленной аналогией можно считать варианты карачаевской тамги Айсандыровых [Яхтанигов 1993: 175: №№ 10–11]). Вторая *тамга № 2* вырезана симметрично ей справа от входа, но тонким лезвием и очень аккуратно (рис. 10, 3). Точных аналогий ей тоже нет, но зеркальный вариант (по горизонтали, что являлось допустимой вариацией одного знака у сарматов) представлен на зеркальце I в. н. э. с серией тамг в могиле 102 1999 г. в некрополе Кобяково у устья Дона [Яценко 2018а: рис. 9, № 7]. Близкий вариант известен еще среди сарматских тамг в полузаброшенном уже храме Байте III (самый значимый и обильный участок 1 под лестницей) [Яценко и др. 2019: 82; рис. 6, № 262]; близкий знак также документирован у осетин

⁷ Яркий пример нескольких расположенных рядом изображений таких «игральных досок» — серия более крупных прямоугольных образцов в нижних рядах кладки западной стены башни Дзасоховых в с. Стыр Тли, сфотографированных мною в августе 2023 г.

на двери в домовладении Текоевых в с. Задалеск⁸ [Яценко 2023: рис. 8, № 11] (там она помещена в самом центре двери рядом с другим знаком, близким нашей тамге № 1). Третья старая *тамга № 3* изображена глубокими и широкими линиями примерно в центре юго-восточной стены (рис. 9, 5; 10, 2). Она состоит как бы из трех находящихся впритык друг к другу элементов, что можно считать своеобразной стилизацией. Близкая ей тамга известна уже в раннем средневековье в контактном тюрко-аланском центре на Хумаринском городище [Лавров 1978: № 1142]. *Что означают старые тамги, вырезанные по сторонам главного входа в башню и на самой обильной изображениями ее юго-восточной стене? И почему их именно три?* Я думаю, у этой загадки может быть простое решение: в селении жили как раз представители трех фамилий — хозяева — Битаровы, а также Дзебисовы (из с. Харисджин в Куртатинском ущелье) и Бедоевы (из с. Джимара в Тагаурии)⁹. Если они и не участвовали вместе в строительстве башни, то ее могли использовать вместе при атаках врагов (в этом маленьком и сезонном селении башня была единственной). Однако на юго-западной стене, на небольшом, узком и светлом камне имеется еще одна *тамга № 4*, причем в весьма любопытном контексте (рис. 9, 2; 10, 4). Большую часть этого камня занимает надпись, сделанная в советское время (без «ять» и прочих букв, отмененных большевиками), но до переселения отсюда осетин центральной властью с 1945 г. Здесь тонким лезвием и крайне небрежно написано: «Саба [грузинское и осетинское имя] Саб[а] Дзибисов Саба». Магическое повторение трижды своего имени подряд интересно, но еще интереснее то, что фамилия живших в этом селении Дзебисовых написана *с ошибкой*. В верхнем левом углу надпись начинается тамгой № 4, которая вырезана более глубоко и тщательно, чем сам текст. Что это означает в контексте сказанного ранее? Вероятнее всего, речь идет о знаке одной из *патронимий* фамилии Дзебисовых. Интересна и форма тамги. Она известна в I–II вв. н.э. в «кочевой империи» Кангюй, связанной с сарматами (венчик большого сосуда-хума с поселения Алтынтобе в политическом центре державы) [Яценко и др. 2019: 164; рис. 1, (9)]. На территории средневековой Алании она представлена в крепости Хумара [Яценко 2001: рис. 36, 18]. Что касается недавнего Центрального Предкавказья, то идентичный знак был известен у влиятельной в будущей равнинной Осетии (Малая Кабарда) ка-

⁸ Именно эта фамилия, как известно, организовывала в Задалеске празднование в честь почитаемой женщинами всей Осетии Задалески Нана [Яценко 2023: 447].

⁹ Любопытно, что именно в этом, самом дальнем, высоком и неудобном для жизни из 19 поселений общества Дзимыр обитали не одна-две фамилии, а целых три [ср.: Сланов 2017: 151].

бардинской знати (Хасановы) [Яхтанигов 1993: 26], а его зеркально отраженная (по горизонтали) версия — у Асановых и Тоховых [Яхтанигов 1993: 144, 146: №№ 693, 840].

В целом серия из не менее чем 25 отдельных изображений на башне Битаровых представляет немалый интерес для понимания граффити самых высокогорных районов Южной Осетии, тем более, что в других пунктах Чысангома такие гравировки пока не выявлены.

3. Тамга на укрепленном доме в с. Верхнее Окрокана.

Ущелье Трусо (Тырсыгом) с недавних пор утратило все свое старое осетинское население, но речь идет о материалах экспедиции 2005–2006 гг. (фото предоставлено А.А. Слановым). По данным последнего, при разборе фото могла возникнуть небольшая путаница, но, видимо, речь идет об одном из домовладений в Верхнем Окрокане. На стене ганаха изображена уникальная композиция: крупная тамга, и к ней протягивает левую руку (в ней также держа посох) стоящий человек, обращенный к эмблеме в профиль (рис. 11, 1–2). Иными словами, на тамге здесь акцентируется внимание зрителя. К сожалению, хозяев дома выяснить не удалось.

Сам тип знака хорошо известен уже сарматам. Практически идентичная тамга представлена на зеркальце-подвеске из могилы 106 некрополя Бельбек IV в Центральном Крыму (предмет датируется около середины II в. н. э.) [Яценко 2018а: рис. 1, № 17]¹⁰. Идентичную тамгу видим также на городище Канка – столице древнего Чача (Ташкентский оазис), некогда входившего в состав Кангюя [Яценко и др. 2019: 216: рис. 5, II, 56]. Тот же знак изображен на сарматском зеркальце I–II вв. н.э. из Крепостного городища в устье Дона [Указ. соч.: рис. 10, № 4], однако здесь он положен на левый бок. Именно в таком варианте мы видим ее в недавние времена у народов Центрального Предкавказья, что можно считать общим сармато-аланским тамговым наследием. Такая тамга известна и у осетин: положенная на левый бок, она гравирована на склепе 2 у Камунты (общество Галиат) (рис. 11, 3). В таком же положении она представлена и ингушско-осетинской контактной зоне Джейрахского ущелья (башня в с. Эзми) (рис. 11, 4). В том же «лежачем» варианте изображали ее и у кабардинской знати (Ногмовы) [Яхтанигов 1993: 144; № 693].

4. Тамга на укрепленном доме Албеговых в с. Едыс.

В начале лета 2024 г. известный знаток Южной Осетии и туроператор Гурам Карсанов ознакомил меня с видео и фото остатков нижней части

¹⁰ Отличие заключается лишь в маленькой точке в центре круга (это может объясняться технологией отливки таких мини-зеркал).

стен сильно разобранного дома, некогда принадлежавшего фамилии Албеговых в селении Едыс в верховьях Большой Лиахвы (Урстуалгом). На одном из небольших камней у южного угла здания была тщательно выбита тамга хозяев (рис. 11, 5). Ее любопытная и редкая особенность – наличие дополнительных симметричных точек. Однако в конце августа, когда я осмотрел остатки дома, камень с тамгой обнаружить уже не удалось (здесь проводились земляные работы бульдозером для расширения трассы водопровода в Цхинвал). В очень пестром по составу жителей и заселенном выходцами из 11 фамилий Едысе были и Албеговы, однако их представители здесь уже довольно давно вымерли из-за одной эпидемии. Речь наверняка идет о знаке *одной из патронимий* этой обширной и широко расселенной осетинской фамилии. Неподалеку в июле 2023 г. была отмечена одинаковая тамга на еще одном сильно разобранном ганахе в том же селении; она принадлежала фамилии Бегизовых [Яценко, Сланов, Хутинаев 2023: 566; рис. 12, 4–5]. Оба таких укрепленных дома построены вдоль единственной улицы селения (она вела вверх, к с. Кабузта), петлявшей от моста через р. Каласани; знаки обращены к югу, к текущей рядом речке. Однако эмблема Албеговых размещалась на видном месте, в самом верхнем и последнем доме селения, тогда как у Бегизовых стена со знаком была обращена в небольшой проулок (рис. 11, 6). Тип тамги Албеговых — явно древний, еще сарматского происхождения, т.к. близкие формы известны в крупнейших скоплениях сарматских тамг античных городов Северного Причерноморья – на «писаной» плите 1871 г. из Керчи и ольвийском мраморном льве № 1 [Драчук 1975: табл. III, 141; V, 236]. В «этнографическом» Центральном Предкавказье близкий знак бытовал у неизвестной карачаевской фамилии [Яхтанигов 1993: 177, № 153].

5. Тамга с князей Дударовых в святилище Реком.

В 1936 г., в начале крайне необходимой реставрации¹¹, Е. Г. Пчелина зарисовала в общеосетинском святилище Реком в Цейском ущелье одно из приношений — штемпель для клеймения скота, точнее — его рабочую часть. Рисунок попал затем в будущий Национальный музей РСО-Алании (3614/42125, № 51245) (рис. 12, 1). Материал предоставлен А. А. Слановым. Сама Е. Г. Пчелина не давала на счет тамги никаких комментариев (что естественно, т.к. возможности реального изучения осетинских тамг появились лишь в последние 20 лет). Однако сейчас ясно, что речь идет о

¹¹ Многие ценные приношения в Рекоме были расхищены приезжими «туристами» уже в самом конце XIX в. К 1936 году «святилище было близко к разрушению»: здание сильно накренилось, часть конструктивных балок сгнила, а крыша была в полной негодности [Кузнецов 1990: 11–12].

тамге богатейших феодалов Осетии — тагаурских князей (алдаров) Дударовых [Марзоев 2021а: табл. 1, № 8]¹². Эта же тамга была изображена в центре скопления тамг кланов из всех основных районов Северной Осетии на стене их дома в с. Чми [Яценко 2023: 455; рис. 15, 3, № 8] (рис. 12, 2). Она же гравирована на башне у селений Балкой — Ценге в Джейрахском ущелье (известно, что здесь у Дударовых было несколько своих башен [Марзоев 2021б: 36]) (рис. 12, 3). Активные связи Дударовых с влиятельными кабардинскими фамилиями отражены в наличии идентичных тамг у Агулбековых и Тхукулмачевых [Яхтанигов 1993: 137, 146: №№ 30, 865].

Тип тамги Дударовых — тоже очень древний, сарматский: он известен на небольшом фрагменте (длиной около 4 см) каменной плиты с серией знаков), найденном в 1994 г. в Танаисе (рис. 12, 4), а также на оселке с двумя знаками (побратимов?) из кургана I–II вв. н.э. у с. Займо-Обрыва под Азовом [Яценко 2018б: 74; рис. 2, 3]¹³. При этом Реком посвящен Уастырджи, тогда как обряды, совершаемые для клеймения скота с участием жреца, проходили у святилищ громовежца Уациллы (Гатиев 1876: 30; Яценко 2001: 17). Гораздо более древние и иные обряды с тавром для клеймения, содержащим тамгу, мы знаем у сарматов (положение в могилу аристократа вместе с символической конской упряжью: Кирсановский III, курган 2) и связанных с ними кангюйцев Южного Казахстана (нанесение линии из разных тамг штемпелями на парадную флягу: одна из фляг в крепости Бака-тобе) [Яценко и др. 2020: рис. 6, 9–11].

Здесь были рассмотрены разные примеры не опубликованных корректно, с нужными комментариями или вообще пока не привлекавших внимания осетинских сооружений и изделий с тамгами. В каждом из этих комплексов есть знаки, происходящие от древних сарматов степей Восточной Европы, а в случае с плитой из Махчеса и дома в Окрокане — также с территорией связанного с сарматами южноказахстанского Кангюя. Сохранение в основе сарматского тамгового фонда спустя 2000 лет у осетин и других народов Центрального Предкавказья отмечалось мною уже давно, и

¹² Существует множество версий исходного происхождения клана Дударовых: от осетин колена Сидамона, от древних персов, от чеченцев или от кабардинцев [Марзоев 2021б: 35].

¹³ Такой знак гравирован в крупном формате и на знаменитом угловом камне 14 с большим скоплением тамг Большого Салбыкского кургана в Хакасии [Яценко, Рогожинский 2021: рис. 14]. Это скопление (как и многие петроглифы на оградах тагарских курганов) явно относится уже к следующей тесинской культуре сарматского времени, и ее носителей антрополог М. А. Балабанова (Волгоград) считает наиболее близкими в Евразии по антропологическому облику носителям будущей позднесарматской культуры.

это - значимый культурный феномен [Яценко 2001: 12–17]¹⁴. Наглядны для ряда рассматриваемых объектов и связи с влиятельными кланами (фамилиями) соседних кабардинцев, балкарцев и ингушей (их участие в совместных акциях, браки и т. п.). Количество интересных объектов с осетинскими тамгами растет медленно, однако нас, несомненно, ожидает немало интересных открытий, и они происходят регулярно и неожиданно.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Место находки плиты с лабиринтом у с. Махческ. 1 — вид на замок Астановых (позже — Абисаловых) с юга; 2 — вид с башни Астановых на юг (фото автора, 2021 г.). Крестиком и цифрой 1 отмечено место размещения плиты до 1938 г.

Рис. 2. Плита с лабиринтом *in situ* перед ее перевозкой в г. Владикавказ (фото Е. Г. Пчелиной 1938 г.) [Блажко, Онощенко 2022: рис. 1-2]: 1 — вид с северо-запада; 2 — вид с юго-востока (от дороги к замку Астановых).

Рис. 3. Плита из с. Махческ в экспозиции Национального музея РСО Алания (фото А. А. Цуциева, 2024 г.).

Рис. 4. Боковые стороны плиты из с. Махческ: 1 — фото А. А. Цуциева, 2024 г. (вид со стороны тамги 4); 2 — вид со стороны тамг 2–3 [Тайны 2018].

Рис. 5. Типы лабиринтов в культуре сарматов и средневековых аланов: 1 — плита внешней стены святилища Байте III (фото А. Е. Афанасьева); 2 — прорисовка граффити на плите [Яценко 2017: рис. 1, 1]; 3 — чашечный камень № 2 на Кыфарском городище (автор фото неизвестен).

Рис. 6. Изображения на каменной плите у с. Махческ (рис. автора).

Рис. 7. Античные и «этнографические» аналогии тамгам 1 и 2 на плите из Махческа: 1 — плита с тамгами в стене дома в с. Галиат (фото автора, 2020 г.); 2 — дверь кунацкой Айларовых из с. Нижнее Кани [Яценко 2023: рис. 9]; 3 — башня в с. Бейни [Дзаурова 2019: 291]; 4 — фрагмент плиты из Танаиса, Новочеркасский музей истории донского казачества (рис. С. М. Ильяшенко); 5 — фрагмент фляги с тамгой из Бока-тобе [Яценко и др. 2020: рис. 6-9]; 5а — тип тамги в Бока-тобе (рис. автора).

Рис. 8. Башня Битаровых в с. Баджин (фото автора, 2024 г.): 1 — вид с востока; 2 — северо-восточная стена; 3 — южный угол; 4 — [Закарая 1969: рис. 43].

¹⁴ То, что не все типы упомянутых тамг на сегодня археологически документированы в «промежуточном» средневековье, отнюдь не кажется странным: изучено Центральное Предкавказье весьма неравномерно, а актуальность и объекты размещения этих эмблем со временем менялись, и в средневековье преобладающее значение, видимо, имело нанесение их на клейменых телах домашних животных (археологически не выявляемое).

Рис. 9. Наиболее значимые участки граффити башни Битаровых: 1 — входной проем второго этажа с тамгой Битаровых (северо-восточная стена); 2 — надпись и тамга Сабы Дзебисова (юго-западная стена); 3 — четырехпалая кисть руки (юго-восточная стена); 4 — дугообразная фигура и кресты (юго-восточная стена); 5 — фигура животного и тамга (юго-восточная стена). Фото 3 и 5 даны «на левом боку» (фото автора).

Рис. 10. Основные граффити башни Битаровых и аналогия одной из тамг (8): 1 — тамга и ладонь слева от главного входа (2-й этаж), северо-восточная стена; 2 — тамга, юго-восточная стена; 3 — тамга справа от главного входа, северо-восточная стена; 4 — надпись и тамга Сабы Дзебисова, юго-восточная стена; 5 — четырехпалая ладонь, юго-западная стена; 6 — животное и часть тамги, юго-восточная стена; 7 — геометрические композиции, юго-западная стена; 8 — план размещения граффити; 9 — тамга на хуме с поселения Алтынтобе. Рисунки автора; фото А. Г. Донца.

Рис. 11. Тамги на укрепленных домах (ганах): 1 — с. Верхнее Окрокана (фото А. А. Сланова); 2 — граффити (рис. автора); 3 — с. Камунта, склеп 2 [Тменов 1996: рис. 79]; 4 — с. Эми, башня [Дзаурова 2019: 322]; 5 — с. Едыс. Тамга на доме Албеговых (фото Г. С. Карсанова, 2024 г.); 6 — одиночные тамги на домах в с. Едыс (рис. автора).

Рис. 12. Тамга князей Дударовых на клейме для скота из святилища Реком и аналогии: 1 — клеймо в Рекоме (рис. Е. Г. Пчелиной, 1936 г.). Национальный музей РСО-Алания, 3614/42125, № 51245; 2 — скопление тамг на стене дома Дударова в с. Чми (рис. А. П. Круглова, 1934 г.); 3 — башня у с. Балкой — Ценге [Дзаурова 2019: 284]; 4 — Танаис, 1994 г. (рис. С. М. Ильяшенко).

Рис. 13. Основные осетинские селения, упоминаемые в статье (основные пункты и аналогии), и центры горских обществ (рис. автора).

ЛИТЕРАТУРА

Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культурные камни Кяфарского городища. Древности Северного Кавказа. М.: Институт археологии РАН, 1999. С. 183–200.

Бзаров Р. С. Дигорское общество Алании: очерки социальной истории. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2020. 144 с.

Блажко А. В., Онощенко В. В. «Весомый вклад»: Е. Г. Пчелина и махеский лабиринт (музейно-археологическая зарисовка). Археология, этнография и языки Кавказа. СПб., 2022. Вып. 3. С. 118–151.

Винокуров Н. И., Яценко С. А., Чореф М. М. Серия тамг на сосудах с городища Артезиан: контекст находки. *Stratum plus*. Кишинев, 2024. № 6 (в печати).

Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин. ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 1–83.

Дзаурова Т. А.-Х. Ингушский национальный орнамент. М.: Delibri, 2019. 376 с.

Драчук В. С. 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.

- Закарая П. Древние города и крепости Грузии. Тбилиси: Мерани, 1969. 280 с.
- Иванов Вяч. Вс. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии. Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 105–148.
- Кокиев Г. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. Известия Юго-Осетинского НИИ краеведения. Сталинир, 1935. Вып. 2. С. 217–234.
- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990. 200 с.
- Краузе Э. Славянские ключи к нордическому мифу. М.: Вече, 2012. 400 с.
- Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. 184 с.
- Марзоев И.-Б.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII — начале XX веков. Владикавказ: Перо и кисть, 2014. 416 с.
- Марзоев И.-Б. Т. Дамгъæ. Алания от А до Я. Владикавказ: Проект-Пресс, 2021а. С. 118–122.
- Марзоев И.-Б. Т. Тагаурские алдары Дударовы и общественно-политические события на Северном Кавказе XVIII–XIX вв. Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2021б. Вып. 39. С. 34–48.
- Миллер А. А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 4. Вып. 1. С. 15–76.
- Сланов А. А. Исторические области Южной Осетии. Владикавказ: ИПП В.А. Гасиева, 2017. 224 с.
- Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 180 с.
- Тайны Махчешского лабиринта. Достояние планеты. 09.11.2018. — <https://dostoyanieplaneti.ru/5738-tainy-mahcheskogo-labirinta>.
- Тменов В. Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: ИПП им. В. А. Гасиева, 1996. 437 с.
- Яхтанигов Х. Х. Северокавказские тамги. Нальчик: Лейтан-ибн-Марат, 1993. 203 с.
- Яценко С. А. Искусство у порога иного мира. Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2017. № 10. Вып. 2. С. 269–279.
- Яценко С. А. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии. Stratum plus. Кишинев, 2018а. № 6. С. 217–242
- Яценко С. А. Оселки с несколькими тамгами на территории Сарматии. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2018б. Вып. 10. С. 72–89.
- Яценко С. А. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I–IV вв. н.э. Античность, скифы, сарматы. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2020. С. 409–420.
- Яценко С. А. О фольклорных образах в культуре ранних кочевников, близких ала-но-осетинской традиции. NARTAMONGAÆ. Владикавказ, 2022. №№ 1–2. С. 343–364.
- Яценко С. А. О некоторых группах осетинских и аланских тамг. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий (Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16). Ставрополь, М.: Печатный двор, 2023. С. 436–468.

Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Элэм, 2020. 288 с.

Яценко С. А., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Табалдыев К. Ш., Баратов С. Р., Ильясов Дж. Я., Бабаяров Г. Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. 452 с.

Яценко С. А., Рогожинский А. Е. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. МАИАСП. Нижневартовск, 2021. № 13. С. 733–767.

Яценко С. А., Сланов А. А., Хутинаев А. Х. Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы. МАИАСП. Нес-Циона, 2023. № 15. С. 555–589.

Яценко С. А., Чореф М. М. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. Stratum plus. Кишинев, 2022. № 6. С. 137–147.

СОКРАЩЕНИЯ

- МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
- СОИГСИ — северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах

ILLUSTRATIONS

Fig. 1. The place where the stone slab with the labyrinth was found near Makhchesk Village: 1 — view of the castle of the Astanov (later — Abisalov) clan from the south; 2 — view from the tower of the Astanov to the south (photo by the author, 2021). The cross and the No 1 mark the location of the plate before 1938.

Fig. 2. The slab with Makhchesk labyrinth in situ before its transportation to Vladikavkaz (photo by E.G. Pchelina, 1938) [Blazhko, Onoshchenko 2022: Figs. 1-2]: 1 — view from the northwest; 2 — view from the southeast (from the road to the Astanov castle).

Fig. 3. The slab from Makhchesk Village in the exposition of the National Museum of the Republic Northern OssetYa — AlanYa (photo by A.A. Tsutsiev, 2024).

Fig. 4. The sides of the slab from Makhchesk Village: 1 — photo by A.A. Tsutsiev, 2024 (view from tamga No 4); 2 — view from tamgas Ns. 2-3 [Secrets 2018].

Fig. 5. Types of labyrinths in the cultures of the SarmatYans and Medieval Alans: 1 — a slab of the outer wall of Bayte III sanctuary (photo by A.E. Afanasiev); 2 — drawing of graffiti on the slab [Yatsenko 2017: Fig. 1, 1]; 3 — stone with cup series No. 2 on the Kyafar Hillfort (the unknown photo author).

Fig. 6. Images on a stone slab from Makhchesk Village (author's drawing).

Fig. 7. Ancient and “ethnographic” analogies of tamgas Ns. 1 and 2 on a Makhchask slab: 1 — a slab with tamgas in the house wall in GalYat Village (photo by the author, 2020); 2 — the door of Aydarov family guesthouse in Lower Kani Village [Yatsenko 2023: fig. 9]; 3 — a tower in Beini Village [Dzaurova 2019: 291]; 4 — fragment of a plate from Tanais, Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks (drawing by S.M. Ilyashenko); 5 — fragment of a flask with tamgas from Boka-tobe Fortress [Yatsenko et al. 2020: Fig. 6-9]; 5a — tamga type in Boka-tobe (author’s drawing).

Fig. 8. The Bitarov Tower in Badjin Village (photo by the author, 2024): 1 — view from the east [Yatsenko 2000: fig. 2]; 2 — the northeastern wall; 3 — the southern corner; 4 — [Zakaraya 1969: fig. 43].

Fig. 9. The most significant graffiti sites of the Bitarov Tower: 1 — the entrance opening of the second floor with the tamga of the Bitarov clan (north-eastern wall); 2 — the inscription and tamga of Saba Dzebisov (south-western wall); 3 — a four-fingered hand (south-eastern wall); 4 — an arc-shaped figure and crosses (south-eastern wall); 5 — the figure of an animal and tamga (southeastern wall). Photos 3 and 5 are given “on the left side” (photo by the author).

Fig. 10. The main graffiti of the Bitarov Tower and the analogy of one of the tamgas (8): 1 — tamga and palm to the left of the main entrance (2nd floor), northeast wall; 2 — tamga, southeast wall; 3 — tamga to the right of the main entrance, north-eastern wall; 4 — inscription and tamga of Saba Dzebisov, south-eastern wall; 5 — four-fingered palm, south-western wall; 6 — animal and part of tamga, south-eastern wall; 7 — geometric compositions, south-western wall; 8 — graffiti distribution plan; 9 — tamga on the big ‘khum’ vessel from Altyntobe Hillfort. Drawings by the author; photo by A.G. Donets.

Fig. 11. Tamgas on fortified houses (ganakh): 1 — Upper Okrokana Village (photo by A.A. Slanov); 2 — graffiti (author’s drawing); 3 — Kamunta Village, crypt 2 [Tmenov 1996: fig. 79]; 4 — Ezmi Village, tower [Dzaurova 2019: 322]; 5 — Edys, tamga on the house of the Albegov clan (photo by G.S. Karsanov, 2024); 6 — single tamgas on the houses in Edys Village (author’s drawing).

Fig. 12. Tamga of the Dudarov princes on a cattle stamp from Rekom Sanctuary and analogies: 1 — the stamp in Rekom (fig. of E.G. Pchelina, 1936). National Museum of North Ossetya — Alanya Republic, 3614/42125, No. 51245; 2 — accumulation of tamgas on the wall of Dudarov clan house in Chmi Village (fig. by A.P. Kruglov, 1934); 3 — the tower between Balkoy and Tsinge Villages [Dzaurova 2019: 284]; 4 — Tanais, 1994 y. (drawing by S. M. Ilyashenko).

Fig. 13. The main OssetYan villages mentioned in the article (main points and analogies), and the centers of autonomous mountain communities (author’s drawing).

REFERENCES

Arzhantseva I. A., Albegova Z.Kh. Kul'tovye kamni Kyafarskogo gorodishcha. Drevnosti Severnogo Kavkaza. Moskva: Institut arkheologii RAN, 1999. S. 183–200.

Bzarov R. S. Digorskoe obshchestvo Alanii: ocherki sotsyal'noi istorii. Vladikavkaz: IPTS SOGU, 2020. 144 p.

Blazhko A. V., Onoshchenko V. V. «Vesomyi vklad»: E.G. Pchelina i makhcheskii labirint (muzeino-arkheologicheskaya zarisovka). Arkheologiya, etnografiya i Yazyki Kavkaza. SPb., 2022. Vyp. 3. S. 118–151.

Vinokurov N. I., Yatsenko S. A., Choref M. M. Seriya tamg na sosude s gorodishcha ArtezYan: kontekst nakhodki. Stratum plus. Kishinev, 2024. no 6 (v pechati).

Gatiev B. Sueveriya i predrassudki u osetin. SSKG. Tiflis, 1876. Vyp. IX. S. 1–83.

Dzaurova T. A.-Kh. Ingushskii natsional'nyi ornament. Moskva: Delibri, 2019. 376 p.

Drachuk V. S. 1975. Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Kiev: Naukova dumka, 1975. 176 p.

Zakaraya P. Drevnie goroda i kreposti Gruzii. Tbilisi: Merani, 1969. 280 p.

Ivanov Vyach. Vs. Ob odnom tipe arkhaisnykh znakov iskusstva i piktografii. Rannie formy iskusstva. Moskva: Iskusstvo, 1972. S. 105–148.

Kokiev G. Boevye bashni i zagradytel'nye steny gornoi Osetii. Izvestiya Iugo-Osetinskogo NII kraevedeniya. Stalinir, 1935. Vyp. 2. S. 217–234.

Kuznetsov V.A. Rekom, Nuzal i TSarazonta. Vladikavkaz: Ir, 1990. 200 p.

Krauze E. Slavyanskii kliuchi k nordicheskomu mifu. Moskva: Veche, 2012. 400 p.

Lavrov L. I. Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza. L.: Nauka, 1978. 184 p.

Marzoev I.-B. T. Privilegirovannye sosloviya na Kavkaze v XVIII — nachale KHKH vekov. Vladikavkaz: Pero i kist', 2014. 416 p.

Marzoev I.-B. T. Damgæ. Alaniya ot A do Ya. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2021a. S. 118–122.

Marzoev I.-B. T. Tagaurskie aldary Dudarovy i obshchestvenno-politicheskie sobytiya na Severnom Kavkaze XVIII–XIX vv. Izvestiya SOIGSI. Vladikavkaz, 2021b. Vyp. 39. S. 34–48.

Miller A. A. Drevnie formy v mater'yal'noi kul'ture sovremennogo naseleniya Dagestana. Mater'ialy po etnografii. L., 1927. T. 4. Vyp. 1. S. 15–76.

Slanov A. A. Istoricheskie oblasti Iuzhnoi Osetii. Vladikavkaz: IPP V.A. Gassieva, 2017. 224 p.

Solomonik E. I. Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya. Kiev: AN USSR, 1959. 180 p.

Tainy Makhcheskogo labirinta. Dostoyanie planety. 09.11.2018. — <https://dostoyanieplaneti.ru/5738-tainy-mahcheskogo-labirinta>.

Tmenov V. KH. Zodchestvo srednevekovoi Osetii. Vladikavkaz: IPP im. V. A. Gassieva, 1996. 437 p.

Yakhtanigov Kh. Kh. Severokavkazskie tamgi. Nal'chik: Leitan-ibn-Marat, 1993. 203 p.

Yatsenko S. A. Iskusstvo u poroga inogo mira. Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». M., 2017. no 10. Vyp. 2. S. 269–279.

Yatsenko S.A. Planigrafiya znakov-tamg v nekropol'yakh osedlogo naseleniya Sarmatii. Stratum plus. Kishinev, 2018a. no 6. S. 217–242

Yatsenko S. A. Oselki s neskol'kimi tamgami na territorii Sarmatii . Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Stavropol', 2018b. Vyp. 10. S. 72–89.

Yatsenko S. A. Ispol'zovanie sarmatskikh tamg zapadnymi i severnymi sosedYami sarmatov v I–IV vv. n.e. . Antichnost', skify, sarmaty. Voronezh: IPTS «Nauchnaya kniga», 2020. C. 409–420.

Yatsenko S. A. O fol'klornykh obrazakh v kul'ture rannikh kochevnikov, blizkikh alano-osetinskoj traditsii. NARTAMONGA. Vladikavkaz, 2022. no№ 1-2. C. 343–364.

Yatsenko S. A. O nekotorykh gruppakh osetinskikh i alanskikh tamg . Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegaiushchikh territorii (Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Vyp. 16). Stavropol', Moskva: Pechatnyi dvor, 2023. S. 436-468.

Yatsenko S. A., Avizova A. K., Torgoev A. I., Saipov A., Kulish A. V., Kitov E. P., Rogozhinskii A. E., Smagulov E. A., Erzhigitova A. A., Torezhanova N. Zh., Tur S. S., Ivanov S. S. Arkheologiya i istoriya Kangiuisikogo gosudarstva. Shymkent: Ælem, 2020. 288 p.

Yatsenko S. A., Rogozhinskii A. E., Smagulov E. A., Tabaldyev K. Sh., Baratov S. R., Il'yasov Dzh. Ya., Babayarov G. B. Tamgi doislamskoi TSentral'noi Azii. Samarkand: Mezhdunarodnyi institut tsentral'noazYatskikh issledovaniy IUNESKO, 2019. 452 p.

Yatsenko S. A., Rogozhinskii A. E. Neskol'ko zametok o znakakh-tamgakh sarmatov i ikh sosedei . MAYASP. Nizhnevartovsk, 2021. no 13. C. 733–767.

Yatsenko S.A., Slanov A.A., Khutinaev A.KH. Osetinskie graffiti na postroikakh verkhov'ev Bol'shoi Lyakhvy . MAYASP. Nes-Tsiona, 2023. no 15. S. 555–589.

Yatsenko S.A., Choref M.M. Ob atributsii statera tsarya Mitridata, naidennogo v 2013 g. pri raskopkakh gorodishcha ArtezYan. Stratum plus. Kishinev, 2022. no 6. S. 137–147.

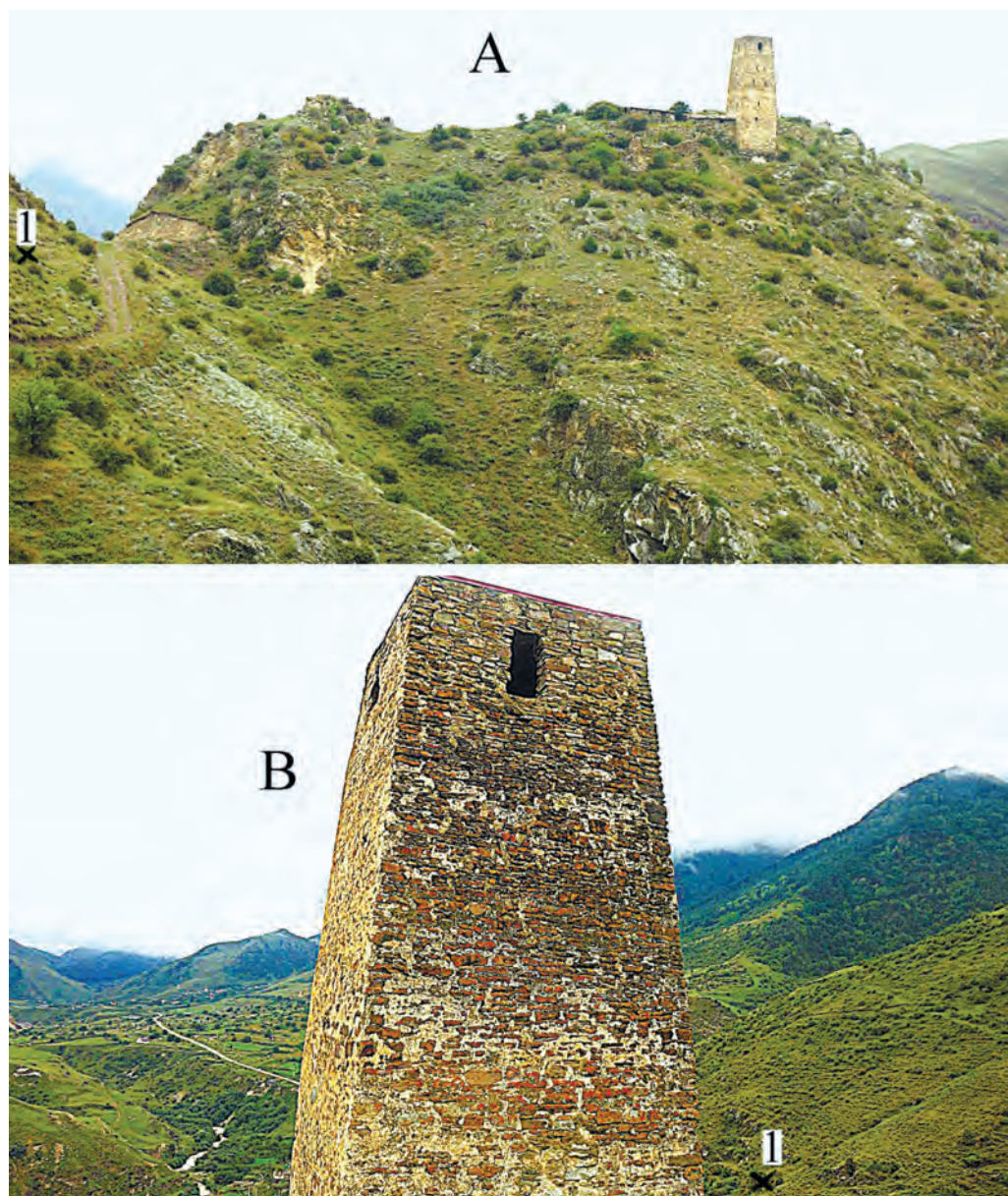

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

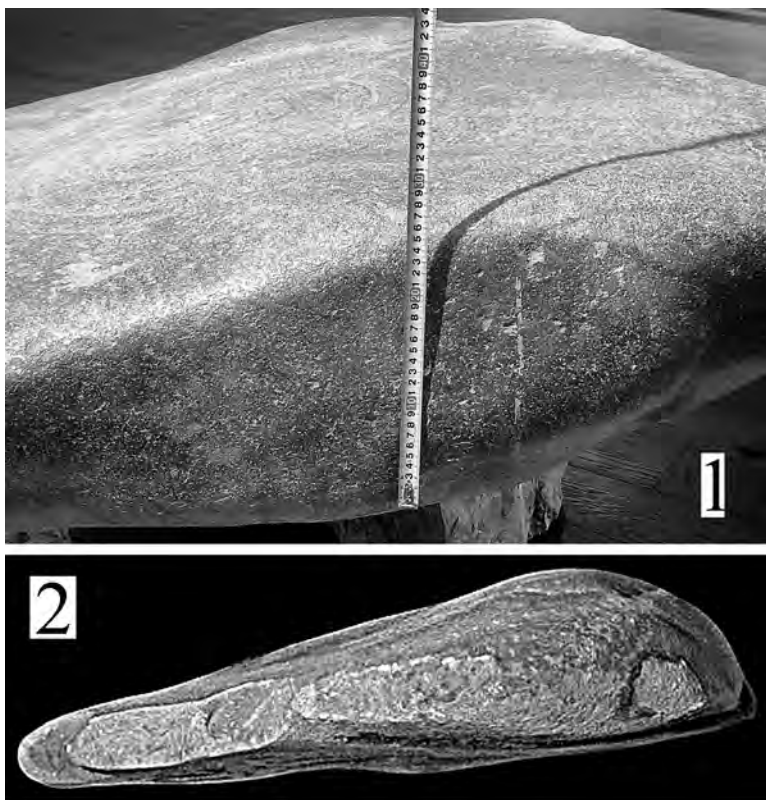
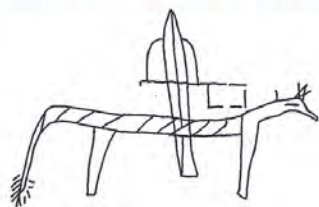

Рис. 4

1

№ 16

2

3

Рис. 5

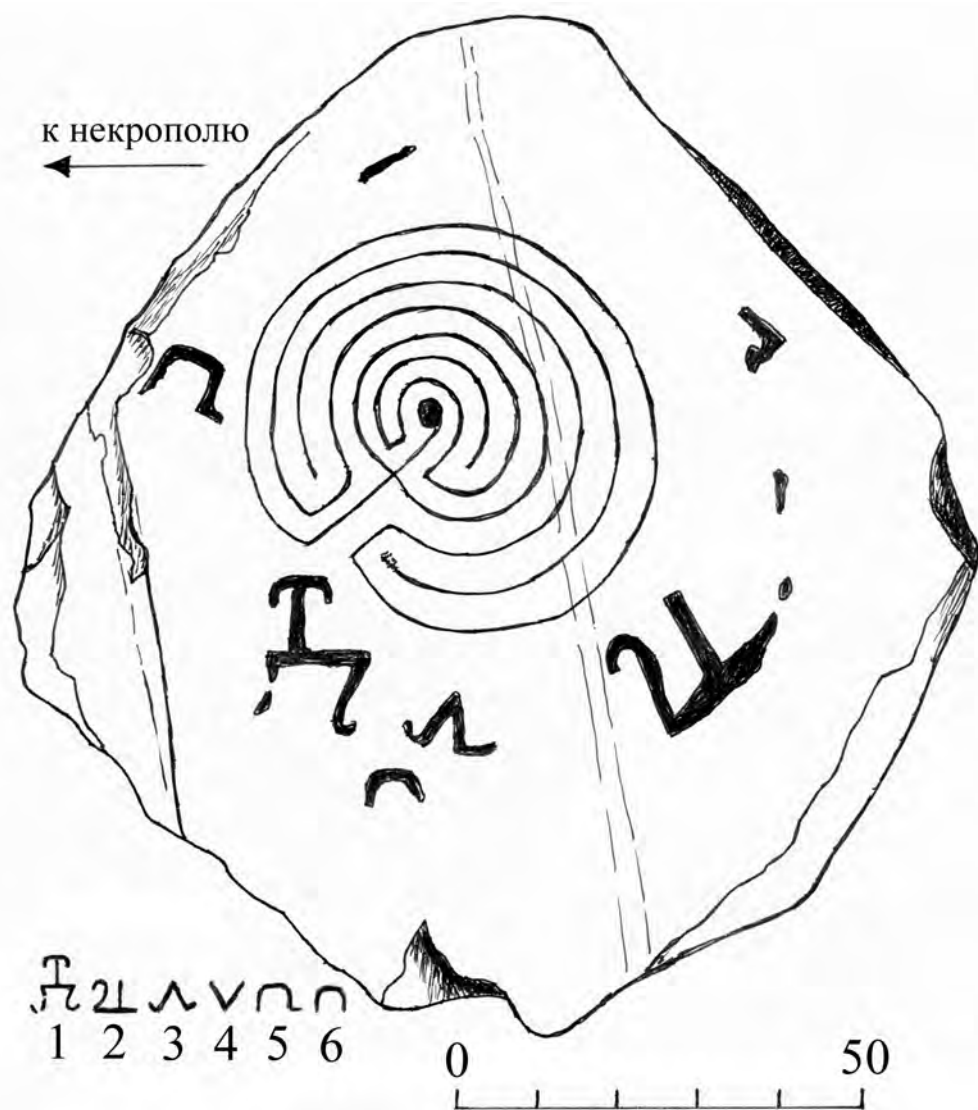

Рис. 6

Рис. 7

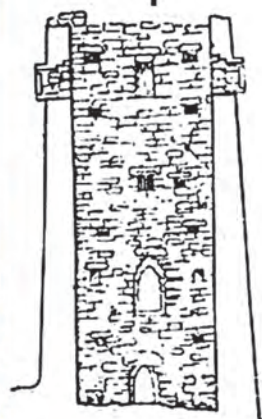
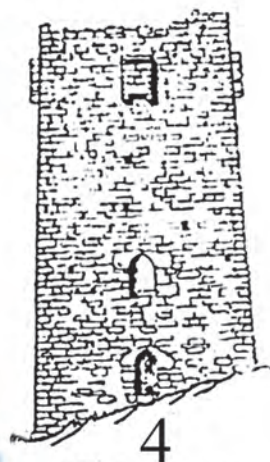

Рис. 8

Рис. 9

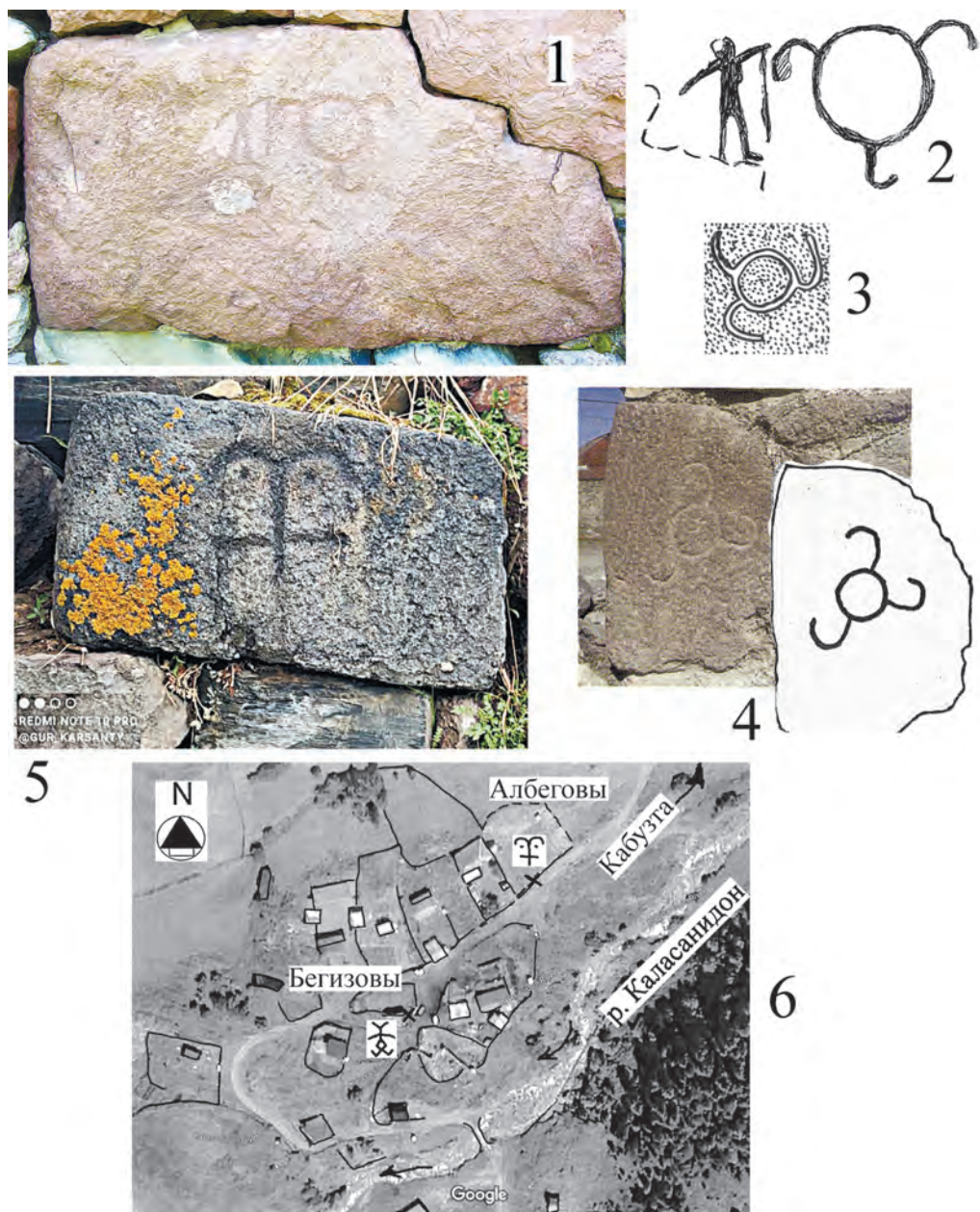

Рис. 11

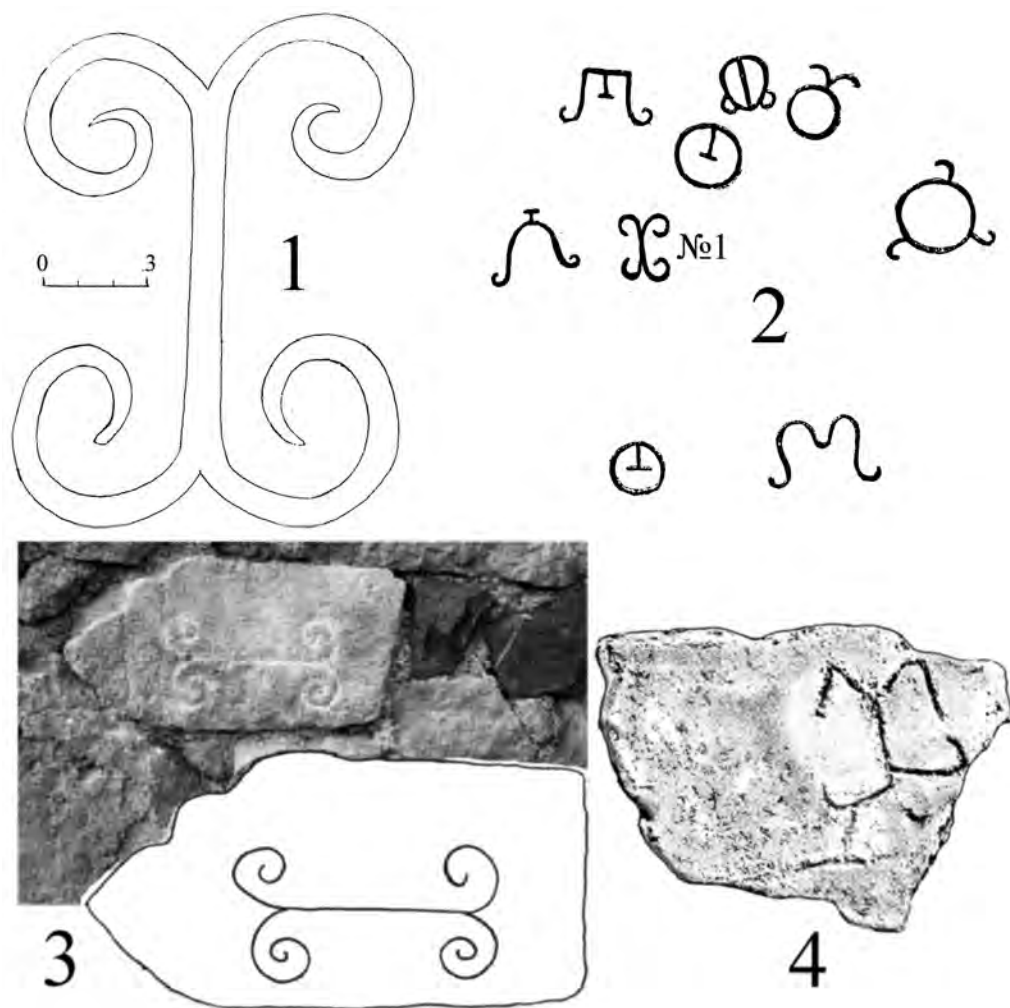

Рис. 12

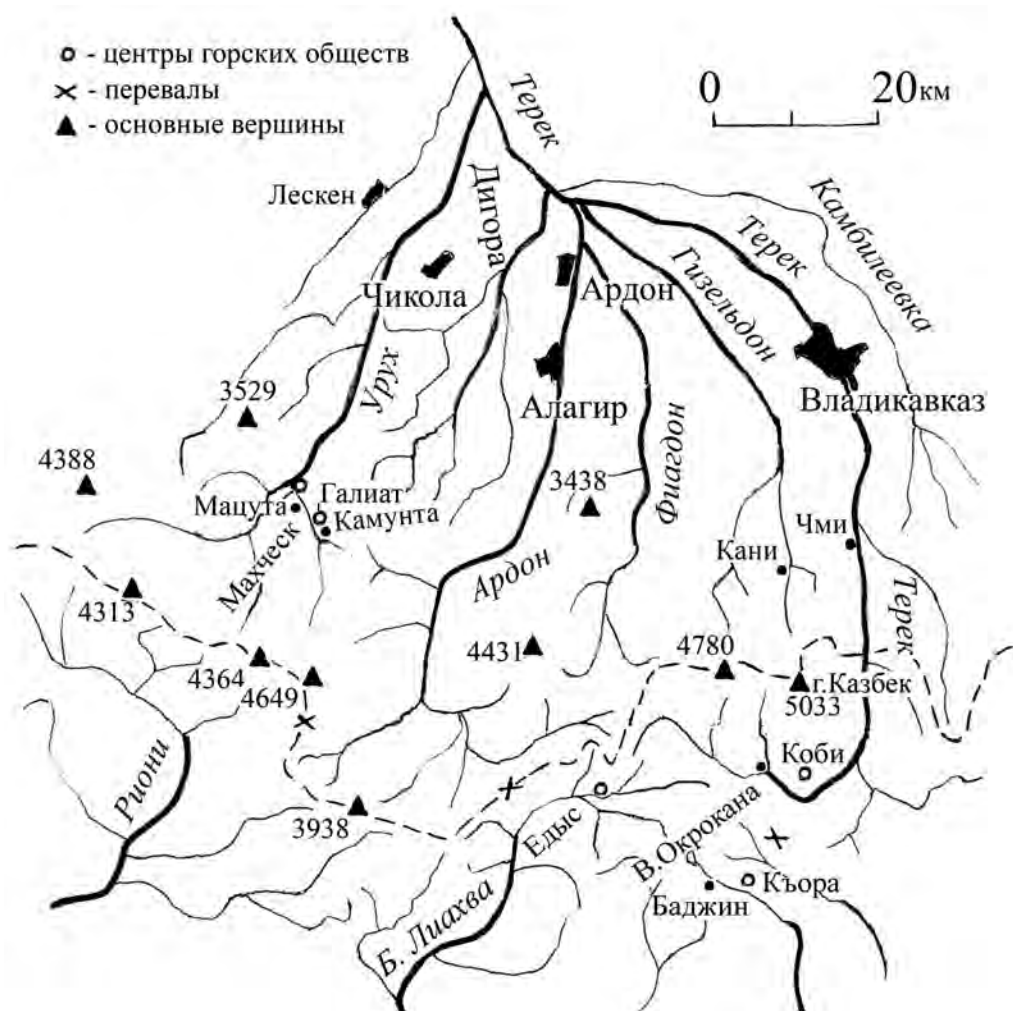

Рис. 13

DOI: 10.46698/VNC.2024.86.69.001

Борис Мысыккаты

независимый исследователь

Малага, Испания

E-mail: boris.mysykkaty@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9011-4658>**ХАТИАГСКИЙ ЯЗЫК: КРИПТОЛЕКТ
ВОИНОВ ОСЕТИНСКОЙ НАРТИАДЫ**

Аннотация. Статья представляет собой продолжение серии работ автора, в которых рассматривались разные аспекты секретного «хатиагского языка» осетинской Нартиады. В предлагаемой вниманию читателя статье собраны относительно малоизвестные эпические сюжеты, содержащие примеры употребления «хатиагского» криптолекта во время военных и походных предприятий воинской элиты нартовского общества. Рассмотренный материал подтверждает обозначенную ранее позицию автора.

Ключевые слова: Воинский язык, криптолект, язык походов, секретный язык.

Для цитирования: Мысыккаты Борис. Хатиагский язык: криптолект воинов осетинской Нартиады // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 173–192.

Рукопись поступила в редакцию 5.07.2024

Рукопись принята к печати 1.09.2024

Boris Mysykkaty

Independent researcher

Malaga, Spain

E-mail: boris.mysykkaty@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9011-4658>**XATIAG LANGUAGE: CRYPTOLECT
OF WARRIORS OF OSSETIAN NARTIADA**

Abstract. This article comprises a compilation of relatively rare epic motives which contain secret dialogues in xatiag language, a cryptolect or argot, used almost exclusively by the

warrior elite of the Ossetian epic Nart society. Most of these dialogues are presented in a military campaign or armed conflict contexts, what confirms the author's opinion regarding the nature of the xatiag language, as a warrior cryptolect, already voiced in previous works.

Keywords: warrior argot, cryptolect, campaign language, secret language

For citation: Mysykkaty Boris. Xatiag language: cryptolect of warriors of Ossetian Nartiada// NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX, P. 173–192.

Received on 5 July 2024

Accepted on 1 September 2024

Продолжая разработку темы хатиагского языка Нартиады, затронутую в ряде предыдущих публикаций [Мысыккаты 2017: 16–20; Mysykkaty 2019: 306, 310, 313, 352; Мысыккаты 2020: 133–134; Мысыккаты 2021А: 33–45; Мысыккаты 2021Б: 46–53; Мысыккаты 2021В: 54–61; Мысыккаты 2021Г: 176, 181–182; Мысыккаты 2021Д: 40, 47, 56; Мысыккаты, Кочиев 2022: 29, 36, 56, 57; Мысыккаты 2023: 56–83; ЭОН 2023: 312–314], в данной статье приведу небольшую комментированную компиляцию хатиагских мотивов, содержащихся в разрозненных сказаниях, часть которых не имеют прямых вариативных аналогий, либо построены по схеме более канонических *кадагов*, но с внесением оригинальных имен и мотивов.

С целью избежания повтора прежних данных и выводов, для читателя не ознакомившегося с предыдущими работами, в качестве пояснения на главный вопрос, что такое хатиагский язык, приведу пару прекрасных типологических параллелей из этнографических описаний живого быта черкесской аристократии XVIII–XIX вв., которые вполне адекватно поясняют принцип и причину его применения.

Британский разведчик Джеймс Станислав Белл (1797–1858), описывая жизнь черкесских элит, упоминает, что они: *«пользуются одним из древних преимуществ своего сословия, а именно собираться в отряды для грабительских набегов <...> в соседние провинции <...> при этом из боязни быть узванными, они надевают маски и, кроме того, говорят между собой на непонятном для других языке или, быть может, на своем особом жаргоне с той целью, чтобы помешать вторжению в круг их интересов непосвященных»* [Адыги 1974: 495].

Более подробно данную традицию описывает польский ученый Ян Потóцкий (1761–1815), утверждающий, что «охотничий» язык являлся ничем иным, как жаргоном черкесской аристократии, а само мероприятие, во время которого его применяли, был ежегодным ритуалом.

«Каждый черкесский князь покидает свой дом, удаляется в горы или в лес, где строит шалаши из вековых деревьев. Его сопровождают преданные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет приблизиться к шалашу.

будь то даже его брат. Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, т.е. они закрывают лицо и совершенно не говорят по черкески; все разговоры ведутся на некоем жаргоне, который они именуют «шакобза»». Там же собираются тайные дружины князя, которые вместе с ним принимали участие в кражах и грабежах; среди них могут оказаться представители других национальностей — мисджегов, осетин и т. д.; они появляются также замаскированными по той причине, что могут встретить людей, с которыми они находятся в состоянии кровной мести и которые могли бы их убить. Только князь знает их всех и находится в центре всех тайн. Этот маскарад продолжается шесть недель, в течение которых маленькие банды в масках собираются для грабежей в округе и, поскольку все настороже, дело не обходится без убитых и раненых, в том числе среди князей, потому что они не раскрывают себя, а в противном случае их щадили бы» [Адыги 1974: 232].

По сообщению В. Швецова, адыгские князья прибегали к таким криптолектам при необходимости «объясниться между собою при собрании или при некоторых лишнях для них людях <...> они употребляют известный только между ими язык, называемый *макобза*, которому научаются с малолетства один от другого и сохраняют между собою как тайну» [Карпов 1996: 78]. Я. Рейнегтс подчеркивал, что подобным языком пользовались лишь представители сословия «благородных», «только князья и дворяне, простые люди не смеют говорить на нем, даже если понимают его» [Там же]. Он же приводит и наименование этого тайного языка: «зиковшир», в котором выделяется элемент *зек/уэ* со значением «поход, наезд», что по мнению Б. Х. Бгажнокова лишний раз свидетельствует о его функциональном предназначении, а также указывает на социальную среду, в которой он бытовал. «Социальный аспект функционирования тайных языков, использовавшихся членами княжеских «компаний», джигитами во время совершения своих акций, соотносится с атрибутикой мужских союзов [Карпов 1996: 79].

В общих чертах адыгские тайные языки можно разделить на три типа: лексематические и силлабические, в которых применяется периодически повторяющиеся элементы тайноречия или слоги-вставки [см. Мысыккаты 2023: 56-83]. Третий тип, это языки метафорические, в которых применяются иносказательные определения, у адыгов к такому типу относится охотничий язык.

В осетинском нарттовском эпосе тайноречие ведется на хатиагском языке, который также относится к последнему типу тайных языков. Хатиагский язык практически во всех развернутых диалогах носит иносказательный характер.

Второй том оригинальных нартовских сказаний на осетинском языке содержит красноречивый пример того, как герои эпоса применяют иноязычный хатиагский язык во время военных действий. В данном случае само иноязычие служит сигналом к нападению на ничего не подозревающего врага. Как и в большинстве других хатиагских фраз, само иноязычие основано на замене слова, обозначающего антропоморфного персонажа, о котором идет речь в диалоге, на зооморфный образ, так старый великан в данном случае именуется «старым быком». Когда великан заехал в чащобу дремучего леса, «Тогда Батагов сын Сырдон | Закричал своим соратникам: | — Вашего старого быка пора бы прирезать» (*Wæd Bætædžy fyrt Syrdon | Fæqær kodta je'mbælttæm: | — Wæ zæronð galæn ærgævdyn afon wy!*), сам же Сырдон хлестнул своего коня и скрылся, а «остальные, бросились убивать Гумского Кобора» (*Innætæ | Fezdæxtysty Gwuty K'obormæ marynmæ*) [НК 2004: 73].

Существуют веские основания предполагать, что сказитель, создавший данное сказание, на сколько мне известно, не имеющее других вариантов, позаимствовал интересующий нас фразеологизм из более известного *кадага*, повествующего о том, как заговорщики планировали напоить до смерти Урызмага в общем доме собраний. В этом сказании заговорщики также переговариваются между собой, применяя идентичный зоологический код, старый вождь нартов именуется «старым быком, избранным для жертвоприношения» (*nyvond gal*). Вскоре после начала пира заговорщики начинают подшучивать и переговариваться между собой по-хатиагски, «Немного позже Урызмаг слышит — молодежь между собой по-хатиагски говорит: «Наш старый бык готов для заклания» (*čysyl fæstædær Wyrzymæg qusy — fæsiwæd kærædžimæ xatiagaw džurynč*): «наш старый бык готов к закланию» («*næ zæronð gal ærgævdinag u*»)). В другом варианте фраза звучит так: «наш избранный бык узнал о своей смерти и смирился со своей судьбой» (*næ nyvond gal jæ mælaet bazydta æmæ nicæwylwal mæt kæny*) [НК 2005: 93, 110; НК 2003: 425]¹.

¹ Правда, не во всех вариантах этого сказания говорится эксплицитно, что данное иноязычие в устах заговорщиков относится к хатиагскому языку, однако несмотря на это, они уже были выявлены по их типологической характеристике и достаточно детально описаны и проанализированы в отдельной работе, что в ходе исследования и было подтверждено приведенным вариантом [Мысыккаты 2021А: 47–48]. Данный мотив из сказания о Гумском Коборе лишь лишнее подтверждение адекватности избранного ранее подхода и выявленных критериев для распознавания имплицитных хатиагских фразеологизмов.

В интересующем нас сказании, великана оповещает о враждебном замысле нартов его жена, заранее подслушавшая разговор нартов на хатиагском языке (*kæraedzimæ xatiagaw dzurync*), во время которого они решили позвать его на охоту и напасть на него во время поездки «— *Завтра подстережем его на дороге и убьем, тело же спрячем где-нибудь в лесу, а сами вернемся обратно и заберем его добро*» (— *Rajsom æj fændagamonæg acajæm* | *Æmæjæ fændagyl amaræm*, | *Wym æj qædy iskwu apparæm*, | *Yæxædæg fæstæmæ syzdæzæm*, | *Fællæjtta iuwyl axæccæm*), сказитель объясняет это тем, что жена великана сама была некой хатийкой (*Wymæn jæ iw us xatiag wud*) и поэтому поняла смысл их слов [НК 2004: 72]. Оставляя в стороне вопрос о существовании этого загадочного народа², хотелось бы заострить внимание на самом контексте, в котором хатиагский язык употребляется в этом кадаге: сказитель вставил эту фразу в контекст секретных переговоров (*Uwyl ta tærxon kænync*) заговорщиков для разработки тактики, выбора места и момента для акции, а также последующих действий. Далее сама иносказательная фраза употребляется в виде команды, непосредственно в момент неожиданного вооруженного нападения нартов на великана, что очевидным образом подтверждает в очередной раз тезис о хатиагском языке, как о иносказательном секретном языке воинов, их профессиональном арго, к которому герои эпоса прибегают в основном для секретных переговоров, распределения ролей и особенно для подачи команд, а также для посланий за подмогой [Мысыккаты 2021А: 33-42].

Возникает закономерный вопрос: «По какой причине опасный великан обозначается термином "бык"?» Ответ вполне очевиден, в первую очередь бык — это не только парнокопытное, травоядное и кротко пасущееся на лугу существо, пригодное для жертвоприношения. Бык несет в себе большую опасность, его буйный нрав, мощностъ телосложения и острые рога являются достаточно внушительными аргументами для того, чтобы к примеру занимать весьма высокое положение в мифологическом bestiarii индоарийских племен. Не удивительно, что индоарии именовали своих мифо-эпических героев и легендарных правителей не только такими эпитетами как «львиноподобный», «лев среди людей», «человеко-лев», но и такими весьма распространенными «звериными метафорами», как «человеко-бык», «бык среди людей», «царь-бык» (санск. *puruṣarṣabha*, *nararṣabha*, *narapumgava*). Подобные эпитеты применялись не только к

² Об этом народе говорится лишь в двух поздних сказаниях, собственно в данном кадаге и в другом дигорском тексте, где упоминается некий хатиагский лучник [НК 2010: 29]. Также известен в осетинской хореографии «хатиагский танец» (*xatiag kæfti*), правда сведений о нем практически не сохранилось, кроме названия и характеристики, как бытовой танец (*cardywagon kæfti*) [МД 1971: 103].

воинам и царям, но и к духовным лицам (брахманам, подвижникам, старейшинам), наделенным большим духовным могуществом и авторитетом. Сама же «звериная метафора» указывала именно на мощь нарекаемого этим термином персонажа, на его физическую или духовную силу [Васильков 2012: 57; Невелева 1991: 129–132]. Аналогичная картина представлена и в другой индоевропейской традиции. Так в ирландской эпической саге «Изгнание сыновей Успеха» уладского царя Конхобара иносказательно именуют «славный бык, повелитель целого королевства» [Ирландские саги 1933: 65]³. Касательно собственно осетинской традиции следует обратить внимание на тот факт, что слово, обозначающее быка в осетинском языке, аналогично наименованию коня, проявляет следы табуизации. Слово *gal* не восходит к изначальному иранскому лексикону предков осетин, что, вероятно, указывает на высокое положение, которое занимал данный образ в картине мира ираноязычных кочевников.

Вне сказаний об Урызмаге данное иносказание, при этом в довольно интересной форме, также присутствует в кратком «Сказании о нарте Хамыце и его побратиме Амылтаке Большом-пальце» (*Narty Xæmys æmæ jæ 'rdxord Stavdængwylz Amyltaqy tawrag*). Сказание по сути построено по структуре сюжета о пире — западне, на котором нарты планируют убить старого героя из рода Ахсартатгата. В этом случае Урызмага замещает его брат Хамыц, а в роли спасителя палиценосца на месте Батраза оказывается некий Амылтак. Прибыв на пир в большом доме собраний, приглашенный хитрым Сырдоном, Хамыц быстро понимает из иносказательных переговоров нартов, что они задумали его умертвить. До него доходят чьи-то слова: «— Наш откормленный старый бык стал одним сплошным комком жира» (— *Næ xæsgæ zæronð galy iw k'ord fiwy wydzæn*), подразумевая, что настал момент нападения на жертву. Тогда Хамыц быстро посылает письменное послание на хатиагском языке (*Xæmys afysta ævipparjdy xatiagaw činyg*) с помощью прирученного голубя (*æxsinaeg*) своему побратиму, который вскоре прибывает с дубиной в руке и кричит с порога дома собраний внутрь, своему товарищу «— гони их из дома на улицу, а здесь оставь все в моей власти» (— *xædzæraej cæ 'ddæmæ sur, am cæ mæ bar wadz*) [Гутиев 2005: 79–81].

³ Идентичным образом, во время застольного иносказательного спора, именуют «быком пожирнее» попавшего в плен к уладам именитого воина Круахнена [Ирландские саги 1933: 88]. В той же саге, в хвалебном песенном застольном обращении, героя Кета характеризуют как «ярый бык прекрасный» [Там же: 92]. Еще один пример такого сравнения проводится с героем Муйрхертахом, который ринулся в бой подобно «быстрый, злой, бешеный бык» [Там же: 270].

Данная фраза является переделанной хатиагской формулой «из ущелья будешь гнать или у входа в ущелье поджидать?» (*komæj rasurdzynæ ævi komgæron ællæwdzynæ?*) [НОГЭ 1990: 261], типичной для данного круга сказаний о пире-западне [Мысыккаты 2021А: 40–41]. Правда в этом сказании она эксплицитно хатиагской не именуется, но верифицируется другими вариантами, в которых данная фраза служит для разработки тактики ведения боя с неприятелем — один гонит врагов в сторону выхода, где их поджидает второй. Так в сказании «Нартовский Урызмаг» (*Narty Wyrzymæg*), в идентичном контексте пира-западни, на помощь к старому герою прибывает его юный безымянный сын, который просит вызвать Урызмага, но заговорщики отвечают, что внутри идет пир-молебна, его же отец сидит за старшего и не может встать из за стола, а мальчикам вход внутрь запрещен. Тогда парень крикнул внутрь отцу по-хатиагски (*Wæd æm læppu Wyrzymægmae dzury xatiagaw*), что к нему пришла подмога и чтобы тот не боялся (— *Ma tærs, zæronð læg, tærsgæ ma kæn, æxxwysgænæg dyn is*). На это ободренный Урызмаг отвечает по-хатиагски (*Wæd æm Wyrzymæg æddæmae radzyrdta xatiagaw*), «Если ты для меня подкрепление, тогда стань для меня привратником, наружу их не выпускай, а здесь оставь их в моей власти» (— *Kæd myn æxxwysgænæg dæ, wæd myn dwargæs læuw, æddæmae cæ makæj awadz, am cæ mæ bar wadz*) [Гутиев 2006А: 131; НК 2003: 392; НК 2005: 556].

Третьим кадагом является «Борьба Батраза с Уангхором и Армхором» (*Batyrady xæst Wængxor æma Ærmxorimæ*). Сюжет довольно прост и типичен для другого ряда сказаний, повествующих о мстительном кривом великане, пригласившем старого Урызмага на пир, чтобы отомстить Ахсартаггата за своего сына, смертельно покалеченного нартом Батрадзом [см.: Мысыккаты 2021В: 54–59]. В данном же сказании делегация всех трех кварталов нартов направляется в город гумиров и попадает на пир. Великаны вынашивают коварный замысел по отношению к нартам, они начинают спаивать гостей посредством бесконечного подношения почетных бокалов, и в какой-то момент старший гумир обращается к остальным по-хатиагски (*Wæd gwymirty xistærtæj iw xatiagaw dzury*), мол «— Как только Нарты приготовятся танцевать симд, тогда и будет момент жертвоприношения» (— *Simdył sifyndzdzysty Nartæ 'mæ wæd kusartafon u*). «Урызмаг же хорошо знал хатиагский язык, понял эти перевернутые слова и оповестил своих младших, чтобы те поберегли себя от выпивки» (*Wyrzymæg xatiagaw xorz zytda, bambærsta wysy dælgommæ nyxæstæ mæ kæstærtæn bambaryn kodta, cæmæj nwæztæj sæxiwyl awærdøj*) [Гутиев 1989: 459–460]. Таким образом, не только прослеживается идентичное ситуационное употребление хатиагского языка в целях конспирации против приглашенных жертв, но и подтверждаются другие варианты

этого сказания, в которых данный тип секретных двусмысленных диалогов во время пира-западни не именуются эксплицитно хатиагскими, но были выявлены по их типологическим характеристикам [Мысыккаты 2021В: 55].

Вполне вероятно, что изначальным примером подобных сказаний следует считать тот исторический сюжет, который лег в основу геродотовского повествования о пире-западне, организованном мидийским царем Киаксаром для того, чтобы истребить скифскую военную знать и положить конец их владычеству в Передней Азии. «28 лет владычествовали скифы в Азии <...> Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили. Так мидяне восстановили прежнее величие своей державы...» (Геродот I, 106). Память о подобном сокрушительном ударе по скифскому могуществу вполне мог отразиться в эпическом сюжете, при этом в поучительном и выгодном для скифов виде, так сказать, в назидание потомкам. Ведь посыл сюжета прост, пир может оказаться ловушкой, а чрезмерное употребление спиртного облегчает задачу потенциальным заговорщикам.

Аналогичный мотив, когда секретным языком пытаются воспользоваться враги нартов, но оказываются разоблачены, прослеживается еще в двух сказаниях. Первое «Батрадз и нартовская знахарка» (*Batradz æmæ narty dæсны*) повествует о зловещей сестре семи великанов (*avd wæjydzы хо*), которая поселилась на краю села нартов и выдавала себя за посланницу Бога и ангелов, способную отвратить от нартов любое зло. Обманным путем она обирала нартов и передавала все их добро и скот своим братьям, до того момента, пока не вернулся из похода Батрадз. Узнав о случившемся, он ловит лже-знахарку, вырывает ей нос и, разузнав кто она на самом деле такая, гонит ее перед собой в сторону жилища великанов. Приблизившись к крепости братьев, знахарка вдруг закричала по-хатиагски, пытаясь оповестить своих братьев о приближающейся опасности (*Dæсны xatiagaw nyqqærkodta*), «— Ваш губитель со мной идет, не отпускает меня, так что либо спрячьте себя, либо найдите какое-то средство его убить» (— *We safæg temæ cæwy, wæg 'd mæ næ wadzy, æmæ kænæ wæxi 'fsnajut, kænæ jyn isty xos jæ marynæn!*). Нарт Батрадз хорошо понимал по-хатиагски (*Batyradz xatiagaw xorz æmbærsta*), по этому он поймал лукавую знахарку за ее язык и вырвал его под самый корень, затем закинул его во двор крепости, где великаны сидели кругом и пировали нартовскими подношениями [Гутиев 2006Б: 123–124]. Таким образом, сестра семи великанов с помощью хатиагского языка попыталась обезопасить своих братьев от неминуемой смерти, а также чтобы те подготовили Батрадзу какую-нибудь засаду и убили его, но Батрадз парировал эти попытки, благодаря своему знанию хатиагского языка.

Второй такой мотив содержится в сказании «Нартовский Кундз» (*Narty Kundz*), молодой герой Кундз решает засватать сестру семи братьев Дурагоновых (*Durægonty čyzyg*), враждебного нартам рода, в ряде случаев приписываемый племени чинтов (*wæd čyntu syxu cæræg*) [НК 2005: 94]. После исполнения многочисленных невыполнимых задач, которые выдвинули жениху в качестве свадебных испытаний и калыма, Дурагоновым ничего не оставалось, как согласиться на свадьбу и выдать сестру за юного нарта. Однако после свадьбы, когда жених и его свита уже хотели уезжать обратно, забрав невесту «Тогда семью братьям их отец обратился по-хатиагски» (*Wæd avd æfsymærmæ sæ fyð xatiagaw dzury*): «— Вашу сестру когда заберут, тогда в трех местах засядьте, и отнимите у них девушку. Умрите, но чтобы Дурагоновская девушка к Нартам не ушла» (— *Wæ xoŷy wyn kwy kænoj, wæd ærtæ rany sæ razy babadut, æmæ jæ bajsut čyzy. Amælut, cæjnæfæltaw Nartæm Durægontæj čizg acæwa!*). «Урызмаг по-хатиагски хорошо знал. Понял намерения хозяев и говорит своим товарищам» (*Wyryzmæg xatiagaw xorz zyðta. Bambærsta fysymty fænd æmæ zæg'y je mbælttæn*), «— Три засады нас ждет впереди» (— *Ærtæ rany babaddzysty næ razmæ*) [Гутиев 1996Б: 100]. И действительно, братья обогнали поезжан, разделились на три группы и засели в трех разных местах, намереваясь расстрелять нартов из луков, по двое в первых двух засадах, втроем в третьей. Из этого сказания также очевидно, что хатиагский диалог отца с сыновьями служит для распределения ролей и передачи им четких указаний по осуществлению тайного вооруженного нападения.

Известен и противоположный мотив, в котором хатиагская секретная речь нартов распознается их врагами и те понимают смысл их тактического хода, так в сказании «Названные отец и мать Сослана» (*Soslany kængæ mad æmæ fyð*) говорится о голодном годе (*fyðaz*), постигшем нартов. На народном собрании постановляется, что «лучше пропасть нам, чем так жить. Либо совсем пропадем, либо скот добудем» (*Næ fæcæg'd xwyzdær u асу cardæj. Kænæ bynton fesæfæm, kænæ fos fækaenæm*). По совету Бурыфарныга трое старших нартов выдвигаются в семидневный поход, чтобы пригнать соседский скот (*fos tærynмæ*). Приехав во владения Сарказа и Заухан нарты видят в дали просторные пастбища, заполненные неисчислимыми стадами, на столько тучными, что не видно было травы. Тогда, в присутствии местных пастухов, старый Урызмаг обращается к своим товарищам Хамыцу и Бурыфарныгу⁴ по-хатиагски (*Wyryzmæg jæ mbælttæn xatiagaw*

⁴ Кроме этого, существует еще одно сказание, в котором Бурафарныг владеет хатиагским языком [НК 2010: 448]. Несмотря на то, что это два изолированных случая, все же они частично подтверждают известного сказителя Гаха Сланова, который считал, что хатиагский язык «существовал в среде нартов из рода Боряевых, в отличие от других

dzury) мол, «одного стада нам и так хватит, но давайте на всякий случай все же встретимся со старыми хозяевами, быть может Саркыз сам нам подарит свой скот. Наш голод тут утолим, а потом что должны были сделать, то тоже сделаем» (*stæj cy kæninag ystæm, wyj dær bakændzystæm*). Однако, случилось так, что один из пастухов понял хатиагскую речь Урызмага и попытался подговорить своих товарищей выступить против малочисленного отряда нартов и обезопасить стада своих хозяев [Гутиев 1989: 397–398].

Прибегает к хатиагскому языку Урызмаг и в другом случае: он хитростью проникает в пещеру одноглазой великанши, которая повадилась угощать у нартов их коней, молодежь, девушек и даже брать в плен именитых нартов, в отместку за убитых ими братьев. Урызмаг понимает, что силой ему ничего не удастся сделать и следует прибегнуть к смекалке (*Am æz qwamæ zondæj sarxajon, tыху sær dzy nicæmæn qæwу*) [Гутиев 1996А: 116; ср. Абаев 1990]. Тогда он переодевается в бедняка, выдавая себя за конюха Урызмага, входит в доверие великанши, а когда оказывается рядом с попавшими в плен именитыми нартами (*Mænæ Buræfærnyg, Хæмус, æмæ Soslan dær semæ*), чтобы не разоблачить себя перед слугами великанши, старый герой прибегает к секретному языку и уточняет у пленников по-хатиагски (*Wyryzmæg cæm xatiagaw dzury*), если нартовская молодежь тоже находится там (— *Narty fæsivæd dær am ysty?*), получив же положительный ответ, он успокаивает их и обещает скоро всех выволить [Гутиев 1996А: 118–119].

В аналогичном контексте выступает хатиагский язык и в осетинской художественной литературе, вдохновленной нартовским эпосом. Таковым является к примеру роман «Слезы Сырдона» (*Syrdony Cæssygtæ*), написанный по мотивам Нартиады народным писателем Юга Осетии, Нафи Джусойты. В популярном сюжете о том, как Сырдон спасает именитых нартов, попавших в дом великанов, попавший в ловушку Урызмаг всем своим несчастным видом, не подавая голоса, дает Сырдуно понять (*jæ susæg fændiag*), что без его помощи нартам не справиться, и тот должен применить свой острый ум и находчивость для их спасения. Сырдон же в целях конспирации заговаривает с ним на хатиагском языке (*jæm xatiagaw badzyrda*), чтобы враги нартов не поняли смысла их разговора [Нафи 2004: 241]. Можно лишь восхищаться чутьем народного поэта и писателя, сумевшего вписать применение хатиагского языка в идеально подходящий, по выявленным ранее критериям, контекст⁵.

нартов”, т.е. не только Ахсартагата, но и сами Бората также владели этим языком [ЭОН 2023: 237].

⁵ Впрочем, не исключено, что подобный контекст, вполне согласующийся с примерами употребления хатиагского языка в аутентичных текстах, действительно имеет аналогию в одном из аутентичных архивных вариантов данного сказания.

В одном из вариантов этого сказания, после просьбы обездвиженных нартов, Сырдон решается на блеф, делает ставку на тактику психологического давления на врага, продумав правдоподобную дезинформацию о некоем нартовском войске, он угрожает великанам, что если они немедленно не освободят заложников, вскоре прибудет целое войско и перебьет великанов, всех до одного. «— Воду нагрейте и отпустите их, а не то этих людей войска находятся в степи, и если их оповещу, то они прибудут сюда и истребят вас на корню» (— *Don stævd kænūt æmæ sæ swæg'd kænūt, kænnoð adonæn ce'fsædtæ bydyry sty, æmæ sæm kwyfæbæræg kænōn, wæd ærcæwdzysty æmæ wæ bynsæft fækændzysty*) [НК 2007: 62]. Подобная тактика дезинформации представлена в другом сказании, в котором нарт Батрадз просит показываться из далека нартов, выдавая их своему врагу за подходящее огромное войско, чтобы оказывать психологическое давление на врага, при этом все команды Батрадз кричит нартам по-хатиагски [Мысыккаты 2021А: 39–40]. Идентичную тактику применяли и скифы под командованием царя Атея во время войны с фракийским племенем Трибалов (Фронтин, Военные хитрости II. 4, 19; Полиэн, Стратегемы VII. 44, 1).

Хатиагский язык присутствует и в довольно распространенном околоэпическом сказании об Одиноком (*Iwnædžy kadæg*). Если искать истоки этого предания то окажется, что и оно частично включено в нартовский эпос, как это показывает, зафиксированное лишь в одном варианте, дигорское поэтическое «Сказание об Одиноком» (*Ewnægi kadængæ*), записанное в 1901 г. Махарбеком Тугановым со слов Дзамболата Зороты, содержит идентичный сюжет, правда в кратко более полном и развернутом виде. Данное сказание заслуживает особый интерес, так как это единственный дигорский текст с богатым хатиагским материалом. Однажды Одинокый приходит к матери и рассказывает сон, будто бык его пронзил рогом⁶, а над головой у него бьются две голубки и на него брызгает их кровь (*Dessagi fun fæjjidton: ew bog'a | Ærbacudæj 'ma mæ æ sikáj'j scavta, | Mæ særg'i ba duwæ bælæwi sæ kærædzej tudtoncæ, | Sæ pak'u kalgæ 'ma sæ tog purxgængæ*). Мать ему объясняет, что его убьет его родственник, а над ним будут терзать себя его мать и жена. Так и случилось, его родственник Ахсартаг убивает Одинокого, а беременная жена убегает из дома. Однажды Ахсар и Ахсартаг встречаются на охоте сына Одинокого, увидев как он владеет оружием они переговариваются по-хатиагски между собой, мол: «Этот юноша не простой юноша» (*Kærædzemæ dzoruncæ xatiagaw: «Aci læqwæn xumætægi læqwæn næ'j»*), а после распросов оказывается, что это сын их родственни-

⁶ Подобно другим иносказаниям, в данном случае под образом быка пронзающего героя рогом зашифрован образ опасного мужчины с буйным нравом, воина убившего своего родственника.

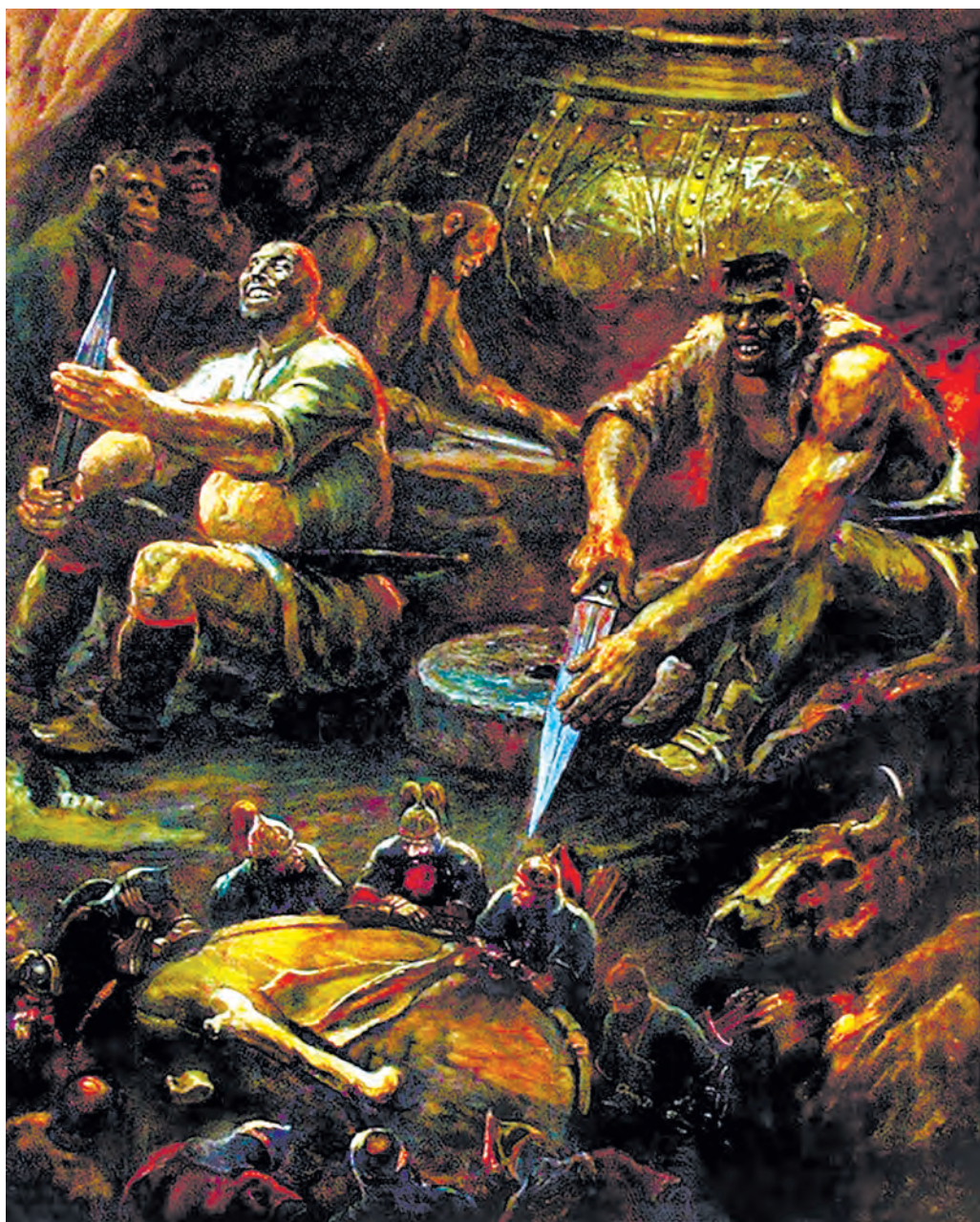

Иллюстрация Азанбека Джанаева к сказанию «Поход нартов», 1977 г.

ка Одинокого, убитого Ахсартагом. По этой причине они переговариваются по-хатиагски, «Он наш брат, — которого убили, его сын» (*A ne 'nsuvær æj, — ke ramardtan, woj furt*), затем Ахсартаг предлагает сыну Одинокого отомстить за отца и убить его, но тот отказывается и примиряется с родственниками. Какое-то время спустя сын Одинокого на охоте подстрелил оленя и под кленовым деревом стал его разделывать и жарить шашлык, вдруг туда прибывают трое всадников-насильников, приветствуют юношу необычной фразой «да будет под тобой жир» (*o, dæ bun — soj*), буквально «топленое масло», отождествляемое в осетинской культуре с изобилием, т.е. пожелание благополучия⁷, что согласно сказителю являлось хатиагским приветствием (*e fawij xatiagaw ærfæ*) и требуют от него их долю дичи. Приветствие оказывается довольно циничным и зловещим иносказанием, так как вскоре после этого, всадники убивают сына Одинокого, а тот жир, который они пожелали чтобы оказался под ним, явным образом подразумевал пролитие его собственной крови. Данное предположение, вытекающее из логики самого сказания, частично подтверждается наименованием реки/воды в осетинском охотничьем языке, тесно перекликающимся с хатиагским языком. Так дигорский охотничий эвфемизм для реки звучит как *xelæsojnæ* «идущий жир» [Сланов], в рукописном же словаре редких дигорских слов, составленном поэтом Блашой Гурджибековым, термин *xelgæ sojnæ* обозначает не только реку, но и воду (идентично, как осет. *don*). По божьему провидению всадники оказываются на поминках своей жертвы и после того, как из поданного им хлеба и мяса потекла кровь, а черное пиво вспенилось кровавым цветом, один из убийц понял в чем дело и обратился по-хатиагски к своим поделщикам, с намерением поторопить их удалиться от туда, пока они не выдали себя: «Гость испугался и говорит по-хатиагски | товарищам: Бежим отсюда, | Это пир Одинокого нашей жертвы, | Пир дня его смерти; бежим | Пока никто из его родственников | Против нас не объединился» (*Wazæg fættærsuj 'ma dzoruj xatiagaw | E 'mbaltæmæ: Ledzæn ardigæj, | Ewnægi kuvd næbæl ærcudæj, | Æ mælæti boni kuvd; ledzæn, | Caldæn mæ næbæl æ hæstægutæ | Næma rafarc æncæ*). Но «Ахсар и Ахсартаг замечательно понимали по-хатиагски» (*Æxcar æma Æxcærtæg xatiagaw | Dæsni fæwuncæ*), по этому они немедленно схватили кровников, отвели на кладбище, там посвятили их в жертву сыну Одинокого и тут же похоронили [ДАС 2010: 63–69].

Эти мотивы присутствуют также в новеллистических вариантах предания (*Bazyrgantæ; Xur — me'vdisæn; Dzasoxty iwnæg*), в них говорится о группе всадников (*bardžytæ*) насильников (*tyxgandžytæ*), иногда именуемых

⁷ Ср. выше, описательное иносказание о Хамыце, «— Наш откормленный старый бык стал одним сплошным комком жира» (— *Næ hæsgæ zæron d galy iw k'ord fiwy wydzæn*).

купцами (*bazyrgantæ*)⁸, которые, желая отнять тушу оленя (вариант стадо) у молодого охотника (пастуха), убивают его, а год спустя по законам все-ленского провидения (*dunejy farn*) убийцы попадают на поминки своей жертвы. Узнав, куда они попали, начинают переговариваться между собой по-хатиагски (*Dzurynyl sxæcydysty wycy ran xatiagaw*), но приставленный к ним прислуживать юноша (*wyrdygystæg*) понимает хатиагский язык и обличает их злодеяние присутствующим старшим, после чего они были схвачены, осуждены, отведены к котлу, где варилось жертвенное мясо, посвящены в жертву усопшему (*mardæn sæ nyffældystoj*) и отведены на кладбище, где были закланы над могилой кровника (*jæ ingæny wælqus nymmardtoj*) [Амбалты 2009: 200–201; ИНА 2010: 341; МД 1998: 109–110]. Как видно из контекста данного предания, находящиеся во враждебном окружении со-общники попытались остаться неузнанными, перейдя для этой цели с обыкновенной речи на секретную, как они полагали только им известную — хатиагский язык. Правда, просчитавшись в том, что присутствующий рядом юноша по воле судьбы также владел этим секретным языком и выдал преступников, помешав им уйти безнаказанными.

Данный контекст употребления хатиагского языка вполне согласуется с историческими реалиями, т. к. народная традиция приписывает владение хатиагским языком также представителям криминального мира, в частности, абрекам. Так, по сообщению Федыра Мамсираты из с. Даргавс, «хатиагский язык был языком осетинского абречества и до недавнего времени был в живом употреблении. На его памяти житель селения Даргавс Галау Быдтаты говорил по-хатиагски. Галау был абреком, а все абреки старались выучить этот язык» [Дзиццойты 1992: 231]⁹.

Зафиксированы аналогичные иносказательные команды и в описании ведения реальных военных действий из истории Осетии. В 1830 г., во время карательной экспедиции генерала П. Я. Ренненкампа против составших южных осетин, в самом конце кампании, дюжина отчаянных смельчаков под предводительством народного героя Бега Кочиева заняла оборону в его фамильном неприступном башенном комплексе в с. Кола и

⁸ В этом отношении особый интерес вызывает аналогия хатиагского языка с арготическим тайным языком русских странствующих торговцев офеней или коробейников, от офенского языка произошло название современного русского криминального жаргона «феня».

⁹ Если в осетинской традиции хатиагский язык, после исчезновения института походов-*балцев*, нашел свое последнее пристанище в криминальной среде абреков, то аналогичным образом у адыгов «походный язык» продолжил свое существование в молодежной среде учащихся в медресе, «которые стали новой социальной базой функционирования тайного языка шакобза, обеспечившей его бытование еще в течение целого столетия» [Карпов 1996: 272].

отстреливалась от пытающихся взять крепость штурмом отрядов регулярных войск. В какой-то момент, после безуспешных обстрелов башни из мортир, попыток ее подорвать либо взять штурмом на протяжении практически суток, силами тысяча пятисот профессиональных солдат царской армии, командованием было решено ночью поджечь деревянную надстройку на вершине башни, рассчитывая на распространение огня на нижние этажи строения, чтобы выкурить или заживо сжечь в его стенах сопротивляющийся отряд, позже увековеченный в героической песне *Lokkaty tæcyg*. Когда деревянную надстройку на вершине основной башни объяли языки пламени, кто-то из наблюдающих за этой сценой осетин крикнул в адрес ничего не подозревающего предводителя осажденных иносказательный лаконизм «Бега, сбрось твою шапку!» (*dæ xud rappar!*)¹⁰, что несомненно подразумевало необходимость сбросить вниз загоревшуюся верхнюю деревянную конструкцию, однако сказано в такой иносказательной манере, что известивший осажденных человек мог заявить, будто он призывал предводителя восстания обнажить голову в знак покорности и сдаться.

Из всего вышесказанного вытекает, что выявленный на сегодняшний день корпус хатиагских иносказаний позволяет с большей уверенностью утверждать, что наиболее обоснованным объяснением хатиагского языка, учитывая непосредственный материал эпоса, остается то, которое в свое время предложил Ю. А. Дзицойты и позже поддержал и развил А. А. Сланов [Дзицойты 1992: 229–233; Сланов 2014: 110–116].

Однозначно, не следует отчуждать название хатиагского языка от самого, довольно богато представленного в эпосе, материала, содержащего очевидные примеры изречений на хатиагском языке. Всевозможные этимологические упражнения, с помощью которых были неоднократно предприняты попытки объяснить значение и происхождение хатиагского языка, были априори обречены на провал, поскольку они не учитывали комплексно, за редким исключением, сами примеры применения этого языка, а также сам контекст, в котором они присутствуют в Нартиаде.

Также, следует признать, что суждения Ю. С. Гаглойти о хатиагском языке в общих чертах также оказались верными. Автор трактует его в качестве эксклюзивной прерогативы воинского рода Ахсартаггата, одного из особых маркеров отличающих этот род от их соплеменников. *«Ахсартаггата, являвшиеся ведущей фамилией нартов, представляли собой своего рода военную аристократию нартского общества, прослойку профессиональных воинов, из среды которых выдвигались племенные вожди и военачальники. Весьма*

¹⁰ Высказываю благодарность К. К. Кочиеву за пояснение некоторых интересных моментов связанных с этим преданием.

показательно, что нартами, т. е. «воинами», внутри нартского общества называют, как правило, именно род Ахсартаггата: «По-хатиагски знали только нарты (нарт), потомство Урузмага»» [Гаглойти 2010: 404]¹¹.

ЛИТЕРАТУРА

Амбалты Ц. Удварны хазната / Чиныг саразта Соттиты Р. — Дзауджыхъау: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2009.

Абаев В.И., Шаман сильнее воина // Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974.

Васильков Я. В. «Мужи-тигры», «человекольвы» и «люди-вепри» в индийском эпосе, культуре и истории // Бестиарий П. Зооморфизмы Азии: движение во времени. Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), отв. ред. М.А. Родионов. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012.

Гаглойти Ю. С. Избранные труды. — Цхинвал. 2010.

Гутиев К.Ц. Нарты кадджыта, Сказания о Нартах в пяти томах, Том 1, Владикавказ: Ир, 1989.

Гуыгъиаты Хъ. Нарты кадджыта фондз томай. Т. 2 // Журнал С.П. РСО-А, Мах Дуг. 1996, № 4. Дзауджыхъау.

Гуыгъиаты Хъ. Нарты кадджыта фондз томай. Т. 2 // Журнал С.П. РСО-А, Мах Дуг. 1996, № 7. Дзауджыхъау.

Гуыгъиаты Хъ. Нарты кадджыта фондз томай. Т. 3 // Журнал С.П. РСО-А, Мах Дуг. 2005, № 8. Дзауджыхъау.

Гуыгъиаты Хъ. Нарты кадджыта фондз томай. Т. 4 // Журнал С.П. РСО-А, Мах Дуг. 2006, № 3. Дзауджыхъау.

Гуыгъиаты Хъ. Нарты кадджыта фондз томай. Т. 4 // Журнал С.П. РСО-А, Мах Дуг. 2006, № 8. Дзауджыхъау.

Дигорон адамон сфалдистада: кадангита, таурахъта, аргъаутта, амбесандта, агъдаутта ама андарта / Киунуга исаразтонца А. Къибирти, Э. Скъодтати — Дзауагигъау: Гасситы Викторинобал рауагъдадон-полиграфион кустуат, 2010.

Джусойты Н. Сырдоны цассыгта: Роман 2 чиныгай. — Дзауджыхъау: Ир, 2004.

Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992.

Ирон адамон сфалдытад. Т. I / Чиныг саразта Салагаты З. Орджоникидзе, 1961.

¹¹ Ю. А. Дзиццойты собрал целый свод примеров подтверждающих данное заявление [ИАС 1961: 75, 155, 234, 240, 241, 243, 247, 346, 433, 434, 436; ХИФ 1936: 94, 140, 141; ХИФ 1940: 28, 30, 54].

Осетинские новеллистические сказки. Книга 1. Составитель Т.А. Хамицаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.

Ирландские саги. Смирнов А. А. (пер., коммент.) — Л.; М.: Academia, 1933.

Карпов Ю. Ю. Джигит и волк (Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа) / Отв. ред. Н. М. Гиренко. СПб.: МАЭ РАН, 1996.

Дзасохты Иунаг // Журнал С.П. РСО-А, Мах Дуг. 1998, №1. Дзауджыхъау.

Мысыккаты Б. Осетинский фразеологизм *sag faratma arcyd* как ключ к этимологии скифского топора *σαῦρίς* // Журнал Национальный колорит. №1 2017.

Mysykkaty 2019 - Mysykkaty B. Wajyg // Nartamonga: Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. — 2019. — Vol. XIV, №1-2. Париж-Владикавказ.

Мысыккаты Б. Индоевропейская поэтическая формула ‘немеркнущая слава’ в осетинской Нартиаде // Nartamonga. — 2020. — Vol. XV. № 1–2.

Мысыккаты Б. Хатиагский язык и скифские стратагемы // ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты: Коллективная монография (Москва, 2021 г.; Цхинвал, 2021 г.). Коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Скаков, И. В. Скакова. — М.: ИВ РАН, 2021.

Мысыккаты Б. Нартиада и язык млечча «Махабхараты» // ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты: Коллективная монография (Москва, 2021 г.; Цхинвал, 2021 г.). Коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Скаков, И. В. Скакова. — М.: ИВ РАН, 2021.

Мысыккаты Б. Хатиагский язык и этимология имени нарта Уырызмага // ALLON. On the occasion of the 60th anniversary of the Honored Scientist of the Republic of South Ossetia, Professor Yu. A. Dzitstsoyty: Collective monograph, 2021.

Мысыккаты Б. Нартиада и скифский звериный стиль // Nartamonga: Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. — 2021. — Vol. XVI, №1-2. Париж—Владикавказ.

Мысыккаты Б. По следам «аланского барса» // Историко-филологический архив №10. Владикавказ. 2021.

Мысыккаты Б. Чаша славы осетинской Нартиады: скифские и другие индоевропейские параллели // Nartamonga: Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. — 2022. — Vol. XVIII, №1-2. Париж-Владикавказ.

Мысыккаты Б. Отражение «девичьего языка» в осетинской Нартиаде // Nartamonga: Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. — 2023. — Vol. XVIII, №1-2. Париж—Владикавказ.

Невелева С. Л. Махабхарата: изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.

Нарты кадджыта: Ирон адамы эпос — Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 1 Дзауджыхъау, СОИГСИ, 2003.

Нарты кадджыта: Ирон адамы эпос — Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 2 Дзауджыхъау, СОИГСИ, 2004.

Нарты кадджыта: Ирон адамы эпос — Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 3 Дзауджыхъау, СОИГСИ, 2005.

Нарты кадджыта: Ирон адамы эпос — Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 4 Дзауджыхъау, СОИГСИ, 2007.

Нарты кадджыта: Ирон адамы эпос — Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 5 Дзауджыхъау, СОИГСИ, 2010.

Нарты. Осетинский героический эпос в 3-х книгах. Том 2. — М.: Наука, 1989.

Потоцкий Я. Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв. Сталинград. Краевое книгоиздательство. 1936.

Сланов А. А., Тайный язык воинов: осетинский походный язык // Этнографическое обозрение № 3, 2014.

Хуссар Ирыстоны фолклор / Тыбылты Ал-ы разныхас ама бафтаинагтима. Дыккаг рауагъд, уалдай бафтыдтима. — Сталинир: Хуссар Ирыстоны Падцахадон рауагъдад. 1936.

Хуссар Ирыстоны фолклор / Тыбылты Ал-ы разныхас ама бафтаинагтима. Дыккаг рауагъд, уалдай бафтыдтима. — Сталинир: Хуссар Ирыстоны Падцахадон рауагъдад. 1940.

Энциклопедия Осетинской Нартиады: в 3-х томах: Т. 3. П–Я / Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — Филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (СОИГСИ ВНИЦ РАН); главный редактор Л. А. Чибиров. — Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН СО, 2023.

REFERENCES

Ambalty Ts. Udvarny Khaznata / Chinyg sarazta Sottity R. — Dzaudzhychkau: Gassity Viktory nomyl rauagdadon-poligrafion kuystuat, 2009.

Abaev V.I., Shaman sil'nee voina // Izbrannye trudy: Religii, fol'klor, literatura. Vladikavkaz: Ir, 1990.

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiiakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Sostavlenie, redaksiia perevodov, vvedenie i vstupitel'nye stat'i k tekstam V. K. Gardanova. Nal'chik: El'brus, 1974.

Vasil'kov IA. V. «Muzhi-tigry», «Chelovekol'vy» i «liudi-vepri» v indiiskom epose, kul'ture i istorii // Bestiarii II. Zoomorfizmy Azii: dvizhenie vo vremeni. Ros. akad. nauk, Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera), otv. red. M.A. Rodionov. Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2012.

Gagloiti IU. S. Izbrannye trudy. — Tskhinval. 2010.

Gutiev K.Ts. Narty kaddzhyta, Skazaniia o Nartakh v piati tomakh, Tom 1, Vladikavkaz: Ir, 1989.

Guytiaty Kh. Narty kaddzhyta fondz tomai. T. 2 // Zhurnal S.P. RNO-A, Makh Dug. 1996, no 4. Dzaudzhykhau.

Guytiaty Kh. Narty kaddzhyta fondz tomai. T. 2 // Zhurnal S.P. RNO-A, Makh Dug. 1996, no 7. Dzaudzhykhau.

Guytiaty Kh. Narty kaddzhyta fondz tomai. T. 3 // Zhurnal S.P. RNO-A, Makh Dug. 2005, no 8. Dzaudzhykhau.

Guytiaty Kh. Narty kaddzhyta fondz tomai. T. 4 // Zhurnal S.P. RNO-A, Makh Dug. 2006, no 3. Dzaudzhykhau.

Guytiaty Kh. Narty kaddzhyta fondz tomai. T. 4 // Zhurnal S.P. RNO-A, Makh Dug. 2006, no 8. Dzaudzhykhau.

Digoron adamon sfaldistada: kadangita, tauraKhta, arg'autta, ambesandta, ag'dautta ama andarta / Kiunuga isaraztontsa A. Kibirti, E. Skodtati — Dzauagig'au: Gassiti Viktorinombal rauag'dadon-poligrafion kustuat, 2010.

Dzhusoity N. Syrdony tsassygta: Roman 2 Chinygai - Dzaudzhykhau: Ir, 2004.

Dzitstsoity IU. A. Narty i ikh sosedi: Geograficheskie i etniCheskie nazvaniia v nartovskom epose. Vladikavkaz: Alaniia, 1992.

Iron adamon sfaldystad. T. I / Chinyg sarazta Salagaty 3. Ordzhonikidze, 1961.

Osetinskie novellisticheskie skazki. Kniga 1. Sostavitel' T.A. Khamitsaeva. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2010.

Irlandskie sagi. Smirnov A. A. (per., komment.) — L.; Moskva: Academia, 1933.

Karpov IU. IU. Dzhigit i volk (Muzhskie soiuzы v sotsiokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza) / Otв. red. N. M. Girenko. Sankt-Peterburg : MAE RAN, 1996.

Dzasokhty Iunag // Zhurnal S.P. RNO-A, Makh Dug. 1998, no1. Dzaudzhykhau.

Mysykkaty B. Osetinskii frazeologizm sag faratma arcyd kak kliuCh k etimologii skifskogo topora σαρᾶρις // Zhurnal Natsional'nyi kolorit. no1 2017.

Mysykkaty 2019 - Mysykkaty B. Wajyg // Nartamonga: Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovani: Epos, Mifologiia, Iazyk, Istoriia. — 2019. — Vol. XIV, no1-2. Parizh-Vladikavkaz.

Mysykkaty B. Indoevropaiskaia poeticheskaia formula 'nemerknushchaia slava' v osetinskoi Nartiade // Nartamonga. — 2020. — Vol. XV. no 1–2.

Mysykkaty B. Khatiagskii iazyk i skifskie stratagemy // ALLON. K 60-letiiu zasluzhennogo deiatelia nauki RIUO professora IU. A. Dzitstsoity: Kollektivnaia monografiia (Moskva, 2021 g.; Tskhinval, 2021 g.). Kollektivnaia monografiia / otв. red. A. IU. Skakov, I. V. Skakova. — Moskva: IV RAN, 2021.

Mysykkaty B. Nartiada i iazyk mlechchcha «Makhabkharaty» // ALLON. K 60-letiiu zasluzhennogo deiatelia nauki RIUO professora IU. A. Dzitstsoity: Kollektivnaia monografiia (Moskva, 2021 g.; Tskhinval, 2021 g.). Kollektivnaia monografiia / otв. red. A. IU. Skakov, I. V. Skakova. — Moskva: IV RAN, 2021.

Mysykkaty B. Khatiagskii iazyk i etimologiia imeni narta Uryzmaga // ALLON. On the occasion of the 60th anniversary of the Honored Scientist of the Republic of South Ossetia, Professor Yu. A. Dzitstsoity: Collective monograph, 2021.

Mysykkaty B. Nartiada i skifskii zverinyi stil' // Nartamonga: Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovani: Epos, Mifologiya, Iazyk, Istoriia. — 2021. — Vol. XVI, no1-2. Parizh—Vladikavkaz.

Mysykkaty B. Po sledam «alanskogo barsa» // Istoriko-filologicheskii arkhiv no 10. Vladikavkaz. 2021.

Mysykkaty B. Chasha slavy osetinskoi Nartiady: skifskie i drugie indoevropskie paralleli // Nartamonga: Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovani: Epos, Mifologiya, Iazyk, Istoriia. — 2022. — Vol. XVIII, no1-2. Parizh-Vladikavkaz.

Mysykkaty B. Otrazhenie «devich'ego iazyka» v osetinskoi Nartiade // Nartamonga: Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovani: Epos, Mifologiya, Iazyk, Istoriia. — 2023. — Vol. XVIII, no1-2. Parizh—Vladikavkaz.

Neveleva S. L. Makhakhkhara: izuchenie drevneindiiskogo eposa. M., 1991

Narty kaddzhyta: Iron adamy epos — Nartovskie skazaniia: Epos osetinskogo naroda. Kn. 1 Dzaudzykhau, SOIGSI, 2003.

Narty kaddzhyta: Iron adamy epos — Nartovskie skazaniia: Epos osetinskogo naroda. Kn. 2 Dzaudzykhau, SOIGSI, 2004.

Narty kaddzhyta: Iron adamy epos — Nartovskie skazaniia: Epos osetinskogo naroda. Kn. 3 Dzaudzykhau, SOIGSI, 2005.

Narty kaddzhyta: Iron adamy epos — Nartovskie skazaniia: Epos osetinskogo naroda. Kn. 4 Dzaudzykhau, SOIGSI, 2007.

Narty kaddzhyta: Iron adamy epos — Nartovskie skazaniia: Epos osetinskogo naroda. Kn. 5 Dzaudzykhau, SOIGSI, 2010.

Narty. Osetinskii geroicheskii epos v Z-Kh knigakh. Tom 2. — Moskva: Nauka, 1989.

Pototskii IA. Puteshestvie grafa Ivana Pototskogo v Astrakhan' i okrestnye strany v 1797 godu // Istoricheskie puteshestviia. Izvlecheniia iz memuarov i zapisok inostrannykh i russkikh puteshestvennikov po Volge v XV-XVIII vv. Stalingrad. Kraevoe knigoizdatel'stvo. 1936.

Slanov A.A., Tainyi iazyk voenov: osetinskii pokhodnyi iazyk // Etnograficheskoe obozrenie no 3, 2014.

Khussar Irystony folklor / Tybylty Al-y raznykhas ama baftainagtima. Dykkag rauagd, ualdai baftydtima. — Stalinir: Khussar Irystony Padtsakhadon rauagdad. 1936.

Khussar Irystony folklor / Tybylty Al-y raznykhas ama baftainagtima. Dykkag rauagd, ualdai baftydtima. — Stalinir: Khussar Irystony Padtsakhadon rauagdad. 1940.

Entsiklopediia Osetinskoi Nartiady: v 3-kh tomakh: T. 3. P-IA / Severo-Osetinskii institut humanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniim. V. I. Abaeva — Filial FGBUN Federal'nogo nauchnogo tsentra «Vladikavkazskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk» (SOIGSI VNTS RAN); glavnyi redaktor L. A. Chibirov. — Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN SO, 2023.

Habib Borjian

Department of African, Middle Eastern and
South Asian Languages and Literatures,
Rutgers: The State University of New
Jersey (New Brunswick, USA)
Email: hb146@columbia.edu
<https://orcid.org/0000-0002-3439-586X>

**DISTINCTIVE FEATURES OF THE TAJIK
DIALECT OF KULĀB**

Abstract. Spoken in Kulāb and neighboring districts of Tajikistan, on the right bank of the Oxus River, Kulabi is a distinct dialect of Tajik, classified as Southern Tajik. This paper explores selected aspects of Kulabi phonology, morphology, syntax, and lexis, emphasizing features that set the dialect apart from standard Tajik. Notably, Kulabi exhibits unique traits within three major sound isoglosses — raised prenasal $\bar{a}$, fronted $\bar{u}$, and pharyngeal consonants — positioning it as distinctive on the eastern corner of the Iranian linguistic landscape¹.

Keywords: Iranian philology; Tajik language; Kulabi; historical phonology; pharyngeal consonants; morphosyntax; lexis; endangered dialects

For citation: Habib Borjian. Distinctive features of the Tajik Dialect of Kulāb // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. P. 193–212.

Received on 15 November 2024

Accepted on 23 November 2024

¹ An earlier version of this paper was published in *Encyclopædia Iranica Online* in 2014. This revised edition has been significantly expanded with new data and now includes glossed sentences.

Хабиб Борджиан

Dr., приглашенный научный сотрудник,
кафедра языков и литературы Африки,
Ближнего Востока и Южной Азии,
Рутгерс: Государственный университет
Нью-Джерси (Нью-Брансуик, США)
Email: hb146@columbia.edu
<https://orcid.org/0000-0002-3439-586X>

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ТАДЖИКСКОГО ДИАЛЕКТА КУЛЯБ

Аннотация. Распространенный в Кулябе и соседних районах Таджикистана, на правом берегу реки Оксус, куляби является отдельным диалектом таджикского языка, классифицируемым как южнотаджикский. В этой статье рассматриваются отдельные аспекты фонологии, морфологии, синтаксиса и лексики куляби, подчеркивая особенности, которые отличают диалект от стандартного таджикского. В частности, куляби демонстрирует уникальные черты в трех основных звуковых изоглоссах — приподнятый преназальный *ā*, передний *ū* и фарингальные согласные — что позиционирует его как отличный в восточном углу иранского лингвистического ландшафта.

Ключевые слова: иранская филология; таджикский язык; кулаби; историческая фонология; фарингальные согласные; морфосинтаксис; лексика; исчезающие диалекты

Для цитирования: Борджиан Хабиб. Отличительные черты таджикского диалекта Куляб// NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 193–212.

Рукопись поступила в редакцию 15.11.2024

Рукопись принята к печати 23.11.2024

Introduction

The district of Kulāb (Kulob)² in Tajikistan includes highlands in the north and fertile plains in the south, irrigated by the Sorxāb River, which flows southward to join the Panj River, the upper course of the Oxus or Amu Darya. Formerly a distinct province, Kulāb was merged with Kurgan Tepe in 1991 to form the new province of Xatlon, leading to numerous geographic name changes.³ This study uses the traditional toponymy of Soviet-era Tajikistan.

² For Kulāb, see Borjian 2005a.

³ For Xatlon, See Borjian 2018.

Kulāb forms the greater part of the medieval province of Xottal or Xatlān. The earliest known inhabitants of the region were Iranian, and the pre-Islamic rulers held titles such as Xottalān šāh or Xottalān xudāh.⁴ The original local language, likely of East Iranian stock, eventually receded eastward into the neighboring Pamirs. Persian must have emerged the dominant language in the ninth and tenth centuries, during the Samanid rule from Bukhara. Archaic elements in Kulabi, similar to those in other Tajik varieties, date back to this early period. Subsequent linguistic developments, including the vowel shifts illustrated in Table 1, occurred over the following centuries, largely due to Kulāb's relative isolation in the mountains. The shift from *āN* to *un*, which is characteristic of Kulabi among eastern Persian varieties, likely developed independently from a similar change in western Persian.

At some point in history, there may have been linguistic contact with Arabic in Kulabi, as suggested by the presence of pharyngeal sounds. This contact could have occurred during the Arab rule under the early Abbasids or, less likely, due to an unrecorded influx of populations. However, the possibility of independent development of pharyngeals in the language, although even less likely, should not be ruled out.

Kulāb has a long history of interaction with Turkic peoples. Medieval sources report the presence of Turkic tribes in the region, and in modern times, nomadic Uzbek tribes, especially the Uzbek Laqay, have established themselves in the province, with their descendants still residing in southern Kulāb. The region features Turkic toponyms, such as the Tēraklitāg and Qarātāg mountain ranges (< Turk. *dağ* 'mountain'), while the hydronym doublets Qizilsu ~ Sorxāb and Yāxsu ~ Āqsu (< Turk. *su* 'water') attest to a degree of cultural hybridity. A notable result of this Turko-Iranic fusion is Gurughli, characterized by the adoption of Kōroğlu tales during interethnic interactions with Turkic populations.⁵ Furthermore, the Kulabi dialect has absorbed numerous Turkic elements, impacting both its vocabulary and morphosyntax (as illustrated in sentences 4 and 5 below). Nevertheless, Kulabi remains less Turkified than Bukharan Tajik, which appears to be metamorphosing into Uzbek.

The formation of Tajikistan in 1924 seemingly slowed the process of Turkification but triggered a new linguistic dynamic. With the introduction of modern, universal education⁶ and mass media, standard Tajik⁷ began to dilute local Tajik dialects, and Kulabi has not been exempt from this dialect leveling. In the age of social media, Kulabi is now classified as an endangered dialect.

⁴ For Xottal, see Bosworth 2009.

⁵ For a discussion on the origins of Tajik Gurughli, see Borjian, forthcoming

⁶ On the development of education in Tajikistan, see Borjian 1998.

⁷ On the formation and development of standard Tajik, see Borjian 2006a.

Some features of Kulabi documented by Roza L. Nemenova in the early 1950s are now unfamiliar to my informants in the 21st century.

* * *

This paper explores the distinctive features that set Kulabi apart from standard Tajik (hereafter Taj.), as outlined by John Perry (2005). Detailed documentation of the Baljovān and Xāvaling/Xavālēng dialects, situated in the remote high valley of Āb-e Mazār northwest of the Kulāb district, has been published by Nemenova (1954, 1956). Additional linguistic insights are drawn from Atobulloev (1979–1984). Unless otherwise specified, data are drawn from these publications. My fieldwork conducted in Tajikistan in 2007 and in New York in 2012 primarily aimed to verify data gathered by Nemenova.

Moreover, there is a wealth of orally transmitted literature from northern Kulāb, performed by professional storytellers, most notably the Gurughli tales,⁸ several volumes of which have been published.⁹ While these texts are significant for the study of lexicon and morphosyntax, their utility in phonology is limited, as the published editions often simplify the dialect's phonetic nuances.

Linguistic Position

Kulabi is a distinct variety of Tajik spoken in Kulāb and its neighboring districts. It is typically classified alongside the dialects of Qarātegin, situated along the middle course of the Vaxš River, and the Heṣār valley near Dushanbe, under the category of Southern Tajik.¹⁰ Southern Tajik dialects are noted for their lesser degree of influence from Uzbek, evident in both phonological and morphological aspects, compared to Northern Tajik dialects. Kulabi itself can be further categorized into the following subgroups:¹¹

(1) Northern Kulabi, spoken in the upper and middle Yāxsu and Sorxāb/Qezelsu, downstream to the confluence of the two rivers;

(2) Western Kulabi, dominant on the left bank of the Vaxš river, from Baljovān in the north to Sangtōda in the south (in Danğara District);

⁸ On Tajik Gurughli (Gūrūḡlī), see Borjian, forthcoming.

⁹ Several Gurughli repertoires from various performers have been published; for comprehensive list, see Borjian, forthcoming. For transcribed excerpts with English translation, see Borjian 2023; idem, forthcoming.

¹⁰ Rastorgueva, 1960; Abdulloev 1979–84.

¹¹ Atobulloev 1979–84, IV: 220; Nemenova 1956: 66–77; cf. Rastorgueva 1964.

(3) Southern Kulabi, indigenous to the southern plains of the Kulāb district;

(4) Kulabi spoken by the immigrant communities formed due to resettlement policies of mid-twentieth century, along the rivers Vaxš, Kāfernehān, and Varzāb.

Vowels

The vocalic system of Kulabi (Kul.) consists of three stable vowels /e o u/, which do not vary in quality even when unstressed, and three unstable vowels /a i ɪ/, which may vary in quality when unstressed. The vowel /ɪ/ (not attested in all Kulabi varieties) may be described as close unrounded central [ɪ] (defined as back [ʊ] in Russian sources); it reduces in duration or disappears when unstressed. Minimal pairs include:

bur ‘chalk; white’ ≠ *bir-* ‘cut’ ≠ *bor* ‘load’;
ser ‘satiated’ ≠ *sir* ‘secret’ ≠ *sir* ‘track; roof purlin’.

Diachronically, Kulabi has rounded the original Persian ā to /o/ and retains the front majhul ē, as /e/. However, unlike standard Tajik, Kulabi has merged the back majhul ō and ū into /u/; for example, Kul. *ruz*, Taj. *rūz* ‘day’ < rōz; Kul., Taj. *dur* ‘far’ < dūr. See Table 1.

In Northern and Western Kulabi, prenasal ā has shifted to /u/ (e.g., *nun* ‘bread’, *xuna* ‘house’, *dumod* ‘son-in-law’), a development that is unusual for eastern Persian varieties in Central Asia and Afghanistan,¹² yet common on the western Iranian Plateau. This shift is found not only in colloquial Persian but also in Mazandarani, Lori, Lārestāni, the Fārs language group, the Central Plateau language group, and partially in Komisenian. Notably, Ossetic exhibits a similar shift from āN to /on/, as seen in дон ‘water’ (< dānu-) ‘watercourse’.

The phoneme /ɪ/ originates principally from the Classical Persian u, as in *di* ‘two’, *gul* ‘flower’, *biz* ‘goat’, *dixtar* ‘daughter’, *kirta* ‘shirt’, *sirx* ‘red’, *xisir* (< xusur) ‘husband’s father’, *umr* (< umr) ‘lifetime’, *mékina* ‘he does’ (< mēkunad), and probably *livik* ‘little finger’. There are other sources for this sound: *gird* (< gird) ‘round’, *fireb* (< firēb) ‘deceit’, *nišeb* (< nišēb) ‘declivity, downslope’, *dist* (< dast) ‘hand’, *bīhor* (< bahār) ‘spring’, *kiniz* (< kanīz) ‘maid’, *xidim* (< x^wad-am) ‘myself’, *širin* (< šīrīn) ‘sweet’, *omixta* (< āmōxta) ‘accustomed’.¹³

¹² Hazaragi Persian in central Afghanistan has this feature as well.

¹³ Cf. Sokolova et al. 1952: 157–158, 165–167; Efimov et al. 1982: 51–52; Nemenova 1956; Scarfagna 2021: 53.

Table 1 hypothesizes vowel diachrony in comparison to standard Tajik and Classical Persian. A progressive chain of vowel shift in Kulabi can be idealized as follows.

$$\bar{a} > o \rightarrow \bar{o} > u \rightarrow u > \iota$$

Table 1. Vowel Diachrony

Classical Persian	Tajik	Kulabi
ī	i	<i>i</i>
ī̄		
ē	e	<i>e</i>
a	a	<i>a</i>
ā	o	<i>o</i>
ō	ũ	<i>u</i>
ū	u	
u		<i>l</i>

Consonants

Characteristic consonants are the pharyngeal stop /ʕ/ ([ʕ]) and fricative /ħ/ ([ħ]), occurring mostly in words of Arabic origin, including ‘*ayb* ‘flaw’, ‘*alaf* ‘fodder’, ‘*ši* ‘la’ ‘flame’, ‘*da* ‘vo’ ‘claim’, ‘*mi* ‘*alim* ‘teacher’; ‘*hozir* ‘now’, ‘*ħauli* ‘house’, ‘*ħikmat* ‘wisdom’, ‘*soħib* ‘owner’, and proper names, such as ‘*Raħim*. These pharyngeals also occur, un-etymologically, in a few native words: ‘*asp* ‘horse’, ‘*imed* ‘hope’; ‘*ħamsoya* ‘neighbor’, ‘*ħınar* ‘art’. Interestingly, the pharyngealized form for ‘horse’, as ‘*asb*, occurs far and wide within the Iranian linguistic domain: in the Lori of Dezful-Šuštār, Khonsāri, and Caucasian Tat.¹⁴

It is worthy of note that Kulabi stands isolated on the east side of Iranic linguistic map as having pharyngeals.¹⁵ This feature overlaps with two other aforementioned isoglosses: $\bar{u} > \iota$ (also an isolated feature on the map) and $\bar{a}N > uN$ (shared only by Hazaragi). On the entire Iranic map, as Davide Scarfagna¹⁶ demonstrated, the three isoglosses co-occur, alongside Kulab, in Dezful-Šuštār, Qeshm island and Kumzar, Khonsār, and Tat speaking area (even if the frequency of $\bar{u} > i$ is much lower in the last two locations). These localities are all on the southwestern Plateau or in the Caucasus, far away from Kulāb. How would one account for this oddity?

¹⁴ Borjian, 2021a.

¹⁵ On the distribution of pharyngeals in Iranian, see Scarfagna 2021.

¹⁶ Scarfagna 2021.

In transmitting Arabic uvular stop *q* and fricative *ġ*, Kulabi is not compatible with the etymologically designed Tajik orthography; compare Kul. *foriq* to Taj. *foriġ* ‘free, released’ (< Ar.-Pers. *fāriġ*).¹⁷ The voiced bilabial approximant *w* [β, ~ ʋ] is allophonic to /v/ within and across Kulabi varieties.

Kulabi tends to elide consonants. Initial /h/ shows considerable instability: (*h*)*amra* ‘companion’, (*h*)*ezum* ‘firewood’, *amóli* (< *hamin ħālā*) ‘right now’, *toli* (< *tā ħālā*) ‘by now’; syllable-final /h/ is subject to elision, as in *memun* ‘guest’ and *ni* ‘nine’, but resurfaces when the word is suffixed, as in *nihum* ‘ninth’. In Southern Kulabi /h/ is lost entirely, and the initial /y/ is dropped usually, as in *čira* (< *čihra*) ‘face’, *od* (< *yād*) ‘memory’, *oft* (< *yāft*) ‘he found’. Lenition of the original Persian *b* occurs in intervocalic and final positions: *tawar* ‘axe’, *ziwun* ‘tongue’, *sew* ‘apple’.

Contraction due to the loss of /d/ and final /n/ and /r/, among others, is characteristic in Kulabi; examples are *akı* (< *aknun*) ‘now’, *ıqa* (< *in-qad(a)r*) ‘this/so much’, *ita(ri)* (< *in-ṭawr(i)*) ‘this way, such’), *bézi*, *bez-ay* (< *ba ġayr az*) ‘other than, except for’; elision is especially active in verb forms, e.g., *meta* (< *mēdihad*) ‘he gives’, *kan*, *kahan* (< *kardand*) ‘they did’, *kay*, *kaay*, *karday* (< *kardaast*) ‘he has done’, *ka(d)es(t)ay*, *kistay* (< Taj. *karda istoda ast*) ‘he is doing’. Omitting is allowed in spontaneous speech as far as it creates no ambiguity.

Adpositions and Enclitics

The suffix *-(r)a* (< *-rā*) is multifunctional: (a) marking the direct object (example 1); (b) supplementing the prepositions *ba(y)* ‘with’ and *ay* (another form of *az*) ‘from’ to mark the indirect object (examples 2, 3); and (c) used as attributive passive in lieu of the *ežāfa* marker, an Uzbek Turkic construction (examples 4, 5).

- (1) *gov-it-a* *firus̄*
 cow-PC.2SG-RA sell.PR
 ‘Sell your cow!’

- (2) *ami* *bing-a* *ba* *tiramo-ra* *soz* *me-kin-em*
 this.very roof-RA in fall-RA fix DUR-do.PR-1PL
 ‘We’ll repair this very roof in the autumn.’

¹⁷ A comparable trait in *q* versus *ġ* occurs in Kerman. See Borjian 2017.

- (3) *dar-a maḥkam kī, murd-em ay xīnīki-ra!*
 door-RA firm do.SG! die.PST-1PL from coldness-RA
 ‘Close the door tightly; we would die from cold!’
- (4) *duxtar-a dast-aš*¹⁸
 girl-RA hand-PC.3SG
 ‘the girl’s hand’
- (5) *Savzamo-ra šu-š bisyor mardak-i xub bida-y*
 PN-RA husband-PC.3SG very man.DIMIN-EZ good be.PP-
 be.PR.3SG
 ‘Sabzamāh’s husband is (known as) a very good fellow.’

The polysemous *da* (seldom *dar*) ‘in, at’ functions as both preposition and postposition. It may signify direction (example 6), place (example 7), orientation (example 8), or duration (example 9).

- (6) *usto Šarif čuv-a ovard dar zimin partoft-iš*
 artisan PN wood-RA bring.PST in earth throw.PST-PC.3SG
 ‘Cobbler Šarif brought the stick [and] threw it on the ground.’
- (7) *mi bi-y-o-m zan-im {xuna-i oča-š}-da*
 I SBJV-EPEN-come.PR-1SG wife-PC.1SG house-EZ mother-PC.3SG-in
 ‘I’ll come [with] my wife to her mother’s house.’
- (8) *amu-ra Mošarif-da bi-te-š*
 that.very-RA PN-to SBJV-give.PR-PC.3SG
 ‘Give the very one to Māhšarif.’
- (9) *pórina maylis-a se so‘at-da tamom kard-em*
 last.year gathering-RA 3 hour-in whole do.PST-1PL
 ‘Last year, we finished the meeting in three hours.’

The postposition *da* also forms circompositions with *ay/az* ‘from; than’ in comparative compounds (example 10). As an adverbial enclitic, *-da* implies emotion or emphasis (examples 11, 12). Note optional omission of the copulative verb in example 10.

- (10) *ma ay ti-da kalun*
 I from you.SG-DA big
 ‘I (am) am older than you.’

¹⁸ Lit. ‘of-girl her-hand’.

- (11) *bira-da* *bi-r-em!*
 come.SG!-DA SBJV-go.PR-1PL
 ‘Come on, let’s get going.’¹⁹
- (12) *inĵa* *mun-iš-da* *bišuy-aš* ²⁰
 here put.PR-PC.3SG-DA that.she.wash-PC.3SG
 ‘Just leave it here, she’d wash it.’

The instrumental/comitative preposition *ba*, *bo* can also be used as postposition, e.g., *Ispand bo* ‘with Espand’.

Other frequent postpositions are *qatī* ‘together with’ (equaling Taj. *kāti*)²¹ (example 13); *-wori* ‘like, resembling; as if’ (cf. Māzandarāni *-vāri* ‘id.’), analogous to standard Tajik *-barin*²² (examples 14, 15); and *āfti* ‘like’ (example 16). Also note the peculiar *sin* (cf. Lori *si*) (example 17).

- (13) *qati-m* *ĵang* *kardá-y*
 with-PC.1SG war do.PP-be.PR.3SG
 ‘He has fought alongside me.’
- (14) *u* *ma-wori* *sinfi* *čor-um* *me-xon-a*
 he I-like grade-EZ 4-ORDINAL DUR-read.PR-3SG
 ‘Like me, he is in the fourth grade.’
- (15) *imr-i* *odam* {*asp-i* *davand*}-*wori* *raftá* *istodá-s*
 lifespan-EZ human horse-EZ running-like go.PP stand.PP-be.PR.3SG
 ‘A man’s life passes by like a galloping horse.’
- (16) *aft-i* *ažduhor* *fayrod* *kad* ²³
 like-EZ dragon clamour do.PST
 ‘He shouted like a dragon.’
- (17) *sin-um* *guftak* ²⁴ *ki...* ²⁵
 for-PC.1SG he.said that
 ‘he told me that...’

¹⁹ ~ Colloquial Pers. *de-boro berim!*

²⁰ *bišuy* is a contraction of Taj. *bišūyad* ‘that she wash’.

²¹ Perry 2005: 91.

²² Perry 2005: 101.

²³ Rajab 1962: 42.

²⁴ The diminutive *-ak* is a filler in the song.

²⁵ Rajab 1962: 369.

The particles *ku* and *ala* imply enticement or allurement; for example, *ku ma biza!* ‘Come on, let’s play [it]!’; *hadaha kini ala!* ‘Come on, hurry up!’. As enclitic, *ku* is used to express righteous indignation or desperate hope: *hozir meoyad-ku!* ‘He had better come soon’.

The interrogative clitic *-mi*, having been borrowed from Uzbek into most Tajik dialects,²⁶ play little role in Kulabi proper, though the Kulabi immigrants in Heşār have adopted it as a common yes–no question marker: *xud-iş marġeloní-mi?* ‘Is he a Marġelāni?’.

Pronouns

There are two sets of personal pronouns: freestanding singular *mi/ma*, *tí/tu*, *u*, plural *mo*, *šimo*, *uho/uvo*; and enclitic singular *-m*, *-t*, *-š*, plural *-mun*, *-tun*, *-šun*, with the infix *-i/-u-* when attached to consonants.

Verb Morphology

The dialect employs the regular causative formant *-un/-on-*, suffixed to the present stem, as in (trans.) *xambun-* : *xambund-* versus (intrans.) *xamb-* : *xambid-* ‘dismount’. An allomorphic formant, frequently used, is *-urun/-orun-*, as in *kuč-urun-*, the present stem of *kučurundan* ‘to cause to migrate’ and *aft-orun-*, the present stem of *aftorundan* ‘to make fall’. This peculiar formant can be explained diachronically as a doubling²⁷ of the plain causative formant *-un/-on-* (< *-ān-*) and rhotacism of the nasal consonant of the first element; hence, *xand-or-un-d-an* (< **xand-ān-ān-īd-an*) ‘to make (someone) laugh’. If this analysis is correct, the stability of the historical *ā* in the *-or-* component suggests that this double causative formation may have occurred before prenasal *ā* was raised to *u*.

Personal suffixes are singular *-im/-am*, *-i*, *-a*, plural *-em*, *-en*, *-an*. The third person singular ending is zero in the preterit and *-s/-y* (< *ast* ‘is’), suffixed to the past participle, in the present perfect (examples 5, 13, 15). Examples: *méra* / *mérav-a* ‘he goes’, *raft-Ø* ‘he went’, *raftá-y/-s* ‘he has gone’.

The third person singular copula is usually the clitic *-ay* (< *ast*), as in *dusturxon partoftagi-ay* ‘The tablecloth is spread’. Its locative-existential version is *hay*, which is a word of high frequency.

²⁶ Cf. Perry 2005: 294.

²⁷ Cf. “double-causative” forms in Taleqani, e.g., *ba-suj-ānd-en* ‘burn [it]!’; Borjian 2021b, §I.4.7.

Aspectual and modal prefixes are the imperfective *mi-/me-* and subjunctive *bi-*, as in *mumbiren* ‘you_{PL} (will) die’, *bimbiren* ‘that you_{PL} die’. In some Kulabi varieties, the two prefixes may coexist to produce a modal shade: *na-me-bi-šin-i?* ‘Won’t you sit?’; *me-bi-gu-m-šin*, *mexandan* ‘Should I tell them, they will laugh’. The prefix *bi-* may signify an incipient action (example 7).

Periphrastic forms are analogous to standard Tajik even if contracted forms often conceal the underlying construction. The progressive aspect is constructed using conjugated perfect forms of ‘stand’ as auxiliary and the past participle of the main verb: *raftá istodá-y/-s* ‘he is going’, *raftá ista^há/istodá bid* ‘he was going’. The inferential mood, used to report a non-witnessed event without confirming it, is the norm in Northern and Western Kulabi; examples: (imperfective) *mé-rafta-y/-s* ‘he is (evidently) going, used to go, will be going’; (pluperfect) *raftá bestam*, *raftá bidástay* ‘I/he (evidently) had gone’.

The past participle formant *-gī*, used in the perfect and the conjectural mood in standard Tajik, has rather low frequency in Kulabi.

The future participle connotes intention, as in *girim šidim* (= Taj. *giriftanī šudam*) ‘I wanted to seize/get [it]’.

For over a millennium, Persian has shown a strong tendency toward replacing simple verbs with compound verbs. However, the Kulabi dialect appears to be reversing this trend, showcasing a rich inventory of simple verbs not found in standard Tajik or Persian, with some even serving as false friends. Notably, some Kulabi verbs seem to be innovations, such as the verb *čangidan*, derived from the noun *čang* ‘harp’, which has verbalized to mean ‘to play the harp,’ as in *mečangan-u čanqovuzo-ra* ‘they play on the harp’.²⁸ A sample of these unique verbs is included in the list below, highlighting the distinctive lexicon in Kulabi.

Some Verbs

bondan ‘to put; to leave’ (for Taj. *mondan*)

bonidan ‘to look after, fatten up’ (cf. suffix *-bān* ‘protector’)

čalundan ‘to mix’

čangidan ‘to scratch, to play the harp’

čapidan ‘to plaster; to smear’

čiptidan ‘to slide, slip, glide’

čokidan ‘to smoke’

čovidan ‘to touch’ (for Taj. *palmosidan*)

dirušidan ‘to scrape’

eqidan ‘to wither’

fīčidan, *fījidan* ‘to suck, drink’

fir(u)madan ‘to come down, get off, decrease’ (cf. Taj. *faromadan*)

²⁸ Rajab 1963: 148. *-u* is a prosodic filler.

fırkıdan ‘to peel off (e.g., a dried blister)’
firovardan ‘to bring down’
foristan ‘to like, delight, be agreeable’ (cf. Taj. *foridan*)
furidan ‘to throw’
ġılıqıdan ‘to sob’
ĵogıdan ‘to bark, cry’
ĵušıdan ‘to tremble’
kalofondan ‘to carry out’
kalowıdan ‘to totter, rock’
kalıxıdan ‘to cough lightly and continuously’
kiroĵıdan ‘to cluck (the noise that a hen makes)’
kovondan ‘to snare (someone) into disclosing a secret’²⁹
laqıdan ‘to lap up, take up with the tongue’
lawıdan ‘to plaster, coat’
limbıdan ‘to collapse, implode; to beat up’³⁰
lıqıdan ‘to skid’ (cf. Taj. *laqqıdan*)
lışpondan ‘to make slip or glide’
lutıdan ‘to struggle, flounder about’
pesondan ‘to look angrily (at someone)’
quĵıdan ‘to drink’
şakıdan ‘to rub, to smear’
şilambıdan ‘to collapse, implode’
şiko(yi)dan/şıkoy- ‘to open; to spread’
şınundan ‘to set, seat’
surondan ‘to throw, hurl’
tuqıdan ‘to hide’
turıdan ‘to startle, to shy’
vardan ‘to bring’
varmosıdan ‘to swell, bulge’
vinĵıdan (tr.) ‘to crumple’
vireĵıdan (intr.) ‘to crumple, buckle, wrinkle, whither’
vızırımbıdan ‘to blister, swell’
*xambıdan*³¹ ‘to come down,³² get off or down, dismount’
xelıdan ‘to pound; to rub’
zaxıdan ‘to cough’
zgaştan/zgar- ‘to pass’ (<guzar-)
zuqıdan ‘to blame’

²⁹ Pers. *zir-e zabān-e kas-i-rā kaşıdan*.

³⁰ Cf. Kabuli Pers. *lumbıdan*, otherwise Pers. *rombıdan*.

³¹ Cf. *xanbānıdan* ‘to mimic’, *xonbıdan* ‘to clap’ (Borhān-e qāte’)

³² Cf. *fır(u)madan*, above.

Syntax

In Kulabi, quote may precede or follow the verb of speech. In other words, to incorporate quotations into the narrator's speech, the verbs 'to say' or 'to ask' can either follow the quoted string or be placed after an introductory or explanatory phrase (see examples 18–22). This construction is also found in standard Tajik and has been described by John Perry as "Turkic-style".³³ However, it appears not only in Kulabi — which is less influenced by Turkic than the Northern Tajik dialects — but also in folktales collected from neighboring Iranian languages of the Pamirs and Hindu Kush, which remained relatively isolated for centuries (see examples 23–26). Additionally, in early Persian poetry, the verb of speech is occasionally interposed within the quotation (see examples 26 and 27).

- (18) *«dar-m-a huy bumoni,» guft, «agar, metim-ut xela tanga-vu zar»*³⁴
 'Should you open the door to me', he said, 'I'll give you a lot of cash and gold'.
- (19) *Bobo Qambar galavon ki did, «či meguy,» gufta, «dodar?» pursid*³⁵
 When Bobo Qambar the herder saw [it], 'What do you say, brother', he asked.
- (20) *«guš kun, — guft, — e hokim šar»*³⁶
 'Listen', he said, 'O the ruler of the city!'
- (21) *«e qirum, — mega, — amrai bar
 tu hasti čil gaz rora durpar! ...»*³⁷
 'O my horse', he says, 'my companion (?), you are capable of jumping over a span of forty yards'.
- (22) *ay kuza sado omadas: «ey kambağal,» guftas, «šimo iqa diqqat našaven, ...»*³⁸
 From the jar (supposedly) came a voice: 'O poor man', it would say, 'don't be so curious!'.
- (23) *Yidgha: Žiŋkiko xalās šui, nayeŋ xuṛet. «Šābaš,» žiŋkiki ištȳō, «šābaš,
 wo mən xalās kəṛet [...]]»*
 The woman got rid of them, and they ate the food. 'Well done',
 said the woman. 'Well done. You have freed me of them'.³⁹

³³ Perry 2005: 322.

³⁴ Rajab 1962: 42.

³⁵ Rajab 1962: 39.

³⁶ Rajab 1963: 148.

³⁷ Rajab 1963: 105.

³⁸ Nemenova 1956: 145.

³⁹ Morgenstierne 1938: 177, §§ 112–13.

- (24) Munji: «yo ilóyi!» — *šta*, — «*ma šti fārmi?*»
‘O God’, he said, ‘what could it be?’⁴⁰
- (25) Sarikoli: *Armýtík mas yot xы, a-rápc-i wád*: «*a, žed rapc,*» — *-i levd*, —
«*šič waz a-tá na zonam-o!*»
Armytik came and grabbed the fox: ‘O thief fox’, he said, ‘this time I won’t kill you’.⁴¹
- (26) Wakhi:⁴² *jandəvəš plos get, jandəvəš ki ji dʒaj rejda, xuʃigəvəš kert javərər ta da xunən tse baf garm nezd: je, ʃejd plos-ə-n dra get-əvə-ʃ, ʃat!*⁴³
They used the carpet as a blanket, and when visiting a place, they celebrated in the warmth of the house: ‘Hey, they put a new carpet’, they said.
- (27) Persian: *zamāna pand-ē āzādwār dād marā... // “ba rōz-i nēk-i kasān,” guft, “gām max^war-ē zinhār // basā kas-ē ke ba rōz-i tu ārzōmand ast*”⁴⁴
The path of life offered me a noble piece of advice: ‘Beware of envying the good lives of others,’ it said. ‘There may be those who envy yours.’
- (28) Persian: “*man-am,*” *guft, “bar taxt-i gardān sipihr // ham-am xašm u ʃang ast u ham dād u mihr...*”⁴⁵
‘I am’, he said, ‘on the throne of the rotating sphere. I am cross and belligerent, but I also embody justice and kindness’.

Lexis

A systematic study of vocabulary in Kulabi or other regional idioms of Tajik is lacking. The following glossary is sampled from the corpus of the prominent Kulabi storyteller Qurbonali Rajab.⁴⁶

The corpus reveals at least two principal directions: *aftov-zamin* ‘east’ and *aftov-paronpar* ‘west.’ Their significance lies in the fact that the four cardinal points of the compass are poorly attested in Iranian languages. The toponymy of remote places includes *Ispion*, *Roq*, and *Silon*.

⁴⁰ Gryunberg 1972: 103, § 8.

⁴¹ Pakhalina 1966: 91, § 2.

⁴² However, my colleague Daniel Kaufman could not find any example of postposed *ʃat* ‘said’ in the extensive Wakhi corpus he compiled at the Endangered Language Alliance in New York.

⁴³ Reinhold 2006, Text 2, no. 43.

⁴⁴ Rudaki, 10th century.

⁴⁵ Ferdowsi, *Shahnama*, ed. Khaleghi, Manuchehr, line 7.

⁴⁶ Source: Rajab I (1962), II (1963). See Rajab’s biography in Borjian: forthcoming.

The dialect is rich in onomatopoeic sounds, most of which have the suffix *-ast*, as seen in *buvvast*, *ġuldurras*, *qurast*, *tungast*, and *humba(y)*.

Contraction, as pointed out above, is commonplace in the corpus, evident in forms like *baxči*, *hamoli*, and *pa'at*. However, *čum* 'eye' seems to be dialectal. Metathesis is noted in words like *muxšul* and *hutyot*. Additionally, there are instances of mispronunciation of literary words, such as *benusuli*, *mullozora*, and *halil*.

Glossary⁴⁷

aftov-paronpar — sundown, west

aftov-zamin — east

alamon — plunderer, highway thief (<Ar. al-amān 'have mercy!')

arġušt — dance

ba — (adposition) *Hasan gašta-gašta mekova // yag ĵo-i xub ba čen-uš meyova*
'Hasan carefully searches and finds a place appropriate for him' (I: 77)

baĵo — hidden

batov — flawed; *čunki avzor batov mekuna // doimo u šaxov mekuna* 'the gun is defective because it is wrought brittle' (I: 89)

baxči — for what (contraction of *bahri či* or *baxš či*)

baxš — (preposition) for; *kašol mekunem baxš-uš kamad* 'we'll throw for him a lasso' (II: 176)

baxtaki — espionage

befara — tired

benusuli — irresponsibility (< Taj. bemas'uliyatī)

bululak — bloom

bum — land, realm; *yak ruz Qaflon-i duzd-i ru šum, // ziddi Čambul xestay az on bum* 'one day, Qaflon the omen-faced thief, set out for Chambul from that land' (II: 133-134)

buryodor — grey (horse)

buvvast — bark

čiba — for what

čira — face

čum — eye

čut — benefit; *dar in ĵangidan čut nadora* 'there is no merit in this fight' (I: 88)

čuxt — upright; *čuxt kadak du dus-š-a ru-bolo* '[the horse] held its two front legs upright' (II: 34)

da — (postposition) in *ay tu-da* (Pers. az to ham); ... *az Zangubor-um // ay yošim ba buzkaši yorum // ay tuda, bač-am, qir suvor-um* 'I am from Zanzibar; I

⁴⁷ All citations are made to Rajab 1962–63.

- want to participate in the *buzkaši* game; I am [better] than you, O son, in horse riding' (II: 229)
- dorgi* — apparent, face-to-face (Taj. *diorgī*; cf. Maz. *diâr* 'apparent'); *čun zanbur dorgi-i dušman-da tez // ba ruy čoh-i dušman buzan xez* (II: 24); *dar tamošo kull-i duxtaro // dorgi-y buzkašo doštan nigo* 'while watching, all the girls were looking straight at the horse racers' (II: 134)
- doxtan* — to throw; *čušm doxtak* 'he cast an eye'
- dubulğa* — helmet
- durman* — (measure of distance); *durmano kardan ura mehmon* 'from far away they invited him as a guest' (I: 40). *Durman* is also a settlement near Regar.
- esiz, esuz* — alas (<? *afsūs*)
- farast* — swift, agile
- fur dodan* — to throw (a compound form of *furidan*)
- furaymon* — plenty (for Pers. *farāvān*; cf. *farāmun* in Central Plateau languages)
- galaguzar* — swift (horse)
- ğalimat* — booty (Pers. *ğanimat*)
- giz* — clench; *e janvar, giz kunu yag bupar* 'O animal, clench [your teeth] and jump at once!' (II: 105)
- gul* — pretty girl (< 'flower') (in folkloric koine)
- ğulabda* — shattered
- gulak* — child
- ğuldurras* — wild sound
- gundušk* — sparrow
- halil* — silk (< *harīr*)
- hamoli* — now (<? *hamin ḥālā*)
- hamting* — equal in status or ability
- hang* — strength; *dar badan-i qir-ut nestay hang* 'there is no vigor in your steed's body' (II: 43)
- hučpo šudan* — to stand up
- humba(y)* — sound of pigeons
- huppa* — broken
- husus xurdan* — to desire
- hutyot* — carefulness (< *eḥtyāt*)
- huy mondan* — to open
- Ispion* — Isfahani (dagger) (I: 89)
- janra* — ragged cloths (Pers. *žanda*)
- jar šidan* — to flow, spill (<? *žāri*)
- javra* — shiver (from cold)
- jazira* — wasteland (Pers. *vērāna, xarāba*)
- jeba* — cuirass (for Pers. *jowšan*)

juḡel — ragged (for Pers. *žanda*)
kalta — short
kark — rhinoceros
kaštal — collar
kohom — which one (<? *koḏām*)
kumiston — desert (for Taj. *registon*)
kun — essence, depth, end (<? Ar.-Pers. *kunh*); *kun-i ḡor* ‘the end of the cave’;
kun-i kor ‘end results’; *kun-i čo* ‘bottom of the pit’
lat — beat up
laxča — charcoal
liko — stirrup (Taj. *rikob*)
mak — throat
mazang — black slave (< *zangī* ‘black’)
mul — much; *sabab čī, mepursen mul* ‘why are you asking much?’ (II: 46)
mullozora — argue (< *munāzira*)
munjik — fist
muxšul — busy (< *mašḡul*)
nosog — sick (< Uzb. *soq* ‘healthy’)
num-i xudo — swear to God
nuvisa, nuvasa — grandchild
osor — here (II: 36)
oyjon — sweetheart, beauty (Uzb. *oy* ‘moon’)
pa’at — (a curse, from *padar la’nat*)
par — side, near; *har yak šotir bud pari dar par* ‘each envoy was hugging a fairy’ (I: 80)
gaza — in *pargaza* ‘jump’; *pargaza mekuna u hayvon, // monand-i bod-e dar biobon* ‘that beast jumps like the wind in the desert’ (II: 152); *bodgaza* ‘windy desert’: *ay bodgaza xambidak, // purhunar ba su-i šar* ‘the champion came down from the windy desert to the city’ (II: 233). The base *gaz* can be from **waz-*, with the outcomes New Pers. *baz-*, *vaz-*, Mid. Pers. and Parthian *waz-* ‘to move; to blow’, Caspian ‘to jump’, Jowšaqāni *voz-* : *vašt-* ‘to run’.
parmuk — fresh; *lolaho-i parmuk mečarondan* (no adposition!) ‘they would graze (horses) [with] fresh tulips’ (I: 84)
payka — horserace (Taj. *poygah*)
pihil kardan — to let go (cf. Taj. *bihil* ‘allow!’)
poga — gate (< *pāyḡah*); *gurd-i poga-da yag xam šudak, // haf mašk ruḡan-a u qujidak* ‘the hero bended slightly around the gate // to drink (sic!) seven skin-bags of ghee’ (II: 135)
qinḡolbozi — covert visiting of engaged couples before wedding
qir — horse (< Uzb. *qora* ‘black’)

qirsuvor — rider
qurast — snort
quzil — horse (< Uzb. *qizil*, ‘red’)
reb — skew, deformed
ro-i kor — expediency (*rāh-i kār*)
Roq — Persian Iraq, Media; in *sobuni Roq* ‘Iraqi soap’ (I: 84)
rozimand — satisfied (< *rāži*)
rušum — inauspicious (< *šūm*)
salomči — seneschal
Silon — (hydronym; probably from *Sīr Daryā* or *Sayhūn* ‘Jaxartes’); *digar qir-i ma nametona* // *bud bupara daryo-i Silon-a* ‘My steed can no longer jump across the Silon River’ (I: 47)
simuz — weighty
sioh-tuy — funeral (lit. ‘black-ceremony’)
šotime — maybe
šotir — envoy
šulyon — food, festive
sun — direction (< *sōy*)
šunga — neigh
sur kardan — to track, chase
surob — appearance; *ay surobuš ~ az aftaš* ‘incidentally’
sur-sur nigo kardan — to look in wonder
taf — shoulder
tahsanji — scrutiny
tiro kardan — to flow, to gush
tor — above; *ba furu nigo kardak ay tor* ‘he looked down from above’ (I: 74)
tuğdor — crown holder (the title of Avaz)
tungast — voice, noise
uylā — imagination (<? *xayol*)
vang — many, countless
vaštanak — yawn (no parallel found in Iranian languages)
xavos — dismayed
xusur — wife’s or husband’s father
yiğ — back of the neck; shoulder
zantaloq — a swear involving divorcing of one’s wife if broken; *qasam xurd hama čil nafar-a.* // “*zantaloq*, — *guftan*, — *numi xudo*” ‘all forty individuals swore to *zantaloq* in the name of God’ (II: 196)
zayl — like; *zayl-i otaš-ay kokul-i zar* ‘yellowness of [his] hair resembles fire’
zīi — (preposition) with (for Pers. *nāzde*)
zod — child, offspring
zuğor — decayed

Abbreviations

Ø	zero morpheme
1, 2, 3	first, second, third person-agreement marker
AC	agent clitic
Ar.	Arabic
-DA	clitic <i>-da</i>
DIMIN	diminutive
DUR	imperfective
EPEN	epenthesis
EZ	eżāfa
Kul.	Kulabi
PC	pronominal clitic
Pers.	Persian
PL	plural
PN	proper noun
PP	past participle
PR	present
PST	past
-RA	clitic <i>-(r)a</i>
SBJV	subjunctive
SG	singular
Taj.	Tajik
Uzb.	Uzbek

BIBLIOGRAPHY

Atobulloev, Subhon 1979–84. *Ševai janubii zaboni tojikī* (Southern variety of the Tajik language), 5 vols., Dushanbe.

Borjjan, H. 1998. “Education xxviii. in Tajikistan,” *Encyclopædia Iranica* VIII/3: 241–245.

Borjjan, H. 2005a. “Kulāb,” *Encyclopædia Iranica*, at <https://iranicaonline.org/articles/kulab>; consulted 3 May 2012.

Borjjan, H. 2005b. “Kurgan Tepe,” *Encyclopædia Iranica*, at iranicaonline.org/articles/kurgan-tepe; consulted 3 May 2012.

Borjjan, H. 2006a. “Formation of the modern Tajik Persian language” (in Persian), *Irānšenāsi* 18/2: 263–285.

Borjjan, H. 2006b. “Tājikestān,” *Dā’erat-al-ma’āref-e bozorg-e eslāmi* XIV: 247–264.

Borjjan, H. 2017. “Kerman xvi. Languages,” *Encyclopædia Iranica*, XVI/3: 301–315.

Borjjan, H. 2018. “Khatlon,” *Encyclopædia Iranica* XVI/4: 437–439.

Borjian, H. 2021a. “Traces of pharyngeal consonants in Isfahani Persian,” *Iranian Studies* 54/1-2: 281–295.

Borjian, H. 2021b. *Essays on Three Iranic Language Groups: Taleqani, Biabanaki, Komisenian*, New Haven: American Oriental Society.

Borjian, H. 2023. “*Ḳodāyādāzāda*”, *Encyclopædia Iranica* XVII/3: 302–303.

Borjian, H., forthcoming. “Gurughli: The Tajik Versions of the Epic of *Kōroḡlu*,” *Iranian Studies*.

Bosworth, C. Edmund 2009. “*Ḳottal*”, *Encyclopædia Iranica*, at www.iranicaonline.org; consulted 2 March 2021.

Efimov, V. A., V. S. Rastorgueva, and E. I. Sharova 1982. “Persidskiĭ, Tadžhikskiĭ, Dari” (Persian, Tajik, Dari), in *Osnovy iranskogo yazykoznanīya. Novoiranskīe yazyki: Zapadnaya gruppa, prikaspiĭskie yazyki*, Moscow: 5-230.

Grunberg, Aleksandr Leonovich 1972. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha: Mundzhanskiĭ yazyk; teksty, slovar', grammaticheskiĭ ocherk*, Leningrad.

Morgenstierne, Georg 1938. *Indo-Iranian Frontier Languages* II, Oslo.

Nemenova, Roza L'vovna 1954. “Nekotorye osobennosti bal'dzhuanskikh govorov tadzhikskogo yazyka” (Some peculiarities of the Baljovāni dialect of the Tajik language), *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR: Otdeleniya obshchestvennykh nauk*, ser. 5.

Nemenova, Roza L'vovna 1956. *Kulyabskie govory: Tadzhikskogo yazyka (severnaya gruppa)* (Dialect of Kulāb: The Tajik language [southern group]), Stalinabad.

Pakhalina, Tat'iana Nikolaevna 1966. *Sarykol'skiĭ yazyk* (Sarikoli language), Moscow.

Perry, John R. 2005. *A Tajik Persian Reference Grammar*, Leiden.

Rajab, Qurbonali 1962-63. *Gūrūḡlī. Dostoni bahoduroni Ćambuli maston* (Gurughli. The cycle of the heroes of Ćambul of Mastān), 2 vols., Dushanbe.

Rastorgueva, Vera Sergeevna 1960. *Opyt klassifikatsii tadzhikskikh govorov* (Tentative classification of the Tajik dialects), Moscow.

Rastorgueva, Vera Sergeevna 1964. *Opyt sravnitel'nogo izucheniya tadzhikskikh govorov* (Tentative comparative study of the Tajik dialects), Moscow.

Reinhold, Beate 2006. *Neue Entwicklungen in der Wakhi-Sprache von Gojal (Nordpakistan): Bildung, Migration und Mehrsprachigkeit*, Wiesbaden.

Scarfagna, Davide 2021. *La fermeture de la voyelle ouverte postérieure pré-nasale dans le persan parlé d'Iran – une approche dialectologique aux langues iraniennes sud-occidentales*, master's thesis, Institut National des Langues et Civilisations Orientales, Paris.

Sokolova, V. S., P. L. Nmenova, Yu. I. Bogorad, V. A. Livshits, and A. I. Farkhadyan 1952. *Novye svedeniya po fonetike iranskikh yazykov* (New information on the phonetics of Iranian languages), Trudy Institut Yazykoznanīya Akademīya Nauk CCCP 3/1.

DOI: 10.46698/VNC.2024.88.29.002

Юрий Альбертович Дзиццойты

¹Кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой осетинского языка
и общего языкознания ЮОГУ
им. А. А. Тибилова (100001, РЮО,
Цхинвал, ул. Путина, д. 8)

²Научный сотрудник научно-
исследовательского отдела «Центр
скифо-аланских исследований» ВНЦ РАН
(363110, РСО-Алания, с. Михайловское,
улица Вильямса, 1)

E-mail: dzicc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Аннотация. В статье анализируется топонимия Осетии, не нашедшая отражения в существующем словаре топонимов. Эти топонимы описывают часть Осетии между Владикавказом и Крестовым перевалом. Они извлечены из различных источников: путевых заметок, документов царской администрации, грузинских источников и т. п. Привлекаемые документы являются единственными источниками их фиксации. Отдельно рассматриваются осетинские топонимы, зафиксированные к востоку от Осетии.

Ключевые слова: Осетия, топонимия, гидронимия, этимология.

Для цитирования: Дзиццойты Ю. А. Топонимические заметки // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 213–246.

Рукопись поступила в редакцию 8.07.2024

Рукопись принята к печати 23.09.2024

Yuri Albertovich Dzitssoity

PhD, Professor,

¹Head of the Department of Ossetian Language and General Linguistics, South Ossetian State University named after. A. A. Tibilov; 100001, Republic of South Ossetia, Tskhinval, Putin's street, 8.

²Researcher at the "Center for Scytho-Alanic Studies" of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 363110, North Ossetia-Alania, Mikhailovskoe village, Williams St., 1

E-mail: dzicc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

TOPONYMIC NOTES

Abstract. The article analyzes the toponymy of Ossetia, which is not reflected in the existing dictionary of toponyms. These toponyms describe the part of Ossetia between Vladikavkaz and the Krestovyy Pass. They are extracted from various sources: travel notes, documents of the tsarist administration, Georgian sources, etc. The documents involved are the only sources of their fixation. The Ossetian toponyms recorded to the east of Ossetia are considered separately.

Keywords: Ossetia, toponymy, hydronymy, etymology.

For citation: Dzitssoity Yu. A. Toponymic notes// NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX, P. 213–246.

Received on 8 July 2024

Accepted on 23 September 2024

Работая над топонимией Южной Осетии, мы часто сталкивались в различных изданиях с осетинской топонимией Северной Осетии, не нашедшей отражения в словаре А. Д. Цагаевой [1975]. Для настоящей статьи мы отобрали незначительную часть этого материала, описывающего окрестности Военно-Грузинской дороги на отрезке между Владикавказом и Крестовым перевалом. Несколько заметок посвящено также осетинской топонимии к востоку от Осетии.

1. Владикавказ и его окрестности.

1.1. В 1837 г. известный русский ученый А. М. Шёгрэн посетил одно из осетинских селений в окрестностях Владикавказа, о чем произвел в своем дневнике следующую запись: «Прогулка в осетинское село Ноа-ган (Новое село), лежащее на другой стороне Терека, или, как его называют грузины, Сахугаури (от Станхи Салуга), <состоящее> примерно из 90 дворов» [Шёгрэн 2010: 244]. Из этого сообщения можно сделать вывод о том, что недалеко от Владикавказа, на левом берегу Терека, находилось довольно значительное по тем временам осетинское селение, называемое по-осетински «Ноа-ган», а по-грузински — «Сахугаури». Очевидно, проводником А. М. Шёгрена был один из грузинских жителей Владикавказа. Поскольку осетинское название снабжено переводом «новое село», мы вправе предположить, что в изданный текст Шёгрена вкрался *misreading*, ибо «новое село» по-осетински — *ног хъæу*. Случаи *misreading*'а находим и в остальном осетинском материале дневниковых записей ученого, к числу которых относится и «Станхи Салуга». В самом деле, А. М. Шёгрэн пытался разъяснить читателю значение грузинского названия «Сахугаури», опираясь, очевидно, на сведения своего проводника. Согласно этим сведениям, грузинское название происходит от мужского личного имени, которое по-грузински звучит как «Сахуг(а)». В целом же грузинское *Saxugauri* означает «Сахугово», т. е. «поселение Сахуга». Следовательно, имя «Салуга» в рассматриваемом тексте и есть искаженное «Сахуга». Логично предположить, что компонент «Станхи» должен означать фамилию этого Сахуга. Среди современных осетинских фамилий мы не найдем «Станхи». Совершенно ясно, что и здесь мы имеем дело с неверным прочтением онима. Хорошо известно, что осетинские фамилии исходят на формант *-ты / -ти*, но не *-хи*. Поэтому фамилию Сахуга следует исправить, как минимум, на *Станти*. Однако в Осетии нет такой фамилии поэтому для определения фамилии Сахуга нам придется привлечь дополнительные сведения.

Начнем с того, что мужское имя *Сахуыг* надежно зафиксировано в различных источниках. Оно встречается в Нартовском эпосе осетин [Нартæ 1975: 97, 109, 116], в осетинском предании [«Ф» 1966, № 2: 70; Санаты 1960: 45] и в списке осетинских мужских имен [ИНД: 52]. В одном предании зафиксирована также форма *Сахуыг* [Цæгæраты 1984: 11], а в русской транскрипции находим «Сахогон» [Калоев 1983: 208]. Представлено оно и в топонимии Северной Осетии: *Сахуыджы лагæт* «Пещера Сахуга» [Хъайтыхъты 2008: 261]. Крайне интересно, что мужские имена *Сахуч* и *Шахук* представлены также у аварцев [СЛИ: 178, 183]. На осетинской почве зафиксировано еще и фамильное имя *Сахуыгтæ* [ЕСФ: 59], подробнее

о котором мы скажем ниже. Для нашей темы чрезвычайно важно, что имя Сахуг упоминается и в исторических документах (см. ниже), и в старых газетных публикациях. Так, в газете «Новое обозрение» за 1893 г. (№ 3230) сообщается о гибели в 1835 г. «тагаурского алдара Сахуга», который вместе с другими алдарами из этого же общества был направлен «к ингушам галгаевского общества для распространения христианства» [ППК, 2: 161]. Если «тагаурский алдар Сахуг» тождествен Сахугу, основавшему селение на левом берегу Терека, то можно сделать несколько выводов. Во-первых, селение Ногхъæу было основано до 1835 г. Во-вторых, Сахуг принадлежал к хорошо известному родовому объединению *Таггитæ* «Тагаурцев». Однако, даже если сказанное верно, то мы еще не знаем фамилии Сахуга: каким бы искажением не подверглось родовое название *Таггитæ*, его трудно прочесть как «Станхи». Как это ни странно, возможность правильного прочтения фамилии Сахуга предоставляет нам топонимия Южной Осетии.

В Ленингорском районе Южной Осетии, у истоков реки Лехура, З. Д. Цховребовой зафиксировано селище *Сахуыгтæ* / *Сахуыгты хъæу* т. е. «Сахугово», «Селение Сахуговых». По сообщению жителей окрестных сел, в прошлом «Сахугово» представляло собой часть селения Цъолд, поэтому его иногда называют еще и *Стыр Цъолд* «Большой Цолд» [Цховребова 2010: 47]. Населяли его представители фамилий *Сахуыгтæ* и *Маергъитæ*, причем, *Сахуыгтæ* считались частью фамилии *Слантæ* «Слановых», откуда и третье название рассматриваемого селения — *Слантæ* «Сланово», букв. «Слановы», т. е. «поселение Слановых». При этом женскую половину их фамилии никто не называл здесь *Сланон*, а только *Сахуыгон*. В настоящее время в Южной Осетии не осталось Сахуговых — все они выселились в Грузию [Там же]. Действительно, в грузинском селении Меджврисхеви, расположенном в Горийском районе недалеко от границы с Южной Осетией, зафиксирована фамилия *Сахугашвили* [Майсурадзе 1981: 146], в которой следует признать огрузинившихся представителей фамилии *Сахуыгтæ*. Теперь мы можем вернуться к сообщению А. М. Шёгрена, предложив следующее его прочтение: «Прогулка в осетинское село Ног-кау (Новое село), лежащее на другой стороне Терека, или, как его называют грузины, Сахугаури (от Сланты Сахуга), <состоящее> примерно из 90 дворов». Т. е. исторический Сахуг основал не только новое селение, но и дал начало патронимической ветви Слановых, оставивших след как в топонимии Южной Осетии, так и среди грузинских фамилий. Более того, грузинская форма «Сахугаури» является калькой осетинского *Сахуыгтæ*, а не самостоятельным образованием на грузинской почве. Свидетельств того, что грузинский суффикс *-ур-* служил регулярным субститутутом осетинского аффикса *мн. ч.*

-тæ, употребляемого и в качестве топоформанта, достаточно много. В качестве иллюстрации можно привести, во-первых, название родового объединения *Тæггитæ*, известного в грузинских источниках как «Тагаури» [КЦ, IV: 634, 638, 639]. Во-вторых, осетинское фамильное имя *Хетæггитæ*, зафиксированное в грузинских документах XVII–XIX вв. в форме «Хетагури», а в более поздних — в форме «Хетагашвили», «Хетагшвили». В этом же ряду стоят грузинские формы рассматриваемого фамильного имени — «Сахугаури» / «Сахугашвили».

Таким образом, югоосетинский ойконим *Сæхуыгтæ* нельзя отрывать от североосетинского ойконима **Сæхуыгтæ*. Наречение селению имени его основателя — обычная практика в Осетии. Мы уверены, что жители югоосетинского селения *Сæхуыгтæ* являются переселенцами из Северной Осетии, принесшими с собой название своего прежнего поселения.

Во времена А. М. Шёгрена на противоположном от Владикавказской крепости берегу Терека находилось осетинское селение «Тулатово». Было ли селение Сахуга, которое посетил А. М. Шёгрэн, ответвлением от этого аула, или ойконим **Сæхуыгтæ* — это второе название аула Тулатово? Последнее предположение кажется более вероятным: аул, основанный вблизи Владикавказа, был «новым селением» по отношению к тому аулу в Нижнем Кобане, откуда выселились братья Тулатовы. Поэтому их селение называлось и «Ногхъæу», и «Тулатово» (осет. **Тылаттатæ* / *Тылаттаты хъæу*). Но оно же могло называться «Сахугово» по имени старшего из переселившихся братьев (об этом см. ниже). Такая практика вполне обычна для старой Осетии. Итак, с большой долей уверенности можно утверждать, что А. М. Шёгрэн посетил в 1837 г. аул Тулатова на левом берегу Терека. Этот аул считался вторым Владикавказским осетинским аулом, тогда как первым был *Ирыхъæу*, находившийся на правом берегу Терека, к югу от крепости (в настоящее время он находится в черте города). Как полагают, *Ирыхъæу* был основан в том же году, что и Владикавказ, т. е. в 1784 [Берозов 1992: 35–36], а аул Тулатова — на 40 лет позже.

Архивные и фольклорные источники позволяют реконструировать предысторию Сахуговых. Следует отметить, что в генеалогии Тулатовых отмечены два Сахука. Один из них, согласно осетинским преданиям, был сыном самого Тулата, отца-основателя рода Тулатовых [Бзаров 1993: 68]. Он жил в первой половине XVIII в. и, естественно, не мог быть основателем селения Тулатово. Второй был на сто лет младше (см. ниже). И именно последний Сахук основал селение вблизи Владикавказа в 1825 г.

Известно, что в начале XIX в. «самые влиятельные и богатые из Тулатовых — Сахуг, Осман, Беслан, Знаур, Пшемахо и другие — с подвластными им семьями из горного Кобанского аула спустились на плоскость и ос-

новали на левом берегу Терека, напротив крепости Владикавказ (на западном ее форштате), второй по счету Владикавказский осетинский аул, или аул Тулатова. Он располагался примерно в районе нынешних горно-металлургического техникума, памятника К. Л. Хетагурову, училища искусств» [Берозов 1992: 43–44]. Заметим, что Сахуг, Осман и Беслан были родными братьями, сыновьями Сырхауа Тулатова [Там же: 47]. В 1847 г. в связи с обустройством Военно-грузинской дороги жителей аула Тулатова переселили на территорию к северу от Владикавказа, где они основали селение, названное по имени младшего из братьев, Беслана, известное в настоящее время как город Беслан [Там же: 48]. Причина, по которой новое поселение было названо по имени младшего, а не старшего брата, заключается в том, что к тому времени старший брат погиб (в 1835 г.). Но какая-то часть жителей аула Тулатова отказалась переселяться на новое место. Впоследствии они все же покинули свое селение, переселившись, очевидно, в Южную Осетию.

Остается ответить еще на один вопрос: почему в анализируемом источнике интересующий нас Сахуг считается представителем рода Слановых? Среди известных нам патронимических ветвей Тулатовых Слановы не значатся, а современные *Слантæ* «Слановы», скорее всего, не имеют отношения к Тулатовым. Почему же у А. М. Шёгрена и в югоосетинском топониме *Сахуыг* принадлежит к роду *Слантæ*?

Сопоставив фамильные предания тагаурских алдаров с данными исторических документов, Р. С. Бзаров реконструировал родословное древо Тулатовых: Тага — Камби — Тулат — Сахук — Бытъя — Темыр — Хæпæз — Асланбег — Бестол — Чермен [Бзаров 1993: 68–70]. Последний в этом списке является знаменитым борцом за права человека, народным героем Осетии, жившим на рубеже XVIII–XIX вв. Таким образом, Чермен оказывается современником Сахуга, основавшего селение вблизи Владикавказа. Если допустить, что отец последнего, Сырхау, был братом Бестола, то можно высказать догадку о том, что потомки Сырхауа именовали себя как *Тылаттатæ*, так и по имени своего деда. Следует при этом учесть, что имя *Асланбег* состоит из двух тюркских компонентов: мужского имени *Аслан* (< *Арслан*), нарицательно означающего «лев», и *бег* «правитель». Это имя употреблялось и без последнего компонента. И именно к этому антропониму восходят осетинские мужские имена *Слан* и *Слон*, легшие в основу фамильных имен *Слантæ* и *Слонатæ*. Следовательно, «фамилия» *Сланты* указывает на то, что кто-то из предков Сахуга (в данном случае это дед) носил имя *Слан* / *Аслан*.

Если бы не дневниковые записи А. М. Шёгрена, мы были бы лишены сведений о «владикавказском» периоде истории фамилии *Сахуыгтæ* / *Слантæ*.

1.2. В своем «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкин писал: «Мы достигли Владикавказа, прежнего Капкая, преддверия гор. Он окружен осетинскими аулами. Я посетил один из них». Пытаясь выяснить, в каком именно осетинском ауле побывал поэт, журналист и краевед Г. И. Кусов собрал огромный материал, посвященный поездке Пушкина, и пришел к выводу, что он посетил «Осетинский форштадт», или нынешнюю Осетинскую слободку, примыкавшую к южным фасадам Владикавказской крепости [Кусов 1975: 25–33]. Осетины до сих пор называют его *Ирыхъæу* [Кусов 1983: 91]. Эту версию Г. И. Кусов развивает и в других своих публикациях [Кусов 1983: 80–92; Кусов 1987: 91–99]. При этом осетинский краевед отвергает возможность посещения великим поэтом селения Тулатовых. С этим выводом следует согласиться по следующей причине. При описании дальнейшего пути вглубь Кавказа, А. С. Пушкин уточняет, что, выехав из Владикавказской крепости вместе с пехотой и казаками, он перешел по мосту на левый берег Терека, и углубился в ущелье. Если бы и накануне ему довелось переходить на левый берег Терека, то он не преминул бы упомянуть об этом.

1.3.1. В 1844 г. академик А. М. Шёгрэн опубликовал следующее осетинское предание: «Владикавказ иронау хуыйны *Дзæуджыхъæу*, уый тыххæй æмæ *Дзæуг* кæнæ *Дзæуæг* хуынд ирон хистæр, фыццагæй уым цард фæци “Владикавказ называется по-осетински *Дзæуджыхъæу* или *Дзæуæджыхъæу*, потому что жил там прежде осетинский старшина, именуемый *Дзæуг* или *Дзæуæг*”» [Шёгрэн 1844: 558–559]. Означает ли это, что Владикавказская крепость была заложена на том месте, где стоял аул Дзæуга? Согласно сведениям, собранным В. Ф. Миллером: «осетины называют Владикавказ *Дзæуæги-гъæу* или *Дзæуджыхъæу*, по осетинскому аулу. *Дзæуæг* — собственное личное имя. К сожалению, о времени основания этого аула мы не имеем сведений» [Миллер 1881: 70]. Как видно из последней фразы, В. Ф. Миллер пытался уточнить детали записанного им предания. Но о каком «осетинском ауле» он говорит? Разумеется, это не Тулатово, но можно ли предположить, что речь идет об *Ирыхъæу* — осетинской слободке, которая, как мы видели выше, была основана в том же году, что и крепость? Мысль о том, что Дзæуаг был основателем села, на месте которого со временем была возведена крепость, у К. Ф. Гана выражена так: «у осетин Владикавк(аз) называется *Дзäŷägi-ŷäu* (кау). *Дзäуäг*, N. propr. основателя города и *кау* = деревня» [Ган 1909: 32]. В дальнейшем эту мысль повторяют и другие исследователи [Генко 1930: 695; Абаев 1958: 395; Итонишвили 1971: 148; Семенов и др. 1972: 8]. В основе этих сведений лежит историческое событие, о котором хорошо помнили во времена А. М. Шёгрена и В. Ф. Миллера, и которое описано в осетинском предании, дошед-

шем до нас в нескольких вариантах [ИАС, I: 617–618; ИАА, III: 256; «МД» 1951, № 3: 46–47; «МД», 1966, № 4: 97–98]. Любопытно, что у классика осетинской литературы Е. Бритаева находим выражение «крепость Дзауга» [Брытъиаты 1981: 257], свидетельствующее о том, что Владикавказская крепость по представлениям осетин построена именно на месте селения Дзауга. В 1927 г. С. Ц. Тхостов говорил о возникновении Владикавказа «на месте <...> селения Дзауга» [Тхостов 2022: 346].

Однако согласно другим авторам, Владикавказская крепость построена не на месте осетинского аула, а рядом с ним. В 1885 г. П. Ницик сообщил о том, что местность для крепости Владикавказской была избрана при старинной осетинской деревне Дзуак-кау (Дзуак — имя, кау — деревня) [ППК, 4: 304]. В публикации другого автора, Кара-Ага, вышедшей в 1894 г., говорится следующее: «Осетины называют Владикавказ по имени старинного своего аула “Дзалыкау”, Дзалы собственное имя, а кау — деревня, аул» [ППК, 4: 306]. «Дзалы» у этого автора — искаженное осет. *Дзауджы* (форма род. п. от *Дзауаг*). Последний автор утверждает также, что крепость была основана «при осетинском ауле Дзалы-кау, который теперь составляет часть города, называемого “осетинской слободкой”» [Там же]. Тут мы впервые сталкиваемся с указанием на тождество *Ирыхъæу* «селению Дзауга». А. П. Андреев полагал, что «небольшая крепостца» была заложена «близ осетинского аула Дзалк» [Андреев 1895: 10].

Вопреки этим сведениям П. Г. Бутков утверждал, что Владикавказ был основан «при ингушевской деревне Зауре» [Бутков 1869: 131, 135]. Эту же информацию со ссылкой на П. Г. Буткова повторяет Н. Ф. Грабовский [1876а: 2]. Позже появились сведения о том, что Владикавказская крепость была построена не рядом, а на месте села Заурово. Так, Е. Г. Вейденбаум полагал, что «от осетинского селения Заурова, на месте которого в 1784 году заложена Владикавказская крепость, начиналась горная дорога, вернее, тропа по ущелью Терека» [Вейденбаум 1901: 160]. Ему вторит В. А. Ракович: «на том месте, где стояло селение Заур, была воздвигнута русскими Владикавказская крепость», причем, в отличие от Е. Г. Вейденбаума, селение Заур он считал ингушским [Ракович 1911: 3, 5].

На эту путаницу обратил внимание публицист Кара-Ага, который в 1894 г. писал: «[к]акой именно пункт был избран Потемкиным при основании крепости Владикавказ, теперь не известно. Была ли крепость основана при самом ущелье в Ренате <Реданте>, владельцы которого, братья Дударовы, в 1782 г. крестились и крестным отцом их был сам Потемкин, или же крепость эта была основана при ингушском урочище Зауре...» [ППК, 4: 305]. Эти же сомнения находим и у А. Н. Генко: «Наблюдается разногласие в показаниях, на чьей территории основан Владикавказ. <...> Бутков <...>

говорит об ингушском селении Зауре; у Потто. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии, Тифлис, 1899, стр. 88 и 162, речь об осетинском селении Заурове. Штедер разъясняет дело <...> — в Заурове жили и ингуши и осетины, но последних было больше» [Генко 1930: 695]. Последнее разъяснение находим и у Ю. Клапрота (1808 г.): «В Саурове живут ингуши вместе с осетинскими беглецами <...>; осетины по количеству превышают ингушей, так что это селение можно считать настолько же осетинским, насколько ингушским» [ОГРИП: 117].

Однако эти «разъяснения» ни в коей мере не приближают нас к истине. Дело в том, что как Кара-Ага, так и А. Н. Генко упустили из виду важные сведения о местонахождении села Заурово.

1.3.2. Описывая кистинские (ингушские) поселения, расположенные между Владикавказской крепостью и Дариалом, С. М. Броневский сообщает следующее: «[д]еревни их: *Заурова* и *Джерах*, почитаемы за сборные места двух разных обществ» [Броневский 1823: 159]. Как видим, С. М. Броневский говорит о параллельном существовании Владикавказской крепости и селения Заурово, последнее из которых находилось между Владикавказом и Дарьяльским ущельем. Следовательно, Владикавказ никак не мог быть основан *на месте* селения Заурово.

Аналогичный вывод следует из сообщения Ю. Клапрота (1808 г.), уточнившего расстояние между Владикавказом и селением Заурово: «24 декабря мы отправились по правому берегу Терека и оставили Владикавказ. Через 4 версты от нас налево оказалось ингушское селение Сауква, которое русские называют теперь Саурово (Заурово). Оно расположено на крутом берегу Терека, примерно в 2-х верстах ниже предгорий» [ОГРИП: 117]. Если учесть, что одна верста равна 1.0668 км., то получается, что Заурово находилось на 4 с лишним км. южнее Владикавказской крепости. К тому же, оно стояло «на крутом берегу Терека», тогда как Владикавказ расположен в предгорной долине, лишенной крутых берегов. Путаницу в рассматриваемый вопрос внес П. Г. Бутков, но и он пишет о том, что Владикавказ был основан «при ингушевской деревне Зауре», а не на ее месте. Поводом для создания еще одной легенды о Владикавказской крепости могло бы стать и сообщение А. С. Пушкина о том, что Владикавказ — прежний Капкай (см. выше). Однако у этой версии не нашлось сторонников, тогда как версию П. Г. Буткова подхватили некоторые исследователи и даже попытались примирить с осетинской.

1.3.3. И хотя вывод о том, что Владикавказская крепость и село Заурово — два разных населенных пункта, прямо вытекает из источников и потому неоспорим, приведем в его защиту еще один аргумент. Если бы Владикавказская крепость была основана на месте селения Заур(ово), то

именно это название закрепилось бы за городом хотя бы в одном из языков Кавказа. Между тем, ни в одном из них, включая ингушский, Владикавказ не называется «селением / поселением Заура». В этом легко убедиться, рассмотрев все названия Владикавказа в языках соседних народов.

Ингуши, как и чеченцы, называют Владикавказ *Буру* [Генко 1930: 716]¹; но у чеченцев есть еще одно название — *Брав-кала* [ППК, 4: 304], т. е. «крепость с оградой (бурав)». В основе этих названий лежит чеченский и ингушский апеллятив *buru* ‘крепость’, заимствованный из осетинского *byru* ‘ограда; крепостная стена; вал; ров’ [Генко 1930: 716; Bailey 1979: 256; Ibid. 1980: 251]. Кабардинцы называют Владикавказ *Терек-кале* «город на Тереке» [ППК, 4: 304], ногайцы — *Канкай* [Андреев 1895: 10; ППК, 4: 304]. В балкарском языке два названия: *Terkbaşı* «голова Терека» и *Terkkala* «Терская крепость» [Фасмер, I: 326]. Осетины-иронцы называют его *Дзæу(æ)джыхъæу* ‘селение Дзау(а)га’, осетины-дигорцы — *Дзæуæгигъæу*, осетины-кударцы — *Жæджыхъæу*, осетины-чисанцы — *Джæджыхъæу*. Грузины поселение это называли «Кавкаси» [ППК, 4: 305], или *Къавкъави* [Генко 1930: 695; Итонишвили 1971: 149], несомненно, заимствованное из русского языка. Однако у ближайших соседей осетин, грузин-мохевцев, другое название для Владикавказа — *Дзауги* [Генко 1930: 695; Итонишвили 1971: 37, 38, 148].

Как видим, ни в одном из перечисленных языков Владикавказ не назван городом или селом Заура. Этого названия нет даже в ингушском языке. Сказанного достаточно для отклонения гипотезы о том, что Владикавказская крепость была построена на месте села Заурово или рядом с ним. В то же время, в двух национальных традициях — осетинской и грузинской (мохевской) — Владикавказ именуется «селением Дзауга». О чем это говорит? Разумеется, о том, что осетины с самого начала отождествляли Владикавказскую крепость с селением Дзауга. Даже в советское время, когда город был переименован в Орджоникидзе, в народе его продолжали называть *Дзæуджыхъæу*. Мохевцы, контактировавшие как с осетинами, так и с ингушами, могли усвоить и ойконим *Заурово*, будь он названием крепости. Но они называют ее *Дзауги*, что свидетельствует об исконности осетинского названия. Крайне любопытно, что и мохевцы не восприняли советское название города, и в 1961 г., когда грузинские лингвисты собирали топонимический материал в селении Гергети, старики все еще называли Владикавказ *Дзауги* [Итонишвили 1971: 141].

1.3.4. Высказано также предположение, что осетинское *Дзæу(æ)г* восходит к ингушскому *Заур* [Мальсагов 2005: 42, 52]. Но, во-первых, фонетически это совершенно невозможно: в осетинском языке нет ни одного слу-

¹ Г. В. Бейли дает ингушскую форму *bru* ‘Владикавказ’ [Bailey 1979: 256].

чая перехода $p > z$. Во-вторых, у осетин широко распространено имя *Зауыр* / *Заур*, с которым и могло быть соотнесено ингушское *Заур*, будь оно заимствовано из этого языка. Поскольку у антропонимов *Дзауаг* и *Зауыр* разное происхождение, разными должны быть и отражаемые ими денотаты. Как мы видели выше, селение Дзауга находилось в непосредственной близости от Владикавказской крепости, а Заурово — на 4-е с лишним км. дальше. Таким образом, Заурово не имеет отношения ни к Владикавказской крепости, ни к осетинскому названию этой крепости.

1.3.5. Агиотопонимия Владикавказа в исследованиях по ономастике обычно не рассматривается. Между тем, еще в 1927 г. в окрестностях города были зафиксированы *Ног дзуар* ‘Новое святилище’ и *Хуыцауы дзуар* ‘святилище, (посвященное) Всевышнему’ [Тхостов 2022: 345]. Ср. также *Горæтæ Уастырджæ* ‘(святилище) городского Уастырджæ’ [ИАС, II: 357].

1.3.6. Наконец, следует отклонить принятую некоторыми исследователями [Семенов и др. 1972: 6] гипотезу В. Ф. Миллера [1887: 70] о том, что Владикавказ построен в той местности, где некогда находился ясский город Дедаков. Но Дедаков уверенно локализуется в Верхнем Джулате, в Арджинарагской долине. Таким образом, на территории Северной Осетии находятся две столицы алан-осетин — древняя (Дедаков) и современная (Дзауджыхъæу). Общим для них является только индикатор *хъæу* / *-ков* ‘селение / поселение’.

2. Дарьяльское ущелье. В документах царской администрации и в дневниковых записях путешественников приводится множество топонимов по Осетии, большинство из которых не зафиксировано в словаре А. Д. Цагаевой. Очевидно, главная причина в том, что на момент сбора материала прежнее население соответствующих сел переселилось в другие места. Привлеченные нами материалы дают возможность заполнить эту лакуну, однако начнем с общего описания Дарьяльского ущелья.

2.1.1. Дарьяльское ущелье начинается в районе осетинского села Балта и заканчивается в окрестностях грузинского села Гвелети. Отрезок между сел. Балта и Верхним Ларсом обычно называют «Малым Дарьялом». На юге к Дарьяльскому ущелью примыкает другое, более просторное ущелье, известное у грузин как «Хеви», а у осетин — «Хиуы ком». Собственно Дарьяльское ущелье — это теснина реки Терек, начинающаяся за селением Верхний Ларс и тянущаяся на 12 с лишним км. до селения Гвелети.

2.1.2. В осетинском языке два названия для Дарьяльского ущелья: *Арвы ком* и *Дайран* / *Дайраны ком*. Однако эти названия не являются синонимами. Согласно Б. А. Калоеву, «самая узкая часть ущелья, там, где солнце светит всего несколько часов, носит осетинское название Арвы ком»

[Калоев 1971: 27]. Полностью противореча этому утверждению, осетинская народная песня сообщает, что *Арвы комы сын Дайраны нарджытæ* [ИАС, II: 596], т. е. «В Дарьяльском ущелье у них (находятся) Дайранские теснины». Такое же соотношение между этими названиями находим у классика осетинской литературы Ч. Беджизати: *Уæртæ Дайраны, зæгъыны, Арвы комы нараджы, Терк хорз кæрдтæй кæмдæр ауызт у* [Беджизаты 1958: 396–397], т. е. «Говорят, в Дайране, в теснине Дарьяльского ущелья, Терек запружен отменными саблями». Любопытные сведения сохранились и в описании Ю. Клапрота (1808 г.): «От Лаарса мы поехали по левому берегу Терека и через 6 верст достигли Дарьяла <...> Долина здесь очень узкая <...> и называется осетинами Арвекум, т. е. небесное скалистое ущелье» [ОГРИП: 121–122]. Т. е., согласно Ю. Клапроту, *Арвыком* — это наиболее узкая часть Дарьяльского ущелья.

По Б. А. Алборову *Дайран* — это Дарьяльское ущелье, а *Арвы ком* — название «всей Военно-Грузинской дороги» [Алборов 1979: 281]. А. Н. Генко также полагал, что *арвыком* — это «название Военно-Грузинской дороги» [Генко 1930: 705]. С. Ц. Тхостов [2022: 347] также называл Военно-Грузинскую дорогу *Арвы ком*. С этими утверждениями созвучно мнение Ю. С. Гаглойти, распространявшего название *Арвыком* также и на Хевское ущелье [Гаглойти 2008: 32, 36]. Любопытно отметить, что у грузин, напротив, Дарьяльское ущелье (*Дариалис хеоба*) является частью Хевского ущелья [Итонишвили 1971: 35 и сл.]. Однако Военно-Грузинскую дорогу осетины называют *Арвы комы фаандаг*, т. е. «Дорога, идущая по Дарьяльскому ущелью» (см. ниже).

Как бы то ни было, *Арвы ком* — понятие более широкое, а *Дайран*, соответственно, — более узкое. Дайранский отрезок Дарьяльского ущелья в осетинском фольклоре известен также под названием *Зæронд Арвыком* ‘Старый / старинный Дарьял’ [Тхостов 2022: 221]. Калькой этого оронима является мохевское *Дзвел Дариалай* ‘Старый Дарьял’ [Итонишвили 1971: 37, 145].

2.1.3. Выше мы видели, что Ю. Клапрот толковал ороним «Арвекум» как «небесное скалистое ущелье». В. Ф. Миллер *Арвы ком* толковал как «Неба ущелье» [Миллер 1925: 44]. По мнению А. Н. Генко, осетинское *арвыком* — это калька ингушского **loatæxkæ* ‘горное ущелье’ [Генко 1930: 706], что абсолютно бездоказательно. Толкование «Неба ущелье» принято и А. Д. Цагаевой [1975: 394]. У В. И. Абаева — «Небесное ущелье», «Ущелье, ведущее в небо» [Абаев 1949: 47]. Б. А. Калоев дает неточный перевод «Небесная долина» [Калоев 1971: 27]. Б. А. Алборов *Арвы ком* сначала переводил как «ущелье реки Арагви» [Алборов 1979: 214], а затем, присоединившись к мнению А. Н. Генко, — «горное ущелье» [Там же: 281]. Разумеется, оба перевода ошибочны.

Нет никаких сомнений в том, что *Арвы ком* это «Небесное ущелье». Сейчас трудно установить мотив наречения ущелью этого имени, но к югу от Дарьяльского ущелья, в грузинской провинции Хада, известно селение *Цъкъере*, название которого у Вахушти (XVIII в.) звучит как *Цикъара*, а в «Жамтаагъцъерели» (XIV в.) — *Цикъаре*. Как полагают грузинские исследователи, это название представляет собой искаженное *Цискъари* «Ворота неба» [Итонишвили 1986: 98] (в грузинском языке *цискъари* означает также яркую звезду). Нет сомнений в том, что между осетинским оронимом и грузинским ойконимом существует семантическая связь [ТЮО, I: 20–21].

Отметим также следующий любопытный факт. В осетинской народной песне встречаются следующие слова: *Уæй, арвы комæй, дам, кæлмæрзæн æрхæуд*, которые Б. А. Галаев перевел как «С неба упал платочек» [Галаев 1964: 222, 223]. Т. е. *арвы ком*, написанное, кстати, с маленькой буквы, здесь понимается как «небо»². Не говорит ли это о том, что *Арвы ком* в понимании осетин — «ущелье, ведущее в небо», как об этом писал В. И. Абаев?

2.1.4. Происхождение осетинского *Дайран* не представляет загадки. Оно появилось в результате метатезы из **Дариан* [Алборов 1979: 281], а эта форма через перебой -л > -н восходит к *Дариал* [Абаев 1995: 259]. Последнее, по мнению большинства ученых, восходит к новоперсидскому *Dar-i-Alān* ‘Ворота алан’. В персидском источнике «Худуд ал-алам» (1258 г.) находим форму *Dar-e Allān*. В арабских источниках представлена форма *Bāb-al-Lān* ‘Ворота алан’. Существует мнение, что арабское *Bāb-al-Lān* — это калька персидского *Dar-i-Alān*, причем, арабы отождествили первую часть этнонима «алан» со своей приставкой *al-*. В армянских источниках находим *drownk’ Alanac’* / *Alanac’ dowr’n* ‘аланские ворота / ворота алан’ [Алемань 2003: passim]. В древнегрузинском источнике «Мученичество Або» (VIII в. н. э.) персидское название *Darialani* глоссируется следующим образом: *romel ars ovsta k’ari* «которые являются воротами осетин» [Андроникашвили 1966: 49]. В более поздних грузинских источниках представлена усеченная форма *Dariala*, а у историка Парсадана Горгиджанидзе (XVII в.) находим топоним «Дараламская дорога». В древнегрузинской традиции представлены также следующие названия Аланских ворот и Дарьяльского ущелья: *Aragvis k’ari* ‘Арагвские ворота’, *Darialis k’ari* ‘Дарьяльские ворота’. У горцев Восточной Грузии Дарьяльское ущелье называется *Xevis k’ari* ‘Врата ущелья’.

² С этим толкованием созвучна следующая строка в стихотворении современной поэтессы Баситы Заелинæ: *Сæна, дæ сæрмаæ Арвы ком хæстæг* [«Ф» 2022, № 2: 38], т. е. «О, (гора) Казбек, прямо над тобою (возвышается) Небесное ущелье».

2.1.5. На осетинской почве зафиксированы следующие топонимы по Дарьяльскому ущелью: *Дайраны нарæг* ‘Дайранская теснина’ [ИАС, II: 596; Брытъиаты 1981: 83; Санаты 1960: 37; Цагаева 1975: 494], *Дайраны ком* (мн.ч. *Дайраны кæмттæ*) ‘то же’ [Брытъиаты 1981: 68; Туаты 1969: 275; Цагаева 1975: 397], *Дайраны хуымтæ* ‘Дайранские пашни’ [ИАС, II: 601], *Дайраны дон* ‘Терек’ [ИАС, II: 532; ИАА, III: 263], букв. «Дайранская река» и *Дайраны хид* || *Дайрани хед* ‘Дайранский / Дарьяльский мост’ [ИАА, III: 262; ИАС, II: 531, 532; Галаев 1964: 119; Гæдиаты 1959: 128]. С последним названием ср. груз. *Дариалис хиди* ‘Дарьяльский мост’ [Итонишвили 1971: 36, 38] и русск. *Дарьяльский мост* [Андреев 1895: 40, 57].

2.1.6. В осетинском языке зафиксировано еще одно название для Дарьяльского ущелья — *Тæгиаты ком*, букв. «Ущелье Тагияевых / Тагаурское ущелье» [«Ф» 1989, № 11: 82]. Ороним «Тагаурское ущелье» в значении «Дарьяльское ущелье» неоднократно упоминается и в российских источниках XIX века [Броневский 1823: 159, 199; АКАК, II: 231; III: 31, 32]. Осетинские феодалы *Тæгиатæ* ‘Тагияевы’, больше известные как «Тагаурцы», жили «на Тереке» [АКАК, I: 396], занимая «левый берег Терекa, от Казбека до устья р. Гизел-дон» [ППК, 4: 53]. «Тесное Дарьяльское ущелье принадлежало нескольким родам осетин-тагаурцев. Из них самым сильным был род Дударовых, владевших сел. Ларсом и имевших главную резиденцию в ауле Чми» [Андреев 1895: 52]. В осетинском предании же говорится: *Уæд ма Дайраны нарæг Слонаты къухы уыди суанг Сæнамаæ* [Санаты 1960: 37], т. е. «В то время Дарьяльская теснина вплоть до (селения) Казбеги принадлежала Слоновым». Как известно, *Слонатæ* — часть родового объединения *Тæгиатæ*. Согласно другому преданию, «родоначальник нынешних тагаурских алдаров, по имени Тага, <...> поселился первый в ущелье, образуемом Терекom ниже Дарьяла» [ППК, 1: 169].

Следует также отметить, что в сочинении грузинского историка и географа первой трети XVIII в. Вахушти Багратиони под *Tagauris xeoba* ‘Тагаурское ущелье’ [КЦ, IV: 642] имеется в виду Кобанское ущелье. Река Гизель (осет. *Джызæл*), текущая по этому ущелью, у Вахушти известна под двумя названиями: *Tagauris mdinare* [КЦ, IV: 642] и *Tagauris c’qali* [Там же: 642, 643] с одинаковым значением ‘Тагаурская река’.

2.1.7. Еще одно название Дарьяльского ущелья — *Терчы ком* ‘ущелье (реки) Терек’ [Гæдиаты 1959: 121] — находит точное соответствие в вайнахских языках: чечен. *Tierkaⁿ č’až*, ингуш. *Tirkaⁿ č’uož* ‘Дарьяльское ущелье’, букв. ‘Терское ущелье’ [Гониашвили 1977: 63]. Это же название находим в российских источниках, ср.: «осетин, обитавших в Терском ущелье» [Грабовский 1876б: 164].

2.1.8. Вход в Дарьяльскую теснину известен под названием *Ларсы гуыдыр*, букв. ‘Ларский замок’ [Цагаева 1975: 501; Гæдиаты 1959: 125].

2.1.9. Среди дигорских народных изречений находим и такое: *Ами тъупп, уоми тъупп — Тæрани фатау рагæпп кодта* [ОДНИ: 75], т. е. «Здесь стук, там стук — как стрела проскочил через Дарьял» [Там же]. Получается, *Тæран* — это дигорское название Дарьяла, т. е. искаженное *Дайран*? Однако есть основание полагать, что *тæран* — это искаженное *тæрна* ‘отрок, юноша’, а цитированную поговорку следует понимать как «пролетел как стрела, (пущенная) юношей».

2.2. Между селением Балта и Крестовым перевалом

2.2.1. В своих дневниковых записях (1808 г.) Ю. Клапрот сообщает: «в 7 верстах от Балташа (= совр. Бæлта. — Ю.Д.) мы дошли до речки Саудон, т. е. черная вода, текущей с юго-запада... На южной стороне речки Саудон, приблизительно в 20 саженьях над поверхностью Терека, находится осетинское селение Даллагкау, т. е. нижнее селение. Его называют также по имени его строителя Багира, сына Илальда, Багирикау, а русские называют его Нижний Чим, или Кайтухово. Улагцмикау, или верхнее селение Цми, называемое русскими Верхний Чим, расположено еще в 30 саженьях выше по Саудону» [ОГРИП: 118].

Ценность этого материала в том, что Ю. Клапрот фиксирует все варианты и параллельные названия, а в большинстве случаев снабжает их переводом. Большинство перечисленных топонимов зафиксировано и А. Д. Цагаевой: *Бæлта* [Цагаева 1975: 491], *Цми* (*Чми*), *Уæллаг Цми* ‘Верхнее Цми’, *Дæллаг Цми* ‘Нижнее Цми’ (у Клапрота — *Дæллагхъæу*), *Багиры хъæу* ‘Селение Багира’ [Там же: 513] и *Саудон* ‘Черная река’ [Там же: 412]. У А. Д. Цагаевой отсутствует ойконим *Стыр-Цми* (Стыр Цыми ‘большой Цми’. — Ю.Д.), зафиксированный Ю. Клапротом в качестве аллонима к Улагцмикау (= осет. Уæллаг Цымийы хъæу. — Ю. Д.) [ОГРИП: 121]. Правильность формы *Цыми* подтверждается, с одной стороны, информацией Вахушти, называющего это селение (и округу) *Чими* [Вахушти 1904: 142], с другой — сообщением Ю. Клапрота: «Верхний Чим» (см. выше). На это указывает и осетинская поговорка, основанная на каламбуре: *Цы ми кæнут? Цыми конд фестæм æмæ Бæлтамæ бавнæлдтам* [ИÆ: 9], т. е. «Чем вы там занимаетесь? А с Цыми мы уже разобрались и взялись за Бæлта». Надо полагать, что в основе ойконима лежит осетинский апеллатив *цым* ‘кизил (плод и кустарник)’.

2.2.2. Очевидно, недалеко от селения Чми во времена Вахушти находилось осетинское селение — *Хетадзе* [Вахушти 1904: 150], т. е. «(поселение) Хетагата», см. [Гаглойти 2007: 231].

2.2.3. Однако вернемся к описанию Ю. Клапрота, который продолжает: «К полудню мы прибыли в Лаарс, называемый осетинами также Горс»

[ОГРИП: 119]. Далее, описывая расположение этого села, Ю. Клапрот пишет: «оно расположено на речке Лаарсдон, впадающей в Терек» [Там же: 120]. Из зафиксированных в этом описании названий у А. Д. Цагаевой упоминается только ойконим *Ларс* [Цагаева 1975: 501]. Ни гидронима **Ларс(ы)дон* ‘Река (селения) Ларс’, ни ойконима «Горс» мы у нее не находим. В районе Ларса А. Д. Цагаева зафиксировала два гидронима: *Белоречка* — «небольшая река в с. Ларс» [Там же: 408] и Тагаурка — «река, вытекающая из ущелья Хеви. В окрестностях с. Ларс она впадает в р. Терек» [Там же: 413]. Оба этих гидронима могут соответствовать осетинскому *Ларсыдон*. Однако о реке Тагаурка сообщается и под гидронимом *Куырайтты ком* ‘Мельничное ущелье’ — «река между сс. Ларс и Чми, на которой стояли мельницы. Она же и р. Тагаурка» [Там же: 410]. Но тут явная путаница: если Тагаурка находится между селами Ларс и Чми, то она никак не может вытекать из Хеви.

Что касается ойконима «Горс», то этимологически его вряд ли можно отделять от топонимов *Хъорса* и *Хъосса* в Северной Осетии [Цагаева 1975: 175, 202], а также *Хъорсеу* — в Южной [ТЮО, I: 297–298].

Остается добавить, что в осетинском фольклоре сел. Ларс известно и как *Зæронд Ларс* ‘Старый / старинный Ларс’ [Тхостов 2022: 229].

2.2.4. Далее Ю. Клапрот сообщает: «Вся местность от Балташа до Ларса называется проживающими здесь осетинами Шимит; селения Балташ, Даллагкау, Улагцмикау и Лаарс принадлежат фамилии Слонате» [ОГРИП: 120]. Разумеется, речь идет об осет. ойкониме *Цымыти*, зафиксированном у А. Д. Цагаевой в форме *Цмыти* в качестве названия нескольких населенных пунктов [Цагаева 1975: 513], но не общего названия нескольких сел в Дарьяльском ущелье.

2.2.5. Далее Ю. Клапрот пишет: «Мы пересекли речку Хурмук и Чатдон и, пройдя две версты, достигли развалин старой крепости Дарьял» [ОГРИП: 122]. Ни один из этих гидронимов у А. Д. Цагаевой не зафиксирован. Очевидно, это небольшие речки, названия которых вполне прозрачны. Первый гидроним передает осет. **Хуырнук* ‘(Вода, текущая по) каменистому руслу’. Приблизительно в этом же месте В. Дж. Итонишвили зафиксировал топоним *Хурнукъи / Хурнукъис хъели / Хурнукъис гадасасвлели* ‘Хурнукский перешеек / Хурнукский перевал’ [Итонишвили 1971: 38, 146]. Осетинское происхождение этих названий несомненно. Ср. также топоним *Хуырнук* ‘Каменистая впадина’ в других регионах Осетии [Цагаева 1975: 119; ТТУ: 584].

Гидроним *Чатдон*, букв. ‘Вода, (текущая из) озера’, зафиксирован и в форме «Цата-дон» [Тхостов 2022: 346]. Ср. также *Цъах цад* ‘Синее / голубое озеро’ — «озеро на вершине горы Цат в окрестностях с. Ларс» [Ца-

гаева 1975: 416] и *Цат* — «высокая гора с покосными полянами над с. Ларс» [Там же: 405]. Нет сомнений, что река **Цаддон* берет начало именно с этой горы. В других уголках Осетии находим еще *Цады дон* ‘Озёрная река’ [ТЮО, I: 92], *Шаддон* ‘то же’ [Там же: 521]. Существует и апеллятив *цаддон*, означающий ‘озерная вода’ [Миллер 1934: 1626]. Интересующий нас *Цаддон* В. Дж. Итонишвили зафиксировал в форме *Чатис цъхъали* ‘река Чат’ [Итонишвили 1971: 38], что является полукалькой осетинского названия.

2.2.6. Дальше Ю. Клапрот сообщает следующее: «Дарьял, называемый осетинами Дайран, находится на границе с Грузией, на речке Цахдон, впадающей слева в Терек» [ОГРИП: 122]. Далее, описывая дорогу из Гелати (т. е. Гвелети. — Ю. Д.) в сел. Цми, Клапрот еще раз упоминает речку Цахдон: дорога, «которая по плоскогорью на западном берегу реки (Терек) вдоль речки Цахдон приводит к Чиму» [Там же]. Из этого описания можно понять, что интересующая нас река является левым притоком Терека, и находится где-то между Цми и Гвелети. В словаре А. Д. Цагаевой гидроним не зафиксирован, но несколько раз упоминается в документах царской администрации, позволяющих уточнить ее локализацию.

В 1808 г. случился снежный обвал на Тереке, запрудивший реку, в результате чего движение по Дарьяльской дороге было остановлено. В сообщении об этом в частности говорится: «от р. Чахтонки, по которой скатилась снежная масса, не доходя до Ларса двух верст ...» [АКАК, III: 30]. Далее это событие упоминается еще несколько раз: «Против р. Чахтонки, где свернувшуюся ужасною массою льда течение Терека заперло...» [Там же: 30, 34]. Из другого сообщения становится ясно, откуда именно сорвался обвал: «с высочайшей из Кавказских снеговых гор Казбека, упала в вытекающую из сей горы р. Чахтонку» [Там же: 31].

Река, берущая начало с горы Казбек и впадающая в Терек слева в двух верстах выше Ларса, это, несомненно, река Кабахи, текущая в Девдоракском ущелье [Андреев 1895: 40]. По этому ущелью неоднократно сходили обвалы с вершины Казбека [Там же: 40, 62]. Второе грузинское название этой реки — *Девдорахъи*, или *Девдорахъис цъхъали* [Итонишвили 1971: 37, 144]³. Осетинское название, известное нам только благодаря цитированным источникам, — это **Цъахдон* / *Чъахдон* ‘Синяя / голубая река’. Русский суффикс *-ка* в *Чахтонка* указывает на то, что речь идет о небольшой речке. Именно у истоков этой реки зафиксирован гидроним *Цъах цад* ‘Синее (голубое) озеро’ — озеро на вершине горы *Цат* в окрестностях с. Ларс

³ Ср. *Давдаераджы ком* ‘Девдоракское ущелье’, *Давдаераджы цъити* ‘Девдоракский ледник’ [Гæдиаты 1959: 130].

[Цагаева 1975: 416]. В. Дж. Итонишвили уточняет, что с вершины Девдоракского ледника стекают две ледяные реки — *Девдорахъи* и *Чатай*, а у истока второй реки известна еще и гора под названием *Чатай* [Итонишвили 1971: 37]. Гидроним *Чатай* неотделим от осетинского *Цат* ‘Озеро’ и, возможно, является названием истока Чатдона. Естественно, ороним *Чатай* также соответствует названию горы *Цат* [Цагаева 1975: 405]. Что касается реки *Девдорахъи*, то именно она и называлась осетинами **Цъæхдон*. Ср. также гидронимы *Цъæх дон* [Цагаева 1975: 487; ТЮО, I: 440] и *Цъæх дæттæ* ‘Синие / голубые воды’ [Цагаева 1975: 416], зафиксированные в других уголках Осетии. Любопытно отметить, что гидроним *Цъæхдон* встречается и в Нартовском эпосе осетин [Туаты 1969: 367].

2.2.7. В осетинском фольклоре упоминается река *Сæнайы дон* ‘река Сана’ [ИАС, I: 525; Галаев 1964: 98], о локализации которой нам не известно. Осетины, проживающие по Военно-Грузинской дороге, называют гору Казбек *Сæнайы хох* ‘гора Сана’, а поселок Казбек — *Сæна*. Возможно, *Сæнайы дон* — это река, текущая через селения Джута, Сно и Ачхот, и впадающая справа в Терек южнее поселка Казбеги.

2.2.8. Вернемся еще раз к цитированному сообщению Ю. Клапрота: «От Гелати ... едут по так называемой купеческой дороге, которая по плоскогорью на западном берегу реки (Терек) вдоль речки Цахдон приводит к Чиму... Эту дорогу осетины называют Бесергон» [ОГРИП: 122]. Нет сомнений в том, что осетинское название упомянутой дороги восходит к осетинскому апеллятиву *базырган* ‘купец, торговец’. Очевидно, в то время дорогу называли **Базырганты фæндаг* ‘Дорога купцов’, а Ю. Клапрот дал его точный перевод — «купеческая дорога». Эту дорогу осетины называют также *Калачы фæндаг* ‘Дорога, (ведущая) в Тбилиси’ [Туаты 1970: 451], *Арвы комы фæндаг* ‘Дорога, идущая по Дарьяльскому ущелью’ [Гæдиаты 1991: 367, 392, 394; Санаты 1960: 37; Гæдиаты 1959: 125] и *Паддзахæндаг* ‘Государева дорога’ [Гæдиаты 1959: 117; Абаев 1973: 235]. В груз. исторических источниках Дарьяльская дорога известна как *Осетис гза* ‘Осетинская дорога’, ‘Дорога, ведущая в Осетию’ [ДМ, I: 23, 116–117, 118, 120]. У персидского поэта Фирдоуси (X–XI вв.) эта же дорога носит название *rāh-e Alānān* ‘дорога аланов’ [Алемань 2003: 466].

Крайне любопытно, что слово *базырган* отсутствует в осетинских словарях, хотя представлено в языке осетинского фольклора [ХИФ 1936: 460, 462]. Правда, в примечаниях к тексту это слово ошибочно толкуется как *хуыздæр лæг* ‘лучший среди мужей’, *хистæр лæг* ‘старейшина’ [Там же: 611]. Слово *базырган*, несомненно, заимствовано из персидского *базърган* ‘купец, торговец; коммерсант’ [ПРС, I: 168], и обладает первым из значений персидского слова.

2.2.9. Отдельно стоит остановиться на соответствиях грузинской топонимии левобережья Терека в районе Дарьяльского ущелья осетинским названиям. Этот вопрос частично рассматривался выше. Однако дело этим не ограничивается. Оставшаяся часть грузинских топонимов Дарьяльского ущелья также вызывает подозрения в заимствованном (калькированном) характере. Ср. груз. *Сланци* (< русск. *сланец*) [Итонишвили 1971: 38, 146–147] с осет. *Къæйджын* ‘Обильный сланцем’ — пастбище в окр. сел. Ларс [Цагаева 1975: 461], груз. *Цъхълиани кълде* [Итонишвили 1971: 38], букв. ‘Водянистая скала’ с осет. *Донджын ком* ‘Водянистое ущелье’ — название заболоченных пастбищ к западу от сел. Чми [Цагаева 1975: 397, 453], груз. *Миндврис Цъминда Гиварги / Хархис Цъминда Гиварги* ‘(святилище) Святого Георгия на поляне или в (местности) Хархи’ — святилище близ сел. Чми, почитаемое мохевцами, осетинами и ингушами [Итонишвили 1971: 38, 148] с осет. *Хæрхы дзуар* ‘Святилище (искусственного) бугра’ — святилище «на Военно-Грузинской дороге» [Шанаев 1873: 7]. Осетинскому названию у А. Д. Цагаевой [1975: 510] соответствует агиотопоним *Хæрхы Уастырджы* ‘Уастырджы в Хархе’ — святилище к югу от сел. Ларс. Ср. также *Арвы комы Уастырджы* ‘Святилище Дарьяльского ущелья’ — святилище между селами Балта и Чми [Цагаева 1975: 489].

Груз. ойконим *Хархи* — название селения недалеко от сел. Чми, в прошлом населенное якобы представителями фамилии Хархишвили, переселившимися из Дарьяльского ущелья [Итонишвили 1971: 38, 148]. Ср. осет. ороним *Хæрх / Хæрхы ком* — гора и ущелье к юго-западу от сел. Ларс [Цагаева 1975: 401, 479, 511; Галаев 1964: 38; ИАС, I: 509–511]. Не отсюда ли выражение *Хæрх удон* ‘уздечка (из местности) Харх’ в нартовском эпосе [НК, III: 347]? Ср. также название сёл *Харх-ет-и* в Мтиулетии [КО: 104] и *Харх-еб-и* в Лехурском ущелье [Вахушти 1904: 83].

Груз. *Чимис миндори* ‘Поляна (селения) Чми’ [Итонишвили 1971: 38] неотделимо от осет. *Фæз* ‘Поляна’ — «участок земли, на котором расположено с. Чми» [Цагаева 1975: 509], иначе называемого *Цымийы фæз* ‘Поляна (селения) Цыми’ [Гæдиаты 1991: 403, 404, 518]. Эта поляна считалась частью *Дудараты заехх* ‘земли Дударовых’ [Там же: 403].

Название покосного участка с небольшой речкой в окрестностях сел. Ларс зафиксировано в форме *Сауарис цъхъали* и снабжено переводом «Источника вода» — от осет. *сауæр* ‘минеральный источник’ [Цагаева 1975: 468]. В. Дж. Итонишвили [1971: 38, 147] зафиксировал на этом же месте гидроним *Саварис цъхъали*, который этимологизировал из *Сазгъварис цъхъали* ‘Пограничная река’, и высказал предположение, что в старину здесь проходила граница между Грузией и Осетией. Однако гидроним *Суары дон*

‘Вода / река минерального источника’ встречается и в других уголках Осетии [ТЮО, I: 340].

О сел. *Ларс* В. Дж. Итонишвили сообщает следующее: сначала это было осетинское село, но в 1918 г. жители выселились на равнину Северной Осетии, а на их землях поселились мохевцы из Казбекского района. К 1971 г. в селе оставались еще несколько осетинских и русских семей [Итонишвили 1971: 147]. Неудивительно, что мохевцы не знали, кому принадлежала боевая башня к северу от сел. Ларс, называемая *Махмадис цихе* ‘Башня Махмада’ [Итонишвили 1971: 38, 147]. Очевидно, с этим же персонажем связано происхождение другого топонима в окрестностях селения Ларс — *Мамадис вакъе* ‘Поляна Мамада’ [Цагаева 1975: 463]. Судя по всему, «башня Ма(х)мада» — это та самая башня, о которой осетинские [Гæдиаты 1959: 126] и русские [Андреев 1895: 34] источники сообщают как о башне, принадлежащей представителям фамилии Дударовых (Дударатае). Последний из упомянутых источников хозяином Ларсского ущелья называет Ахмета Дударова [Андреев 1895: 53], поэтому не исключено, что в анализируемых грузинских топонимах скрывается искаженное *Ахмад*. Возможно, эта же башня зафиксирована и как *Ларсис цихе* ‘Ларс-ская башня’ [Итонишвили 1971: 145].

Наконец, в Ларсе зафиксированы два топонима, непосредственно связанные с прежним осетинским населением: *Кундухети* — название Ларса и его окрестностей, и *Кундухебис цихе* ‘Крепость Кундуховых’ — крепость в сел. Ларс [Итонишвили 1971: 147]. Мохевцы сообщили В. Дж. Итонишвили, что Кундуховы — это осетины, принадлежавшие к Тагаурцам (Тагаурлеби), а грузинский исследователь добавляет от себя, что этих Кундуховых, а также Дударовых, проживавших в сел. Чми, в старину мохевцы называли двалами [Там же]. Действительно, в Туальском ущелье также известно сел. Чми (Цми) [Цагаева 1975: 513], выходцами из которого, скорее всего, и являются жители дарьяльского Чми. Не потому ли одно из ущелий в окрестностях дарьяльского Чми называют *Туалты ком* ‘Туальское ущелье’ [Там же: 432]? В основе рассматриваемых топонимов лежит осет. фамильное имя *Куындыхатæ*.

2.2.10. *Бæрзæфцæг* «Крестовый перевал по Военно-Грузинской дороге» [Миллер 1927: 341], букв. «Берёзовый перевал», «Перевал с берёзами». Ю. Клапрот (1808 г.) сообщает следующее: «Мы пустились в путь рано утром 19 и поднялись на Гуда, или Крестовую гору, называемую осетинами Берзефцек, т. е. вершина хребта». Ю. Клапрот дает неточный перевод, основанный на ассоциации с осетинскими *бæрзонд* ‘высокий’, *бæрзæнд* ‘вершина’. Однако топоним *Бæрзæфцæг* известен и в Южной [ТЮО, II: 353, 541] и Северной Осетии [Цагаева 1975: 80, 327], и везде его понимают как

«Берёзовый перевал». Верность этого перевода подтверждается и карачаево-балкарской версией Нартовского эпоса, в которой встречается топоним *Къайын башы* [НГЭБК: 231] — название местности в верховьях Терека, в которой герой пасет своих овец [Там же: 510]. В переводе с балкарского этот ороним означает «Берёзовая (къайын) вершина (баш)». Мы полагаем, что в балкарском сказании речь идет о реальном топониме. Но в верховьях Терека есть только одно название, которое могло быть калькировано балкарским *Къайын башы* — это рассматриваемый ороним *Баерзаефцаг* «Берёзовая вершина», «Берёзовый перевал».

3. Осетинская топонимия к востоку от Осетии. Б. А. Алборов был первым, кто обратил внимание на наличие осетинской топонимии к востоку от современной Осетии [Алборов 1929]. В дальнейшем эта тема была разработана В. Б. Виноградовым и К. З. Чокаевым [Виноградов, Чокаев 1966; Чокаев 1987], но отдельные замечания по иранскому (аланскому) характеру некоторых топонимов Чечни и Ингушетии находим и у других исследователей [Сулейманов 1997]. Топонимия эта интересна с точки зрения этнической истории Северо-Восточного Кавказа. Она служит также фоном к работам по осетинским (аланским) элементам в вайнахских языках [Генко 1930; Абаев 1959; Гониашвили 1977] и вайнахском эпосе [Гаглойти 1989].

Особенно много осетинских элементов удастся обнаружить в Джераховском ущелье Ингушетии. Любопытно, что в своем описании Северного Кавказа Вахушти (нач. XVIII в.) очерки «О Кистетии», «О Дзурдзукии» и «О Глигви», поместил в раздел под названием «Описание современной Осетии или (жителей) внутреннего Кавказа» [Вахушти 1904: 150–152]. По данным археологии «раннесредневековый контингент жителей Джераховского ущелья выглядит, таким образом, как “смешанное вайнахское и аланское население” (Е. И. Крупнов) с преобладанием до X в. аланского и в XI–XII вв. галгаевского этнокультурного компонента» [Виноградов 2008: 66]. И далее: «На новом месте — в Джераховском ущелье — галгаевские переселенцы слились с давними соседями и партнерами (аланами) и постепенно ассимилировали их. Этот процесс, вероятно, протекал вплоть до начала установления татаро-монгольского господства на Кавказе, а полностью завершился в XIII–XV вв. в связи с новой волной миграций, охватившей Чечено-Ингушетию и приведшей к окончательной победе вайнахского элемента во всей зоне высокогорья и выселению в дальнейшем вайнахов на плоскость» [Виноградов 2008: 70]. Н. Г. Волкова пишет также о вторичной миграции осетин в низовья долины Армхи во второй половине XVIII в. с последующей ассимиляцией ингушами и этой волны

ираноязычных поселенцев [Волкова 1974: 128–130, 144]. В одном из документов царской администрации за 1830 г. о джераховцах сказано следующее: «Кистинцы и Джерахи (сии последние смесь осетинского племени с ингушевским) по Макалдону, впадающему в Терек близ Кайтукина поста» [АКАК, VII: 366].

Ниже мы рассматриваем несколько топонимов из Чечни и Ингушетии, которые трудно объяснить из вайнахских языков, но к которым можно подобрать этимологии на осетинской почве. При этом мы стараемся избегать упоминаний о топонимах, аланское происхождение которых уже было отмечено в научной литературе.

3.1. *Махъæлдон* ‘река Армхи в Ингушетии’ [Генко 1930: 707; Абаев 1973: 94]. По В. Б. Виноградову [2008: 69] — «река коршунов», т. к. в осетинском языке есть слово *махъыл* ‘коршун’. В действительности же гидроним происходит от осетинского *махъæл* ‘ингуши’, а этот этноним, в свою очередь, происходит от апеллятива *махъыл* ‘коршун’ [Генко 1930: 709; Абаев 1973: 95]. Любопытно отметить, что в документах царской администрации [АКАК, VII: 358, 366, 368; VIII: 677; XI: 961, 962], а также у путешественников [ОГРИП: 121] представлено осетинское название этой реки, «Макалдон», а не ингушское *Армхи*. У Вахушти эта река носит название «Кистинская речка» [Вахушти 1904: 143], «речка Кистская и Дзурдзукская» [Там же: 150]. Очевидно, «Кист(ин)ская река» — это калька осетинского *Махъæлдон*.

3.2.1. О Джераховском ущелье Ю. Клапрот в частности пишет: «Против Стир-Цми <...> на Макалдоне <...> живут две осетинские фамилии в селении Ширахекау, состоящем, собственно говоря, из двух селений, Цурате и Леанте» [ОГРИП: 121]. Т. е. селение состояло из двух кварталов, каждый из которых носил фамильное (родовое) имя населявшей его осетинской фамилии. В Осетии огромное количество таких ойконимов: родовое название в чистом виде (т. е. в форме им. падежа мн. числа) выступает в качестве названия квартала (или села). В рассматриваемом селении действительно проживали *Цуратæ* [ЕСФ: 80] и *Лиантæ* [ЕСФ: 49]. Но что означает общее название их села, в котором можно выделить компонент *-кау* (= осетинское *хъæу* ‘селение’)? Если в основе ойконима лежит осетинское *цырагъ*, то явно не в обычном значении этого слова — ‘лучина; свеча; лампа’ [Абаев 1958: 323] — а в значении ‘ель’, т. е. «дерево, из которого получают лучину». Надо полагать, что именно это значение отражено и в топониме *Цырагъласæны ком*, который мы толковали как «Ущелье, в котором заготавливают (букв. из которого вывозят) лучину» [ТЮО, II: 360].

3.2.2. О поселении казаков в четырех пунктах по Дарьяльскому ущелью в документе царской администрации за 1830 г. говорится: «1-е в селе-

нии Балте, 2-е на том месте, где была деревня Верхняя Чми, 3-е у Калмикау и 4-е в Ларсе» [АКАК, VII: 358]. В другом документе за этот год читаем: «Заняв сел. Калмикау и оставив в оном одну роту пехоты, ... кн. Абхазов с остальными войсками ... пошел далее по Кистинскому ущелью и расположился ... на ночлеге близ сел. Валакау» [АКАК, VII: 368]. Как видим, селение *Калмикау* находилось между селами Цми и Ларс, напротив Джераховского (Кистинского) ущелья. У Ю. Клапрота этот ойконим не зафиксирован. Однако Б. А. Алборов, говоря о селении Фортоуг, находящемся у самого входа в Джераховское ущелье, пишет, что это «современное осетинское *Kalmu-qäi*» [Алборов 1929: 90], что в переводе означает ‘Змеиное селение’. Нельзя не отметить, что южнее Ларса в самом конце Дарьяльского ущелья находится грузинское селение *Гвелети*, название которого состоит из груз. *гвели* ‘змея’ и суфф. *-ет-*. У Вахушти это селение известно как *Гвелис тави* [Генко 1930: 697], т. е. ‘Голова змеи’. Случаен ли тот факт, что Дарьяльское ущелье окаймлено населенными пунктами с одинаковым названием «Змеиное»?

3.2.3. Упомянутое во втором из цитированных документов селение «Валакау» в Джераховском ущелье, — это осетинское *Уаллагхъæу* ‘Верхнее селение’.

3.3. *Футон* — небольшая река в Ингушетии и Чечне (22 км в длину). На современных картах обозначена как *Фаэтонка*, или *Футан* (ингушское *Футта*). Часто упоминается в документах царской администрации. В документе за 1848 г. описан «набег на аулы Галашевцев в долине Ассы и р. Футон» [АКАК, X: 473]. В документе за 1850 г. говорится: «с Аргуна на Футон они прошли в одну ночь» [Там же: 499]. На левой стороне Футона находились Нижние Аршты [Там же: 500]. В документе за 1855 г. говорится о заселении «рр. Фортанги и Футона мирными Карабулаками» [АКАК, XI: 433]. В другом документе за этот же год говорится о «водоразделе Футона...» [Там же: 962] и т. п. Как видно из приведенного материала, река Футон течет параллельно реке Асса, находясь между реками Ассой и Аргун. Приблизительно в этом же районе течет река Шавдон, название которой имеет осетинское происхождение (см. ниже). Во второй части гидронима *Футон*, несомненно, скрывается осетинское *дон* ‘река’. В первой части, возможно, осетинское *футæг* ‘лебеда садовая’.

3.4. *Мад-хох* (*Матхох*) — гора и горный хребет между Тарской долиной (Северная Осетия) и Джераховским ущельем (Ингушетия). Ингушское название этой горы — *Mät loam* [Генко 1930: 725]. У Вахушти рассматриваемый горный хребет упомянут под описательным названием «срединная между Черкесией и Кистетией гора» [Вахушти 1904: 151], т. к. в прошлом Тарскую долину занимали адыгские племена. В документах

царской администрации эта гора известна под осетинским названием: «Перевал из Макалдона в Галгай ... от горы Матхох у Балты прямо на восток...» [АКАК, XI: 961]. В другом документе уточняется, что хребет Матхох тянется до реки Асса [АКАК, VIII: 679] в Ингушетии. В прошлом хребет Матхох отделял ингушей-галгаевцев от осетин [АКАК, VIII: 678]. Неслучайно один из перевалов на этом хребте называется *Герчочь* ‘Ирский (= осетинский) перевал’ [Алборов 1929: 88], т. е. «Перевал, ведущий в Осетию». В 1883 г. ороним *Мад-хох* разъяснен как «Гора Матери» [Гассиев 1992: 171], т. к. первая часть совпадает с осетинским *мад* ‘мать’, а также с *Мады-Майрæм* ‘Богоматерь’, букв. «Мать Мария». А. Д. Цагаева со ссылкой на А. М. Шёгрена переводит как «Гора Матфея» [Цагаева 1975: 404, 502; ср. Алборов 1979: 71], что вряд ли приемлемо, т. к. св. Матвей не был популярен в Осетии, ср. [ТЮО, I: 246]. Не исключено также толкование «Мать-гора», в смысле «главная вершина», ср. белуджский апеллятив *mātkoh* || *māskoh* ‘самый высокий пик в горной гряде’, букв. «мать-гора» [ЭСИЯ, V: 362].

3.5. По сообщению барона Услара, невысокий горный хребет, который тянется с запада на восток между Сунжей и Терekom, называется *гау*, см. [Генко 1930: 717; Абаев 1973: 345]. Это же слово имеет в чеченском языке апеллятивное употребление в значении ‘невысокий длинный горный хребет’. А. Н. Генко и В. И. Абаев видят в этом орониме и, соответственно, апеллятиве заимствование из осетинского *рагъ* ‘горный хребет’ (Там же). Иначе [Дьяконов, Старостин 1988: 177].

3.6. *Шавдон* — река в Чечне. В своем сочинении о Чечне А. П. Берже упоминает «топкую речку Шавдон», которую называет также «Шавдонкой», а также «укрепление Хоби-Шавдон» [Берже 1859: 18, 49]. В «Топонимии Чечни» [Сулейманов 1997] гидроним *Шавдон* не встречается. В этом словаре десятки раз упоминаются гидронимы, образованные от чечен. *шовда* ‘родник, источник’. Этот же апеллятив в гидронимии Чечни представлен и в форме косвенных падежей, и с послелогом: *Шовдан тлу* ‘на роднике’, *Шовдан чу* ‘в роднике’, *Шовданан боъра* ‘родниковая лощина’, *Шовдане* ‘к роднику’, *Шовданашка* ‘к родникам’, *Шовданан шере* ‘родниковая равнина’ и т. п. Можно было бы предположить, что А. П. Берже имел в виду один из подобных источников, приняв его за речку, и слегка изменив фонетический облик. Однако река *Шавдон* в Чечне надежно зафиксирована и в документах царской администрации, относящихся к 30–50-м гг. XIX в. Чаще всего мы встречаем форму *Шавдон* [АКАК, VIII: 708; IX: 425; X: 504, 515, 516, 518, 523, 524, 542, 556, 557; XI: 63; XII: 1031, 1032, 1035 и т. д.], однако зафиксированы и гидронимы *Хази-Шавдон* [АКАК, XI: 968], *Хиз-Шавдон* [АКАК, XII: 1031], *Мискирай-Шавдон* [АКАК, XII: 1064],

«ручей Шавдон» [АКАК, X: 502]. В этих же документах упоминается селение на реке Шавдон, расположенное к востоку от современного Гудермеса — *Шавдон-юрт* [АКАК, VIII: 684, 686, 687, 708, 713], *Шаудон-шари* [АКАК, VIII: 697], или *Шаудан-шари* [АКАК, X: 415], «деревня Шавдон» [АКАК, IX: 273]. Неоднократно упоминаются также селение и укрепление *Хоби-шавдон* [АКАК, X: 96, 338; XII: 644, 650, 1039, 1061, 1114, 1138, 1140, 1146]. Нет сомнений в том, что *Шавдон* — это небольшая река недалеко от Гудермеса, на которой стояли селения и укрепления. Т. е. ее никак нельзя назвать ни «родником» или «источником», ни даже «ручьем». К сожалению, в упомянутом словаре А. С. Сулейманова не приводятся сведения из исторической географии Чечни, поэтому гидроним *Шавдон* полностью выпал из поля зрения исследователя. Между тем, он требует, как минимум, лингвистических комментариев, т. к. созвучные гидронимы представлены и в других регионах Кавказа: река *Саудон* в Осетии [Цагаева 1975: 412]⁴, река *Шавдан* в Балкарии [Абаев 1979: 43; Броневский 1823: 217]⁵. Оба гидронима этимологизируются из осет. *сау* (в говорах *шау*) ‘черный’ и *дон* (в аланском *дан*) ‘река’. Имеет ли чеченский гидроним *Шавдон* такое же происхождение? Любопытно, что гидроним *Шовдан тли* ‘на роднике’ в окрестностях селения Могушта А. С. Сулейманов объясняет из чечен. *шовда* ‘родник’ и послелого *тла*, но тут же добавляет этимологию апеллятива *шовда*: «от аланско-осетинского “шов” — черный, “дон” — вода, в данном случае — родник» [Сулейманов 1997: 70]. Следует внести ясность в эти рассуждения. Чеченское *шовда*, ингушское *шовда* ‘источник, родник’ справедливо считается заимствованием из осет. *суадон* | *сауадон* ‘источник, родник’ [Генко 1930: 717; Абаев 1979: 177], точнее — из аланского **шауадан*. В. Ф. Миллер [1881: 121] полагал, что осетинское слово восходит к *сау-дон* «черная вода». Эту этимологию поддержал Дж. Чёнг [2008: 319], но отверг В. И. Абаев [1979: 177]. Но если даже правы В. Ф. Миллер и Дж. Чёнг, их этимология не представляет интереса для истории чеченских гидронимов с индикатором *шовда*, т. к. они образованы от чеченского, а не аланского апеллятива. То, что чеченский апеллятив, в свою очередь, заимствован из аланского, представляет интерес в плане межъязыковых связей. Но этот факт не может быть свидетельством присутствия алан в соответствующих регионах Чечни. Другое дело гидроним *Шавдон*. Если он

⁴ Эта река под тем же названием отмечена у Ю. Клапрота [ОГРИП: 118].

⁵ Вопреки Б. А. Алборову, ойконим *Садон* в Северной Осетии вряд ли из *Сау дон* «Черная река» [Алборов 1979: 84]. С этими гидронимами не связано и название реки *Шедон* в Карачаево-Черкесии, на которой в свое время было возведено укрепление [АКАК, XI: 970]. Для последнего гидронима ср. осет. *Седонгон*, букв. «у речки Се» — пастбище в Дигории [Цагаева 1975: 356].

связан по происхождению не с апеллятивом *шовда(н)*, а восходит непосредственно к осетинскому сочетанию *сау + дон* «черная река», то это могло бы свидетельствовать о присутствии алан в окрестностях Гудермеса. Интересно отметить, что в словаре А. С. Сулейманова отмечен гидроним *Черноречка* — название реки близ Гудермеса (без чеченского соответствия) [Сулейманов 1997: 545]. Нельзя ли допустить, что этот гидроним является наследником *Шавдон*'а, т. е. его калькой, сохранившейся в устах русского населения?

Наконец, нельзя не обратить внимания на топоним *Шалдон* в черте города Владикавказа. Не исключено, что перед нами осет. *Шаудон* 'Черная река', преобразованное на русской почве в *Шавдон*, а затем заимствованное обратно в осетинский в форме *Шалдон*. Такой же путь проделал, например, ойконим *Алагир*, восходящий к осет. *Уæлладжыр*, но приобретший в современном осетинском произношении русскую форму — *Ал(л) агир*. В плане фонетики ср. перебой *в (ÿ) > л* в оригинальной (*æвдиу > æвдил* 'демон' [Абаев 1995: 261], *æвау-æвидис* 'безупречный' > *æвал-æвидис* [ИÆ: 14], *Азаухан* — женское имя > *Азалхан* [НК, V: 63]) и заимствованной лексике осетинского языка: *хъаугъа > хъалгъа* 'спор, драка' [Алборов 1979: 162], а также осет. *шалка* 'дворовая собака' из русск. *шавка*.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

АКАК (I–XII) — *Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией*. Тифлис. 1866–1904. Т. I–XII.

Андреев 1895 — *Андреев А. П.* От Владикавказа до Тифлиса. Военно-Грузинская дорога. Тифлис: Типография Тифлиского Метехского тюремного замка.

Беджызаты 1958 — *Беджызаты Ч.* Æвзæрст уацмыстæ [Избранные произведения (на осет. яз.)]. Сталинир: Хусса Ирыстоны пад. рауагъдад.

Брытъиаты 1981 — *Брытъиаты Е.* Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1981. Т. I.

Вахушти 1904 — *Вахушти*. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. XXIV, вып. 5. Тифлис: Типография К. П. Козловского.

Галаев 1964 — *Осетинские народные песни*. Сост. Б. А. Галаев. М.: Музыка.

Гæдиаты 1959 — *Гæдиаты Ц.* Уацмыстæ. Орджоникидзе: Цæг. Ир. чингуыты рауагъдад.

Гæдиаты 1991 — *Гæдиаты С.* Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир.

Грабовский 1876а — *Грабовский Н. [Ф.]* Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис 1876. С. 1–111.

Грабовский 1876б — *Грабовский Н. [Ф.]* Присоединение к России Кабарды и борьба за ее независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 112–212.

ДМ (I) — *История Осетии в документах и материалах*. Т. I (С древнейших времен до конца XVIII века). Составители Г. Д. Тогошвили и И. Н. Цховребов. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1962.

ЕСФ — *Единый список осетинских фамильных имен*. Составители Р. С. Бзаров и З. Д. Цховребов. Цхинвал, 2013 (Спецприложение к газете «Южная Осетия»).

ИАА (III) — *Ирон адамон аргъаутта* [Осетинские народные сказки (на осет. яз.)]. Т. III. Цхинвал: Хуссар Ирыстон паддзахадон рауагъдад, 1962.

ИАС (I, II) — *Ирон адамы сфалдыстад* [Осетинское народное творчество (на осет. яз.)]. Т. I, II. Дзæуджыхъæу, 1961.

ИÆ — *Ирон æмбисæндтæ*. Æрæмбырд сæ кодта æмæ чиныг сарæзта Гуытгъиаты Хъ. Орджоникидзе: Ир, 1976.

ИНД — *Ирон нæмттæ дзырдут* / Словарь осетинских личных имен. Сост. В. Г. Цогоев. — Орджоникидзе: Ир, 1990.

Итонишвили 1971 — *Итонишвили В. Дж.* Хевис тьопъонимикъа [Топонимия Хеви (на груз. яз.)]. Тбилиси: Мецниереба.

Итонишвили 1986 — *Итонишвили В. В.* Арагвис хеоба: мтис къутхеебис локъализацина да этнонимикъис сакъитхеби [Арагвинское ущелье: вопросы локализации и этнонимии горных уголков (на груз. яз.)]. Тбилиси: Мецниереба.

КО — *Апридонидзе Ш. Т., Макалатиа П. Н.* Картули ойкъонимеби [Грузинские ойконимы (на груз. яз.)] // Тьопъонимикъа. Т. II. Тбилиси, 1980. С. 5–292.

КЦ (IV) — *Картлис Цховреба* [Жизнь Картли (на груз. яз.)]. Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1973.

Майсурадзе 1981 — *Маисурадзе И.* Картули гварсахелеби [Грузинские фамильные имена (на груз. яз.)]. Тбилиси: Мецниереба.

«МД» — журнал «Мах дуг» (на осет. яз.). Дзæуджыхъæу.

Миллер 1925 — *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. I. Л.

Миллер 1927 — *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. II. Л.

Миллер 1934 — *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. III. Л.

Нартæ 1975 — *Нартæ* [Нартовский эпос (на осет. яз.)]. Цхинвал, 1975.

НГЭБК — *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев*. М.: Наука, 1994.

НК (III, V) — *Нарты кадджытæ*. Тт. III, V. Дзæуджыхъæу, 2005, 2010.

ОГРИП — *Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.)*. Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967.

ОДНИ — *Осетинские (дигорские) народные изречения*. М.: Наука, 1980.

ППК (1, 2, 4) — *Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах*. Сост. Л. А. Чибиров. Т. I (1981), II (1983), IV (1989). Цхинвал: Ирыстон.

ПРС (I) — *Персидско-русский словарь*: В 2-х тт. М.: Рус. яз., 1985. Т. I.

Санаты 1960 — *Санаты У. Фыдæлты таурагътæ*. Орджоникидзе: Цæг. Ир. чингуыты рауагъдад.

СЛИ — *Сводный словарь* личных имен народов Северного Кавказа. М.: ФЛИНТА, 2012.

ТТУ — *Цагаева А. Дз., Абаев А. И.* Топонимия Трусовского ущелья (с добавлением топонимов Кудского ущелья и Кобской котловины) // *Фыдыуазæг / Отчий край*. Владикавказ: Проект-Пресс, 2008. С. 527–600.

Туаты 1969 — *Туаты Д.* Уацмыстæ. Т. I. Орджоникидзе: Ир.

Туаты 1970 — *Туаты Д.* Уацмыстæ. Т. II. Орджоникидзе: Ир.

Тхостов 2022 — *Тхостов С. Ц.* Путевые очерки ирона. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева.

ТЮО (I, II) — *Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А.* Топонимия Южной Осетии. Т. I (2013), Т. II (2015). М.: Наука.

«Ф» — журнал «Фидиуæг» (на осет. яз.). Цхинвал.

ХИФ 1936 — *Хуссар Ирыстоны фолклор* [Юго-осетинский фольклор (на осет. яз.)]. Сост. А. А. Тибилов. Сталинир: Изд. ЮОНИИ.

Хъайтыхъты 2008 — *Хъайтыхъты А.* Сафайы рæхыс: Таурагътæ, æмдзæвгæтæ, царды хабæртæ [Надочажная цепь: Легенды, стихи, миниатюры (на осет. яз.)]. Дзæуджыхъæу: Ир.

Цагаева 1975 — *Цагаева А. Д.* Топонимия Северной Осетии. Ч. 2. Орджоникидзе: Ир.

Цæгæраты 1984 — *Цæгæраты С.* Мæсыгамайæг. Дзæуджыхъæу: Ир.

Шанаев 1873 — *Шанаев Дж.* Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VII. Тифлис. С. 1–20.

Шёгрэн 1844 — *Шёгрэн А. М.* Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. Ч. I [Грамматика]. С. 1–560. Ч. II [Словарь]. С. 1–297. СПб.: Императорская Академия наук.

Шёгрэн 2010 — *Основоположник русского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн*: Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН.

Исследования

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Абаев В. И. Осетино-вейнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т. 1, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1959.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979.

- Абаев В. И.* Избранные труды. Т. II. Владикавказ: Ир, 1995.
- Алборов Б. А.* Осетинские названия местностей к востоку от Осетии // Сборник научного общества при Горском пединституте. Вып. I. Владикавказ. С. 87–99, 1929.
- Алборов Б. А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе: Ир, 1979.
- Алемань Агустин.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках / Пер. с англ. М.: Менеджер, 2003.
- Andronik'ašvili M.* Nark'vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan [Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.)]. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1966.
- Берже А. П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
- Берозов Б. П.* Исторические этюды (из истории возникновения осетинских сел и казачьих станиц). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992.
- Бзаров Р. С.* История в осетинском предании: Сюжет о Чермене. Владикавказ: Ир, 1993.
- Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М.: Типография С. Селивановского. 1823.
- Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II, 1869.
- Вейденбаум Е. Г.* Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис: Издание Центральной книжной торговли в Тифлисе, 1901.
- Виноградов В. Б.* Сборник избранных статей. Армавир, 2008.
- Виноградов В. Б., Чокаев К. З.* Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Т. VIII, вып. 2. Грозный, 1966.
- Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1974.
- Гаглойти Ю. С.* Осетинско-вайнахские нартские параллели // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 135–163.
- Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгики. Владикавказ: Ир. 2007.
- Гаглойти Ю. С.* Из истории Восточной Осетии // Фыдыуæзæг / Отчий край. Владикавказ: Проект-Пресс. С. 19–42. 2008.
- Ган К. Ф.* Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Вып. XL, отд. 3. Тифлис. С. 1–164. 1909.
- Гассиев А. А.* Избранные произведения. Владикавказ: Ир. (первое издание вышло в 1883 г.) 1992.
- Генко А. Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. V. С. 681–761. 1930.
- Гониашвили Т. Б.* Специфика языковых связей нахской группы с иносистемным осетинским // Материалы 5-й региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе. С. 62–69. 1977.

- Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука. С. 164–207. 1988.
- Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 2-е изд. М.: Наука. 1971.
- Калоев Б. А. Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям // Полевые исследования Института этнографии. 1979. М.: Наука. С. 207–214.
- Кусов Г. И. Поиски краеведа. Орджоникидзе: Ир, 1975.
- Кусов Г. И. Малоизвестные страницы кавказского путешествия А. С. Пушкина. Орджоникидзе: Ир, 1983.
- Кусов Г. И. Малоизвестные страницы кавказского путешествия А. С. Пушкина. Изд. 2-е, дополненное. Орджоникидзе: Ир, 1987.
- Мальсагов А. У. Ингуши. Краткая история, их участие в войнах России. Пятигорск: РИА КМВ, 2005.
- Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. I. М. 1881.
- Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М. 1887.
- Ракович В. А. Прошлое Владикавказа. Владикавказ. 1911.
- Семенов Л. П., Тедтоев А. А., Кусов Г. И. Орджоникидзе–Владикавказ. Очерки истории города. Орджоникидзе: Ир. 1972.
- Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. Нальчик: Эль-Фа. 1997.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. Т. I. М.: Прогресс, 1986.
- Цховребова З.Д. Названия населенных пунктов (по административным районам); гор, горных хребтов, перевалов; озер, рек, минеральных источников Республики Южная Осетия. — Цхинвал (Рукопись). 2010.
- Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма / Пер. с англ. Владикавказ; Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева. 2008.
- Чокаев К. З. Из иранской топонимии Чечено-Ингушетии // Проблемы осетинского языкознания. Вып. 2. Орджоникидзе. С. 104–112. 1987.
- Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. V. М.: Вост. лит., 2005.
- Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Bailey H. W. Ossetic (Nartä) // J. B. Hainsworth, & A. T. Hatto (Eds.), *Traditions of Heroic and Epic Poetry* (pp. 236–267). London: MHRA, 1980.

REFERENCES

Sources

- Akty, sobrannye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei. Tiflis. 1866–1904. T. I–XII.
- Andreev A. P. Ot Vladikavkaza do Tiflisa. Voenno-Gruzinskaia doroga. Tiflis: Tipografiia Tiflisskogo Metekhskogo tiuremnogo zamka, 1895.

Bedzhzhyaty Ch. Ævzærst uatsmystæ [Izbrannye proizvedeniia (na oset. iaz.)]. Stalinir: Khussa Irystony pad. Rauagdad, 1958.

Brytiaty E. Uatsmystæ. Dzæudzhikhæu: Ir, 1981. T. I.

Vakhushti. Geografia Gruzii. Vvedenie, perevod i primechaniia M. G. Dzhanashvili // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. XXIV, vyp. 5. Tiflis: Tipografia K. P. Kozlovskogo, 1904.

Osetinskie narodnye pesni. Sost. B. A. Galaev. Moskva: Muzyka, 1964.

Gædiaty Ts Uatsmystæ. Ordzhonikidze: Tsæg. Ir. chinguyty rauagdad, 1959.

Gædiaty S. Uatsmystæ. Dzæudzhikhæu: Ir, 1991/

Grabovskii N. [F.] Ingushi (ikh zhizn' i obychai) // Sbornik svedenii o kav-kazskikh gortsakh. Vyp. IX. Tiflis 1876. S. 1–111.

Grabovskii N. [F.] Prisoedinenie k Rossii Kabardy i bor'ba za ee nezavi-simost' // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Vyp. IX. Tiflis, 1876. S. 112–212.

Istoriia Osetii v dokumentakh i materialakh. T. I (S drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka). Sostaviteli G.D. Togoshvili i I.N. Tskhovrebov. Tskhinvali: Gosizdat Iugo-Osetii, 1962.

Edinyi spisok osetinskikh famil'nykh imen. Sostaviteli R. S. Bzarov i Z. D. Tskhovrebova. Tskhinval, 2013 (Spetsprilozhenie k gazete «Iuzhnaia Osetia»).

Iron adæmon argæuttæ [Osetinskie narodnye skazki (na oset. iaz.)]. T. III. Tskhinval: Khussar Irystony paddzakhadon rauagdad, 1962.

Iron adæmy sfældystad [Osetinskoe narodnoe tvorchestvo (na oset. iaz.)]. T. I, II. Dzæudzhikhæu, 1961.

Iron æmbisændtæ. Æræmbyrd sæ kodta æmæ chinyg saræzta Guytiaty Kh. Ordzhonikidze: Ir, 1976.

Iron næmtty dzyrduat / Slovar' osetinskikh lichnykh imen. Sost. V. G. Tsogoev. Ordzhonikidze: Ir, 1990.

Itonishvili V. Dzh. Khevis toponimika [Toponimiia Khevi (na груз. iaz.)]. Tbilisi: Metsniereba, 1971.

Itonishvili V. V. Aragvis kheoba: mtis kutkheebis lokalizatsiisa da etno-nimikis sakitkhebi [Aragvinskoe ushel'e: voprosy lokalizatsii i etnonimiki gornykh ugoikov (na груз. iaz.)]. Tbilisi: Metsniereba, 1986.

Apridonidze Sh.T., Makalatia P.N. Kartuli oikonimebi [Gruzinskie oi-konimy (na груз. iaz.)] // Toponimika. T. II. Tbilisi, 1980. S. 5–292.

Kartlis Tskhovreba [Zhizn' Kartli (na груз. iaz.)]. Podgotovil k izdaniuu po vsem osnovnym rukopisiam S. G. Kaukhchishvili. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1973.

Maisuradze I. Kartuli gvarsakhebi [Gruzinskie famil'nye imena (na груз. iaz.)]. Tbilisi: Metsniereba, 1981.

ZHurnal «Makh dug» (na oset. iaz.). Dzæudzhikhæu.

Miller V. F. Osetinsko-russko-nemetskii slovar'. T. I. L., 1925.

Miller V.F. Osetinsko-russko-nemetskii slovar'. T. II. L., 1927.

Miller V. F. Osetinsko-russko-nemetskii slovar'. T. III. L., 1934.

- Nartæ [Nartovskii epos (na oset. iaz.)]. Tskhinval, 1975.
- Narty. Geroicheskie epos balkartsev i karachaevtsev. Moskva: Nauka, 1994.
- Narty kaddzhytæ. Tt. III, V. Dzæudzhykhæu, 2005, 2010.
- Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XIII–XIX vv.). Sost. B. A. Kaloev. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izd-vo, 1967.
- Osetinskie (digorskie) narodnye izrecheniia. Moskva: Nauka, 1980.
- Periodicheskaia pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. Sost. L. A. Chibirov. T. I (1981), II (1983), IV (1989). Tskhinval: Iryston.
- Persidsko-russkii slovar': V 2-kh tt. Moskva: Rus. iaz., 1985. T. I.
- Sanaty U. Fydæltý taurægtæ. Ordzhonikidze: Tsæg. Ir. chinguyty rauagdad, 1960.
- Svodnyi slovar' lichnykh imen narodov Severnogo Kavkaza. Moskva: FLINTA, 2012.
- Tsagaeva A.Dz., Abaev A.I. Toponimiia Trusovskogo ushchel'ia (s dobavleniem toponimov Kudskogo ushchel'ia i Kobskoï kotloviny) // Fydyuæzæg / Otchii krai. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2008. S. 527–600.
- Tuaty D. Uatsmystæ. T. I. Ordzhonikidze: Ir, 1969.
- Tuaty D. Uatsmystæ. T. II. Ordzhonikidze: Ir, 1970.
- Tkhostov S. TS. Putevye ocherki irona. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriiatie im. V. A. Gassieva, 2022.
- Tskhovrebova Z. D., Dzitsitsoity IU. A. Toponimiia IUzhnoi Osetii. T. I (2013), T. II (2015). Moskva: Nauka.
- Zhurnal «Fidiuæg» (na oset. iaz.). Tskhinval.
- Khussar Irystony folklor [Iugo-osetinskii fol'klor (na oset. iaz.)]. Sost. A. A. Tibilov. Stalinir: Izd. IUONII, 1936.
- Khaitykhty A. Safaiy rækhys: Taurægtæ, æmdzævgætæ, tsardy khabærttæ [Nadochazhnaia tsep': Legendy, stikhi, miniatiury (na oset. iaz.)]. Dzæudzhykhæu: Ir, 2008.
- Tsagaeva A. D. Toponimiia Severnoi Osetii. Ch. 2. Ordzhonikidze: Ir, 1975.
- Tsægæraty S. Mæsygamaïæg. Dzæudzhykhæu: Ir, 1984.
- Shanaev Dzh. Prisiaga po obychnomu pravu osetin // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Vyp. VII. Tiflis. S. 1–20, 1873.
- Shegren A. M. Osetinskaia grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim. Ch. I [Grammatika]. S. 1–560. Ch. II [Slovar']. S. 1–297. Sankt-Peterburg : Imperatorskaia Akademiia nauk, 1844.
- Osnovopolozhnik rossiiskogo akademicheskogo kavkazovedeniia akademik Andrei Mikhailovich Shegren: Issledovanie. Teksty. Moskva: IMLI RAN, 2010.

Research

- Abaev V. I. Osetinskii iazyk i fol'klor. T. I. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.
- Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka. T. I. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958.

- Abaev V. I. Osetino-veinakhskie leksicheskie paralleli // *Izvestiia CHINII istorii, iazyka i literatury*. T. 1, vyp. 2. Iazykoznanie. Groznyi, 1959.
- Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka*. T. II. L.: Nauka, 1973.
- Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka*. T. III. L.: Nauka, 1979.
- Abaev V. I. *Izbrannye trudy*. T. II. Vladikavkaz: Ir, 1995.
- Alborov B. A. Osetinskie nazvaniia mestnostei k vostoku ot Osetii // *Sbornik nauchnogo obshchestva pri Gorskompedinstitute*. Vyp. I. Vladikavkaz. S. 87–99, 1929.
- Alborov B. A. *Nekotorye voprosy osetinskoi filologii*. Ordzhonikidze: Ir, 1979.
- Aleman' Agusti. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* / Per. s angl. Moskva: Menedzher, 2003.
- Andronik'ašvili M. *Nark'vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan* [Ocherki po iransko-gruzinskim iazykovym vzaimootnosheniiam (na gruz. iaz.)]. T. I. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo universiteta, 1966.
- Berzhe A. P. *Chechnia i chechentsy*. Tiflis, 1859.
- Berozov B. P. *Istoricheskie etiudy (iz istorii vozniknoveniia osetinskikh sel i kazach'ikh stanits)*. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 1992.
- Bzarov R. S. *Istoriia v osetinskom predanii: Siuzhet o Chermene*. Vladikavkaz: Ir, 1993.
- Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiia o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim. CH. II. Moskva: Tipografiia S. Selivanovskogo. 1823.
- Butkov P. G. *Materialy dlia novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* Ch. II, 1869.
- Veidenbaum E. G. *Kavkazskie etiudy. Issledovaniia i zametki*. Tiflis: Izdanie Tsentral'noi knizhnoi torgovli v Tiflise, 1901.
- Vinogradov V. B. *Sbornik izbrannykh statei*. Armavir, 2008.
- Vinogradov V. B., Chokaev K. Z. *Iranskie elementy v toponimii i gidronimii Checheno-Ingushetii* // *Sbornik statei i materialov po voprosam nakhskogo iazykoznaniiia*. T. VIII, vyp. 2. Groznyi, 1966.
- Volkova N. G. *Etnicheskii sostav naseleniia Severnogo Kavkaza v XVIII — nachale XX v.* Moskva: Nauka, 1974.
- Gagloiti Iu. S. *Osetinsko-vainakhskie nartskie paralleli* // *Problemy etnografii osetin*. Ordzhonikidze: Ir, 1989. S. 135–163.
- Gagloiti Iu. S. *Alano-Georgika*. Vladikavkaz: Ir. 2007.
- Gagloiti Iu. S. *Iz istorii Vostochnoi Osetii* // *Fyduæzæg / Otchii krai*. Vladikavkaz: Proekt-Press. S. 19–42. 2008.
- Gan K. F. *Opyt obiasneniia kavkazskikh geograficheskikh nazvanii* // *SMOMPK*. Vyp. XL, otd. 3. Tiflis. S. 1–164. 1909.
- Gassiev A. A. *Izbrannye proizvedeniia*. Vladikavkaz: Ir. (pervoe izdanie vyshlo v 1883 g.) 1992.
- Genko A. N. *Iz kul'turnogo proshlogo ingushei* // *Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee AN SSSR*. L.: Izd-vo AN SSSR, 1930. T. V. S. 681–761. 1930.

Goniashvili T. B. Spetsifika iazykovykh svyazei nakhskoi gruppy s inosistemnym osetinskim // Materialy 5-i regional'noi nauchnoi sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniiu iberiisko-kavkazskikh iazykov. Ordzhonikidze. S. 62–69. 1977.

D'iakonov I. M., Starostin S. A. Khurrito-urartskie i vostochnokavkazskie iazyki // Drevnii Vostok: etnokul'turnye svyazi. Moskva: Nauka. S. 164–207. 1988.

Kaloev B. A. Osetiny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. 2-e izd. Moskva: Nauka. 1971.

Kaloev B. A. Proiskhozhdenie nekotorykh osetinskikh familii po narodnym predaniyam // Polevye issledovaniia Instituta etnografii. 1979. Moskva: Nauka. S. 207–214.

Kusov G. I. Poiski kraevedy. Ordzhonikidze: Ir, 1975.

Kusov G. I. Maloizvestnye stranitsy kavkazskogo putestestviia A. S. Pushkina. Ordzhonikidze: Ir, 1983.

Kusov G. I. Maloizvestnye stranitsy kavkazskogo putestestviia A. S. Pushkina. Izd. 2-e, dopolnennoe. Ordzhonikidze: Ir, 1987.

Mal'sagov A. U. Ingushi. Kratkaia istoriia, ikh uchastie v voynakh Rossii. Piatigorsk: RIA KMV, 2005.

Miller V. F. Osetinskie etiudy. Ch. I. M. 1881.

Miller V. F. Osetinskie etiudy. Ch. III. M. 1887.

Rakovich V. A. Proshloe Vladikavkaza. Vladikavkaz. 1911.

Semenov L. P., Tedtoev A. A., Kusov G. I. Ordzhonikidze–Vladikavkaz. Ocherki istorii goroda. Ordzhonikidze: Ir. 1972.

Suleimanov A. S. Toponimiia Chechni. Nal'chik: El'-Fa. 1997.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka / Per. s nem. T. I. Moskva: Progress, 1986.

Tskhovrebova Z. D. Nazvaniia naselennykh punktov (po administrativnym raionam); gor, gornykh khrebtov, perevalov; ozer, rek, mineral'nykh istochnikov Respubliki Iuzhnaia Osetiia. Tskhinval (Rukopis'). 2010.

Cheng Dzh. Ocherki istoricheskogo razvitiia osetinskogo vokalizma / Per. s angl. Vladikavkaz; Tskhinval: Izdatel'skopoligraficheskoe predpriiatie im. V. Gassieva. 2008.

Chokaev K. Z. Iz iranskoi toponimii Checheno-Ingushetii // Problemy osetinskogo iazykoznaniia. Vyp. 2. Ordzhonikidze. S. 104–112. 1987.

Edel'man D. I. Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov. T. V. Moskva: Vost. lit., 2005.

DOI: 10.46698/VNC.2024.82.49.001

Гарник Серобович Асатрян

доктор филологических наук, профессор,
директор Института востоковедения РАН
(0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина 123)
E-mail: garnikasatryan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Азамат Асланбекович Бетрозов

лаборант-исследователь, Научно-иссле-
довательский отдел «Центр скифо-аланских
исследований» ВНИИ РАН (363110, РСО-
Алания, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1).
E-mail: a.betrozoff@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

АРМЕНИЗМЫ В ОСЕТИНСКОМ

Аннотация. В статье рассматривается общий круг вопросов, касающихся возможных арменизмов в осетинском языке, в частности, намечаются некоторые методологические контуры определения армянских заимствований в осетинской лексике. Авторами делается попытка систематизации материала по определенным категориям, вносятся уточнения и предлагаются новые этимологии и пояснения.

Ключевые слова: арменизмы в осетинском, арменизмы в грузинском, осетинский, армянский, аланский, грузинский

Для цитирования: Асатрян Г. С., Бетрозов А. А. Арменизмы в осетинском // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 247–257.

Рукопись поступила в редакцию 12.10.2024

Рукопись принята к печати 4.11.2024

Garnik Serobovich Asatrian

Prof. Dr. Sc., Head of the Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian Slavonic University (0051, Armenia, Yerevan, st. Hovsep Emin 123)
E-mail: garnikasatrian@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Azamat Aslanbekovich Betrozov

research assistant, Research department “Center for Scytho-Alanic Studies” of VSC RAS (363110, North Ossetia-Alania, Mikhailovskoe village, Williams St., 1.)
E-mail: a.betrozoff@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

ARMENISMS IN OSSETIC

Abstract. The article presents a general outline of problems concerning possible Armenian borrowings in the Ossetian language. It includes particularly some methodological principles for identification of Armenian loanwords in the Ossetian lexicon. The authors try to systematise the material into certain categories, make clarifications, propose new etymologies and explanations.

Key words: Armenisms in Ossetic, Armenian Loans in Georgian, Ossetic, Armenian, Alanian, Georgian

For citation: Asatrian G.S., Betrozov A.A. Armenisms in Ossetic // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. P. 247–257.

Received on 12 October 2024

Accepted on 4 November 2024

0. Еще в середине прошлого века Э. Бенвенист настаивал на необходимости изучения заимствованной лексики осетинского языка: «Приходится сожалеть, — писал он, — что многочисленные заимствования из соседних языков в осетинском пока не подвергались систематическому изучению» (Benveniste 1959: 16–17, fn. 2). Оставляя в стороне прочие инородные слои осетинского словаря, следует отметить, что это утверждение особенно верно в отношении армянских элементов в осетинском. В этой сфере царит полная неразбериха: имеющиеся отдельные публикации по данной теме в целом либо не выходят за рамки дилетантских спекуляций,

либо представляют собой сумбурное повторение общеизвестных фактов, взятых в основном из словаря В. И. Абаева, не всегда, кстати, релевантно отражающего армянские языковые реалии. Наша статья – первая попытка внесения системности в определение и классификацию осетинских лексем армянского происхождения¹.

Абсолютное большинство армянских лексических единиц, отмеченных в осетинском, проникли в язык, как правило, через грузинское посредство, что вполне естественно в отсутствие осетино-армянской контактной зоны. По сути, вероятность прямых заимствований в осетинский из армянского крайне мала – эту опцию вообще следовало бы исключить из повестки анализа армяно-осетинских языковых фактов.

Тем не менее, в осетинском зафиксирован ряд лексем явно армянского происхождения (см. ниже, § 2), не имеющих признаков грузинской аффилиации, проявляющейся преимущественно в наличии грузинского показателя номинатива *-i*. Эти формы должны быть отнесены к категории ранних заимствований, но не в осетинский, а в аланский – судя по всему, прямой предок первого. Таким образом, в случае с арменизмами без грузинской адаптации речь может идти лишь об аланском лексическом наследии. Кстати, этот же важный методологический принцип должен учитываться и при определении средне-западноиранских элементов в осетинском, ибо наличие в современной осетинской лексике новоперсидских – даже ранних – заимствований может быть обусловлено исключительно иноязычным, скорее всего, тюркским, посредством. Посему, в осетинском не могут быть непосредственные заимствования как из армянского, так и из новоперсидского. Любые работы, направленные на поиск подобной лексики в осетинском, не более чем спекулятивные рассуждения. В данном контексте, например, выведение осетинского *(i)zæd* “божество” из новоперсидского *īzad*² попросту невозможно, поскольку, во-первых, прямых общений между осетинами и носителями персидского языка в новоиранский период не отмечено, а, во-вторых, данное слово встречается исключительно в классической литературе и в разговорной речи никогда не употреблялось. С другой стороны, предположение В. И. Абаева (ИЭСОЯ IV: 291) о древнеиранской родослов-

¹ Общую характеристику армянского и осетинского в плане типологии и их так называемого «общего субстрата», см. Абаев 1970; Schmidt 1974; см. также Vogt 1988, рассматривающий эти языки в формате языкового союза с картвельским и тюркским.

² Обычно со ссылкой на Х. Хюбшманна (Hübschmann 1887: 125), хотя великий Хюбшманн, разумеется, не мог допустить такую оплошность: объясняя происхождение осетинского *(i)zæd* “Engel”, он отмечает в лапидарном стиле *np.* (= *neupesisch*) *īzad*, т. е., по сути, “ср. н.-перс. *īzad*”, но, к сожалению, это утверждение воспринимается именно как, если бы он якобы говорил о заимствовании из новоперсидского.

ной этого термина, из иран. **jažata-*, тоже необосновано по причине абсолютного отсутствия зороастрийских следов во всей скифской конгломерации, включая алан. Понятно, что в данном случае мы имеем дело с древним элементом, проникшим в язык в период аланских нашествий на регион (I–II вв. н.э.) – либо из среднеперсидского, либо из парфянского *yazat/d* (более подробно см. Асатрян 2024: 686). Что касается скифо-сарматских личных имен с соответствующим элементом, приведенных В. И. Абасевым в качестве подтверждения своего видения, то этот аргумент не может считаться доказательным (см., в частности Cheung 2002: 93–94, fn. 46, 253). Таким образом, любой среднеиранский элемент в осетинском должен рассматриваться как пережиток аланского наследия, а любое новоперсидское слово – как, скорее, тюркизм. Точно также любое слово в осетинском, идентифицируемое как арменизм, но лишенное признаков грузинской адаптации, должен однозначно рассматриваться как продукт аланского периода³.

Наконец, при идентификации армянских элементов в осетинском следует выделить также особые группы, включающие сомнительные случаи и регионализмы (т. е. культурные термины, имеющие общекавказскую представленность).

1. Термины армянского происхождения, проникшие в осетинский через грузинский язык

— **Осет. *aguri* | *agori*** “кирпич”, из груз. *aguri* “тж.” < арм. *agur* “тж.”, из перс. *āgūr* (также *ājū/ur*); источник – аккад. *agurru* “тж.”.

— **Осет. *bal* | *bali*** “вишня”, из груз. *bali* “тж.” < арм. *bal* “тж.”, идущего из н.-перс. *bālū* (*ālū-bālū*) “тж.” – без установленной этимологии (см. Hübschmann 1897: 263; НАВ I: 382; ИЭСОЯ I: 233); по форме подразумевает иран. **(H)uward-* “расти, увеличиваться”.

— **Осет. *dik’i*** “бурдюк”, из груз. *ṭīki* “тж.” < арм. *tik* “тж.”, имеющего безупречную и.-е. этимологию, из **dik-* (см. НАВ IV: 405; Jahukyan 2010: 729).

— **Осет. *erdo*** “отверстие в плоской крыше сакли для выхода дыма” (ИЭСОЯ I: 412–413), из груз. *erdo* “плоская крыша” < арм. *erd(-oy)* “отверстие в крыше, кровле, пропускающее свет и служащее как дымоволок; очаг; дом; семья”, слово классического периода — не имеет достоверной этимологии (см. Jahukyan 2010: 222).

³ Мы, конечно, за исключением одного случая (см. ниже § 4), не рассматриваем явные идеофоны типа осет. *bumbuli* | *bomboli*, *bunbuli*, арм. *bəmbul*, груз. *bumbuli* “пух”, и т. д., а также поверхностные совпадения как осет. *mætatyk* | *tatuk* “название съедобного растения” и арм. диал. *matatuk* “вид съедобного растения”.

— **Осет.** *garak'i (garači)* “масло сливочное”, из груз. *ḡaraki* < арм. *karag/k* “тж.”, из ср.-перс. **karak/g*, н.-перс. *kara* – без установленной этимологии (см. подробно Asatrian, forthcoming, s.v. *kara*).

— **Осет.** *got'osi* “инструмент для высасывания крови, делается из бычьего рога” (ИЭСОЯ I: 525), из груз. *koṭoši* “тж.” < арм. диал. *kotoš* “рог” – не имеет достоверной этимологии: кроме сомнительной н.-перс. формы *gadāš* “рог”, отмеченной только в словаре Шу‘ури (XVIII в., не очень достоверный источник), других свидетельств нет. В османско-турецком *qodoš* обозначает “сутенер” (в современном турецком *pezevenk*), возможно, из арм. диал. *godoš*.

— **Осет.** *gyk'yna* | *gek'un* “кукла; девочка”, из груз. *ṭikina* “кукла” < арм. *tikin* “госпожа, дама”, слово классического периода – исконно армянская форма (см. подробно НАВ IV: 406).

— **Осет.** *k'abic* “название меры сыпучих тел”, из груз. *ḡabici* “старинная мера сыпучих тел” < арм. *kapič* “мера сыпучих тел; мера измерения вина” (НАВ II: 525; Benveniste 1959: 16), идущего из ср.-перс. *krus* / *kapīč* “тж.”, н.-перс. *kavīz*, *kavīž* “тж.”; из иранского проникло и в греческий, ср. греч. *καπίθη* (Brust 2008: 299 ff.; Beekes 2010: 638).

— **Осет.** *k'otyr* “банкрот”, из груз. *koṭri* “тж.” < арм. диал. *kotər* / *kotor*, употребляемое с глаголом *ənknel* “падать” в значении “обанкротиться”, *kotər* “банкрот”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 637) не упоминает армянскую форму.

— **Осет.** *k'ūpri* | *k'up(u)ri* “бурдюк (пропитанный смолой)”, из груз. *ḡupri* “деготь” < арм. *kupr* “смола, деготь, мазут”, идущего из месопотамского источника (см. Hübschmann 1897: 308; НАВ II: 661–662). Однако, армянское слово отражает, скорее, ср.-перс. **kupr*, а не прямо месопотамскую форму.

— **Осет.** *k'yr* | *k'iræ* “известь”, из груз. *ḡiri* “тж.” < арм. *kir* “тж.”; слово семитского (ср. араб. *ḡīr* “известь”) происхождения (Hübschmann 1897: 172; НАВ II: 593).

— **Осет.** *kažī* “бес, дух преисподней”, из груз. *kaži* < арм. *k'aj-k'* (подробно об этимологии слова с указанием исчерпывающей литературы, см. Асатрян 2024: 688–689).

— **Осет.** *mac'oni* “кислое молоко, мацун”, из груз. *maṣoni* “тж.” < арм. *masun* — слово безупречной и.-е. этимологии (см. Hübschmann 1897: 471–472; НАВ III: 228–229).

— **Осет.** *wardi* “роза”, из груз. *vardi* “тж.” < арм. *vard* “тж.”, из парф. **vard*, ср. также согд. *wtδ* / *warδ*, авест. *varəda-* < иран. **yarda-*, но ср.-перс. *gwl* / *gul* и н.-перс. *gul* < иран. **(H)urda-*.

— **Осет.** *wazi* “виноградная лоза”, из груз. *vazi* “лоза” < арм. *vaz* “виноградная лоза, побеги виноградаря”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ IV: 62) источ-

ником этих слов считает перс. *vāzīj* “виноградная ветвь”, но в действительности такого слова в персидском нет, это типичный пример т. н. *tašhīf*-а, ошибки писца. На самом деле, груз. *vazi* восходит к арм. *vaz*, что буквально означает “побег”, от глагола *vazem* “бегать”.

— **Осет.** *wirag* “еврей, иудей” (через **uriag*), из груз. *uria* < арм. *hrey* (< **hureay* < **hudeay*), которое восходит, вероятно, к парф. **yāhūdūyā* (ср. ман. парф. *yhw*d / *yahūd* “иудей”).

— **Осет.** *zeti* “масло растительное”, из груз. *zeti* “тж.” < арм. *jet* ‘, отражающего ср.-перс. *zyt* / *zait* “оливка” < сир. *zaitā* (ср. также араб. *zait*).

2. Арменизмы, восходящие к аланскому периоду

— **Осет.** *būlk*’ | *bolgæ* “редька”. В. И. Абаев (ИЭОСЯ I: 270) выводит из груз. *boloki* “тж.”. Тем не менее, более вероятно заимствование в древний период из арм. *bol*k “редька, редиска”, имеющего хорошую и.-е. этимологию, из **bhol-* с расширением *-k-* (ср. греч. *φύλλον*, лат. *folium*) (см. НАВ I: 465; Jahukyan 2010: 134; Martirosyan 2010: 181–182). Грузинская форма заимствована из армянского.

— **Осет.** *kalak* “город”. В. И. Абаев (ИЭОСЯ I: 569) объясняет из груз. *kalaki* “город”, хотя слово выступает без грузинского форманта номинатива *-i* — основного показателя осетинских лексем грузинского происхождения, в том числе идущих из армянского, как в случае с большинством форм, рассмотренных выше (см. §1). Несмотря на ограниченное распространение слова в осетинском (на севере — *goræt* = русск. *город* и *saxar* = перс.-тюрк. *šahar*), тем не менее вероятность древнего заимствования из армянского в аланский период очень высока.

Армянское *kalak*, на первый взгляд, проще всего было бы объяснить из ср.-перс. *kl’k* / *kalāk* “крепость” (ср. также н.-перс. *kalāt* и *kalā*), но, основываясь на этимологии, предложенной Э. Хампом (Hamp 1985: 52), из и.-е. **t₁polH-* через позднюю ступень **t₂olH-* (ср. греч. *πόλις* < *πτόλις*), можно предположить, что иранские формы восходят к армянскому источнику, что вполне возможно, учитывая урартское влияние на иранскую архитектуру и градостроительство ахеменидского периода (см. Ghirshman 1962; об истории иранских форм подробно, см. Asatryan, forthcoming, s. v. *kalāt*; см. также Schmitt 1981: 170).

— **Осет.** *læzæg* “палка, посох”. Это, судя по всему, древнее заимствование аланского периода из арм. *lcak* / *læcak* “рычаг”, суффиксального образования (с *-ak*), засвидетельствованного еще в переводе Библии (V в.), от *luc* “ярмо; иго; бремя”, слово исконно и.-е. происхождения (НАВ II: 301; Jahukyan 2010: 302; Martirosyan 2010: 316–317). Такого же мнения и В. И. Абаев

(ИЭСОЯ II: 18-19), хотя и параллельно предлагает альтернативную, но бесперспективную и.-е. версию. Озвончение армянских глухих *-с-* и *-к* произошло уже в осетинском: арм. суффикс *-ak* адаптировался в осет. *-æg*, а далее – под влиянием конечного звонкого – арм. *-с-* превратилось в осет. *-з-*.

— **Осет. *malūsæg*** “подснежник” < арм. *manūšak*, которое, в свою очередь, заимствовано из ср.-перс. *wnpšk’* / *vanafšak*; ср. в кавказских языках, например, дарг. *manafša*. Осетинская форма не может быть из среднеперсидского. Армянское слово зафиксировано в наиболее ранних образцах армянской литературы V в. (НАВ III: 256).

— **Осет. *mæxæl*** “кожаный мешок” (ИЭСОЯ II: 109) < арм. *maxal* “мешок, торба; бушлат”, слово классического периода, заимствовано и в грузинском как *maxal* и *maxalaki*; последнее предполагает арм. **maxalak*. Этимологии нет, но скорее всего, из иранского.

— **Осет. *zūg* | *zog*** “стадо, гурт, стая”. По В. И. Абаеву (ИЭСОЯ I: 399), слово усвоено из соседних кавказских языков; приводя несколько картвельских форм, груз. *žogi*, сван. *žveg*, в этом ряду, он при этом упоминает и арм. *žok*, первичное значение которого, скорее, “отделенный, раздельный”, а не “группа; табун и т. д.” Последнее значение слово приобрело в сочетании с суффиксом *-at* (в процессе контаминации с глаголом *hatanem* “разделять, отделять; резать”), т. е. *žokat*, которое обозначает также “отряд, рота”. Армянское слово засвидетельствовано с среднеармянского периода, но, по всей видимости, восходит к ср.-перс. **žōk* (< **yōk*) < **jaṇ(a)ka-* (иран. **jaṇ-* “разделять”), ср. также н.-перс. *judā* (< **jutā-ka-*), курд. *jihē* “разделенный, раздельный” (см. подробно Asatrian forthcoming, s. v. *žō*“х). Грузинские формы заимствованы из армянского.

— **Осет. *wuzun* | *uzun*** “еж”. – Данное осетинское слово, часто упоминаемое в штудиях по и.-е. сравнительной лингвистике в качестве иранской параллели названий ежа в ряде и.-е. языков (греч. *εἰςίνοϛ*, арм. *ozni*, ст.-слав. *ježь*, русск. *ёж*, лит. *ežys*, нем. *Igel* и т. д.), на самом деле представляет собой довольно спорный случай. И.-е. праформа имени данного животного – **h₁eǵhi-*, выступает с суффиксами **-Hno-* и *-jo-*, причем и с огласовкой *-o-*, как в арм. (< **h₁oǵhi(H)nijo-*). Но следует отметить, что в индоиранском соответствующие параллели в рамках и.-е. лексической парадигмы нигде не встречаются. Тем не менее, гипотетическую иранскую праформу этого зоонима можно с уверенностью восстановить как **ažina-*, которое отразилось бы в осетинском как **æzin*. В. И. Абаев (ИЭСОЯ IV: 129) склонен объяснять эту девиацию “табуистической деформацией”, что не убедительно – ладно, если бы имелось несколько надежных соответствий в индоарийских или иранских языках. Однако, при отсутствии таких исконность осетинской формы выглядит весьма спорной. Очевидно, что мы имеем дело с заимствованием, наиболее вероятным источником ко-

торого может быть некая диалектная форма классического армянского *ozni* в период активных армяно-аланских контактов, породивших даже общие мифологические циклы (см., например, Fritz/Gippert 2005; Gevorgian 2007).

3. Регионализмы

— Осет. *gūton* | *goton* “плуг”. — Понятно, что данное слово не может быть исконным в осетинском, учитывая тот факт, что земледелие как вид хозяйственной деятельности однозначно не было приоритетным для предков осетин — сарматов, алан и скифов вообще. К тому же, это слово имеет довольно широкое распространение в языках региона (см. НАВ I: 587; ИЭСОЯ I: 527): в н.-перс. *kūtān*, арм. *gut'an*, груз. *gutani*, авар. *kutan*, курд. *k'utān* (< арм.) и т. д. В. И. Абаев (там же) склонен считать источником всех этих форм скиф. **skutan*, обозначающее якобы “скифский (плуг)”, что не очень убедительно. Более правдоподобно иранское происхождение этого важного сельскохозяйственного термина. По предположению Д. Буянера (apud Asatrian, forthcoming, s. v. *kūtān*), слово (перс. *kūtān* < **gōtān*) можно вывести из иран. **gau-tāna*- со значением “(инструмент) притягиваемый волами”. Фонетический облик осетинского слова не оставляет сомнения в том, что перед нами заимствованный элемент, а не продолжение древнеиранской формы — ожидалось бы **γot'on* или **qūt'on*. В любом случае, рассматриваемое слово можно считать общим ирано-кавказским культурным термином.

4. Сомнительные случаи

— Осет. *ængūz* | *ængoza* “гречский орех”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 160-161) приводит ближайшие связи, среди которых арм. *angoz*, *ankoyz*, груз. *nigozi* и пишет, что начальное *n-* (ос. *æn-*, и арм. *ən-*, груз. *ni-*) представляет наращение, возникшее на кавказской почве. На самом же деле арм. *ankoyz* восходит к более ранней форме **ankoyz* < ср.-иран. **hangōz* (редуцирование *-a-* в *-ə-* обусловлено преакцентной позицией гласного в армянском: **hangóz*), а последнее — из иран. **han-gauza*. Из этого следует, что осет. *ængūz* | *ængoza* и арм. *ankoyz* восходят к единой праформе, а начальное *n-* в них — не кавказское наращение, а является закономерным развитием иранского преверба **han-* или **ham-*. Что касается груз. *nigozi*, то оно идет из ср.-иран. **ni-gōz* < **ni-gauza-*, с превербом **ni-*.

— Осет. *zylak'uy* (дылак'уы) | *zilik'u* “мелкий лук, лук-сеянец”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 404) рассматривает как заимствование из грузинского *člakvi* “лук-сеянец”, объясняя при этом не обычное отражение груз. *č-* в осет. как *з-* (вместо *с'-*) результатом диссимилятивного озвончения. Тем не менее, нам кажется, что более вероятно связь с арм. *cil(-ik)* “росток,

стебель, саженец, злак”, точнее из диал. формы *jil(-ik)* (*j=dz*). Армянское слово имеет хорошую и.-е. этимологию (см. Jahukyan 2010: 362), она заимствована и в курдских диалектах, и в заза как *zīl(-ik)* (арм. *j* регулярно дает в курдском *z*). И в турецких диалектах слово отмечено как *zil* “росток, побег”, *zillemek* “давать ростки”.

— **Осет. *k'alati*** “корзинка, клетка (птичья)”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 617) считает заимствованием из груз. *kalata*, взятого, по его мнению, из арм. *kalat*, восходящего к греч. *κάλαθος* “корзина”. Однако, тут не все верно, ибо, во-первых, в армянском не существует *kalat*, а есть слово *kalat'*, что значит “плетеная корзина” (GB: 541; см. также Hübschmann 1897: 353), и восходит оно действительно к упомянутой греческой форме. Но осетинское слово не может быть заимствованием из грузинского, а отражает византийско-греческое *κάλαθη* (ср. *κάλαθηφόρος* “носящий корзину”; см. Sophocles 1900: 620), которое произносилось в то время, как *κάλαθι*, точно так же, как в современном греческом. По сути, мы имеем дело с добротным грецизмом в осетинском. Греческое слово не имеет и.-е. этимологии и принадлежит, скорее, к субстратному слою (догреческому наследию) греческого словаря (Beekes 2010: 620).

— **Осет. *k'od*** “мера сыпучих тел”. В. И. Абаев считает заимствованием из груз. *ḱodī* “мера зерна; деревянный сосуд”, а последнее считается в целом исконно грузинским словом, из картвельского **ḱod-* (см. Климов 1964: 113; Fähnrich 2007: 249). Однако, эта лексема имеет широкое распространение и в армянских диалектах, ср. *kod*, *kot*, *kuot*, *kiūd* “деревянная миска; мера сыпучих тел; голова”. Г. Б. Джаукян (Jahukyan 1972: 304) считает его одним из лексических архаизмов, сохранившихся в армянских диалектах, и возводит к и.-е. **goṽod-*. Оно повсеместно представлено и в курдском как *kōd(-ik)*, *kuōdik* в том же значении — идет, конечно, из армянского.

— **Осет. *k'yndy*** “скупой”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 650) не дает объяснения, а лишь с сомнением сравнивает с арм. *kccī* “скупой”, хотя, можно было бы привести более подходящую параллель из армянских диалектов — *kund*, *kənd*, обозначающую “пень; коротыш; лысый; хитрый; скупой”. Арм. же *kccī* входит в аблаутный ряд с *kcic* “вор” и *gcic* / *gjuj* “мелочный, скаредный” (см. Джаукян 1967: 301). Но все же в случае с осет. *k'yndy* и арм. *kund*, *kənd*, мы, скорее всего, имеем дело с обычным идеофоном.

— **Осет. *qaitar* (хъайтар)** “дерзкий, смелый; герой, витязь”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ II: 256) возводит к арм. *kaytar* “живой, бодрый, энергичный, резвый”, которое засвидетельствовано с классического периода, но не имеет установленной этимологии (см. НАВ II: 509-510). На первый взгляд, очень соблазнительное сопоставление, что само по себе уже вызывает подозрение; к тому же, в осетинском должно было бы быть *k'-* вместо *q-(хъ-)* в анлауте, а вместо осет. *-t-* предполагалась бы *-t'-*, т. е. **k'ayt'ar* (**къайт'ар*). Возможно, перед нами некий тюркизм (< араб.?). А, впрочем, более

вероятно, что рассматриваемое слово является осетинской адаптацией перс.-араб. *haytāl* (*haytāl*) — этноним эфталитов, ираноязычных племен, создавших обширное государство в IV–VI вв. в Центральной Азии. Данный этноним, навеянный образом легендарного народа, в арабо-мусульманской среде обозначал сильного человека, мужчину героической натуры, так что такое объяснение можно считать вполне правдоподобным — как в семантическом, так и в фонетическом планах. Начальное *q*-(хъ-) вместо ожидаемого *h*- можно объяснить отсутствием этой фонемы в осетинском. Сходных примеров, когда название народа, особенно сыгравшего историческую роль в прошлом, становится нарицательным клише, много. Армяне, например, мужчину атлетического телосложения и высокого роста называют *part'ev*, то есть “парфянин” (*part'evahasak* “имеющий парфянскую статью”), или грузины такого же мужчину обозначают термином *gmiri* “герой, богатырь, исполин”, который восходит к этнониму киммерийцев (ср. также в осет. *gumiri* | *gumeri*, *gæmeri* < груз.) и т. д.

— Осет. *qyc'y* | *qic'u* “горчица полевая”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ II: 321), следуя Хеннингу (см. Henning 1965: 41), считает заимствованием из тюркского, что маловероятно, ибо тюркская форма *qıçı* в значении “вид растения” и *qıçı* “горчица” имеют очень ограниченное употребление в тюркском (см. Радлов 1899: 792, 870; см. тж. Voeschoten 2023: 247), более того, не отмечены в словаре тюркских языков, соприкасающихся с осетинским. Нам кажется, данное слово могло быть старым заимствованием в аланском из армянского *kcu* / *kəcu* (из *kic*-) “острый на вкус, горький, кусающий”, которое засвидетельствовано в наиболее ранних образцах древнеармянской письменности. К тому же, осет. -с'- = арм. -с- с фонетической точки зрения выглядит более естественным, чем осет. -с'- (вместо обычного -с-) = тюрк. -č-.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев, В. И. (1970), “Типология армянского и осетинского языков и кавказский субстрат”, *Sprache und Gesellschaft, FS G. Pötsch*, Jena: 16–28.

Асатрян, Г. С. (2024), “О зороастризме в Дагестане”, *История, археология и этнография Кавказа*, т. 20/3: 683–696.

Джаукян, Г. Б. (1967), *Очерки по истории дописьменного периода армянского языка*, Ереван.

ИЭСОЯ I–IV — В. И. Абаев, *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, тт. I–IV, Москва–Ленинград 1958–1989.

Климов, Г. А. (1964), *Этимологический словарь картвельских языков*, Москва.

Радлов, В. В. (1899), *Опыт словаря тюркских наречий*, т. II/1, С.-Петербург.

Asatryan, G. S. (forthcoming), *Etymological Dictionary of Persian*, De Gruyter – Brill.

Beekes, R. (2010), *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden-Boston.

- Boeschoten, H. (2023), *A Dictionary of Early Middle Turkic*, Leiden-Boston.
- Benveniste, E. (1959), *Études sur la langue ossète*, Paris.
- Brust, M. (2008), *Die indischen und iranischen Lehnwörter im Griechischen*, Innsbruck.
- Cheung, J. (2002), *Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*, Beiträge zur Iranistik, Bd. 21, Wiesbaden.
- Fährnrich, H. (2007), *Kartwelisches Etymologisches Wörterbuch*, Leiden-Boston.
- Fritz, S. / Gippert, J. (2005), “Armeno-Ossetica: Zum historischen hintergrund des Nartenepos”, *К 70-летию со дня рождения Л. Г. Герцинберга*, Санкт-Петербург: 385–420.
- GB — H. Ačaṙean, *Hayerēn gavaṙakan baṙaran*, Tiflis, 1913.
- Gevorgian, N. (2007), “On the Ossetic Legend about Art’awyz”, *Iran and the Caucasus*, vol. 11: 101–105.
- Ghirshman, R. (1962), “La civilisation achéménide et l’Urartu”, *A Locust’s Leg, Studies in Honour of S. H. Taqizadeh*, London.
- HABI — IV — H. Ačaṙean, *Hayerēn armatakan baṙaran*, vols. I–IV, Erevan, 1971–1979.
- Hamp, E. (1985), “Greek πτ and Armenian”, *Annual of Armenian Linguistics*, vol. 6: 51–52.
- Henning, W. B. (1965), “A Grain of Mustard”, *AION-L*: 29–47.
- Hübschmann, H. (1887), *Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*, Strassburg.
- Hübschmann, H. (1897), *Armenische Grammatik*, Leipzig.
- Jahukyan, G. (1972), *Hay barbaragitut’yan neracut’yun*, Erevan.
- Jahukyan, G. (2010), *Hayeren stugabanakan baṙaran*, Erevan.
- Martirosyan, H. (2010), *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden-Boston.
- Schmidt, K. H. (1974), “Ossetisch und Armenisch”, *Antiquitates Indogermanicae. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker, Gedenkschrift für H. Güntert*, Innsbruck: 391–397.
- Schmitt, R. (1981), *Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen*, Innsbruck.
- Sophocles, E. A. (1900), *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*, New York.
- Vogt, H. (1988), *Linguistique caucasienne et arménienne*, ed. by E. Hovdhaugen and F. Thordason, Oslo.

REFERENCES

- Abaev, V. I. (1970), “Typology of the Armenian and Ossetian Languages and the Caucasian Substratum”, *Sprache und Gesellschaft*, F. S. G. Pätsch, Jena: 16–28.
- Asatryan, G. S. (2024), “On Zoroastrianism in Dagestan”, *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 20/3: 683–696.
- Djaukian, G. B. (1967), *Essays on the History of the Pre-Written Period of the Armenian Language*, Yerevan.
- IESOYA I–IV — V. I. Abaev, *Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*, vols. I–IV, Moscow-Leningrad 1958–1989. Klimov, G. A. (1964), *Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages*, Moscow.

DOI: 10.46698/VNC.2024.78.27.001

Тамерлан Казбекович Салбиев

кандидат филологических наук, исполняющий обязанности руководителя научно-исследовательского отдела «Центр скифо-аланских исследований» ВНЦ РАН (363110, РСО-Алания, с. Михайловское, улица Вильямса, 1).

E-mail: galabu@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8526-1984>[https://](https://orcid.org/0000-0002-1857-0306)

orcid.org/0000-0002-1857-0306

ALANO-ARMENICA: МУЧЕНИЧЕСТВО СУКИАСЯНЦЕВ¹

Аннотация. Принято считать, что конфликт, лежащий в основе событий, описанных в «Мученичестве Сукиасянцев», был основан на вероотступничестве. И все же, весьма вероятно, что роковой спор между аланским царем и принявшими христианство аланскими отшельниками, его подданными, был вызван более сложным комплексом факторов, без учета которых невозможно адекватно понять ни сути конфликта, ни мотивов его участников, ни последствий, к которым он привел. Представляется, что комплексный подход должен сыграть решающую роль в разработке адекватной методологии, согласно которой мученичество не может быть отделено от свадебной церемонии Сатеник. Только в мифоритуальных рамках этой свадьбы можно выделить и объяснить пять ключевых мотивов, лежащих в основе общего сюжета мученичества.

Ключевые слова: мученичество, Сукиасянцы, вероотступничество, мифо-ритуальный подход, свадебная церемония.

Для цитирования: Салбиев Т.К. Alano-Armenica: Мученичество Сукиасянцев // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 258–270.

Рукопись поступила в редакцию 13.08.2024

Рукопись принята к печати 25.10.2024

¹Настоящая публикация представляет собой незначительно переработанную статью, опубликованную изначально на английском языке: Martyrdom of the Sukiaseans (mytho-ritual aspect) // Iran and the Caucasus, 27 (2023), P. 265–273. doi:10.1163/1573384X-02703003.

Tamerlan Kazbekovich Salbiev

PhD, acting head of the research department
“Center for Scytho-Alanic Studies”

of VSC RAS (363110, North Ossetia-Alania,
Mikhailovskoe village, Williams St., 1).

E-mail: galabu@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-8526-1984>

ALANO-ARMENICA: MARTYRDOM OF SUKIASYANTS

Abstract. It is a common belief that conflict, underlying the events described in the Martyrdom of Sukiaseans was based on apostasy. Yet, it is very likely that the fatal controversy between the Alan king and the Alan hermits, who converted to Christianity, his subjects, was caused by more complex set of factors without which it is impossible to adequately understand neither the essence of the conflict, nor the motives of its participants, nor the consequences to which it led. It seems that an integrated approach should pay a decisive role to developing an adequate methodology, according to which Martyrdom cannot be separated from Satenik's wedding ceremony. It is only within the mytho-ritual framework of this wedding that five key motives, underlying the general plot of Martyrdom, can be singled out and explained.

Keywords: martyrdom, Sukiaseans, apostasy, mytho-ritual, wedding ceremony.

For citation: Salbiev T. K. Alano-Armenica: Martyrdom of Sukiasyants // NARTAMONGÆ 2024. Vol. XIX, P. 258–270.

Received on 13 August 2024

Accepted on 25 October 2024

Исторические события, легшие в основу мученичества Сукиасянцев, отражают один из ярчайших эпизодов армяно-аланского взаимодействия, хотя и не совсем однозначного по своему характеру. Опуская подробности замечу, что одним из итогов этого похода становится женитьба армянского царевича Арташеса на дочери аланского правителя Сатеник.

Несмотря на разночтения в датировке описываемых в мученичестве событий, не оставляет сомнений его привязка к одному из походов алан в Закавказье, приведшем к женитьбе армянского царя на аланской принцессе. В свое время эти события были подробно изучены Ж. Дюмезилем [Дюмезиль 1976: 51–55]. Уже одного этого эпизода было бы достаточно, чтобы заложить надежные основы для такого научного направления как *Alano-Armenica*, поскольку это событие имело далеко идущие последствия и на-

Арташес и Сатеник. Художник И. Роттер, 1939 г.

шло отражение не только в исторических хрониках, но также и в языке двух народов (имя Сатеник / Сатана), их фольклорных традициях (цикл об Урузмаге и Сатане в эпосе о Нартах, а также в армянском «Випасанк»), в «Истории Армении» историографа Мовсеса Хоренаци, и агиографической традиции (Мученичество Сукиасянцев), которая и будет находиться в центре внимания.

В самих древних армянских агиографических источниках эта история представлена следующим образом. В них сначала говорится о Воскянах — учениках апостола Фаддея, которые пришли в Армению и пытались обратить в христианство царя Арташеса. Но их усилия оказали воздействие на приближенных и сородичей царицы Сатеник — Сукиасянов, которые приняли от Воскянов крещение. После этого Сукиасяны покинули царский двор и поселились в горах. Через 44 года, согласно одной из версий, их убили прибывшие из Алании соплеменники царицы, которые пытались вернуть их к прежней вере. Из армянских авторов более позднего периода о мучениках Воскян и Сукиасян и о царице Сатеник сообщает историк X в. Ованес Драсханакертци, (подробнее об этом см.: [Амбарцумян 2016: 35–36]). Тем самым мы располагаем достаточно пространством описанием тех событий, отложившихся в исторической памяти как их современников, так и их потомков.

Эти события по-прежнему продолжают привлекать к себе внимание исследователей, достаточно сказать, что одна из самых свежих публикаций

Иконографическое
изображение Св. Сухия
в грузинской церковной
традиции

была сделана в прошлом году Л. Симонян. Ее главный вывод гласит: «Анализ всех источников позволяет заключить, что аланский принц Бахадрас-Сукиас основал во II в. особую ветвь христианского движения («травоеды»), которая обрела широкую известность в регионе Багреванд-Ахдзник-Васпуракан и распространилась до Вайоц Дзора и Арарата. Символом травоедов был крест Бахадраса (хач Патаразин в армянском эпосе «Сасунские удалыцы»), а их монастыри формально принадлежали Армянской Апостольской Церкви». Она также отмечает, что с этим культом также может быть связан и особый, известный в Западной Армении крест Богоявления (*Aveteac' xach* — Providential Cross). Знаменательно, что, согласно ее полевым материалам, сам культ, фактически, дожил до наших дней [Simonyan 2021: 1002, 1017–1018]. В целом, данной проблеме посвящена обширная литература.

В числе вопросов, которыми справедливо задаются исследователи, например А. Б. Софян, является выяснение причин, в силу которых аланский правитель направил своего посланника к принявшим христианство единоплеменникам [Софян 2014: 147–150]. Повторю, что обычно в основе конфликта, легшего в основу Мученичества, видят вероотступничество, о чем повествует сам источник. Так читаем о том, что сообщают о них новому царю, взявшемуся за пересчет войска: «Из войск царских в Армении, на (горе) Сукав живут, мужи смелые и добродетельные, которые не пожелали поклоняться богам царей» [Источники 1985: 44]. Имеются ввиду, вероятно, боги царей Армении. Все же подобная трактовка значительно упрощает суть происходивших тогда событий. Одним из рисков, с которыми сопряжено изучение событий прошлого, является невольная модернизации при их интерпретации, что ведет к неизбежному искажению их сути и общей картины происходящего.

Несмотря на то, что трактовка событий, приведших к гибели Сукиаса, возглавлявшего групп воинов алан-отшельников, обычно носит исключительно религиозный характер, как расплата за вероотступничество, есть достаточно оснований видеть в этих давних событиях и этнокультурный

компонент, пока еще остающийся вне поля зрения исследователей. Только в этом случае становится ясна причина, по которой они выбрали такую особую форму послушания как «травоедение», а аланский царь направил к ним своего посланника, чтобы уговорить их вернуться домой.

Важным подспорьем может выступать обращение к их мифо-ритуальному аспекту, поскольку еще до недавнего времени именно мифология вступала в качестве основы общественной идеологии. Тем самым мы получаем возможность «увидеть» исторические события глазами самих их участников, понять не только сам строй их мысли, но и верно трактовать мотивы их поступков. Весьма вероятно, что коллизия между аланским царем и принявшими христианство аланскими отшельниками — его подданными, была обусловлена более сложными факторами, пока еще неизвестными исследователям. В частности, речь идет о мифо-ритуальном аспекте этих событий, без учета которых невозможно полное восстановление реальной исторической картины тех событий, включающее в себя саму суть конфликта и его природу, мотивы его участников, а также последствия, к которым он привел. Только в этом случае станут ясны те чудовищные на современный взгляд обстоятельства, которыми была обставлена расправа посланника аланского царя над своими единоплеменниками, обратившимися в христианскую веру.

Святой Гоар

Весомым аргументом для обоснования предлагаемого подхода могут считаться исторические сведения, касающиеся известного аланского святого, известного под именем Гоар, житие которого также содержит эпизод, когда установления христианской церкви на первый взгляд расходятся с традициями, свойственными аланам.

Согласно дошедшим до нашего времени сведениям, этот христианский святой родился на юге Галии (*homo aquitanicus*) и получил аланское имя — Гоар, которое интерпретируется как ‘добывающий скот’ [Алемань 2003: 165]. Исследователи, в частности, Б. Бахрах, разбирая его житие, обратили внимание на нарушение им правила жизни отшельника, возбравшими ему принимать пищу до обеда, а в некоторых случаях и до заката солнца. Он же, вопреки правилам, позволял себе достаточно обильный завтрак, который разделял с гостями. Упомянутое нарушение стало основанием для разбирательства его поведения в епископском суде, где ему было предъявлено обвинение в обжорстве. Эта его привычка — угощать своих гостей и предоставлять им ночлег, снискала ему необычайную

популярность. Отвечая на обвинения, он, как и подобает христианину, заметил с историко-богословских позиций, что обретение царства Божьего зависит не от материальных вещей, таких как пища, а от праведности и радости в Святом духе. Кроме того, он признал, что действительно позволяет себе подобные нарушения, но делает это в соответствии с традициями гостеприимства, которые предписывают хозяину разделить трапезу со своими гостями. Подводя итог, Б. Бахрах замечает, что в приведенном эпизоде находит проявление традиция алан, восходящая к свойственному кочевникам культу гостеприимства [Bachrach 1973: 94–95]. Как видим, в этом случае даже для признанного христианами святого «обычай предков» еще долго сохраняет свою силу, даже несмотря на истовую христианскую веру.

Хотя в случае с событиями, разворачивавшимися в Западной Европе, конец был все-таки благополучный, природа коллизии представляется не исключительно религиозной (читай «церковной»), а общекультурной. Дело в том, что этот культ гостеприимства сохранился и в современной осетинской традиции, наследующей аланской. В его основе без труда распознается мифо-ритуальное представление о том, что гость находится под Божьим покровительством (*Уазæг — Хуыцауы уазæг* / Гость — Божий гость), которое неотделимо от сюжетов, описывающих посещение людей небожителями в облике простых путников, нуждающихся в защите, крове и пищи. Тем самым, в конечном счете, решающая роль отводится не сугубо религиозному, а духовно-нравственному фактору, исходящему из представления о благочестии как таковом.

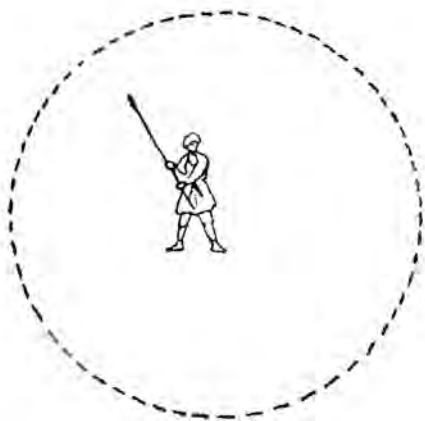
Между тем противоречие между христианством и этнокультурной традицией алан носит отнюдь не категорический характер. Дело в том, что в рамках описанных событий Св. Гоар мог бы апеллировать также и к хорошо известному библейскому сюжету «Гостеприимства Авраама», когда ветхозаветный патриарх стал хлебосольных хозяином для посетивших его под видом обычных путников трех ангелов. С этой точки зрения, решающую роль для выработки адекватной названной цели методологии должен играть комплексный подход, в рамках которого Мученичество не может быть отделено от традиции алан вообще, и свадьбы Сатеник, в частности, ставшей непосредственным поводом для появления аланских воинов на территории Армении. Только в рамках этого — аланского по своей природе — мифо-ритуального свадебного комплекса могут получить свое объяснение пять ключевых для понимания общего сюжета Мученичества мотивов.

Основные мотивы

Первый мотив связан с требованием аланского царя к монахам вернуться на родину, его посулы щедрого вознаграждения. Само повеление царя гласило: «Если найдете (их) большое вознаграждение (посулив) склоните вернуться сюда; а, если они не согласятся, предайте их мечу» [Источники 1985: 44]. С этим мотивом напрямую оказывается связано представление с их статусом и некими правовыми основаниями, дающими аланскому царю основания наставить на своем. Он может быть напрямую связан с известным в современной осетинской свадебной обрядности институтом дружек невесты — *чындзамбал*. Согласно правилам, существовавшим, хотя и в редуцированном виде, вплоть до недавнего времени невесту сопровождали юноши и девушки из числа ее близких родственников, которые оберегали ее в новой семье, пока не будут завершены все подобающие церемонии и она не сойдется на брачном ложе со своим мужем. Обычно, сам жених не принимал непосредственного участия в свадебной церемонии и не ночевал дома. Невеста же в течение первых трех дней и ночей по прибытии в дом жениха стояла в одном из углов главного помещения дома, под защитой своих дружек, дено и ночью охранявших ее, и только после всех ритуалов она могла уединиться со своим мужем, который украдкой пробирался в дом. С этой точки зрения, монахи отказались от исполнения своего долга, точнее не довели их до логического конца, поскольку должны были вернуться и отчитаться перед пославшей их стороной об успешном исполнении возложенных на них обязанностей. За это им, действительно, полагалась награда, о которой им и говорит посланник аланского царя, что вполне согласуется с хорошо известной обеим сторонам традицией.

Второй мотив связан с тем видом послушания, который выбрали монахи — «травоедением», обусловивший их внешний вид, за который их попрекает царский посланник. «Питаюсь травами подобно диким овцам (они жили) под попечительством Бога... <...> ... И жили святые мученики на горе Сукавет, питаюсь растениями и ведя ангелоподобную жизнь. И тела святых стали как замшелый камень, волосы висели клочьями как у коз; лишенные всего, (они) жили надеждой на Бога и благословляли его» [Источники 1985: 44]. Здесь представляется уместной ссылка на известный свадебный танец — Чепена / Кепена главная цель которого, как было замечено в литературе, заключалась в обеспечении чадородия новобрачным. Не так давно мною было показано, что смысл танца в том, чтобы впустить в пространство культуры дозированную и контролируемую энтропию, являющуюся источником материального процветания. По этой причине исполнение танца было приурочено к вечеру, то есть в то время, когда насту-

Круг.

Танец «Чепена / Кепена». Худ. М. С. Туганов

пала темнота, а сами мужчины, принимавшие в нем участие уподоблялись стаду, послушно исполнявшему команды своего пастуха. Об этом свидетельствует текст песни, сопровождавшей его исполнение. В тексте песни также содержатся упоминания неряшливого внешнего вида, вполне согласующегося с описанием в мученичестве, которое может трактоваться как проявление энтропии.

Примечательно, что фигура главного распорядителя этого танца может быть, вполне надежно, отождествлена с осетинским покровителем волков Тутыром, представляющим собой образ этнизированного христианского святого Федора Тирона. Моделируемая ситуация кажется парадоксальной, поскольку допускает участие патрона волков в управлении овечьим стадом. А его помощник, скорее всего, является этнизированным парным образом Флора и Лавра (*Фæлвæра*). Он кривой на один глаз, который ему выбил Тутыр, чтобы волки могли незамеченными подбираться к стаду (подробнее об этом см.: [Салбиев 2021]). Примечательно, что мы вновь наблюдаем отсутствие конфликта между традицией и христианством. Суть претензий к монахам в том, что они зашли слишком далеко и не остановились там, где это было необходимо.

Третий мотив может быть выведен из угроз обращенных в адрес монахов, не только словесных, но и действенных, в частности, использование факела, как направленного против них оружия. В тексте мученичества читаем: «Тиран изумился и рассердился смелости блаженных, приказал воинам связать их и истязать дубинками. Он повелел [также] принести факел и приблизить к их телу, говоря: «Огнем сожгу вас и исполню приказ моего

царя, если вы не пожелаете отправиться со мной и принять почести от царя» [Мученичества 1994: 264]. В этой связи следует указать на еще одну деталь, присущую традиционной осетинской свадьбе. Если говорить о свадебном обряде, то дружки невесты должны также исполнить и определенные обязанности. Все те дни, пока они находятся рядом с невестой, их нельзя было кормить. Ночью, когда все спят, они сами должны были добыть себе пропитание, на которое должны были идти соседские куры. Они должны были не только поймать их, но и собственноручно зарезать. Потом из добытых таким образом кур хозяева варили им суп. Осведомленные соседи были готовы дать им отпор. Обычно в роли защитниц кур выступали незамужние девушки, которые, в том случае, если им удавалось поймать кого-нибудь из дружек невесты, подвешивали их на дереве, а под ними разводили огонь. Дым от костра имитировал их символическое сожжение как наказание за нерадивость и неспособность исполнить свой долг.

В этом же ключе можно трактовать их отказ монахов от оружия и использование особого, связанного с ними креста — креста Благовещения. Крест тождественен мечу как Мировому дереву, однако он несет в себе лишь символическое взаимодействие жизни и смерти, и не может быть использован по своему прямому назначению в качестве оружия. Безоружные монахи не в силах исполнить требуемую от них роль защитников невесты. Кроме того, им можно подпалить шерсть, осуществив то действие, которое традиционно предшествует жертвоприношению. Огонь играет очистительную роль и предшествует всем ритуальным действиям.

Четвертый мотив ставит во главу угла тот вид расправы, чудовищной для сторонних свидетелей, но имевший, вероятно, некую подоплеку, ясную для посвященных. Комментаторы к мученичествам отмечают следующий примечательный факт: «Тела их остались непогребенными до времен Григория Просветителя, который через двести тридцать лет, если счет вести по данным мученичеств, похоронил их, а над могилами святых построил церковь» [Мученичества 1994: 250]. С пространственной точки зрения описываемые события, по отношению к Алании, разворачиваются на конце света, на границе между мирами. Так разбрасываются части чудовища Руймон, которое трактуется как мифологический образ дракона. Для царского посланника они предстают носителями хтонического начала, вышедшими за пределы мира культуры и погрузившимися в первоначальный природный хаос. Травоедение — как отказ от вареной пищи, прошедшей термальную обработку, в пользу сыроедения — проявление одичания, отказа от культурных достижений.

Жертвенный камень у святилища *Уацилла-дзуар*.
Селение Ханаз (Северная Осетия)

Пятый мотив обнаруживает себя в последней молитве, с которой монахи отходили к вечности, ее текст, хотя и лаконичный, все же весьма примечателен и нуждается в комментарии. «Услышь, Господи, молитву рабов твоих, уповающих на тебя, — пусть земля, на которую прольется кровь мученичества нашего, станет целебной для всех хворых и пусть [из этой] земли бьют источники для исцеления больных» [Мученичества 1994: 265].

Поскольку она произносится главным из них, то должна быть по своему посылу христианской. В его мольбе о том, чтобы в тех местах, где будет пролита кровь праведников забил целительный источник — как и случилось впоследствии — просматривается связь со свадьбой в Канне Галилейской, где Иисус превратил воду в вино. Здесь мы имеем тот же мотив превращения, однако с обратной направленностью. Связь же с упомянутой свадьбой ясно обнаруживает себя в праздничном комплексе Богоявления, последователями которого они стали. Дело в том, что в армянской апостольской церкви Богоявление не отделено от Крещения и Рождества, и тем самым связано со свадебной обрядностью. В традиции, как известно, чрезвычайно важна готовность жертвы добровольно расстаться с жизнью, поскольку только в этом случае она будет успешной.

На архаичность мотива добровольности жертвоприношения указывает и Я. В. Васильков, возводя его к древнейшим представлениям, идущим из охотничьей мифологии, согласно которым убиваемое животное добровольно отдает себя на заклятие, чтобы затем, при соблюдении охотниками определенных правил обрести новое рождение. Вместе с тем, он обращает внимание и на то, что ритуал жертвоприношения скотоводов, архаические космология и эсхатология которых сходны с представлениями охотников, часто содержит действия, направленные на то, чтобы получить «согласие» жертвы. Заслуживает упоминания и то, что в воинской архаике древнеиндийского эпоса всякая битва есть жертвоприношение и убийство героем противника уподобляется жертвоприношению [Васильков 2018: 76]. Значительно, что с этой точки зрения воины оказываются преемственно связаны с охотниками и скотоводами.

Таким образом, конфликт между аланским царем и его подданными, оставшимися в Армении и принявшими христианство, хотя и был религиозным по форме, но являлся общекультурным, а именно, мифо-ритуальным, по своему содержанию. Мученики пострадали от руки своего соплеменника не за принятие христианства, а за отказ, как ему представлялось, следовать традициям, входящим в аланский свадебный обрядовый комплекс.

Заключение

В рамках предложенной интерпретации находит обоснование позиция самих мучеников, которые сделали все от них зависящее, чтобы остаться в рамках свадебной обрядности, как с историко-богословской, так и с мифо-ритуальной точек зрения, но в отличие от упомянутого епископского суда, судившего другого аланского святого из Арморики по имени Гоар, не были услышаны своими соплеменниками. Их возвращение на родину все же состоялось, их изобразили на росписи в трапезной аланского Богоявленского женского монастыря Владикавказской епархии. В центре их предводитель с крестом Богоявления в правой руке. Сами эти события важны тем, что, с одной стороны, в их центре невольно оказывается царица, а с другой тем, что конфликт носил не религиозный, а нравственный характер, где исполнение долга было понято различным образом. Наконец, нельзя не отметить и того, что воины добровольно превратили себя в жертвенных агнцев, приняв обет «травоядения» и вручив себя божественному промыслу. В целом подтверждается значимость этнокультурной традиции как таковой, восходящей к прошлому, но сохраняющей свою непреходящую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. — 608 с.

Амбарцумян А. А. О некоторых эпико-мифологических мотивах армянского и караево-балкарского эпосов (на примере «Давида Сосунского» и «Нартиады»). Вестник Северо-восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия эпосоведение, № 3 (03), 2016, с. 34–43.

Васильков Я. В. Хищник и жертва: взгляд со стороны. Диалог 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.). Сб. науч. статей. Отв. ред. Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 71–79. Doi: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-332-9.71-79.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. — М.: Издательство «Наука», 1976. — 277 с.

Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Выпуск I. Составитель и автор комментариев Р.А. Габриэлян. Научно-информационный бюллетень: Общественные науки в Армянской ССР, Серия I, № 3 (45). Ереван, 1985.

Армянские жития и мученичества V–XVII вв.: Сборник. Пер. сост., предисловия и примеч. К. Тер-Давтян. Ответ, ред. С. Аревшатын. — Ер.: Наири, 1994. — 484 с.

Обрядовая основа осетинского традиционного танца *Чепена/Кепена* (проблема аутентичности). Вестник ВНИЦ. Том 21, № 4, 2021, С. 29–36. DOI 10.46698/VNC.2021.96.25.001.

Софян А. Б. Христианские мученики в Армении: три портрета, три судьбы. Религия, церковь, общество. Вып. III. ред. С. Прилуцкий. СПб.: «Скифия-принт», 2014. С. 147–155.

Bachrach, Bernard S. A., 1973, History of the Alans in the West. From their first appearance in the sources of classical antiquity through the early Middle Ages. Volume 7, Minnesota monographs in the humanities. Editor Leonard Unger. Minneapolis: University of Minnesota Press. — 161 p.

Simonyan, L. The cult and commemoration of St. Voskeans and St. Sukiaseans in the light of Caucasian parallels. History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus, V. 17. № 4. 2021. P 1002–1021. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174>.

REFERENCES

- Aleman' A. Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh. M., 2003. 608 p.
- Ambartsumian A. A. O nekotorykh epiko-mifologicheskikh motivakh armianskogo i karachaevo-balkarskogo eposov (na primere «Davida Sosunskogo» i «Nartiady»). Vestnik

Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Seriya eposovedenie, no 3 (03), 2016, p. 34-43.

Vasil'kov IA.V. KHishchnik i zhertva: vzgliad so storony. Dialog 2017-2018. Dikhotomiia iskusstva v arkheologii: lokus, obrazy, genezis: Materialy obedinnogo seminaru Instituta arkheologii RAN i Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Sankt-Peterburg, 6-7 dekabria 2017 g.; Moskva, 6-7 dekabria 2018 g.). Sb. nauch. statei. Otv. red. E.S. Levanova, N. IU. Smirnov. Moskva: IA RAN, 2020. Ss. 71-79. Doi: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-332-9.71-79.

Diumezil' ZH. Osetinskii epos i mifologiya. Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1976. 277 p.

Armianskie istochniki ob alanakh (Dokumental'nye materialy i kommentarii). Vypusk I. Sostavitel' i avtor kommentariiev R.A. Gabrielian. Nauchno-informatsionnyi biulleten': Obshchestvennye nauki v Armianskoi SSR, Seriya I, no 3 (45). Erevan, 1985.

Armianskie zhitiia i muchenichestva V-XVII vv.: Sbornik. Per. sost., predisloviia i primech. K. Ter-Davtian. Otv. red. S. Arevshatyan. Er.: Nairi, 1994. 484 p.

Obriadovaia osnova osetinskogo traditsionnogo tantsa CHepena/Kepena (problema autentichnosti). Vestnik VNTS. Tom 21, no 4, 2021, S. 29-36. DOI 10.46698/VNC.2021.96.25.001.

Sofian A. B. KHristianskie mucheniki v Armenii: tri portreta, tri sud'by. Religiya, tserkov', obshchestvo. Vyp. III. red. S. Prilutskii. Sankt-Peterburg : «Skifiia-print», 2014. S. 147-155.

Залина Алановна Джиева

Доцент кафедры всеобщей истории,
ЮОГУ (100001, РЮО, Цхинвал,
ул. Путина, д. 8)

E-mail: dzioevazalina09@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7670-2445>

ОБРАЗ ЛАБИРИНТА В ОСЕТИНСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантики лабиринта и отражению образа лабиринта в осетинской этнической и религиозно-мифологической системе. Лабиринт – очень древний, многозначный и сложный символ, вобравший в себя элементы различных эпох. Лабиринт означает и строение, имеющее запутанную архитектуру, и культовый хороводный танец «геранос» (танец журавля), образ лабиринта также связан с мифом творения и восходит к основному индоевропейскому мифу. В статье рассматриваются данные осетинской этнографии и мифологии, проведены параллели с мифами и обычаями других народов, а также привлекаются данные археологии. Обращается внимание на то, что осетинская народная праздничная и свадебная хореография в основе своей языком танца излагала различные варианты мифа творения. Высказывается мнение о том, что осетинские народные танцы Симд и Чепена аналогичны танцу лабиринта (журавля) и символизируют мифологему Священного Брака.

Ключевые слова: лабиринт, хоровод, «Симд», танец журавля, Священный Брак, мифы творения.

Для цитирования: Джиева З. А. Образ лабиринта в осетинской религиозно-мифологической традиции // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 271–284.

Рукопись поступила в редакцию 5.06.2024

Рукопись принята к печати 2.09.2024

Zalina Alanovna Dzhioeva

Associate Professor of the Department
of General History, SOSU (100001, RSO,
Tskhinval, Putin St., 8)

E-mail: dzioevazalina09@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7670-2445>

The image of the labyrinth in the Ossetian
religious and mythological tradition

Abstract. The article is devoted to the problem of the semantics of the labyrinth and the reflection of the image of the labyrinth in the Ossetian ethnic and religious-mythological system. The labyrinth is a very ancient, polysemantic and complex symbol that has absorbed elements of different eras. The labyrinth means both a building with an intricate architecture and a cult round dance “geranos” (crane dance), the image of the labyrinth is also associated with the myth of creation and goes back to the main Indo-European myth. The article examines the data of Ossetian ethnography and mythology, draws parallels with the myths and customs of other peoples, and also uses archaeological data. Attention is drawn to the fact that the Ossetian folk festive and wedding choreography basically presented various versions of the myth of creation in the language of dance. An opinion is expressed that the Ossetian folk dances Simd and Chepena are similar to the labyrinth (crane) dance and symbolize the mythologem of the Sacred Marriage.

Key words: labyrinth, round dance, “Simd”, crane dance, Sacred Marriage, creation myths.

For citation: Dzhioeva Z. A. The image of the labyrinth in the Ossetian religious and mythological tradition // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. P. 271–284.

Received on 5 June 2024

Accepted on 2 September 2024

Проблема происхождения лабиринта сложна и неоднозначна. Это один из самых многозначных, сложных и глубоких образов мировой мифологии. Идея лабиринта восходит, по всей видимости, еще к эпохе палеолита и в этом образе отразились элементы, которые связаны с различными этапами развития человечества [Лосев 1996:248]. К. Кереньи также полагает, что идея лабиринта уходит корнями в эпоху палеолита [Кериньи 2020:110].

Возникает вопрос, появляется ли образ лабиринта одновременно, независимо друг от друга, в разных цивилизациях и в разных географических ареалах или же, этот феномен появляется в какой-то одной цивилизации в определенном географическом пространстве? Исследователи по-разному

отвечают на эти вопросы. Лабиринты встречаются повсюду — в Америке, Европе, Индии, на Кавказе. Рисунки, изображающие лабиринт есть у аборигенов Австралии. Широко распространены в северо-западной части Европейской России северные, каменные лабиринты [Керн 2007:15].

Одно из первых упоминаний лабиринта содержится в глиняной табличке из Микен, написанной линейным письмом Б. Она переводится следующим образом: «Одну амфору меда для всех богов, одну амфору меда владычице лабиринта». Предполагается, что владычицей лабиринта является Ариадна [Керн 2007: 12].

Коллекции глиняных табличек из Междуречья, которые содержат изображения лабиринта, демонстрируют близкое сходство с изображениями лабиринтов на критских монетах и лабиринтами Северной Европы. Любопытно, что египетские лабиринты обычно не связаны с местными памятниками и появляются с гиксосскими скарабеями. На Крите и Кикладах изображения лабиринта в виде спирали встречаются на культовых памятниках. Образы лабиринтов, которые украшают культовые памятники эпохи неолита, встречаются также на Мальте [Кериньи 2020:103].

По Герману Керну, родиной лабиринты является минойский Крит. Возникновение идеи лабиринта, по мнению Г. Керна принято относить к эпохе неолита, идея лабиринта связывается с появлением земледелия и предполагается, что она тесным образом переплетается с представлениями о смерти и возрождении [Керн 2007:16–17].

Этимология слова лабиринт остается неясной. А.Ф. Лосев полагает, что слово происходит от названия двойного топора *labrys*. Исследователь указывает на близость критской и малоазиатской мифологии и значительное распространение культа двойного топора на Крите и в Малой Азии [Лосев 1996: 247]. Лабрис — топорик с двумя лезвиями, который широко использовался в церемониальной практике [Андреев 2002: 498–513]. По мнению Германа Керна, этимология слова лабиринт связана с понятием «камень» [Керн 2007:13].

Исследователи по-разному трактуют предназначение лабриса. Одни считают его атрибутом ассииро-вавилонских богов [Брентьес Б., 1976: 88], другие — знаком власти царей древней Анатолии [Немировский 1983: 52]. Есть предположения, что лабрис — это оружие грозового божества, лабрис — молния [Круглов, Подпригора 2023:102].

На Крите же, где главной богиней пантеона была Великая Мать Богов лабрис, по-видимому, был атрибутом этой богини [Андреев 2002: 247].

Исследователи предположили, что лабрис изначально был женским орудием, использовавшимся для земледельческих работ, это символ пло-

дорогия. Критская богиня-мать часто изображается с лабрисом — секирой и змеями [Томсон 1958: 248; Пендлбери 1950: 291].

Кульτ лабриса или двойного топора, секиры, был ярко выражен в Малой Азии, Л. А. Гиндин предположил, что этот культ был занесен на Крит каким-то анатолийским племенем [Гиндин 1967:163].

Двойной топор был символом власти этрусских царей, а впоследствии — римских консулов. Двенадцать ликторов несли фасции вместе с топориком перед этрусским царём, облечённым единоличной властью, затем в правление Ромула или Тарквиния этот обычай переняли римляне (Dion. Halic. III. 61. 2–3) [Немировский 1983:114; 107].

Можно вспомнить и скифскую этногоническую легенду Геродота о золотых дарах, которые были ниспосланы сыновьям Таргитая, и достались младшему из сыновей Коллаксаю (IV, 5–7). Это были плуг, ярмо, секира и чаша. Большинство исследователей усматривают в данной легенде доказательства того, что у скифов существовала система трифункционального деления общества [Дюмезиль 1976;1990]. Здесь можно указать еще и на то, что секира (лабрис) символизирует принадлежность к сословию царей и воинов и, следовательно, и у скифов секира или двойной топор также являлась атрибутом высшей власти.

Образ лабиринта окутан тайнами и загадками, он чрезвычайно сложен, многогранен и архаичен. Ряд исследователей отмечали, что лабиринт может символизировать лишь царство мертвых, однако миф о лабиринте сложнее и многозначнее, и отражает религиозно-мифологические представления различных этапов развития человечества. Под лабиринтом принято понимать литературный мотив, лабиринт также рассматривают как культовый танец, в лабиринте видят схему танца, лабиринт — это также строение с запутанной архитектурой [Лосев 1996:247–251; Керн 2007:40–50].

Лабиринт Миноса — это не просто здание с чрезвычайно сложной и запутанной архитектурой, но это ритуальный, сакральный танец, с перепрыгиванием через быка. Танцоры следовали по определенному плану, схеме, которая изображена на табличке из Пилоса, а также многочисленных петроглифах, найденных в эпоху бронзового века в Средиземноморье. Лабиринт — это обряд инициаций. В этом смысле лабиринт символизирует идею смерти и возрождения, скорее символическую смерть и новое рождение, как в инициациях. Герман Керн предположил, что первоначальное значение слова — групповой танец. Со временем люди утратили понимание значения танца [Керн 2007: 13].

Возможно, слово лабиринт означало не только некое каменное строение, но это было также место для танцев, площадка, на которой нанесено

изображение лабиринта. По мнению Карла Кереньи, любое исследование лабиринта должно начинаться именно с танца [Кереньи 2020:69].

Таким образом, существует широко распространенное мнение о том, что изначальная семантика лабиринта связана с идеей группового танца, что лабиринт — это ритуальный, хороводный танец.

У Гомера имеется сообщение о том, что на щите Ахилла изображен лабиринт и указывается на его сходство с танцем (Илиада, 18, 590–605). Плутарх описывает танец Тезея, известный как танец журавля. (Тезей, 21). Согласно Гомеру (Илиада, 18, 593), на площадке для танцев, которую смастерил Дедал для Ариадны, были знаки, указывающие танцорам, как правильно исполнять хоровод. Он же и научил Тезея и афинских юношей, и девушек, которых спас от Минотавра Тезей, священному танцу. Танец этот исполнялся по расходящимся и круговым линиям, что напоминало путешествие Тезея по лабиринту и избавление, и освобождение юных афинян от Минотавра [Лосев 1996:246].

Согласно сообщению Плутарха, Тезей на обратном пути с Крита, на Делосе принес Аполлону жертвы и посвятил ему статую Афродиты, полученную им от Ариадны. Он устроил вместе с молодыми людьми танец, который делосцы называют «геранос», т.е. «журавль». Тезей исполнил его вокруг алтаря, сложенного исключительно из левых рогов животных. Этот был танец, где с помощью ритма делались запутанные фигуры; затем участвующие становились в обыкновенном порядке в подражание запутанным ходам и извилинам Лабиринта (Plut.Thes., 21).

По Евфстафию (Eustath. II, p. 1166, 17 и сл.), танец журавля был первым совместным танцем мужчин и женщин. Об этом же говорит и Плутарх (Plut.Thes. 21, Алекс.), который сообщает, что делосцы позаимствовали у Тезея танец лабиринта, названного делосцами «геранос» — «журавль». Поллукс (IV 101) сообщает, что танец журавля танцевали все вместе один за другим рядами, причем на обоих концах каждого ряда были свои **вожаки**. Вергилий упоминает троянские игры, которые подражали древним троянским обычаям и напоминали рисунком и движениями лабиринт (№ 57, а).

Таким образом, согласно античной традиции, танец журавля был введен Тезеем на Делосе в подражание Лабиринту [Лосев, 1996:252].

Исследователи отмечают, что лабиринт - это именно культовый танец, который возник в связи с эволюцией производящих видов хозяйства на Крите в эпоху среднеминойского периода, иными словами, это танец символизирующий миф творения космоса из хаоса [Лосев 1996: 251].

Некоторые под лабиринтом понимали оркестру для танцев, на которой была нанесена схема лабиринта, которая являлась подсказкой для

танцоров. В подтверждение данной версии обычно ссылаются на приведенное выше сообщение Гомера из Илиады (Илиада, 18, 593), согласно которому Дедал построил в Кноссе площадку для танцев Ариадны [Лосев 1996: 246].

Культ Минотавра на Крите был связан с культом солнца, на острове бык был солярным символом. Отмечалось, что рисунок танца и мифологические представления, относящиеся к Минотавру, были связаны с движением небесных светил. Было выдвинуто предположение, что в Кноссе проходили ритуальные театрализованные представления с масками различных животных. Образ Минотавра восходит к эпохе палеолита, в нем сочетаются хтонические и солярные признаки и черты [Лосев 1996: 238–239, 241].

Согласно мнению ряда исследователей, с лабиринтом ассоциировалось и первичное рождение, и священный брак. Любопытно в этой связи было бы вспомнить известную этрусскую ойнохойю из Тральятеллы. В древности эта местность принадлежала этрускам, археологи обнаружили здесь кувшин для вина — ойнохойю в этруском погребении. Датировали эту находку примерно 620 годом до н.э. Для нас представляют огромный интерес сюжеты, изображенные на кувшине. Ученые предположили, что всадники и воины покидают лабиринт, где проходили инициации. На сосуде также есть надпись *Truia*. Одни исследователи согласны видеть в этом слове искаженное «Троя», другие считают его производным от глагола *truare* — «двигаться». На ойнохойе также предположительно изображена священная свадьба после приключений и выхода из лабиринта Тезея и Ариадны [Керн 2007:85–88].

Сцены, изображенные на кувшине, трактовались по-разному. Некоторые исследователи усматривали здесь суд Париса, другие считали, что на кувшине изображены бытовые сценки. Более правдоподобны предположения, согласно которым на ойнохойе из Тральятеллы изображены мифы о Тезее и Ариадне. Справа от рисунка лабиринта — две пары, предающиеся любовным утехам. Эту сцену интерпретируют как священную свадьбу Тезея и Ариадны после победы Тезея над Минотавром [Керн 2007:85–88].

У многих народов практиковались подобные обряды, которые согласно религиозно-мифологическим представлениям способствуют хорошему урожаю. Не являются в этом плане исключением и осетинские праздники. Чрезвычайно интересны данные о празднике весеннего календарного цикла у осетин — Бæлдæраен, отмечаемого в воскресенье следующим после пасхи. По всей видимости в дохристианскую эпоху праздник Бæлдæраен был связан с празднованием нового года и отмечался в марте. Бæлдæраен символизировал пробуждение после зимней спячки и оплодотворение всей природы. Считается также, что праздник был посвящен Бæлдæру, который

Рис. 1. Ойнохой из Тральятеллы

являлся в осетинской мифологии покровителем природы, во власти которого была жизнь на земле и размножение всего сущего. Таким образом, праздник Бæлдæраен связан с дохристианскими культами оплодотворения природы. Осетины считали, что все сущее в природе сотворено парами и в этот день происходит совокупление. То же понимание мира переносилось соответственно и на человека. [Чибиров 2013:110–111].

Похожим по смыслу на праздник Бæлдæраен, был Хор-Хор, который открывал весенний цикл земледельческого календаря осетин. Праздник был известен под разными названиями: «Хоры Уациллаи куывд», «Рæмон бон» и др. Праздник Хор-Хор, как и Бæлдæраен восходит к древним земледельческим культам. Плодородие земли соотносили с женским чадородием, и земля в традиционном народном сознании уподоблялась беременной женщине [Уарзиати 2017:64].

Значительный интерес представляет обычай, который практиковался жителями ущелья реки Б. Лиакхва во время празднования Хор-Хор. После проведения ритуальных борозд пахарь на поле раздевал себя догола ниже пояса и садился на вспаханную землю. Л. А. Чибиров отмечает, что подобные обряды практиковались у других народов Кавказа и Средиземноморья, в частности у аварцев и у древних греков и имели целью оплодотворение земли и получения богатого урожая. Возможно, как отмечает исследователь, в прошлом у осетин наряду с пахарем появлялась, и женщина и пара предавалась любовным утехам [Чибиров 1976: 116–117]. Этот обычай имеет прямую параллель с сюжетом, изображенным на ойнохой из Тральятеллы и, вероятно, символизирует мифологему Священного Брака.

Исследователи отмечают, что осетинская мифология и религиозная обрядность были теснейшим образом связана с осетинскими народными танцами. Осетинская народная праздничная и свадебная хореография в основе своей языком танца излагала различные варианты мифа творения [Газданова 2007: 284–285].

Миф творения наиболее полно воспроизводит средствами хореографии осетинский народный танец «Симд». Этот танец, как убедительно показали исследователи, символизирует процесс структурирования мирового хаоса и превращения его в порядок, космос [Салбиев 2015: 18].

Идея творения проходит через всю традиционную культуру осетин. Центральным образом и в мифологии, и в традиционных осетинских верованиях является образ единого Бога — Творца — Дунескæнæг Хуыцау. [Bailey 2003: 26–27; Расторгуева, Эдельман 2007: 425–426].

По мнению Т. Салбиева, с мифологической точки зрения осетинской хореографии гораздо более актуальной была брачная семантика, а не миф творения, на что указывает целый ряд признаков [Салбиев 2015: 19]. Молодые люди достигали возраста женихов, когда они начинали посещать танцы [Уарзиати 2017: 202].

Известная мифологема Священного брака — брака неба и земли, или неба и воды красной нитью проходит через народную хореографию осетин. Союз неба и воды — мотив, широко распространенный у племен скифо-сарматского круга, и в целом в индоевропейской мифологии [Салбиев 2015: 18,19]

Можно привести в пример осетинский народный танец «Чепена», главная особенностью которого была его откровенная сексуальность, свидетельством чего являются песни, которые сопровождали этот танец [Салбиев 2021:32]. Песня изобиловала самыми нецензурными словами и сопровождалась непристойными действиями [Туганов 1977: 74]. На это же указывали и другие исследователи, отмечая, что тексты песен «были насыщены любовным содержанием, доходящим иногда до сальности», под стать им были и движения любовного содержания, имитировавшие подготовку к чадородию.

Танец исполнялся под вечер, когда становилось темно. Молодежь не допускали до подобного рада зрелищ, а исполнителями были мужчины, которые уже вступили в брак. Танец Чепена/Кепена был тесно связан с свадебной обрядностью и в тоже время носил карнавальный характер [Салбиев 2021: 31–32].

Как уже отмечалось выше, в сюжетах, изображенных на ойнохойе из Тральятеллы, связанных с циклом сказаний о Тезее, Минотавре и Ариадне, отражена идея Священного брака. Можно предположить, что в основе

осетинских танцев «Симд» и «Чепена/Кепена», точно так же, как и в семантике танца лабиринта или геранос, лежит мифологема священного брака. Этимологию слова «симд» даёт В. Ф. Миллер — это старинный хороводный танец [Миллер 1929:1094]. На культовый, ритуальный характер танца «Симд» указывал В. И. Абаев [Абаев1979:108]. Хоровод у многих народов символизирует миф творения, который пронизывает всю осетинскую хореографическую традицию, что относится, также, к семантике танцев «Симд» и «Чепена».

С танцем лабиринта соотносит Г. Керн и баскские хороводные танцы — «Танец улитки» и «танец похищение». В культовых практиках похищение девушки символизирует особый танец, рисунок которого образует спираль [Керн 2007: 44–45].

О том, что осетины были знакомы с идеей лабиринта, свидетельствует и нарттовский эпос осетин и древнейший архитектурный памятник с изображением лабиринта, находившийся в Махческе. Это памятник народная осетинская традиция связывает с жилищем Сырдона «Сырдоны хаедзар».

О махчесском лабиринте впервые упоминает В. Б.Пфафф, который отмечает, что камень этот лежит недалеко от в входа подземный коридор и местные жители называют его Сырдони дор, камень Сырдона. Жители указывали на то, что на камне изображен план дома, где жил Сырдон [Пфаф, 1872: 114–115].

Камень представляет из себя гранит в форме треугольника, поверхность его гладкая, края округлены [Семенов1949: 56, 57], что, скорее всего, указывает на то, что это рукотворный памятник.

Этот памятник представляет для нас огромный интерес, так как предание связывает его с именем Сырдона, одного из древнейших персонажей нарттовского эпоса, с другой стороны исследователи не раз уже отмечали близость махчесского лабиринта к критскому [Пфаф 1872:114–115; Семенов 1949: 56, 57].

Изображение махчесского лабиринта было опубликовано в 1925 году. Большинство исследователей считает, что он аналогичен критскому лабиринту, изображения которого встречаются на монетах и этрусскому, рисунок которого встречается на упомянутой выше ойнохойе из Тральятеллы [Семенов 1949: 56, 57].

Любопытно отметить, что лабиринты, аналогичные махчесскому, встречаются и на севере западной Европы, и на территории бывшего СССР, а также на старинных резных дагестанских сосудах [Семенов 1949: 56, 57; 1957: 88].

Подобно тому, как в греческом мифе говорится о том, что лабиринт — это здание, построенное Дедалом, так и в нарттовском эпосе лабиринт связан

с именем Сырдона, и по подземной келье Сырдона, как по лабиринту греческих сказаний можно пройти, держась за нить. Келья Сырдона представляла из себя подземное здание, из которого непосвященный человек не мог найти выхода. Изображения лабиринта встречаются также на археологических и этнографических предметах Дагестана [Семенов 1949: 56,57].

Лабиринт из Махчеса, Герман Керн датирует временем не ранее III в. до н.э. [Керн 2007:]. Другие же исследователи, исходя из датировки кувшина из Тральятеллы, имеющего аналогичное изображение лабиринта и относящегося к VII в. до нашей эры, предполагают, что и махчешский лабиринт может относиться, приблизительно, к той же поре [Семенов 1949: 56, 57; 1957: 88].

Любопытно отметить, что схематический план городища царциатов, сделанный Б. А. Куфтиным, удивительно похож на изображение лабиринта [Дзаттиаты 2023:77 рис. 21]. Городище царциатов, загадочного народа жившего в Осетии и оставившего после себя значительные археологические памятники, было расположено у селения Едыс в верховьях реки Большая Лиахва. Царциаты, вероятнее всего были частью аланского этноса [Дзаттиаты 2023: 6–8, 134–142]. План городища в виде лабиринта, по-видимому,

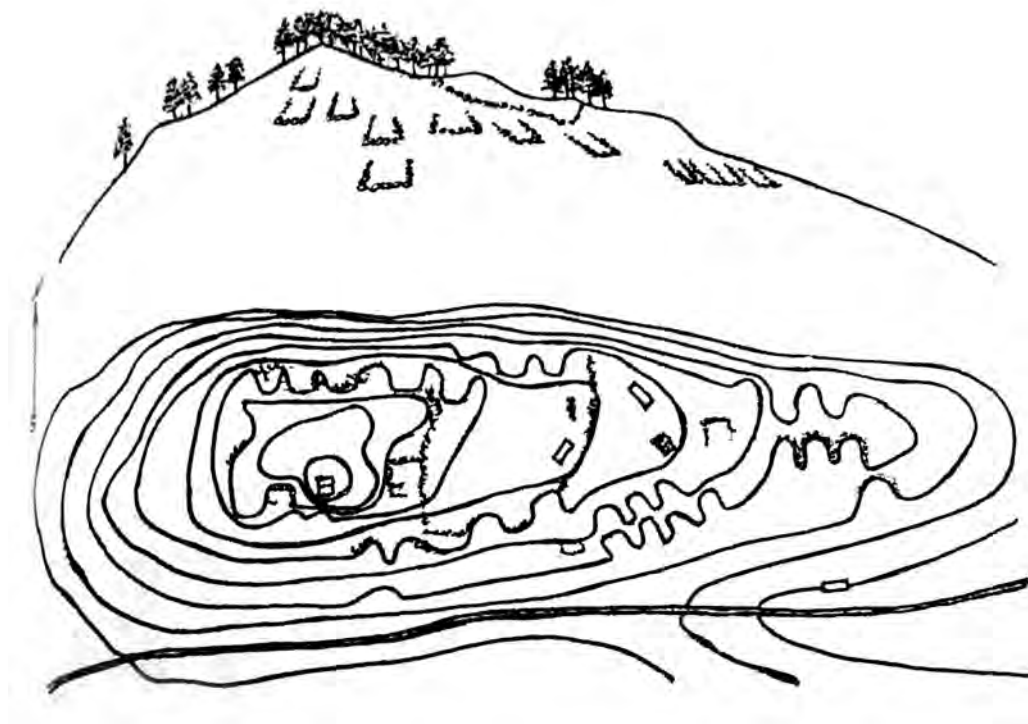

Рис. 2. Схематический план городища царциатов по Б. А. Куфтину

имел религиозно-культовое значение. Данный факт, как нам представляется, является свидетельством того, что идея лабиринта была не чужда осетинской градостроительной традиции.

Мифологический образ лабиринта чрезвычайно сложен, он отражает различные этапы развития человечества. Через образ лабиринта красной нитью проходит мотив трансформации хаоса в космос, в этом мифе отражается великая революция — переход человечества от матриархата к патриархату, она символизирует запрет человеческих жертвоприношений [Лосев 1996: 252].

Образ лабиринта был широко распространен во всем древнем мире. В основе древнего, хороводного танца лабиринта лежат мифы творения, превращения хаоса в порядок. Танец лабиринта также символизирует мифологему священного брака, идею ежегодного умирания и воскресения природы, идею, которая была характерна для средиземноморско-кавказского региона и которая была присуща и осетинской традиционной религиозной обрядности.

Этот культовый хороводный танец сохранился с древних времен у многих народов: у греков это был танец журавля, геранос, у басков «Улиточка» и «Похищение», что ясно показал в своих трудах Герман Керн [Керн, 2007:44–45]. У осетин эта идея священного брака и миф творения отражены в древнейшем хороводном танце Симд и свадебном танце Чепена.

Миф творения, символизирующий победу света над тьмой, разума над черной магией, нашел свое отражение в мифологии и религиозных представлениях многих народов, в том числе и в религиозно-мифологической системе и этнографии осетин. Это встречающиеся в эпосе сюжеты о борьбе солнечных героев с хтоническими чудовищами, которым приносят в жертву прекрасных девушек. Эти герои — Батрадз, Сослан, Уастырджи, герои осетинских сказок избавляют людей от жутких обрядов человеческих жертвоприношений, присущих эпохе матриархата.

В мифологическом аспекте лабиринт символизирует идею творения, превращения хаоса в космос. По сути, миф о Тезее Минотавре восходит к основному индоевропейскому мифу, согласно которому грозное или солнечное божество убивает змея (подземное чудовище). Миф этот отражен в различных вариантах в осетинской мифологии и фольклоре.

По мнению некоторых исследователей, Минотавр — это Зевс, но он его хтоническая ипостась и со временем Минотавр окончательно трансформируется в чудовище подземного мира, в то время как Зевс становится владыкой небесного пространства. Миф о Лабиринте представляет собой победу порядка, космоса над хаосом в социальном аспекте. В мифологии это была победа героизма, света над хтонизмом [Лосев 1996: 243]. Миф

этот отражен в различных вариантах в осетинской мифологии и фольклоре. Этот же миф воспроизводится средствами хореографии в греческом танце геранос, который, согласно греческим мифам изобрел Тезей и впервые станцевал его после победы над Минотавром совместно с Ариадной и спасенными им девушками и юношами.

Симд — это хороводный, культовый танец, танец лабиринта, как и танец «геранос». Герман Керн, предположил, что баскские народные танцы «Улиточка» и «Похищение», это также танцы, близкие по семантике танцу лабиринта. Т. Салбиев отмечает, что в семантике осетинского народного танца «Тымбыл Симд» четко просматривается мифологема «Священного брака», которая разворачивается в рамках Грозового мифа. Таким образом, семантика «Симда», как и танца журавля, восходит к основному индоевропейскому мифу, согласно которому Бог грозы (солнца) одерживает победу над змеем, соблаздившем его супругу. И эта победа солнечного (грозового) начала над тьмой и хтонью в образе змея (дракона) является началом творения и превращения хаоса в космос [Иванов, Топоров 1974:6]. Таким образом, осетинская религиозно-мифологическая традиция и народная хореография восходят в своей основе к глубокой древности и отражают элементы различных этапов развития человечества, начиная с эпохи палеолита.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979
- Алборов Б. А. Осетинские танцы. Некоторые вопросы осетинской филологии. Книга вторая. Владикавказ. 2005. С. 359–382.
- Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Кит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002, 862 с.
- Брентьес Б. От Шанидара до Аккада / Пер. с нем. М., 1976. 359 с.
- Газданова В. С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ. 2007. 438 с.
- Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967. 198 с.
- Дзаттиаты Р. Г. Царциаты калак: Средневековое городище и аланский могильник у с. Едыс. Владикавказ. 2023. 191 с.
- Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология/ под ред. и с послесловием В. И. Абаева. М., 1976.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. Москва. 1990. 231 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. — М.: Наука, 1974. 342 с.

- Кериньи К. Исследования лабиринта/ пер. Власова Н. А. Санкт-Петербург. 2020. 160 с.
- Керн Г. Лабиринты мира. Санкт-Петербург. 2007. 432 с.
- Круглов Е. А., Подпригора А. Р. Критский лабрис (ещё раз о символике двойного топора) // Аякс. Исследования по истории, археологии и культуре. Т. I. № 1–2. С. 101–114
- Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.
- Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь/ Под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана. Ленинград. Издательство Академии Наук СССР. 1929.
- Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. 251 с.
- Пендлбери Дж. Археология Крита / Пер. с англ. М., 1950, с. 416.
- Пфаф В. Б. «Этнологические исследования об осетинах» // «Сборник сведений о Кавказе. Т. 2. Тифлис. 1872 .
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М., 2007.
- Салбиев Т. К. Обрядовая основа осетинского традиционного танца Чепена / Кепена (проблема аутентичности) // Вестник ВНИЦ РАН. т. 21 № 4 2021. С. 29–36.
- Салбиев Т. К. Священный брак: мифология и традиционная хореография осетин. Москва. 2015. 104 с.
- Семенов Л. П. Нартские памятники Северной Осетии // Нартский эпос. Сб. статей. Дзауджикау. 1949.
- Семенов Л. П. Нартский эпос и памятники материальной // Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе. 1957. С. 82–91.
- Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир / Пер. с англ. М., 1958, с. 660.
- Туганов М. С. Осетинские танцы // Литературное наследие. Орджоникидзе. 1977. С. 68–94.
- Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. В. А. Цагараев, Е. М. Кочиева. Владикавказ. 2017. 552 с.
- Чибиров Л. А. Осетинская этнографическая энциклопедия // Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ. 2012. 688 с.
- Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. 1976. Цхинвали. 282 с.

REFERENCES

- Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka. T. III. L., 1979.
- Alborov B. A. Osetinskie tantsy. Nekotorye voprosy osetinskoï filologii. Kniga vtoraiia. Vladikavkaz. 2005. S. 359–382.
- Andreev I. V. Ot Evrazii k Evrope. Kit i Egeiskii mir v epokhu bronzy i rannego zheleza (III — nachalo I tys. do n. e.). SPb., 2002, 862 p.
- Brent'es B. Ot Shanidara do Akkada / Per. s nem. M., 1976. 359 s.

- Gazdanova V. S. Zolotoi dozhd'. Issledovaniia po traditsionnoi kul'ture osetin. Vladikavkaz. 2007. 438 p.
- Gindin L. A. Iazyk drevneishego naseleniia iuga Balkanskogo poluostrova. Fragment indoevropskoi onomastiki. M., 1967. 198 p.
- Dzattiaty R. G. TSartsiaty kalak: Srednevekovoe gorodishche i alanskii mogil'nik u p. Edys. Vladikavkaz. 2023. 191 s.
- Diomezil' Zh. Osetinskii epos i mifologiya/ pod red. i s posleslovie V.I. Abaeva. M., 1976.
- Diomezil' Zh. Skify i narty. Moskva. 1990. 231 p.
- Ivanov V. V., Toporov V. N. Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov. Moskva: Nauka, 1974. 342 p.
- Kerin' i K. Issledovaniia labirinta / per. Vlasova N. A. Sankt-Peterburg. 2020. 160 p.
- Kern G. Labirinty mira. Sankt-Petrburg. 2007. 432 p.
- Kruglov E. A., Podprigora A. R. Kritskii labris (eshche raz o simvolike dvoynogo topora) // Aiaks. Issledovaniia po istorii, arkheologii i kul'ture. T. I. № 1–2. S. 101–114
- Losev A. F. Mifologiya grekov i rimlian. M., 1996.
- Miller V. F. Osetinsko-russko-nemetskii slovar'/ Pod redaktsiei i s dopolneniiami A. A. Freimana. Leningrad. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 1929.
- Nemirovskii A. I. Etruski. Ot mifa k istorii. M., 1983. 251 s.
- Pendlberi Dzh. Arkheologiya Krita / Per. s angl. M., 1950, p. 416.
- Pfaf V. B. «Etnologicheskie issledovaniia ob osetinakh» // «Sbornik svedenii o Kavkaze. T. 2. Tiflis. 1872.
- Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov. T. 3. M., 2007.
- Salbiev T. K. Obriadovaia osnova osetinskogo traditsionnogo tantsa CHepena / Kepena (problema autentichnosti) // Vestnik VNTS RAN. t. 21 no 4 2021. S. 29–36.
- Salbiev T.K. Sviashchennyi brak: mifologiya i traditsionnaia khoreografiia osetin. Moskva. 2015. 104 p.
- Semenov L. P. Nartskie pamiatniki Severnoi Osetii//Nartskii epos. Sb.statei. Dzaudzhikau. 1949.
- Semenov L. P. Nartskii epos i pamiatniki material'noi//Nartskii epos. Materialy soveshchaniia 19–20 oktiabria 1956 g. Ordzhonikidze.1957. S. 82–91.
- Tomson Dzh. Issledovaniia po istorii drevnegrecheskogo obshchestva. Doistoricheskii egeiskii mir / Per. s angl. M., 1958, p. 660.
- Tuganov M. S. Osetinskie tantsty // Literaturnoe nasledie. Ordzhonikidze. 1977 68–94.
- Uarziati V.S. Izbrannye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika / Sost. V. A. Tsagaraev, E. M. Kochieva. Vladikavkaz. 2017. 552 p.
- Chibirov L. A.// Osetinskaia etnograficheskaya entsiklopediya // Sost. L. A. Chibirov Vladikavkaz. 2012.688 p.
- Chibirov L. A. Narodnyi zemledel'cheskii kalendar' osetin.1976. TSKhinvali. 282 s.

DOI: 10.46698/VNC.2024.89.70.001

PROJECTS OF NARTAMONGÆ. ПРОЕКТЫ НАРТАМОНГÆ

Азамат Асланбекович Бетров

лаборант-исследователь,

Научно-исследовательский отдел «Центр
скифо-аланских исследований» ВНЦ РАН
(363110, РСО-Алания,

с. Михайловское, улица Вильямса, 1)

E-mail: a.betrozoff@mail.ru

<http://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

Яков Яковлевич Хетагуров

научный сотрудник,

Юго-Осетинский научно-исследователь-
ский институт (10000, РЮО, Цхинвал,
проспект Алана Джиеова, 3)

E-mail: iakovsatauko@gmail.com

<http://orcid.org/0009-0008-1190-9216>

НАШ ЯЗЫК И НАШ ЭПОС — ЭТО НАША ИСТОРИЯ

Аннотация. Данная публикация рассказывает о необычайном опыте и бесценной возможности предоставить молодым ученым поступить в один из ведущих институтов востоковедения и сделать свой вклад в исследование истории алан-осетин. В материале рассматривается учеба двух студентов Бетрова Азамата и Хетагурова Якова в Ереване в Институте востоковедения РАУ. В статье опубликованы процесс обучения и пояснение о необходимости такого рода проектов для республики.

Ключевые слова: востоковедение, аланы, осетины, образование, Армения, Осетия, Иран, история, языкознание.

Основными историческими источниками изучения жизни тех или иных народов в прошлом помимо антропологических (выявление биологи-

ческих предков) и историко-культурных (изучение материальной культуры в виде экономической, культурной, духовной, религиозной и др. деятельностей), является также и языковой источник. Диалектическое развитие языка народа дает нам обширные данные об истории конкретного этноса, народности или нации. Языковой материал также может нам продемонстрировать на какой территории находился народ и является ли он, например, автохтонным (топонимика, гидронимика и т.д.). В статье «Скифы и осетины», напечатанной в журнале «Курьер ЮНЕСКО» в 1977 году, крупнейший ученый-филолог, языковед-иранист Василий Иванович Абаев писал: «Осетины не создали в прошлом своей письменности и не вели исторических хроник. Но они с полным правом могут сказать про себя: наш язык и наш эпос — это наша история». Отвечая, например, на вопрос — есть ли какие-либо заимствования в языке носителей из другого языка, мы можем сказать с большей долей вероятности с кем и когда контактировал, соседствовал данный народ в прошлом.

Говоря об осетинах, убедившись в том, что они соседствовали на протяжении долгого времени с кавказскими народами, живущими и на севере, и на юге главного Кавказского хребта, нам, как ученым, необходимо изучить соответствующие исторические источники (рукописи) данных народов. Одними из таких соседей являются армяне. Много веков выкристаллизовывались отношения между армянами и аланами. Данные связи имели очень важную роль в жизни этих двух народов. По армянским источникам предки современных осетин появились на данных территориях в I веке н. э. и с того времени между аланами и исторической Арменией начались тесные контакты.

Изучение древних армянских рукописей дает нам возможность понять какую роль играли данные соприкосновения в жизни двух народов и как это могло отразиться на других соседях (Византийская империя, Сасанидский Иран, Грузия и т. д.). Также это даст возможность расширить картину истории многовековых связей между двумя индоевропейскими народами — армянами и осетинами.

Так одним из ценных древних источников является «История Армении», труд армянского историка V века н. э. Агатангехоса. В данной работе указаны сведения об аланах в период III — начало IV вв. н. э. Следующий уникальный труд — это «История Армении», написанный также в V веке н. э., автором которого является армянский историк Фавстос Бузанд. В данной работе описываются времена правления Хосрова II и попытка распространения христианства среди массагетов (маскутов) и алан. Также описываются события нашествия этих народов на Армению и отрывок участия алан в борьбе армянского царя Аршака II против Сасанидского Ирана.

Бесценный вклад в понимание истории Армении сделал знаменитый историк V века н. э. Мовсес Хоренаци. Его труд «История Армении» на протяжении долгого времени был единственным источником по истории армянского народа. Как исторический источник данное сочинение является до сих пор крайне значимым, т. к. есть отрывки, где автор является единственным источником событий прошлого.

Невозможно также не упомянуть книгу каталонского ученого, профессора Агусти Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках». Уникальный труд в алановедении, включающий в себя латинские, греческие, средневековые латинские, византийские, арабские, армянские, каталонские, грузинские, иранские, монгольские, русские, сирийские, китайские письменные источники. В данном труде собраны многие материалы, дан их перевод и комментарий к ним. Сочинение дает возможность воссоздать всю историческую панораму и развитие аланского общества.

Богатейший вклад в изучение армянских источников также сделан историком, д. и. н. Розалией Габриелян. Написанная ею диссертация на тему «История Осетии по армянским источникам V–XVIII вв.» дает нам новый материал, который до этого еще не был включен в оборот исторической дисциплины. Данная работа раскрыла ряд важных моментов взаимосвязей армян с аланами на фоне сложившейся на Кавказе сложной международной обстановки, которая определялась с одной стороны возрастающим давлением на Армению Сасанидского Ирана, с другой — Византийской империи, и частных выступлений алан в союзе с другими народами Северного Кавказа против Армении.

Осуществить научный вклад в изучение древних армянских рукописей, связанных с историей алан-осетин и приумножить понимание в исследовании армяно-осетинских языковых параллелей в сравнительно историческом измерении в 2023 году дали Владикавказский научный центр Российской академии наук (филиал ВНЦ РАН СОИГСИ) во главе с директором научного центра, д. и. н. А. Л. Чибировым и Институт Востоковедения РАН в г. Ереван во главе с директором института д. фил. н., проф. Г. С. Асатрян. По магистерской программе «иранистика» нам предоставилась возможность изучить современный армянский язык, древнеармянский язык (грабар) и современный персидский язык. Помимо языков мы также проходим следующие необходимые предметы для расширения картины восприятия и полноценного понимания происходящих событий, как результата становления прошлого в настоящем: доисламские религии Ирана, актуальные вопросы востоковедения, современные межэтнические и межконфессиональные конфликты в странах Передней Азии и Индийского субконтинента, вопросы теории языкознания,

вопросы ближневосточной недогматической среды, этнолингвистическая и религиозная картина Прикаспия, актуальные вопросы этнической истории народов Ирана и др.

Хотелось бы отдельно отметить компетентность и профессионализм преподавателей Института востоковедения РАУ, которые своим примером безграничной воли постичь непознанное могут заразить любого человека таким же желанием объять силой мысли необъятную действительность. Важной частью исследовательской программы Института является организация научно-образовательных экспедиций в изучаемые страны: Иран, Афганистан, Турцию, Индию, арабские и др. страны.

Так в 2024 году нам посчастливилось побывать в Иране и посетить Тегеран, Мешхед, Тебриз, Исфахан, Энзели, Кашмер и др. города. Академическое изучение языка дает хорошую теоретическую основу и структурное понимание строения, но оно не дает тот практический, неоценимый опыт, который дает среда и условия обитания в стране носителей данного языка. Пройденное обучение в Иране помогло развеять поверхностное предвзятое представление о стране и людях.

Институт востоковедения также издает известные международные востоковедческие журналы «Iran and the Caucasus», русскоязычный ежегодник «Труды Института Востоковедения РАУ: Caucaso-Caspica» (индексируется в РИНЦ), международную серию RAU, Yerevan Oriental Series, которая включает небольшие монографии на английском языке, журнал Штудии по кавказско-каспийской словесности (Pažūhešhā-ye zabānī-adabī-ye Qafqāz va Kāspīyan) на персидском и русском языках, который выходит в Тегеране в сотрудничестве с Большой Исламской Энциклопедией, а также Iran-Nameh (Армянский востоковедческий журнал на армянском языке), который выходит в Ереване с 1993 года.

Следующей неотъемлемой частью нашего обучения является практика, которая проходила в самом большом хранилище древних рукописей, в крупном научном центре — Матенадаран. Она позволила нам прикоснуться к границе областей знания и незнания. Матенадаран — это место, где древние рукописи на протяжении многих веков ожидают своего часа для изучения и введения в научный оборот. Фонды института имеют в наличии более 17 тысяч рукописей V–XVII вв., из них свыше 11 тысяч рукописей на армянском языке и около 2,5 тысяч рукописей на арабском, греческом, персидском, русском, латыни, иврите и др. языках. Древние труды, находящиеся в Матенадаране, написанные на армянском языке, содержат не мало информации по истории, философии, математике, литературе, медицине и т. д. В фонд музея также включены переводы работ с древнегреческого языка, латыни, арабского языка, оригиналы которых уже утрачены.

Обучение текстологии и работа с документами дали нам опыт анализа содержания и описания истории текста-памятника в тесной связи с историческим контекстом. С помощью данной науки осуществляется восстановление текста, изучение содержания текста, критика текста, описание истории текста, выявление закономерностей в содержании и изменении текста.

В рамках программ международного сотрудничества Институт востоковедения также организует научные конференции, семинары, визиты известных ориенталистов и представителей смежных областей, реализует совместные научные проекты. Так недавно мы участвовали в заседании секции по востоковедению годичной студенческой конференции, где Яков Хетагуров зачитал доклад на тему «Демон Ал и Аларды: сравнительный анализ» и Азамат Бетрозов на тему «Armenica в Историко-этимологическом словаре В. И. Абаева».

Хотели бы отдельно выразить благодарность за предоставленную возможность обучения ВНИЦ РАН в лице Л. А. Чибирова, Институту востоковедения РАН в лице Г. С. Асатрян и меценату К. П. Чибирову. Действительное исследование истории народа даст большой вклад в благополучное будущее. Мы надеемся, что наши ряды будут увеличиваться молодыми учеными, которые примут знамя научного познания от рук великих ученых прошлого и дальше продвинут человечество на путь всестороннего развития всех членов общества.

OBITUARY. НЕКРОЛОГ

Тамерлан Казбекович Салбиев

кандидат филологических наук, исполняющий обязанности руководителя научно-исследовательского отдела «Центр скифо-аланских исследований» ВНИЦ РАН (363110, РСО-Алания, с. Михайловское, улица Вильямса, 1)

E-mail: galabu@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8526-1984>

ПОСЛЕДНЕЕ РУКОПОЖАТИЕ: ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВИЧА СКАКОВА

Минуло уже больше года с того дня, когда не стало Александра Юрьевича Скакова — видного археолога, кавказоведа, организатора науки, наставника и педагога. Он был научным сотрудником отдела археологии бронзового века Института археологии РАН, совмещая проведение раскопок и публикацию результатов своих научных изысканий с административными обязанностями заместителя директора Института востоковедения РАН. Он еще руководил и написанием дипломных работ магистрантов-археологов. Его уход в расцвете жизненных и творческих сил стал невосполнимой утратой для мировой науки, но еще он унес с собой и особый дух подлинного научного поиска, дух исследователя-первопроходца, стремящегося добраться до самой сути тех проблем, которые не давали покоя его воображению. Отдавая запоздалую дань его памяти, я хочу поделиться теми впечатлениями, которые вынес от общения с ним.

Течение времени необратимо и каждому из нас отмерен свой срок, но время не властно над памятью, которая навсегда удерживает самое значимое из того, что происходит с нами в жизни. К таким эпизодам я отношу свои встречи с Александром Юрьевичем, которых было не так много, но след от которых очень глубок и по-прежнему сопровождает меня. Каждый

раз, прощаясь, он пожимал мне руку, что в общем-то не принято на Кавказе, но при этом всякий раз говорил, что ждет следующей встречи. Чудесным образом жизнь нас сводила вновь и вновь, и всякий раз его прощальное рукопожатие было продолжительным и на удивление твердым, и сразу с головой выдавало в нем археолога, долгие годы проводшего на раскопе и не понаслышке знакомого с главным орудием людей этой профессии — с лопатой.

Эти встречи случались как в Москве, так и во Владикавказе и даже в Цхинвале. Они могли быть и просто случайными, так я увидел его прогуливающимся во Владикавказе, когда он направлялся в Национальный музей, чтобы ознакомиться с его экспозицией и фондами хранения. В первую очередь, его, конечно, интересовала бронза. В тот раз он только отметил свой юбилей и подарил мне на память блокнот, выпущенный по этому случаю с его портретом. Однако чаще поводом для встречи становилась какая-то личность из мира науки. Будь то Вилен Уарзиати, чей двухтомник презентовали в Московском Доме национальностей в 2019 году, или Юрий Дзицойты, когда была представлена научной общественности Осетии коллективная монография, подготовленная к 60-ти летнему юбилею в 2021 году. Издана она была с непосредственным участием Александра Юрьевича. Встречались мы с ним и в Москве в Центральном доме ученых на

А. Ю. Скаков выступает в Центральном доме ученых. Москва, 24 декабря 2022 г.

презентации второго тома английского перевода «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева.

Он знал и любил не только свою профессию, но и историю русской литературы, в особенности поэзии, представители которой в его рассказах представлялись полнокровными и живыми людьми, едва ли не нашими современниками. На презентации перевода словаря В. И. Абаева он поделился с присутствующими редкими и известными только специалистам воспоминаниями, в которых тот выступал как активный участник жизни интеллигенции Петрограда 20-х годов прошлого века. Мы хорошо знаем, например, что, будучи студентом университета, В. И. Абаев снимал комнату у семьи последнего из акмеистов, Всеволода Рождественского, написавшего под впечатлением от общения с ним стихотворение «Охотник Вассо». Так удастся сохранить связь времен и поколений, так пространство перестает разделять людей, но, напротив, объединяет их.

Наша последняя встреча случилась буквально за два-три дня до его ухода. Предполагая зайти в институт, я набрал его, чтобы согласовать время визита, на что он ответил, что по состоянию здоровья не выходит из дому и пригласил к себе в гости. Болезнь давала о себе знать, но он не сдавался и был, как и всегда, устремлен в будущее, строил планы. Мой приход совпал с посещением врачей и какое-то время я провел в ожидании, наслаждаясь теплом и радушием его дочери и мамы. Сил на долгие беседы у него уже не оставалось, мне было отведено всего лишь десять минут. Провожая меня до двери, он вновь пожал мне на прощание руку и его рукопожатие было столь же твердым, как и прежде, а воля жить все еще не покинула его. Самое главное из впечатлений, вынесенных мною после общения с ним, состояло в том, что научный поиск дает совершенное ощущение полноты бытия, наполняет жизнь ученого высоким смыслом, который даже серые будни делает запоминающимися и яркими.

Сегодня в отделе, называемом «Центр скифо-аланских исследований», работает его ученица, которая непреклонна в своей решимости продолжить дело своего учителя. Жизнь конечна, но и неизбежна, и наше продолжение она дает нам в тех, кто готов следовать по пути, открытому для других. Такая удача выпадает не всем, но Александр Юрьевич Скаков был, безусловно, из их числа и в этом, наверное, то единственное утешение, которое позволяет нам хоть как-то примириться с его преждевременным уходом.

Научное издание

NARTAMONGÆ

Вып. XIX

Учредитель – ВНЦ РАН

Главный редактор – *Чибиров А. Л.*

Зав. редакцией – *Чибирова З. А.*

Компьютерное обеспечение – *Семенова Н. А.*

Подписано в печать 18.12.2024. Дата выпуска в свет 26.12.2024.

Бум. офс. Гарнитура шрифта «Times». Усл. п. л. 23,89.

Печать цифровая. Формат 70×100¹/₁₆. Тираж 100 экз.

Цена свободная

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-78272 от 06.04.2020,
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Адрес типографии: 363110, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1.
Адрес редакции и издательства: 363110, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1.
Тел/факс (8672) 254-404. E-mail: nartamonga@gmail.com
Интернет-сайт: <https://vncran.ru/ru/scientific-activity/publication/nartamongae/>

